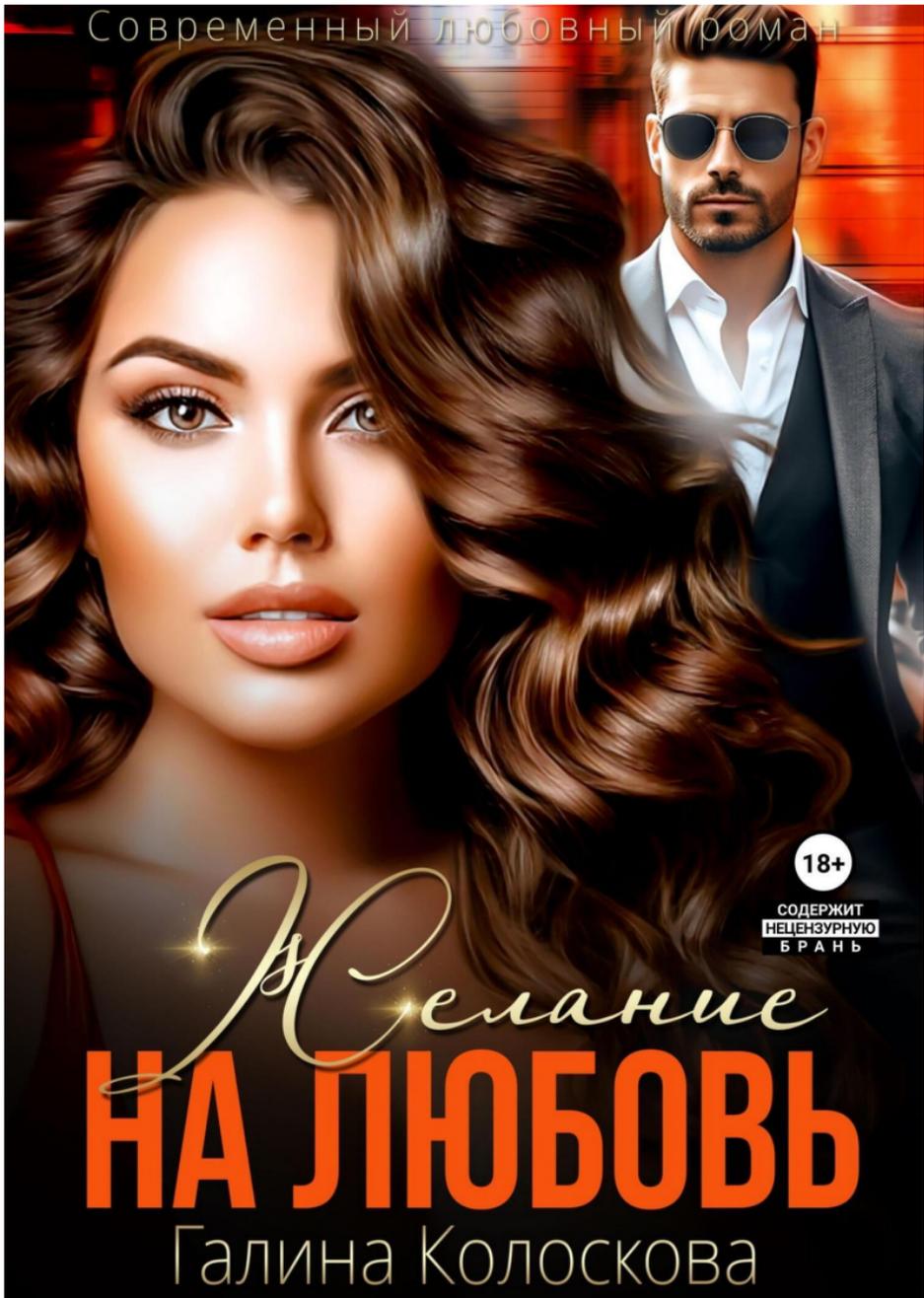

Современный любовный роман

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Желание
НА ЛЮБОВЬ

Галина Колоскова

Галина Колоскова

Желание на любовь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70525915

SelfPub; 2024

Аннотация

Мэттью Вуд случайно узнаёт, что у него есть почти взрослая дочь от женщины, любовь с которой снится каждую ночь. Принять, что это не фантазия, а воспоминание далёкого прошлого нелегко. Ещё сложнее вернуть любовь невольно преданной когда-то девушки.

Галина Колоскова

Желание на любовь

Глава 1.1

– Дорогой, просыпайся!

Тяжёлое сновидение было безжалостно прервано мелодичным голосом.

– Вставай, соня, хватит мять подушку. Нас ждут великие дела!

Одеяло с мягким шорохом было сорвано с разгорячённого после сна тела. Холодный воздух моментально вызвал реакцию: кожа покрылась мурашками. Молодая женщина поглядела на мускулистую фигуру, на простыню.

– Опять шалил без меня? Я не прочь разделить твои эротические фантазии.

Мэттью приоткрыл глаза, посмотрел на красивую блондинку, склонившуюся над ним с призывно сложенными губами и отвернулся. Не её поцелуй хотел бы он сейчас ощутить, не её...

«Господи, когда же всё это закончится?! Неужели такой силы оргазм я могу испытывать только во сне и только с ней? Надо с этим что-то делать!..»

Лесси подошла к окну и распахнула плотные шторы. Комнату залил яркий солнечный свет, бьющий в глаза даже

сквозь сомкнутые веки, лишая всякой надежды на утреннюю дрёму.

Мэтт решительно поднялся с постели и наконец соизволил поцеловать будущую жену.

– Первый день отпуска, а ты не даёшь отоспаться человеку, столько времени подскакивающему от визга будильника в половине седьмого. Садистка! – попытался он перевести разговор в другое русло, не желая в очередной раз выслушивать упрёки, однако не удалось.

– Тебе снился всё тот же сон? – Блондинка изобразила на лице недовольство, затем гнев и, увидев, что жених не обращает на мнимую истерику никакого внимания, проворчала: – Когда-нибудь я обижусь и уйду!

– Ты это уже делала, и не раз.

Мэттью натянул шорты на голые ягодицы и сладко потянулся, разминая затёкшие мышцы.

– Этот будет последним.

Лесси подошла сзади и прижалась к голой широкой спине, обхватив твёрдую талию загорелыми руками.

– Сегодня самый счастливый день в моей жизни. Давай не будем его портить утренней ссорой, – тёплые губы мягко прикоснулись к лопатке. – Я люблю тебя!

Старинные настенные часы пробили в гостиной двенадцать раз.

– Собирайся. Через два часа нам нужно быть в аэропорту. Не хватало опоздать на забронированный рейс! – Блондинка

хлопнула по напряжённым мышцам жениха и рассмеялась: – Поторопись, красавчик, нас ждут Гавайи, Рождество, гости, свадьба и двухнедельный отдых.

Её настроение резко переменилось в лучшую сторону, от обиды не осталось следа. Лесси слегка потёрлась носом об идеально гладкую кожу и лизнула, почувствовав на губах солоноватый вкус. Она подула на образовавшуюся мокрую дорожку, но так и не дождалась нужной реакции.

Решив не обижаться, блондинка вновь улыбнулась, прижалась щекой к мускулистой спине и мечтательно проговорила:

– Как же я хочу поваляться на песочке под жарким солнышком!

Мэтт расцепил её руки и повернулся. Он пристально всматривался в красивое лицо невесты, пытаясь что-то прочесть в голубых глазах.

– Тебе так не терпится в третий раз выйти замуж?

Она театрально закатила глаза и тяжело вздохнула, прежде чем ответить:

– Мне не терпится стать миссис Вуд и нарожать тебе кучу отпрысков. Клянусь, это замужество будет последним. Только смерть сможет разлучить нас.

Мэттью хмыкнул, притянув невесту к груди.

– Так уж кучу? Мне хватит троих.

Он прикусил мочку маленького ушка. Без пяти минут

миссис Вуд тихонько застонала, прижавшись бёдрами, надеясь на продолжение ласки. Но это не входило в планы Мэтта. Он взял лицо блондинки пальцами за подбородок и слегка приподнял вверх.

– Интересно, как долго мужчина должен носить траур? – Мэттью лукаво сощурил глаза. – Как думаешь, я хорошо буду смотреться во всём чёрном?

Лесси фыркнула, откинула тяжёлую руку жениха от лица и недовольно притопнула ногой.

– Какой ты всё-таки! Всё готов в комедию превратить, – надула она губки, сморщив точёный носик. – Вот точно обижусь и уйду. Это я должна нервничать, закатывая истерики перед свадьбой. Не забывай, кто из нас невеста.

– Ну этого-то я точно не забуду.

Вуд вновь прижал к себе стройное, загорелое от регулярных посещений солярия, тело.

– У меня самая красивая невеста, ну... или почти самая... – Он ловко увернулся от метившего в бок кулачка.

Мэтт чмокнул её в носик, демонстративно стянул надетые несколько минут назад шорты и, поигрывая крепкими бицепсами, направился в сторону ванной.

Громко рассмеявшись Лесси покачала головой, пожирая взглядом высокую стройную фигуру жениха.

– Какой же ты всё-таки самовлюблённый балбес!

– А вот это ты зря. Все говорят, я очень умный парень, – парировал он, одарив блондинку ослепительной улыбкой,

прежде чем скрыться в глубине коридора.

Уже через несколько секунд дверь ванной комнаты была бесцеремонно распахнута, выпуская нагретый воздух.

Мэттью недовольно прорычал:

– Дорогая, потерпи всего пару минут – и я полностью в твоём распоряжении! – Он опустил взгляд на начинающий оживать орган: – Или ты решила меня сегодня заморозить? Смотри, простыну – и никаких Гавайев со свадьбой.

– Ну уж нет, – хмыкнула блондинка, – в этот раз, сэр, вам не удастся от меня отделаться. Мы доведём всё до конца.

Она проследила за взглядом жениха и обвела губы кончиком языка. Вуд снова рычал, однако теперь уже не от раздражения.

– Присоединишься?

– Я бы с удовольствием, но тебе звонят. Сказали, это важно и срочно. Возьми трубку.

Мэтт, выключив душ, протянул из-за стеклянной створки мокрую руку.

– Кто? Не надо было брать. С сегодняшнего дня я в отпуске.

– Это не с работы. Звонит какой-то Сэм. Боже... – По испуганному лицу невесты можно было понять: она вспомнила, кто это, и воспоминания были не из приятных.

– Вуд слушает. Кто говорит? Сэм? Шериф Паркер? Конеч-

но, узнал! Что вы, очень даже рад! Чем вызван ваш звонок? Что включить?.. Я не могу: нахожусь сейчас в душе... Кого захватили, когда?.. Нет, мы только что встали. Я в отпуске, поэтому не в курсе последних событий.

Он уже выходил из ванной комнаты, шлёпая мокрыми ногами по кафелю, прижимая трубку щекой к плечу, на ходу оборачивая вокруг бёдер прихваченное с вешалки белое махровое полотенце.

– Сейчас, одну минуту.

Мэттью посмотрел на невесту.

– Дорогая, включи телевизор. Мне нужен канал новостей. Там какой-то захват... – Он сделал жест рукой, призывающий Лесси поторопиться.

– Да, сейчас посмотрим. А что она делала ранним утром в этом магазине? Ах да, я совсем забыл... Рождество, подарки. Вы уверены, что они до сих пор там?.. За пять минут до налёта?.. Лилибет?.. Хорошо-хорошо, Сэм, вы только не волнуйтесь. Раз подключилось ФБР, то всё будет в порядке. У нас работают отличные спецы.

Он подошёл к телевизору, на ходу вытирая капли воды, стекающие по покрытой волосами груди.

Лесси с тревогой смотрела на жениха. Она не хотела включать плазму. Словно предчувствовала: сейчас произойдёт то, что навсегда разлучит её с красивым мужчиной, выйти замуж за которого мечтала давно, при этом делая кучу глупо-

стей. Сама своими поступками разрушая данное им когда-то обещание. Она желала, но боялась стать миссис Вуд, каждый раз поддаваясь страхам в последний момент.

«Если бы повернуть всё вспять. Если бы вернуться в ту ночь, если бы...» – эти мысли преследовали её на протяжении многих лет.

Не замечая затравленного выражения в глазах побледневшей невесты, Мэттью продолжал говорить:

– Всё, уже смотрю... Я? Но я объясняю: в отпуске с этого дня. Мы с Лесси улетаем из Вашингтона, завтра у нас свадьба. Рейс через три часа. Я никак не могу, – он отрицательно помотал головой, как будто собеседник мог увидеть этот жест. – Хотите, достану вам номер телефона руководителя операции? Все новости будете узнавать из первых рук.

Мэтт недовольно поморщился. Его начинала раздражать настойчивость Сэма.

– Понимаю, что вы и так всё видите на экране... – он споткнулся на полуслове. – Что... Кто? Дочь... Вы уверены?

Выражение его лица постепенно менялось: раздражение переросло в недоверие, непонимание и, наконец, в шок.

– Этого не может быть... Моя дочь?

Агент нашёл нужный канал. Во весь экран показывали две фотографии. С одной на него смотрели зелёные глаза красивой рыжеволосой девочки. Его глаза...

Мэттью не слышал комментатора. Он побледнел и медленно опустился в кресло.

Глава 1.2

Лесси стояла рядом. С недавно счастливого лица сошла краска. Грудь разрывало от безмерной пустоты и нестерпимого чувства потери. За долгие годы спокойной жизни блондинка успела позабыть эти ощущения.

Согнувшись пополам, она прижала руки к животу, пытаюсь унять подступившую тошноту.

«Вот и всё, финита ля комедия... Опять сама. Говорил же не отвечать на звонки. Зачем подняла трубку?.. Хотя что я могла изменить? – Лесси закрыла глаза, потом выпрямилась, стараясь придать лицу гордое и почти равнодушное выражение. – Я не позволю сломать себя во второй раз. Будь, что будет».

Мэтт молчал несколько секунд, пытаюсь собраться и привести мысли в порядок. Сказать, что он испытал шок, – не сказать ничего. Больше потрясение агент вряд ли смог бы пережить. «Дочь... у меня есть дочь...» – эхом отдавалось в голове. Он понимал, что на том конце провода Сэм тоже волнуется, но не мог вымолвить ни слова. «Но кто же, как же?.. Нужно уточнить».

Вуд прокашлялся и заговорил, но не для того, чтобы опровергнуть свалившуюся на него информацию, напротив – он пытался узнать как можно больше.

– Не может быть. Я видел её с мужем лет десять назад. – Вуд опять замолчал, поражённый ответом. – Никогда не бы-

ла замужем? А кто же Джон?.. Да... Муж Риты?

Виски сдавило от боли.

– Не понимаю. Почему мне никто ничего не сказал?.. Не называла имя отца... Знала? – Мэтт растерянно посмотрел на невесту.

Он наморщил и потёр лоб рукой, по-прежнему глядя в экран. В том, что на одной из двух фотографий запечатлена его дочь, не было никаких сомнений. Если укрупнить черты, прибавить возраста и укоротить волосы, на него смотрело бы собственное лицо. Сходство потрясало.

«Как? Почему? Неужели никто раньше этого не заметил?» – горько усмехнулся Мэттью. А почему должен был замечать кто-то, если даже он, отец, не смог в своё время ничего разглядеть?

Кэт улыбалась со второго снимка. Молодая, красивая, совершенно не изменившаяся со дня их последней встречи. Милая девушка с глазами мудрой женщины. Теперь он знал, кто сделал их выражение не по годам взрослым.

– Да, конечно, сейчас же выезжаю. Ни о чём не беспокойтесь. Позвоню, как только буду на месте.

Мэтт отключил телефон и добавил звук телевизора с пульта.

На экране шёл репортаж с места событий: небольшой ювелирный магазин в центре Вашингтона пытались ограбить трое налётчиков. Охранник успел нажать кнопку сигнала, за что получил пулю, и сейчас, возможно, истекает кровью

в торговом зале. Преступники забаррикадировались внутри здания, взяв персонал магазина и двух покупательниц в заложники.

Всё это с экрана бодрым и жизнерадостным голосом вещала молоденькая брюнетка, как будто не было раненого, находящегося на грани жизни и смерти человека и двух жутко напуганных женщин, одна из которых – только что обретённая Мэттью дочь.

Несколько секунд он сидел с опущенной головой, растирая пальцами виски. Агент обдумывал, что делать дальше. Не с заложниками, нет. Там всё чётко и понятно: есть враг и есть жертвы. Враг должен быть обезоружен или уничтожен, заложники – освобождены. Меньше всего ему сейчас нужны эмоции; они не должны влиять на действия. Всё намного сложнее с Лесси. Она знала, не могла не знать. Как поступить с ней, как определить меру её вины?

Вуд, наконец, принял решение. Он хлопнул ладонями по коленям, вскинул голову, поднялся и посмотрел на блондинку. Внутренности обожгло холодом: болью – от обмана, пустотой – от разочарования в той, которую собирался назвать своей женой.

– Лесси, скажи, ты знала, что Кэт беременна от меня? – В глазах Мэттью вместе с болью читалась мольба, как будто он надеялся на отрицательный ответ. – Только не нужно больше лжи. Теперь я знаю точно, кто был со мной в постели в тот вечер, чья кровь осталась на простыне.

Блондинка молчала, пытаясь хоть на секунды оттянуть разговор, что-то придумать, как-то смягчить. Она не знала, что ответить.

«Столько лет вранья, манипуляций, чтобы их пути, не дай бог, не пересеклись, и всё равно Кэтлин победила. Один звонок за три часа до возможного счастья... Господи, дай сил выстоять!» Беседовать с самой собой было намного проще. Лесси понимала, что на этот раз придётся говорить правду, и боялась реакции агента.

Она отлично помнила тот вечер Дня всех влюблённых. Он должен был стать особым в их отношениях, новым витком безграничной, как ей тогда казалось, любви.

Мэтту не хватало только орального секса, да и ей хотелось узнать, что значит биться от экстаза, чувствуя любимого внутри. Блондинка наслушалась рассказов подруг об «этом», но сама до сих пор оставалась девственницей.

Лесси Райт всегда знала, чего хочет от жизни: карьеру модели, успешного и красивого мужа, дом полную чашу и одного, максимум двоих детей. А ещё очень хотелось вырваться из маленького, вечно дождливого Сквима: на мир посмотреть, себя показать.

С карьерой модели не получилось, оставалось сконцентрироваться на выполнении двух других желаний.

Мэттью Вуд нравился ей всегда: с того момента, как мама новая подруга, привела на её шестилетие долговязого мальчика с гипсом на правой руке. Перед тем как чмок-

нуть белокурую красавицу в пухлую щёчку, он пожелал ей то, что обычно желали ему: расти примерным ребёнком, не огорчать родителей и не обижать девочек.

Слюну от поцелуя Лесси тщательно стёрла ладошкой, а в мечту вставила новое имя – Мэтт. Высокий рыжий принц, который должен будет спасти её из заточения в мрачном сером замке и увезти на белом коне в сказочную солнечную страну под названием Счастье!

Райт следила за рыжиком в школе. Она с завистью смотрела на любую девочку, которая считалась на тот момент подружкой умного, красивого мальчика, отлично игравшего в бейсбол и входившего в сборную команду школы по шахматам. Они периодически встречались на чьих-либо днях рождения или школьных праздниках, но никакого внимания принц на будущую принцессу не обращал; Вуду нравились девочки постарше.

Так продолжалось до четырнадцати лет, пока у Лесси не начала расти грудь и округляться остальные части тела. Подруги всегда считали её красивой; они завидовали ярким голубым глазам и роскошным волосам девушки, похожей на Барби. Теперь же, когда её фигура начала приобретать женственность, замечать Райт стали и представители противоположного пола.

Мэтт не был исключением, но избрал отличную от остальных озабоченных подростков, истекающих слюной, тактику. Он не преследовал блондинку красноречивыми, похотливы-

ми взглядами, не зажимал при случае в тёмных местах, не присылал записки с предложением прогуляться в парке или сходить на последний сеанс в кино.

Вуд широко улыбался при встрече, иногда подмигивал или поднимал бровь, как бы спрашивая: всё в порядке? Но Лесси видела в этом жесте совершенно другое. Он спрашивал: «Ты готова?» Готова к чему, она хорошо понимала.

С детских лет Райт запомнила слова отца: «Честь для мужчины превыше всего». Сложив их с мнением мамы, что девушка должна беречь себя нетронутой для того, кто навсегда войдёт в её жизнь, она приняла решение: никто и никогда не притронется к ней без её желания!

Свой поцелуй – настоящий, не детское чмоканье – блондинка подарит тому, кого любит, а уж девственность – человеку, за которого соберётся замуж.

Подруги знали о её принципах и не раз подсмеивались над тем, что Райт ведёт почти пуританский образ жизни. Среди мальчиков она получила прозвище Снежная Королева, которое намертво приклеилось к девушке к восьмому классу. Но ей всегда было плевать на любое чужое мнение, если на этот счёт имела собственное.

Впервые Мэтт поцеловал Лесси в пятнадцать. К тому времени она уже вскипала от одного его взгляда или улыбки, а уж поднятая бровь просто приводила в смятение – от этого жеста просыпалось томление внизу живота. Он до сих пор мог зажечь её одним взглядом...

Произошло это в Порт-Таунсенде, куда Райт отправилась с подругами покупать платье к шестнадцатилетию. Родители решили устроить единственной дочери грандиозный праздник и выделили кругленькую сумму на приобретение вечернего наряда.

Отвезти их вызвался старший брат Пегги – Брэндон Холл, а поскольку путь был неблизким, он решил прихватить своего друга, чтобы рулить по очереди и не умереть от скуки в девчачьей компании. Друга Холла звали Мэттью!

Девушки буквально пищали в предвкушении поездки: каждая надеялась поближе пообщаться с первым мачо школы.

Брэндон был не менее привлекательным и тоже играл в школьной команде по бейсболу, но его давно окрутила сестра Мэтта – мелкая черноволосая пронира Одри. Соперничать с ней, несмотря на её маленький рост и тщедушную фигурку, не рисковал никто. Девчонка обладала бешеным темпераментом и заводилась буквально с пол-оборота. А уж каким богатым набором ругательств владела Одри и как ловко умела пользоваться своими кулачками, знали почти все в средней школе Сквима.

Лесси имела честь познакомиться с мастерством этой хулиганки лично на следующем после шестилетия дне рождения, куда была приглашена и младшая дочь Вудов.

Голубоглазая блондинка в воздушном розовом платье решила ответить на поцелуй Мэттью... В этот раз гипс нало-

жили уже на её сломанную после падения руку, а красивое платье, как у принцессы, не подлежало ремонту.

Лечил Райт отец Мэтта, Харрис, которому было не привыкать помогать невезучим жертвам Одри. Он оказывал пострадавшим кроме хирургической ещё и психологическую помощь. Девочке разрешено было сделать то, за что её искалечила сестра возлюбленного: Лесси поцеловала закатившего глаза Мэттью в щёчку прямо в кабинете врача, в качестве компенсации, которая прилагалась к извинениям и обещаниям дочери больше так не делать.

Именно тогда она поняла, почему рыжий принц носил гипс, откуда у него частенько появлялись синяки под глазом и почему Одри не любили приглашать на детские праздники. Родство Свирепого Тайфуна – так называли девочку за глаза – с Мэттом можно было определить только по ярко-зелёному цвету глаз да родинке возле правого уха. Больше ничего общего между братом и сестрой не было.

Всю дорогу до Порт-Таунсенда девушки наперебой обращались к Вуду, по малейшему поводу и без. Каждая старалась привлечь к себе его внимание, но смотрел он в зеркало заднего вида лишь на Райт. И столько в этом взгляде было желания и сладких обещаний, что к концу поездки у неё от волнения дрожали коленки.

Едва в зале кинотеатра, куда они отправились после посещения местного торгового центра и кафе, погас свет, Мэтт положил палец на губы сидящей рядом блондинки. Она не

раздумывая пропустила его сквозь зубы и слегка пососала, как делали это девушки в фильмах про любовь.

Что было дальше, Лесси помнила смутно, но из кинотеатра они с Вудом выходили под руку, а её губы распухли от поцелуев. Это было больно, но боль была приятной.

Он сдержал обещание! Глаза новой девушки Мэтта Вуда светились от счастья. Рыжий принц наконец принадлежал только ей.

Он ещё несколько лет ходил не до конца удовлетворённым, и вот на сегодня Райт был назначен день икс, после которого Мэтт объявит об их помолвке.

Блондинка готовилась к нему почти месяц. Она купила кружевное чёрное бельё, что с особым шиком смотрелось на побледневшей за зиму коже, сделала полную депиляцию (ниже головы на стройном теле больше не было ни единого волоска), а на лобке появилась небольшая татуировка, состоящая из витиевато закрученных букв – Мэттью.

Лесси вытерпела немало боли, пока слово розовой краской набивали на самый нежный участок тела. Это входило в комплект подарка; Вуд надписи ещё не видел.

Рано утром её разбудил телефонный звонок. Звонила Иден, которую в очередной раз бросил бойфренд. Пришлось тащиться к подружке, чтобы вытирать сопли и выслушивать монолог о любви всей жизни, потерю которой Иден вряд ли переживёт, если Райт прямо сейчас оставит её одну.

Мэттью забрал её из дома подруги буквально перед самым

приходом гостей, не дав даже переодеться, не то что принять ароматическую ванну. Она чувствовала себя неудобно, с конским хвостом вместо причёски и джинсах с футболкой на фоне основательно подготовившихся к празднику девушек.

Особенно выделялась подруга Одри – восемнадцатилетняя Кэтлин Паркер. Красивая брюнетка только начала обретать формы. Её коленки выпирали углом из-под короткого красного платья, но длина ног вполне компенсировала этот недостаток. Чёрные волосы гладко зачесаны за аккуратные маленькие ушки. Пухлые губы покрыты бледно-розовым блеском, что лишь подчёркивало выделявшиеся на сливочной коже миндалевидные глаза необычного шоколадного цвета.

Райт ненавидела эту девицу. С самого появления в Сквима – три года назад – Кэтлин не сводила глаз с её парня. И хотя Мэтт не обращал ровным счётом никакого внимания на тихую, скромную девушку, Лесси чувствовала в ней потенциальную угрозу, особенно после того как Кэт вдруг сдружилась с неуживчивой Одри. Они повсюду ходили вместе, не расставаясь даже на уроках, подогнав друг под друга расписание. Брюнетка нередко оставалась ночевать в доме Вудов, фактически закрепив за собой гостевую комнату.

Мэттью раздражали подозрения подруги.

Отец Кэтлин часто выезжал по долгу службы за пределы Сквима, и родители Мэтта оставляли девушку ночевать у себя. Кэт положительно влияла на Одри; та почти прекратила

даться и устраивать скандалы в школе. Харрис и Бренда надышаться не могли на новую подругу дочери-задиры.

Лесси же во всём чувствовала подвох. Одри не простила своего унижения и при случае старалась сделать девушке брата гадость. Не раз после посещения дома парня она вытаскивала из волос жвачку или отстирывала вещи, потому что именно её стул частенько оказывался вымазанным маслом или чернилами. Лесси потеряла счёт мелким пакостям Одри, но чувствовала, что главная ждёт её впереди.

И вот сегодня – в долгожданный день – Она выглядела серой мышкой на фоне длинноногой красавицы в красном.

Глава 2

По предложению Брюса Грея решили объединить два события: сам праздник и помолвку с Меган. У девушки была двухмесячная задержка. Она отказалась делать аборт и очень боялась рассказать о беременности родителям. Грей всегда отличался благородством, вот и сейчас сообщил, что если беременность подтвердится, они поженятся.

Протестовать никто не стал. Был бы повод выпить, а уж двойной праздник – двойное веселье.

Брюс выставил ящик шампанского, с которым было покончено примерно через два часа, и теперь все догонялись виски, опустошая бар старшего Вуда. Как положено, его разбавляли льдом, который, не успевая растаять, тут же тонул в новой порции горячительного.

Пили на спор: кто первым отрубится, тот покупает напитки на тяжёлое утро.

Лесси всё-таки решила сходить домой и переодеться. Приближалась ночь, она не хотела оказаться в постели с любимым в хлопковых плавках синего цвета. О том, чтобы домой её отвёз Мэттью, не могло быть и речи. Он серьёзно отнёсся к спору, выиграть который, как и любые другие состязания, посчитал делом чести.

Райт попросила его не напиваться, помнить, чем для них должен стать этот вечер, сказала, что вернётся через час. Вуд клятвенно заверил, что упадёт кто-либо другой, а он к её возвращению будет как огурчик.

Обещание в этот раз он не сдержал...

Она вернулась через два часа, один из которых заняли сушка и укладка волос. Ей хотелось поразить любимого в этот вечер и показать Одри с подругой, кто первая красавица Сквима. Пора было поставить девицу в красном на место. Пусть посмотрит, как должна выглядеть девушка, а в скором времени и жена Вуда!

В доме по-прежнему громко играла музыка. Приглушённый свет не позволял из коридора рассмотреть человека, лежащего на диване лицом в рвотной массе. Лесси подошла поближе.

«Брюс! Значит, он проиграл. А где остальные?»

Она заглянула на кухню, где Эйдан с двумя друзьями пытались разогреть пиццу. «Напились и теперь готовы съесть

что угодно. – Блондинка усмехнулась, представляя, как будут выглядеть их лица завтра. – Да где же Мэтт?!»

Она зашла в общую ванную на втором этаже – никого. Из комнаты Одри доносился громкий смех. «Наверное, Брендон развлекает пигалицу с её худосочной подругой. Бедный парень, его достал уже этот треугольник. И избавится он от него ещё не скоро: родители не позволят в открытую встречаться с эксцентричной дочерью. Кэтлин – удобная ширма для влюблённых».

Райт заглянула в спальню рыжего принца. Свет горел, постель расправлена, по белой шёлковой простыне разбросаны лепестки роз, пол уставлен свечами, но будущего жениха нет. На лице расцвела улыбка. Он готовился к этому вечеру! Когда только успел?

Она подумала, что тот мог перепутать спальни, и вошла в гостевую. То, что Лесси увидела, повергло её в шок.

Абсолютно голый Мэтт лежал на смятой постели. Одежда разбросана по комнате. Ночник на одной из тумбочек включен. Благодаря этому она отчётливо видела капли свежей крови на простыне. Сердце ёкнуло и сжалось от страшного предчувствия. Улыбка сошла с лица.

– Мэттью, проснись! – попыталась растормошить парня Райт. – Что с тобой? Ты порезался? – В глазах надежда: может, и правда поранился?

Она перевернула пьяного вдрызг Вуда. Он промычал что-то невнятное, но Лесси, не пытаясь понять смысл слов, смот-

рела на окровавленный член. Теперь не было сомнения, чем вымазана простыня.

– Сучка... всё-таки подлезла под него, – застонала она ни на секунду не сомневалась, кто побывал в этой постели, возможно, всего несколько минут назад.

Она подошла к окну и посмотрела на ярко освещённую подъездную дорожку. Старенького «шевроле», замеченного перед уходом, там уже не было.

– Кэт! – У неё подкосились ноги.

Мэттью снова что-то промычал и перевернулся на спину; кровавые капли, как символ чужой победы, размазались по плоскому животу.

Райт присела на край кровати. Плакать не было сил: слишком сильным было потрясение. Чересчур много ожиданий от этого вечера, непомерно велик объём подлости, полученной взамен мечты. В сердце холод и пустота. Чем заполнить её? Любовью?!

Глаза блондинки широко раскрылись. Тяжесть предательства притягивала к полу. Она сползла с постели, свернулась клубочком, сминая голубой атлас платья, и заскулила. Как щенок, с подвыванием и всхлипыванием, но тихо, чтобы никто не услышал и не прибежал выяснять, что случилось. Меньше всего сейчас были нужны любопытные глаза подвыпивших свидетелей.

В одночасье рухнули мечты и надежды. Пьяный принц изменил принцессе, и неизвестно, кто теперь спасёт её из зам-

ка, за минуту из серого превратившегося в чёрный, из мрачного – в страшный.

Райт представила, как Мэтт просыпается один, ищет ту, что оставила на простыне следы, как узнаёт, что они принадлежат Кэтлин. Что будет тогда? Она не сомневалась, что он любит её – Лесси. Два часа назад она рассмеялась бы в лицо тому, кто предположил на её месте Кэт, но теперь... Зная натуру Вуда, она ни в чём не была уверена.

Нет, была! Она понимала, что этот день станет последним в их отношениях. Мэтт примет на себя определённые обязательства. А если Паркер забеременеет, хотя такое редко бывает с первого раза, но всё-таки, если...

Мысли метались, голова начинала потихоньку гудеть, уши заложило. Блондинку тошнило. Пришлось пройти в ванную, где её вырвало всем, что она съела в этот вечер.

Она сполоснула лицо холодной водой, поправила макияж. Из висящего над раковиной зеркала на неё смотрела заплаканная молодая девушка. Слишком красивая, чтобы позволить вытереть о себя ноги.

Сердце щемило от боли, но в голове потихоньку прояснялось. Райт не готова была расстаться с Мэттом. Столько лет любить и ждать, когда же он обратит на неё внимание, три года полного счастья, а теперь вот так взять и отдать? Ну уж нет! Она найдёт способ всё исправить! Её слово против слова Кэтлин.

Изменил? Что ж, сыграем в измену! Кто сказал, что эта

игра только в одни ворота?

Блондинка вернулась в спальню, достала из сумки мобильник и набрала номер Эйдана. Она попросила его встретиться возле машины, выключила ночник, осторожно открыла дверь и выскользнула из комнаты. Лесси нельзя обнаружить себя: то, что задумала, нужно было сделать тихо и незаметно.

Эйдан уже ждал. Она была уверена, что план сработает на сто процентов, если только Кэт не сидит сейчас в полиции и не пишет заявление об изнасиловании.

Мур давно бегал за Снежной Королевой. Он и с Иден-то начал встречаться, чтобы быть поближе к Лесси. Его не пришлось ни о чём просить. Он не стал ничего выспрашивать. Достаточно было сесть на заднее сиденье «мерседеса» и потянуть за руку.

Она позволила себя целовать... и не только. Молча слушала те слова любви, которые должен был сказать Вуд. Лесси постаралась отрешиться от того, что произошло полчаса назад, и отдалась ласкам чужого парня. Холодное сиденье автомобиля стало её праздничным ложем. Никаких лепестков роз, огоньки свечей заменял свет от фонарей, падающий в тёмный салон. Швы кожаной обивки царапали нежную, пахнущую белыми розами кожу.

Ей почти не было больно, когда Мур вошёл в упругую плоть, разрывая преграду. Один лишь стон, который он заглушил поцелуем, и всё. Не было той эйфории, которую ожи-

дала блондинка от первого соития, не было шквала эмоций, что она надеялась испытать с любимым. Всё произошло быстро, просто и по-деловому, по крайней мере, со стороны Райт.

Чужие губы целовали грудь, говорили слова благодарности за этот подарок. Чужой человек вымазал сиденье своего автомобиля её девственной кровью. Всё чужое! Слова «я люблю тебя», «выходи за меня замуж» не трогали душу. Ей не нужен Эйдан, ей нужен Он! И благодаря Муру она его получит.

Взяв со своего первого мужчины слово, что никто и никогда не узнает, чем занимались они сейчас в его машине, блондинка вернулась в спальню. Она разделась, аккуратно сложила измятое платье, бросила на кровать порванное чужими руками ажурное бельё и прижалась грудью к спине Мэтта. Он заворчал, перевернулся и прижал к себе тёплое тело Лесси, дыхнув стойким запахом виски.

«Что же, любимый, с прошедшим тебя!» Она закрыла глаза, из которых потихоньку текли слёзы, но так и не смогла уснуть до утра. Жизнь продолжалась, нужно было научиться жить с ложью.

До сих пор Райт это хорошо удавалось.

Мэттью пристально всматривался в голубые глаза потерянной блондинки. Она враз сникла и присела на край небольшого диванчика. Опустив голову, Лесси теребила края алой блузки.

Вуд пронзал взглядом хрупкую фигурку некогда любимой девушки. Он жалел теперь уже бывшую невесту, но не мог простить предательства. Почему с ними всё это произошло? Когда любовь ушла? Что делать, если она уходит? Жить по инерции, довольствуясь малым, плыть по течению...

Так было до этого звонка, но больше не будет. Пора выбраться из тёплого уютного болота.

Помолчав с минуту, агент с силой ударил кулаком по журнальному столику, чтобы дать хоть какой-то выход переполнявшим эмоциям. Хрустальная пепельница со звоном поехала по гладкому стеклу и остановилась у самого края.

– Не молчи, я жду ответа. И прошу, не ври. Через несколько часов я всё равно буду знать правду.

Лесси подняла голову и наконец встретилась с ним взглядом.

– Да! Знала...

Глава 3.1

За те несколько минут, что сидел понуро, Мэтт пропустил через себя последние двадцать лет жизни.

Когда и почему всё пошло не так? Где допустил ошибку? Не с того начал, не к тому пришёл? И сейчас отвечать за его грехи приходится юной девушке – его дочери, не знающей ничего об отце.

Аген понимал, кто главный виновник в этой истории: он сам, Мэттью Вуд. Именно он совершил нечто такое, что пе-

ревернуло жизнь двух женщин и сделало ответственной за их поступки третью. Но нет времени посыпать голову пеплом и биться о стену. Степень вины каждого определила жизнь и вынесла своё наказание. Меньше всего досталось ему, и от этого было особенно горько.

На то, чтобы оставить в прошлом одну женщину и освободить место в будущем для другой, есть всего десять минут – ровно столько обычно уходило на сборы у Мэтта. Что можно узнать за эти минуты, что сказать? Обострить всё настолько, чтобы пройтись по лезвию чувств голой душой, израниться в кровь и провести с собой Лесси?

Простить можно многое, но только не предательство, какими бы вескими ни были причины. Вуду ввали шестнадцать лет, лгать сам он не станет.

– Да! Знала. Она приходила в твой дом за неделю до отъезда вашей семьи из Сквима. – Лесси сглотнула образовавшийся в горле ком. – Хотела с тобой поговорить, но ты в это время был в ванной.

Она понимала, что терять уже нечего, так почему бы напоследок не выдать Мэттью правду, не вылить всё, что накопилось.

– И что ты сказала? – продолжал буравить взглядом агент.

В голове Вуда стояла картинка: испуганная девушка с зелёными глазами, сидящая сейчас рядом с матерью на холодном полу магазина, на мушке прицела бандита. Девочка, которую все эти годы должен был любить и защищать отец, но

не делал этого потому, что ничего о ней не знал. Впрочем, какие тут могут быть оправдания?..

Он изо всех сил старался не дать закипающему гневу вырваться на свободу. Только не сейчас.

– Что я тоже беременна и мы поженимся, как только вы устроитесь в Вашингтоне, – горько усмехнулась Райт.

Страх начал отпускать, на его место пришли обида и злость. Блондинка больше не теребила блузку; её пальцы, как когти у кошки перед прыжком, вжались в обивку дивана, побелев от напряжения.

– А что ещё я должна была сказать этой шлюшке? Она специально залезла под тебя, мелкая тварь! Понимала, что на трезвую голову ты и не взглянешь на неё!

Райт подскочила с дивана и ринулась с кулаками на Мэттью.

– Я знала, чувствовала, что она никогда не позволит нам быть вместе! Как ты мог?! Я же так любила тебя!

Брезгливо поморщившись, Вуд перехватил её кулаки у запястий и крепко сжал, пока теперь уже бывшая невеста не расслабила пальцы.

«Ну, началось...» Ноздри тонкого носа с силой втянули воздух. Он задержал дыхание, с шумом выдохнул, затем ещё раз глубоко вдохнул и, отодвинув Лесси, словно ненужный предмет, в сторону, подошёл к встроенному шкафу. Ему надо сохранять ясное мышление, нет сейчас времени на скандалы, попытаться абстрагироваться от всего, что будет про-

исходить в этой комнате.

Мэтт специально не смотрел в сторону блондинки, чтобы не видеть, как больно ранят её его слова. «Хватит жалости, пора поставить точку раз и навсегда. Давно надо было это сделать!»

– Так любила, что потом переспала с половиной моих друзей, – усмехнулся он. – Прекрати истерить! Больше тебе не удастся внушить мне чувство вины и долга.

Желваки на чётко очерченных скулах нервно двигались.

– Я ничем тебе впредь не обязан. Можешь дальше собирать в коллекцию мужей самых перспективных мужчин нашей школы. Я устал от вечной лжи. Поверь, я действительно любил тебя. – Он немного помолчал. – Когда-то давно. Потом это чувство стало другим, но само осознание, что ты сделала, перечеркнуло последнюю надежду, что у нас что-то получится. После стольких лет... твоей лжи.

Вуд принял решение, изменить которое уже никто и ничто не сможет. Но как бы ни было больно, он взвалит всю вину на себя, сыграет в плохого парня. Постарается сделать так, чтобы Лесси возненавидела его за эти несколько минут и ушла сама, громко хлопнув дверью, сохранив остатки гордости. Мэттью не хотел видеть истерики брошенной женщины. Пусть уйдёт первой – так ей будет легче.

– Или считал, что любил.

Она дернулась после этих слов, словно от пощёчины. Из глаз брызнули слёзы.

Мэтт достал из шкафа тёмно-синий, в тонкую полоску, костюм и бросил его на кровать.

– Интересно, где ты была в то время? Почему моя постель оказалась пустой, и я зашёл в следующую комнату, думая, что перепутал спальни? – спрашивал он, одеваясь, не глядя на Лесси.

– Ты правда не помнишь того, что произошло в тот вечер? – Она задавала этот вопрос не в первый раз.

Агент посмотрел в сторону Райт, но не ответил, а лишь пожал плечами и поднял бровь.

– Бедная девушка. Представляю, как она перепугалась, когда поняла мои намерения. – Он задумался на мгновение и покачал головой. – Странно, что Кэт не написала заявление в полицию. Сидеть бы мне сейчас за решёткой, отбывая тюремный срок, тем более что её отец уже тогда был шерифом.

Райт смотрела, как Мэтт натянул носки, брюки и теперь застёгивал пуговицы белой рубашки. Бесстрастное красивое лицо, никаких эмоций. Все движения на автомате, его совершенно не волновало происходящее сейчас в комнате, как будто несколько минут назад они не собирались в долгожданный отпуск.

Теперь уже Лесси переполняли гнев и ненависть. Она вскинула голову:

– Как же! Подала бы! Да она охотилась за тобой с самого приезда в Сквим! Только и ждала удобного момента затащить в постель, стерва сутулая!

Лесси смахнула косметику с тумбочки на пол, вымещая на бездушных предметах душившую злобу. Разноцветные баночки со стуком разлетелись по ковру. Она понимала, что вцепиться в Вуда не получится. Он не позволит сделать этого. Захотелось крушить всё, что попадётся под руку. Изображать из себя обиженную леди больше незачем.

Райт пнула подкатившуюся под ногу баночку с пудрой – кремовый снег покрыл кусок мягкого ворса, дополняя образовавшийся беспорядок, затем для пущего эффекта запустила флакон духов в стену – по комнате разлился терпко-сладкий аромат.

Она перешла на крик:

– Ты тоже хорош! Нажрался так, что не понял, кто лежит под тобой! Лишил девственности другую и не заметил этого! Все вы, мужики, одинаковые!

Лицо Лесси горело. Столько лет скрывать правду, буквально разъедающую душу.

Не брать трубку, если на дисплее высвечивается незнакомый номер. Зажимать уши в ожидании, когда абоненту по ту сторону надоест слушать мелодию вызова. Опасаться писем на электронной почте и текстовых сообщений от неизвестных. Бояться, бояться, бояться...

Хватит, сегодня она даст выход гневу.

– Думаешь, легко было молчать все эти годы? Считаешь, я каменная, у меня нет сердца?

Райт прижала ладони к груди и зарыдала от жалости к са-

мой себе.

– Это ты у нас сволочь бездушная! – Ей не хотелось плакать при Мэттью, показывать слабость, но слёзы сами вырвались на волю, рыдания сотрясали грудь. – Я столько ночей провела, уткнувшись в подушку, пока ты, одолеваемый сновидениями, шептал её имя!

Мэтт с удивлением посмотрел на Райт и пожал плечами. Он не станет её жалеть!

– Не знал, что разговариваю во сне. Странно, но тогда я назвал её Лесси. Вот, значит, почему она удрала, как только смогла столкнуть с себя моё тело.

Вуд поглядел на заламывающую в отчаянии руки блондинку.

– А ты молодец, не растерялась, присвоила чужую невинность. – Он вновь ухмыльнулся; больше его дешёвыми истериками не остановить. – Как видишь, правда всегда выходит наружу. Интересно, кому ты подарила девственность?

Райт прекратила рыдать и с изумлением уставилась на жениха, как будто впервые разглядела что-то в этом человеке. Она сдвинула брови к переносице, слегка приподняв их и сморщив красивый лоб.

– Какая «правда»?! Что ты валялся в кровати гостевой комнаты пьяный, голый и мог только мычать, отвечая на вопросы? – всхлипнула блондинка. – Меня не было в спальне потому, что отправилась домой принять ванну и надеть бельё, приготовленное к этой ночи! Ты забрал меня от Иден,

не позволив переодеться.

Мэттью заправил в штаны рубашку и теперь завязывал галстук. Привыкнув за годы к внезапным сборам, проделывал всё это он быстро.

Лесси раздражало его деланное безразличие. Она отлично знала, что в девятнадцать лет Мэтт с ума сходил от любви и желания к ней.

– Ты хоть помнишь, что я обещала подарить тебе в День всех влюблённых?

Вуд поморщился: он прекрасно помнил. Ещё бы, Мэттью ждал этого момента три года со дня их первого свидания. Именно желание затащить в постель самую красивую и неприступную девушку Сквима толкнуло его тогда на отношения со Снежной Королевой. Любовь пришла позже.

– Конечно! Свою невинность. Но, очевидно, подарок потерялся где-то по дороге от твоего дома к моему.

Глава 3.2

Мэтт пытался оставаться бесстрастным. Он знал: если сойдёт, может просто переломать Лесси кости. Вуд давно не испытывал настолько дикого желания сделать кому-то больно. «Девочка с зелёными глазами на мушке прицела...»

Блондинка не могла видеть, что творится в душе холодного на вид агента; от его гнева Райт спасали железная воля и выдержка, выработанные за долгие годы службы в ФБР.

Она продолжала резать правду:

– Он потерялся гораздо раньше: в тот момент, когда вы с Брюсом решили обмыть его помолвку. Несмотря на то, что я просила тебя не напиваться.

Мэтт понимал – немалая доля вины лежит именно на нём.

– Я впервые пил виски вместе с шампанским. Извини, не думал, что это настолько ударит в голову. – Теперь уже Мэттью пришлось оправдываться, а это не входило в его планы.

– В голову тебе ударило красное платье подруги младшей сестры!

Блондинка скривилась: ей были неприятны воспоминания. Она завидовала и ненавидела Кэтлин все эти годы. Если бы только Вуд знал, почему в её гардеробе так много красных вещей.

Она буквально прошипела в лицо несостоявшегося мужа:

– Оголила ноги чуть ли не до бёдер, знала, что привлечёт метровыми палками мужское внимание. Ты весь вечер пялился на эту бледную мышь!

Он опять удивился. Мэттью плохо помнил ту вечеринку и присутствие Кэт в доме, не то что платье, которое та надела на праздник. Он просил Одри переночевать у подруги, а не наоборот. Ему нравилась умная скромная девушка, которую обожали сестра и родители, нравилась, но не более.

– Рождественский день полон сюрпризов. Столько узнать за одно утро! Сплошной большой привет из прошлого.

Вуд не сводил с блондинки взгляда, не прекращая при

этом одеваться.

– Кто стал тем счастливым, обладателем приготовленного для меня подарка? Брюс? – вопросительно поднял он бровь. – Поэтому ты выскочила за него замуж через год после нашей помолвки?

Райт злорадно усмехнулась, почувствовав, что в душе Мэтта сейчас кипит ревность, тщательно скрываемая маской безразличия.

– Представь себе, нет! Эйдан! Ты знаешь, что он чуть не с пеленок бегал за мной, добиваясь взаимности. – Она коротко хохотнула. – Видел бы ты его лицо, когда я предложила послушать музыку в подаренном ему отцом новеньком «мерседесе».

Лесси ехидно улыбнулась и расправила складки юбки, идеально сидящей на упругой попке, ошибочно полагая, что признаниями доставляет Мэттью нестерпимую муку.

– В отличие от Кэт я почувствовала не только боль. Мне было очень приятно в объятиях влюблённого парня, – закатила она глаза и облизала губы. – А уж сколько красивых слов он мне нашептал перед тем, как приступить к дефлорации.

Они оба мастерски вели игру.

– Почему ты решила, что Кэтлин чувствовала только боль? Я умею быть нежным. Тебе всегда нравилось заниматься со мной сексом!

Блондинка подобрала с пола расчёску и со всей силы

швырнула в Вуда, но тот моментально среагировал и увернулся. Деревянная щётка с треском ударилась о стену в бежевых обоях и разломилась пополам.

– Что ты можешь помнить о том, чего не знал?! Спасибо Господу, что отвёл меня от близости с тобой в тот день! – Голос Лесси сорвался на визг. – Пьяная скотина – вот кем ты был тогда, а не осторожным, нежным любовником!

Мэтт никак не отреагировал на этот выпад. Он совершенно спокойно продолжал задавать вопросы, хотя его мысли сейчас были далеко за пределами спальни:

– Что было потом? Твой первый мужчина и второй муж дал слово молчать?

– Он не только дал его, но и сдержал. – Райт ненадолго замолчала. – А потом я вернулась к тебе в постель и улеглась под бочок. Ты так и не понял, кого лишил девственности, и мы оставались по-прежнему парой. Помолвленной парой! – Она усмехнулась: – Пока я не передумала и не вышла замуж за Брюса.

– Значит, мне не почудился чужой запах во время утреннего секса. Терпела боль, не оттолкнула, как ожидал. Всё для того, чтобы попробовал тебя, не мучил вопросами... А я спрашивал, почему мы оказались в гостевой спальне. Чувствовал: что-то нет так...

– Плохо чувствовал, раз поверил в нелепые объяснения. Теперь уже слова блондинки делали Мэттью больно. «Всё могло бы быть по-другому! Что я сделал с ней, во что пре-

вратил?»

– Почему не Эйдан, почему Брюс? Было всё равно, за кого выходить? – он постарался изобразить безразличную улыбку. – Впрочем, ты могла это сделать с кем угодно. Почти все мужчины Сквима старше десяти влюблялись в красивую подругу Вуда-младшего...

Райт перебила Мэтта, не дав договорить:

– Почему Грей? – усмехнулась она. – Моя небольшая месть за то, что он напоил тебя в тот день. – Блондинка хотела играть первую роль в этой маленькой пьесе. Разрыв так разрыв, но он надолго запомнит всё, что происходит сейчас в этой комнате.

– Тебе не было жалко Меган?

– А кто меня пожалел? Он всё равно не женился бы на ней: беременность не подтвердилась.

Лесси встала, подняла с пола сброшенную ранее сумочку, достала пачку сигарет, вставила одну из них дрожащими пальцами в длинный мундштук, подошла к окну и закурила.

– Да и деньги Брюса, доставшиеся после развода, помогли безбедно прожить несколько лет, пока я раздумывала, выходить ли замуж за тебя.

Она больше не плакала, а получала некое удовлетворение, что наконец смогла всё рассказать. Невыносимо тяжело молчать годами! Не только ей должно быть больно в день их расставания, пусть и он испытает хоть чуточку горечи, что разъедает сейчас её изнутри.

– Почему не вышла? Я не раз делал тебе предложение. – Вуд отмахнул от лица выпущенную в его сторону струйку дыма.

– Страх! Всегда один и тот же страх, что ты узнаешь правду и бросишь меня. Я не смогла бы этого пережить. Намного проще уходить самой.

Райт как будто стала выше за эти несколько минут. Тяжесть обмана и боязнь разоблачения не давили больше на хрупкие плечи. Мэтту было легче расставаться с такой Лесси – гордой, независимой, с высоко поднятой головой, какой была когда-то Снежная Королева.

Он подошёл к бывшей невесте.

– Билеты с твоими документами в ящике секретера. Ты ещё успеешь на рейс. Пусть это будет моим последним подарком.

Мэттью хотел притронуться к её лицу, даже поднял руку, но передумал.

– Прости, что у нас с тобой не получилось, – извинялся он не за сегодняшний день. – Надеюсь, ты без меня не пропадёшь.

Ему было необходимо толкнуть Райт на решительные меры, и он знал, как это сделать.

– В Вашингтоне полно холостяков, может, удастся кого-нибудь окрутить. Жаль, что пропадёт второй билет. Да и к свадьбе, всё организовано... Найди какого-нибудь придурка – и завтра всё-таки станешь миссис.

Блондинка хмыкнула в ответ, держась из последних сил. Что ж, не настолько она плоха, чтобы искать мужа по дороге. Он у неё уже был, и не сомневалась, что будет снова. Свой спектакль ей хотелось закончить на мажорной ноте. Есть человек, который её любит по-настоящему и никогда не предаст.

Лесси взяла телефон с подоконника, зашла в записную книжку и, отыскав нужный номер, нажала кнопку вызова. Ей ответили через несколько секунд.

– Эйдан, твоё предложение по-прежнему в силе? Ты всё ещё хочешь? – Она глубоко затянулась, прежде чем выговорить следующие слова: – Забери меня... Да, у Мэттью, в его квартире.

Услышав ответ, Райт зажмурилась, но через секунду открыла глаза и сказала решительным голосом:

– Нет, в этот раз навсегда!

Все заняло не больше пятнадцати минут. За это время Вуд успел полностью одеться. Он вышел в коридор и снял с вешалки чёрное кашемировое пальто.

Блондинка проследовала за Мэттом. В голубых глазах опять блестели слёзы. «Вот и наступил последний момент, бесполезно просить не уходить... Нужно отпустить и идти дальше, но как больно!»

Он обулся и отставил длинную чёрную ложечку в угол – подальше. Агент подошёл к входной двери, но решив, что всё-таки должен проститься, остановился и обернулся.

– Ты приняла правильное решение. Эйдану под силу сделать тебя счастливой. Ему есть что предложить.

– Я знаю! – Блондинке не хотелось слушать из его уст что-либо о Муре.

Вуд усмехнулся. Он отлично выучил Лесси и знал, о чём она подумала. Перед Мэттом стояла та, с кем он встречал Рождество уже на протяжении многих лет. «Шестнадцать потерянных лет. Кто мне их вернёт?»

– Ну что, дорогая, целоваться на прощание, думаю, нам не стоит. Пожелай мне удачи, и чтобы к моему возвращению духа твоего в квартире не было. Ключи оставишь у консьержа.

Агент заметил, что Райт шарит рукой вокруг в поисках чего-нибудь, чем можно побольнее запустить в него, и потянул за дверную ручку.

– Да, чуть не забыл: с Рождеством тебя! – рассекла лицо кривая горькая усмешка.

– Иди к чёрту! – со злостью смотрела блондинка в спину бывшего жениха.

Он ответил, не оборачиваясь:

– И тебе приятного отдыха! – Мэттью уже выходил за дверь, чтобы захлопнуть её за собой кончиком начищенного до блеска ботинка.

Он вызвал лифт, достал из кармана брюк брелок с ключами и нащёл нужный номер в айфоне. Ему ответили после первого же гудка.

– Алан, здравствуй! Спасибо, но, похоже, свадьба не состоится. Да, есть причины. Нет, холостяком не останусь: я возьму в жёны девушку с приданым.

Услышав ответ, Мэтт улыбнулся, но тут же вновь стал серьёзным. Обменявшись любезностями, он наконец смог перейти к главному вопросу:

– Скажи, что ты знаешь об ограблении ювелирного на... Да, интересует. Можешь считать, что я его уже отгулял. Кто там главный, кто руководит операцией? Нет, не против.

Мэттью свободно выдохнул, услышав то, о чём сам собирался просить, и продолжил:

– Мне нужна моя команда и толковый человек помоложе, владеющий в совершенстве какими-нибудь восточными единоборствами, желательно профи с отменной реакцией. Я знаю, спасибо за комплимент, но необходим лучший из лучших.

Дверцы лифта распахнулись, выпуская Вуда в просторное, полутёмное помещение подземного гаража. Он качнул головой, соглашаясь со словами собеседника, и надавил на кнопку брелка большим пальцем. Одна из машин мигнула фарами и мяукнула, раздался щелчок открываемого блокиратора дверей.

– Устроит. Сколько ему лет? Двадцать один... стажёр... Чайтон Ридж. Буду ждать, пусть подъезжает как можно быстрее. – Мэтт кивал невидимому собеседнику, одобряя услышанное.

Он распахнул дверь серого автомобиля, не отнимая трубки от уха, сел на сиденье водителя и сразу же вставил ключ в замок зажигания.

– Алан, с наступающим Рождеством тебя! – Агент улыбнулся, прежде чем добавить новость, в которую сам ещё не мог до конца поверить: – И можешь меня поздравить: я только что стал папой.

Вуд выруливал по серпантину, стремясь как можно быстрее покинуть стоянку. Он заулыбался, представляя лицо девочки, глядящее с экрана плазмы, и ответил на традиционный, задаваемый свежеиспечённым отцам вопрос:

– Наверное, крупная. Всё-таки уже шестнадцать лет.

Следующие слова Мэттью говорил ошарашенному собеседнику, посчитавшему, что подобное неожиданно даже для одного из самых непредсказуемых агентов отдела:

– Спасибо, но подробности потом. Я на связи.

Отключив и бросив на переднюю панель машины телефон, Мэтт опустил до конца стекло двери и установил на крышу мигающий маячок, после чего вдавил педаль газа в пол. «Форд» стремительно рванул вперёд, ловко лавируя между автомобилями. Сейчас каждая минута на счету, от его действий зависела жизнь дочери и почти незнакомой женщины, приходящей к нему во сне на протяжении шестнадцати лет. Наверное, только сегодня он понял, насколько дорог ему её образ.

Мэттью вспоминал, при каких обстоятельствах видел Кэт-

лин в последний раз десять лет назад.

Тогда он уже закончил со всеми делами в Финиксе, куда был откомандирован вместе с тремя другими стажёрами; местному отделению потребовалась помощь не засвеченных лиц для поимки «крота».

Мэтт зашёл в крупный супермаркет, на ходу переворачивая кольцо печаткой внутрь, оставляя на виду широкий ободок лжеобручального кольца. Он проделывал этот трюк довольно часто, чтобы избежать соблазнительных взглядов девушек, пытающихся заигрывать с красивым мужчиной. Хотя разве всех это сдерживало?

Пришёл сюда Вуд с определённой целью: купить подарки к Рождеству сестре, родителям и своей только что пережившей развод девушке. Флирт и, как правило, следующий за ним секс не входили в его планы на вечер.

Праздничное настроение витало в воздухе вместе с лёгким запахом карамели и апельсинов. Красиво наряженная ёлка искрилась миллионом огней. Из мам с детьми, желающими рассказать Санта-Клаусу о своём заветном желании, выстроилась небольшая очередь. Мэттью улыбнулся: когда-то он и сам верил в чудеса.

Он поднялся на эскалаторе на второй этаж, подпевая про себя весёлой рождественской песенке, раздающейся из динамиков. Вуд шёл по широкому проходу между бутиками, среди улыбающихся, нагруженных разноцветными пакетами людей, не обращая внимания на сидящую на скамье у стек-

лянного ограждения брюнетку со спящим на руках ребёнком, пока не почувствовал на себе пристальный взгляд.

Он обернулся и всмотрелся в красивое бледное лицо. Карие, цвета молочного шоколада глаза показались знакомыми. Это были её глаза, девушки из сна... Мэттью приветливо улыбнулся, брюнетка же продолжала пристально глядеть в его лицо, не выказывая никаких эмоций.

Он подошёл ближе и не нашёл ничего более умного, как спросить, заранее зная ответ:

– Кэтлин?

– Я думала, ты меня не узнаешь. Столько лет прошло.

Если бы Паркер только знала, что всего ночь назад он в очередной раз во сне занимался с ней сексом.

«О да, забудешь тебя!» – усмехнулся Мэтт своим мыслям.

– Как видишь, узнал. Что ты тут делаешь? Пришла с родителями за покупками? Не знал, что ты живёшь в Финиксе. – Он посмотрел на спящую, уткнувшуюся носом в грудь Кэт девочку примерно лет пяти, краем глаза разглядывая старую знакомую семьи. – Это твоя сестра?

«А у неё появилась грудь, да и ноги больше не кажутся тощими палками».

Кэтлин в смущении опустила глаза и покраснела. Ох уж этот румянец. Вуд успел забыть, как нравилось ему вызывать его на юном лице подружки сестры.

– Ты всё так же краснеешь по любому поводу? – Он продолжал ощупывать оценивающим взглядом её ладную фи-

гурку.

– А ты всё так же заставляешь смущаться и трепетать сердца бедных девушек под твоим бесцеремонным взглядом.

– Каким-каким взглядом? – слегка приподнял бровь и улыбнулся Мэтт. «Ты уже не заикаешься, разговаривая со мной, и даже показываешь зубки».

Вуду не было стыдно за своё поведение, вернее, он даже не задумывался об этом.

– Таким! – ещё гуще покраснела брюнетка и закусила губу.

У него потянуло в паху. Теперь он смотрел на красивые пухлые губы, вспоминая, какими они были на вкус в его сне. От затылка и вдоль позвоночника прокатилась жаркая волна и ударила в живот.

«Вот только эрекции мне сейчас и не хватало, – усмехнулся он и посмотрел в пол, пытаясь снять возбуждение. – Здравствуй, Кэт!»

«Сделай так, чтобы моё желание сбылось. Всё, что я хочу получить на Рождество – это... ты!» – лилась откуда-то из-под потолка песня в исполнении Мэрайи Кэри, и Мэтт в этот момент был полностью с ней солидарен, по крайней мере, его нижняя часть.

Кэтлин не замечала жадного взгляда Вуда, продолжая с любовью смотреть в лицо спящей рыжеволосой девочки.

– Нет, это не сестра. Это моя дочь, Лилибет, – ответила она на предыдущий вопрос.

Он только теперь разглядел тоненький золотой ободок на хрупком пальце красивой кисти левой руки. «В своих снах я сплю с чужой женой! Докатился...»

– И давно ты замужем? – Мэттью почувствовал, как что-то неприятно кольнуло в сердце.

«Да что это со мной?! Неужели мне не всё равно, что произошло с Паркер за эти годы?» Мэтт не мог объяснить, что творится с ним, списав это на ночные эротические сновидения, причину которых не понимал сам. Почему именно Кэт? Отчего столько лет? «Интересно, так ли ты хороша в реальности?»

– Давно. Как только узнала, что забеременела. – Брюнетка по-прежнему прятала взгляд.

– Но тебе ведь всего двадцать три, ты же ровесница Одри. Мэттью ещё раз внимательно посмотрел на ребёнка, пытаясь определить его возраст.

– Девочке по виду лет пять – значит, ты родила в восемнадцать, – с недоумением и даже неким осуждением глядел он на юную маму.

Кэтлин опять опустила глаза.

– Ну, знаешь, как это бывает: любовь с первого взгляда, пьяная вечеринка, незащищённый секс – и вот результат. – Она с осторожной нежностью заправила непослушную бронзовую прядку за маленькое розовое ушко малышки.

В груди Вуда опять что-то ёкнуло. Ему захотелось почувствовать её тонкие пальцы в своих волосах. «Как в моём

сне...» Он тряхнул головой.

– Я ни о чём не жалею! – быстро добавила Кэт и тяжело сглотнула; её щёки из розовых стали пунцовыми.

– А не думала вместо столь раннего замужества отдать ребёнка в приёмную семью?

Мэттью знал, что так поступали многие девушки, имевшие несчастье забеременеть в последних подготовительных классах школы, но не решавшиеся на аборт; слишком юные, чтобы быть готовыми к появлению в их жизни малыша.

Паркер подняла лицо и одарила парня разгневанным взором.

– Это желанный ребёнок от любимого мною человека!

– Прости, – извинился он и попытался перевести разговор в другое русло: – В кого у неё такие рыжие волосы? Ты всё так же любишь рыжих?

Мэтт взъерошил собственную бронзовую копну и рассмеялся:

– Не смущайся, я же не мог не заметить, что ты была влюблена в меня.

Он пытался шутить, но, видно, рядом с Кэтлин его чувство юмора становилось столь плоским, что плоче некуда.

Девушка вскинула взгляд на лицо Вуда; на миг в нём промелькнул интерес и какая-то доля надежды. Но блеск в глазах пропал почти сразу же, стоило ей заметить золотую полоску на запущенном в волосы пальце.

– Говори тише. Разбудишь, – кивнула на девочку Кэт и

указала взглядом на кольцо: – Ты тоже женат?

Сам не зная зачем, он подтвердил её ошибочное предположение:

– Да, уже пару лет.

Мэттью поморщился. Брюнетка не могла заметить этого, так как продолжала рассматривать его руку.

– На Лесси? – почти прошептала вопрос она.

– На Лесси. На ком же ещё? Не так-то просто вырваться из её кошачьих лапок.

Мэтт по-идиотски улыбался, совершенно не чувствуя радости от только что произнесённой лжи. В груди образовался неприятный давящий комок. Он не мог понять, на кой чёрт вообще это сказал.

– Кэтлин!

Они вместе обернулись в сторону позвавшего её высокого шатена.

– Идём. Рита уже всё купила, можем отправляться домой.

Он заметил рядом с Кэт парня.

– Ты не познакомишь меня с твоим другом? – Мужчина подошёл ближе.

– Мэттью, – первым протянул руку Вуд и пожал крепкую ладонь незнакомца.

– Джон. Я муж...

– Мой муж, – широко улыбаясь, повисла на руке шатена девушка, не дав тому договорить. – Милый, наконец-то! Ты не возьмёшь Лилибет? У меня спина что-то затекла.

Мэтт мельком увидел чуть вздёрнутый носик девочки и пухлые, надутые губки. Она проснулась, оказавшись на руках у отца, и захныкала, не открывая глаз:

– Мамочка, я пить хочу! Джон противный...

Кэтлин тут же напряглась, стараясь закрыть своей фигурой лицо девочки, и заторопилась:

– Ну, нам пора идти. Приятно было поболтать, Мэттью. Передавай привет Одри и Лесси.

Она потащила оглядывающегося на Вуда мужа к эскалатору, взяв его под руку, обещая дочери купить сок в кафе, расположенном на первом этажа торгового центра, а Мэтт остался стоять у перил, продолжая сверху смотреть им вслед.

«Всё, что я хочу получить на Рождество – это ты... малыш!» – Мэрайя наконец допела песню.

Вуд не мог себе объяснить, отчего так горько от этой встречи, почему он завидует счастливому отцу семейства, мечтая оказаться на его месте.

Через несколько часов, по прилёту в Вашингтон, он впервые предложил Лесси выйти за него замуж и завести ребёнка. Ему тоже хотелось семьи, хотелось счастья...

Глава 4.1

Даже сейчас, через столько лет, Вуд чувствовал неприятный осадок разочарования, оставшийся в душе после той встречи. Он ударил кулаком по клаксону, заставляя водителя маленького синего «фиата», идущего впереди, нервно дер-

нуть руль и вильнуть в сторону встречного автомобиля, уступая дорогу.

Обозлённый шофёр проводил машину безумного федерала фигурой из четырёх сложенных пальцев, но Мэттью в этот момент было плевать на любые жесты.

– Как же я сразу не догадался?! Вот тебе и «гордость отдела». Не смог раскусить обмана девушки. Было же понятно, что Кэтлин нервничает, пытается скрыть от меня лицо девочки... Заметь я тогда, какого цвета её глаза, тотчас бы догадался, что это моя дочь.

Нарушая правила, агент проскакивал на только что зажигавшийся красный свет, если видел, что успевает завершить рискованный манёвр. Костяшки нервно сжатых на баранке руля пальцев побелели.

Мимо проносились сигналившие нагледцу автомобили. Названия и номера улиц мелькали на указателях, стремительно меняясь одно на другое. Полосы дорожной разметки слились в одну сплошную линию, а праздничное разноцветье свечения гирлянд – в мерцающее пятно.

Он никогда не торопился так, как в этот раз. Готовое выскочить из груди сердце отмеривало метрономом гулкие удары.

– Держитесь, девочки! – Мэтт продолжал говорить вслух, обращаясь к закрепившемуся в голове образу рыжеволосой дочери. – Я не позволю каким-то козлам навредить вам.

Вуд наконец выскочил на нужную улицу и затормозил

у железного, собранного из секций забора, сжигая резину покрышек, оставляя чёрный след на асфальте. Машину с маячком тут же пропустили внутрь ограждения. Поставив «форд» на ручник, он резко остановился возле собравшихся в небольшую группу полицейских. Распахнув дверь, Мэттью буквально выскочил из автомобиля и направился к обозначенному оранжевым скотчем участку.

– Ты рехнулся?! Чуть на ноги не наехал!

Мэтт достал удостоверение, показал его возмущённым стражам порядка и сразу же приступил к обязанностям:

– Дело передаётся нашей службе. Сейчас подтянутся остальные, а пока введите меня кратко в курс событий. Кто у вас главный?

Он посмотрел на здание, часть первого этажа которого занимал сверкающий тонированными витринами, украшенный к Рождеству магазин, пытаясь представить, что происходит сейчас за его стёклами. Образовавшийся в груди час назад холод не отпускал. Сердце сжалось. «Какая она?»

– Лейтенант Морган. Я тут старший.

Вуд обернулся на голос подошедшего высокого черно-волосого мужчины в полицейской форме, отсалютовавшего двумя пальцами и протянувшего кисть для пожатия.

– Меня предупредили, что операцией теперь будете руководить вы.

Полицейские, заметившие жест начальника, засмеялись, но увидев направленный в их сторону злой взгляд Мэттью,

тут же сделали серьёзные лица.

– Весь квартал оцеплен, проводим опрос свидетелей. Вызвали хозяина магазина, мистера Грега Прайса. Он в моей машине, даёт показания. – Лейтенант достал сигарету из пачки и закурил. – Возможно, ювелирный решили ограбить по наводке.

Агент вскинул взор на лицо полицейского. Офицер продолжал докладывать спокойным голосом:

– Вчера вечером не была произведена инкассация, в сейфе скопилась крупная сумма. Сами понимаете, предпраздничная торговля. Кроме наличных много изделий с бриллиантами и другими драгоценными камнями; их завезли в большом количестве перед праздником. В общем, грабителям есть чем поживиться. Странно, что дело передали ФБР. Трупов и важных шишек в заложниках нет.

– Очевидно, на то есть серьёзные причины. – Мэтт замолчал: он не мог рассказать о личной заинтересованности.

Морган сплюнул на землю и поднял вверх воротник тёплой куртки, закрывая лицо от холодного пронизывающего ветра.

– Вот только мороза и не хватало. – Он затушил окурок о крышу служебного «форда», потёр руки, пытаясь согреть озябшие пальцы, и продолжил: – Грабителей трое, мужчины. Один очень крупный, двое поменьше. Все в масках. Потребовали от управляющего открыть сейф и оглушили охранника, но тот очнулся и сумел нажать тревожную кнопку, за

что получил пулю. Он ранен, возможно, серьёзно, но не убит. Были слышны вскрик и стоны. В зале на момент налёта работали три продавца. Среди заложников два покупателя – мать с дочерью.

– Откуда столь подробная информация? – Мэттью удивляла осведомлённость лейтенанта.

– На здании напротив установлена круглосуточная камера наблюдения, – показал рукой на стоявший через дорогу дом офицер. – Она направлена на магазин. Просмотрели запись. Также одной из покупательниц удалось сделать дозвон отчиму. Это он рассказал нам всё, что удалось услышать до того момента, как грабители всех обыскали и отобрали сотовые.

– Где отчим сейчас? Хочу поговорить с ним.

На оцепленную площадку въехали два тяжёлых «шевроле». Всё небольшое пространство между магазином и домом напротив буквально заполнили машины различных служб. За ограждением толпились журналисты и любопытные прохожие.

Вуд облегчённо выдохнул.

– Ну, вот и кавалерия прибыла. Я переносу штаб в наш фургон. На время операции вы все до одного, – очертил рукой круг и указал пальцем на собравшихся полицейских он, – находитесь в моём распоряжении. О малейших передвижениях докладывать мне лично.

– Снайперы работают? – опять обращался к лейтенанту Мэтт.

– Да, прямо перед вашим приездом разместились на крышах соседних зданий и в окнах домов. Всего шесть человек. Магазин полностью просматривается по периметру. Ребята в любой момент готовы открыть огонь. Ждём распоряжений.

Он с одобрением посмотрел в глаза Моргану.

– Думаю, мы сработаемся. Главное, не мешать друг другу, а действовать одной командой. Все данные, протоколы опросов свидетелей передайте в штаб.

Во время их короткого разговора к магазину на большой скорости подкатил новенький «БМВ» чёрного цвета, водитель которого, так же как и Мэттью, затормозил в метре от полицейских машин.

– Ещё один бешеный на нашу голову. Эти федералы сегодня точно кого-нибудь собьют. Понаехали, – проворчал кто-то из стражей порядка, стоящих за спиной агента.

Молодой индеец в дорогом, идеально подогнанном сером костюме выскочил из автомобиля, на ходу накидывая и застёгивая короткое полупальто. Ботинки незнакомца сверкали чёрным лаковым верхом.

«Вот это фронт! Интересно, чем он зарабатывает на жизнь?» – оценивающе смотрел Мэтт на парня; тот почувствовал тяжёлый взгляд, обернулся, определил в разглядывающем его мужчине главного, подошёл широким шагом и с ходу представился:

– Чайтон Ридж, стажёр! – Он протянул Вуду крепкую загорелую руку. – Меня прислал Алан Брукс. Что я должен де-

ать? Какова моя задача?

Мэтт продолжал молча рассматривать парня, пытаюсь понять, подходит ли он для задания. От профессионализма действий этого человека будет зависеть жизнь людей, находящихся за дверями захваченного магазина, в том числе его дочери и Кэтлин.

– Давай для удобства перейдём на «ты», – сразу же предложил Риджу Мэттью и, не дожидаясь согласия, проговорил: – Ответь на несколько вопросов. В каких отношениях ты с Аланом? Почему он выбрал именно тебя? Какой пояс по карате? И на какие средства куплена тачка?

Вуд в упор глядел на стажёра, пытаюсь определить крепость его характера и способности.

– Начни с Алана.

Чайтон не отвёл взгляда, а так же пристально смотрел в глаза Мэтта. Было очевидно, что он не из робкого десятка, его не подловить на неудобных вопросах.

– Алан – старый друг отца, но я не его протеже. У меня чёрный пояс, был чемпионом мира среди юниоров с двенадцати до шестнадцати лет.

– А в семнадцать надрали задницу?

– Нет, в семнадцать мне это стало неинтересно: повзрослел, появились другие приоритеты. Но четыре дня в неделю по-прежнему провожу в спортзале. – Ридж добавил, пытаюсь развеять любые сомнения Мэттью: – Я хорош, наверное, лучший боец во всём отделении Вашингтона, а может,

не только его. Это не голое хвастовство. Помимо карате занимаюсь джиу-джитсу и тхэквондо.

– Вижу, скромность – одно из твоих достоинств. Теперь объясни: откуда у тебя деньги?

– А ты – мы ведь на «ты»? – случаем, не сотрудничаешь с налоговой полицией? – усмехнулся стажёр.

Вуд ответил улыбкой. Что-то в этом парне напоминало ему самого себя четырнадцать лет назад.

– Нет, но с законом у меня всё в порядке. Так на какие деньги купил прикид и тачку?

– Отработал консультантом и каскадёром в нескольких боевиках, но это тоже в прошлом.

Теперь пришла очередь Мэтта ухмыляться.

– Двадцать один год – и уже такой груз прошлого за спиной. – Он ещё раз оценивающе осмотрел индейца с ног до головы. – Не жаль пиджака, если придётся подставляться под пули?

Чайтон отрицательно мотнул головой.

– Надень бронезилет под рубашку и следуй за мной.

– Уже!

– Что «уже»?

– Уже надел и готов следовать.

Мэттью с одобрением кивнул; ему определённо нравился парень.

– Идём в фургон, познакомлю тебя с моими ребятами. Они предоставят всю имеющуюся на данный момент инфор-

мацию по ограблению и захвату заложников. Нужно разработать план. Думаю, тебе придётся сыграть роль медбрата.

Они открыли тяжёлую дверь и забрались внутрь одной из машин.

Мэтт протянул руку коренастому светловолосому мужчине в чёрном костюме.

– Здравствуй, Брюс! Познакомься: Чайтон Ридж. Он будет вместе со мной участвовать в переговорах. Ну, что мы имеем?

Он обвёл глазами тесное помещение. Вдоль стен, по периметру, были установлены мониторы, за которыми сидели трое мужчин и рыжеволосая женщина. Мэттью поприветствовал остальных членов команды и сразу же направился в центр фургона – к большому, прозрачному экрану с подсветкой.

– Что мы имеем, Брюс? – повторил он вопрос.

– Магазин оборудован камерами наблюдения, сейчас пытаемся получить данные с компьютеров службы безопасности. Звонки с сотовых нами отслеживаются. Мы готовы заглушить их в любой момент, но пока не делаем этого в надежде, что, может быть, кому-нибудь из заложников удастся вновь позвонить. Все телефоны магазина подключены к нашему компьютеру. Службе 911 дано указание любой звонок по этим номерам сразу же переводить к нам.

Вуд слушал молча; в зелёных глазах читалось огромное напряжение.

– Владелец сообщил о крупной сумме денег и большом количестве изделий с бриллиантами...

Мэтт нетерпеливо махнул рукой, прерывая доклад:

– Всё или почти всё это я уже знаю. Есть схема помещения магазина? – (Грей кивнул.) – Отлично. Выведи на экран.

На большом дисплее появился план здания.

– Торговый зал, две подсобки, кухня, комната отдыха, раздевалка, кабинет управляющего и туалет... Подвала нет? – Мэттью водил пальцем рядом с экраном. – Вход только один?

Он не слышал ответов Брюса, а разговаривал сам с собой.

– Это и плохо, и хорошо одновременно... Грабители не смогут покинуть помещение, кроме как через центральный вход. Но как узнать, где заложники?

Вуд оторвал взгляд от плана.

– Звонка с требованиями не было? – Получив отрицательный ответ, агент подытожил: – Значит, будем звонить первыми. Мне необходимо попасть в магазин, чтобы оценить обстановку на месте.

Он вскинул взор на помощника.

– Кто работает над камерами наблюдения внутренней охраны? Нужны сегодняшние записи, начиная с открытия магазина. – Мэтт посмотрел на мужчину в коричневом пиджаке, приподнявшем правую руку. – Бен, поторопись!

– Делаю всё, что могу.

Мэттью кивнул и вновь обернулся к Грею:

– Я хочу поговорить с человеком, которому звонила Кэт-

лин Паркер. Пусть его пригласят, но сначала звонок.

Фэбээровец не ждал ответа: его взгляд уже был направлен в сторону единственной девушки в фургоне.

– Подключились? Выводи на громкую связь.

Беттани показала пальцами «окей» и положила перед ним листок с несколькими цифрами.

Мэтт продолжил:

– Набираю номер.

Он прижал трубку к уху, слышались длинные гудки, долгим эхом отдающиеся в висках. Сердце сжалось в ожидании. Наконец раздался щелчок соединения, хриплый мужской голос на том конце провода ответил:

– Да!

– Говорит специальный агент Мэттью Вуд. Я уполномочен вести переговоры по освобождению заложников. Сообщите, на каких условиях вы готовы отпустить людей? Кто из вас принимает решения?

Послышался звук тяжёлых шагов, затем другой – мягкий и уверенный – голос ответил:

– Наконец о нас вспомнили. Мы с заложниками успели заскучать. Вообще-то у нас полная демократия – главных нет. Мы подготовили список требований. – (Где-то рядом с трубкой слышался смешок.) – Он не очень длинный. Думаю, не составит труда быстро выполнить его. Нам нужен самолёт с полными баками топлива, ожидающий в аэропорту Рональда Рейгана, автобус, который довезёт до него, сорок миллионов

долларов и три автомата АК-72 с полным боекомплектом.

– Вы получите всё это в обмен на заложников. Потребуется некоторое время на поиски, заправку самолёта и сбор требуемой суммы. В качестве доброй воли отдайте охранника. Мы знаем, что он ранен.

– Я бы рад, но не могу: все те, кто находится здесь, будут сопровождать нас до аэропорта. Это наш страховой полис на случай неприятностей.

На том конце опять послышался нервный смех.

– Мне необходимо убедиться, что заложники живы и невредимы, только после этого управление ФБР начнёт вести с городскими властями переговоры по выполнению ваших требований.

Раздался звук удара обо что-то мягкое – и громкий вскрик мужчины.

– Вы слышали? Это охранник. Мёртвые не кричат.

– Я не верю на слово, мне нужны неоспоримые доказательства. Пусть он назовёт своё имя и имя жены.

Послышался новый удар, следом – болезненный всхлип. На заднем фоне можно было расслышать тихий, еле различимый женский шёпот:

– Стэн, прекрати! Ты убьёшь его.

Мэтт обернулся к девушке и показал взглядом на трубку. Кивнув, она изобразила пальцем крутящийся круг: всё записывалось, любые шорохи обрабатывались компьютером.

– Я Хота Уэйти, жену зовут Аяша. – Голос говорящего

дрожал от боли и напряжения. – Помогите...

Тут же раздались звук ещё одного удара и хрип. Девичий тонкий голос вскрикнул:

– Мамочка!

Вуд закрыл глаза и глубоко вздохнул, губы сжались в тонкую белую полоску. Это его дочь сейчас кричала от страха. Гулко бьющееся сердце пронзила боль, словно от укола раскалённой иглой, ком горькой желчи подкатил к горлу. Мэттью приказал себе собраться, прикладывая огромные усилия, всю волю, чтобы успокоиться.

Бандит снова заговорил:

– Ну, удостоверились? У вас есть один час на выполнение наших требований, после чего мы начнём убивать заложников.

– Это нереально. Только на согласование и подготовку самолёта к взлёту уйдёт не менее двух.

– Хорошо, два часа, ни минутой больше! – Послышался громкий щелчок, связь оборвалась.

Повесив трубку, агент посмотрел на сослуживцев.

– Теперь мы знаем, что охранник пока жив, а всех заложников держат в одном месте. Работаем над опознанием голосов. Кажется, нам только что стали известны имя одного из грабителей, пусть и неполное, и голос наводчицы. – Он взял в руку айфон и нажал на последний вызов. – Алан, они выдвинули условия: самолёт, автобус, сорок миллионов долларов и три автомата. Да, я знаю, что мы не идём на уступки...

Уже работаем... Хорошо, действуем по обстановке.

Мэтт склонился над одним из экранов, понимая, что в таком состоянии не сможет полноценно руководить людьми. Нужно было хоть на минутку отвлечься и расслабиться.

– Весёленькое выдалось Рождество...

Вуд оглянулся на разговарившегося стажёра.

– Что, были планы?

– Да как всегда: клуб, друзья. Мне могло подфартить – и я нашёл бы сегодня свою девушку-мечту. Утро в родительском доме, поздравления, подарки под ёлкой. – Ридж улыбнулся. – Должно же мне когда-нибудь повезти? Родители познакомились на Рождество, может, и со мной будет так же.

Задумчиво хмыкнув, Мэттью задал адресованный скорее самому себе вопрос:

– Ты веришь в чудеса? – и перевёл взгляд на Брюса: – Пригласи владельца магазина, желательно без адвоката. Объясни, что у нас здесь слишком тесно и это займёт всего несколько минут. Возможно, он опознает голос девушки.

Мэтт вновь обратился к Чайтону:

– Сегодня в роли Санта-Клауса будешь ты. От того, насколько профессионально сумеешь сработать, зависит жизнь нескольких людей. Не подведи их!

Парень с удивлением смотрел на Вуда, но тот уже говорил по рации с лейтенантом Морганом:

– ...машину скорой помощи поставьте так, чтобы её было видно со стороны входа. Нужно закрыть им обзор. Сейчас

подойдёт мой человек, дайте ему форму медбрата.

Мэттью поглядел на стажёра.

– Ну что, твой выход, каратист. Иди переодевайся и жди меня в машине. Удачи тебе и будь на связи. – Он похлопал индейца по плечу. – Надеюсь, у нас всё получится. Одного из них я возьму на себя, тебе нужно будет вырубить двух остальных. Уверен, ты справишься. Если повезёт, успеешь в клуб к девушке мечты. У меня тоже на этот вечер грандиозные планы!

Глава 4.2

Мэтт обернулся к Брюсу:

– Владелец магазина здесь?

Грей кивнул и открыл дверь фургона.

– Проходите, мистер Прайс, у нас к вам есть несколько вопросов.

В помещение поднялся пожилой импозантный итальянец с прямой спиной – почти королевской осанкой. Седая густая шевелюра уложена волосок к волоску. Он не спеша приблизился к предложенному стулу, сел и закинул ногу на ногу.

– Чем могу служить? – мгновенно поняв, кто тут главный, обратился к Вуду хозяин ювелирного магазина.

– Мы хотим попросить вас прослушать запись. Надеюсь, вы сможете определить, кому из продавцов принадлежит этот голос. – Мэттью обернулся к женщине-агенту: – Хаппер, дай наушники и прокрути несколько раз в том месте.

Беттани согласно кивнула и подошла к седовласому пиджону.

– Слушайте внимательно: это тихий шёпот. Мы будем благодарны, если вы сможете узнать его хозяйку. Не забывайте, в ваших интересах, чтобы все люди остались живы и здоровы. Думаю, антиреклама вам не нужна.

Мужчина протянул руку к Бетти.

– Я всё прекрасно понимаю. Это мой магазин, мои деньги, мои люди и мои покупатели.

Прайс надел наушники и стал вслушиваться. Мэтт следил за эмоциями, проскакивающими на холёном лице. Итальянец нервно прикусил губу и слегка побледнел. Он прослушал запись несколько раз и снял наушники.

– Я узнаю женский голос. Это Грейс Браун, одна из моих продавщиц.

Агент не спускал со старика глаз.

– Вы что-то недоговариваете! Поймите, для нас сейчас важна любая информация, каждая мелочь.

Грег отмахнулся:

– Прекратите на меня давить. Надеюсь, вы осознаёте, что ФБР не зря подключили к этой операции. Не нужно меня пугать. – Он надменно улыбнулся и поправил ворот белоснежной рубашки. – Пригласите моего адвоката. До его появления вы больше слова от меня не услышите.

Поняв, что нужно менять тактику импровизированного допроса, Мэттью прищурился и отодвинул край пиджака, да-

вая разглядеть собеседнику кобуру и торчащую из неё рукоятку пистолета. Он продолжал всматриваться в лицо владельца магазина. «У меня нет времени вести с тобой светскую беседу, плейбой занюханный, но если ты думаешь, что выйдешь отсюда, скрыв свою связь с продавщицей Грейс, то сильно ошибаешься. Не таких жуков разговаривал!»

– Извините, но обстоятельства данного дела не располагают к длительным прениям с участием адвоката. Нам дорога каждая секунда. Вас никто ни в чём не обвиняет, мы лишь призываем к сотрудничеству. Если вам неудобно говорить при посторонних... – Мэтт обернулся к Грею: – Брюс, попроси всех выйти. Оставьте нас одних на пять минут.

После того как закрылась дверь за последним агентом, Вуд склонился над мужчиной.

– А теперь, мистер Прайс, слушайте меня внимательно! Вижу по глазам: вы что-то скрываете. Не советовал бы этого делать. Я сегодня очень расстроен. – Он поставил ногу на перекладину стула. – Ещё утром должен был лететь на Гавайи на собственную свадьбу, но внезапно выяснилось, что у меня есть дочь.

Пожилой итальянец нервно дёрнулся и попытался встать, но Мэттью надавил ладонью на его плечо, удерживая на месте.

– Я ещё не закончил, – пристально посмотрел фэбээровец в глаза напыщенного старика. – Сейчас в торговом зале вашего магазина плачет насмерть перепуганная девочка,

Лилибет, моя шестнадцатилетняя дочь. Мало того, рядом с ней не менее испуганная её мать, дорогой для меня человек – Кэтлин Паркер.

Мэтт на долю секунды сомкнул веки, крылья тонкого носа нервно задвигались.

– Так вот, если с их голов упадёт хоть один волос, вам, мистер Прайс, будет очень плохо. И мне совершенно плевать, на каком вершине находится ваш покровитель.

Вуд уже двумя руками давил на плечи мужчины, который, как кролик удаву, заглядывал ему в рот.

– Тяжело думать, что можешь потерять внезапно обретенный смысл жизни. Вы бы поняли меня, если бы знали, насколько сильно я хотел ребёнка... Если с ними что-либо случится, – он с силой втянул и выдохнул воздух, – мне нечего будет терять. А теперь откровенность за откровенность: что связывает вас с Грейс Браун? Я хочу знать всё, любую мелочь, которая показалась вам странной в её поведении.

Грег с трудом сглотнул и подёргал плечами, пытаясь освободиться от воздействия Мэттью, но понял, что вряд ли удастся, а по решительному взгляду агента – его слова не простая угроза.

– Надеюсь, всё, что скажу, останется между нами? Могу я рассчитывать на полную конфиденциальность? – Он смотрел в лицо Вуда потерянными глазами.

– Разумеется. Мне совершенно наплевать на вашу личную жизнь. Суметь бы со своей разобраться.

Итальянец тяжело вздохнул и продолжил:

– Грейс моя любовница вот уже полгода. – Он пристыженно поглядел на Мэттью. – Я никогда не опускался до женщин её уровня, но вы бы видели, какая она красотка: высокая грудь, голубоглазая, длинноногая блондинка... Трудно устоять против подобных чар уставшему от серых будней сердцу. – Престарелый ловелас промокнул лоб платком. – Более того, кажется, я знаю, кого Грейс назвала Стэном.

Мужчина вновь замолчал.

– Так кого же? Не тяните, чёрт вас возьми! На кону жизнь людей!

Фэбээровец отпустил его плечи и, убрав ногу со стула, сделал несколько шагов по тесному фургону, сжимая и разжимая пальцы в кулаки, и опять остановился перед Прайсом.

– Меньше чем через час они начнут убивать заложников! Кто такой Стэн?

Мэтт смотрел в холодные серые глаза. Грег с трудом выдержал его взгляд, снова сглотнул и заговорил:

– Это её муж, Стэнли Кларк. Бывший муж. По крайней мере, она так сказала. Они год в разводе. – Старик почесал затылок; с его побледневшего лица спала спесь. – Я видел его однажды: он забирал Грейс из отеля после нашего свидания. Этот человек очень агрессивный и ревнивый. Он несколько раз избивал Грейс, это и стало причиной развода.

Мэттью быстрым шагом направился к дверям. Прайс вскочил на ноги и запричитал сорвавшимся на фальцет го-

ЛОСОМ:

– Мистер Вуд, могу я рассчитывать на вашу порядочность? Я примерный семьянин и, как любой итальянец, очень привязан к жене и детям.

– Я же сказал, что мне плевать на ваши шашни, – махнул рукой Мэтт. – Сейчас меня намного больше волнует жизнь моих женщин. Попрошу вас также хранить молчание.

Он распахнул дверь, уже не обращая внимания на владельца магазина, спешно покидающего место допроса.

– Бетти, срочно нужна информация!

Машина тут же заполнилась ранее вышедшими агентами.

– Стэнли Кларк – бывший муж Грейс Браун. Это она наводчица. Мне нужно всё, что можно узнать о её семье: братья, дяди, тёти. Любая информация. – Мэттью посмотрел на Бена: – Что там с камерами наблюдения? Когда, наконец, мы увидим картинку?

– Через пару минут. Зашли в базу, скоро получим записи.

Вуд нервно взлохматил волосы.

– Поторопитесь, нужно начинать операцию. Брюс, объяви всем десятиминутную готовность. Группа захвата готова? – Он продолжил после кивка Грея: – Только после моего знака. Попробуем обойтись без крови.

Рыжая Беттани радостно вскрикнула:

– Есть!

Мэттью тут же подскочил к её столу и взглянул на монитор. С экрана тяжёлым взглядом смотрел высокий, массивный

мужчина спортивного телосложения.

– Вот это шкаф! – присвистнул Брюс. – Такого попробуй свали.

– Придётся свалить. – Мэтт сжал кулаки. – Чем больше шкаф, тем громче падает. Ридж возьмёт на себя двух остальных. – Он обернулся к Бену: – Что там с камерами?

– Всё, есть картинка! Прокручиваем с самого открытия?

– Естественно! – скривился Вуд. – Мотаем понемногу, смотрим на действия Грейс. Все замечания вслух. Бетти, работаешь над данными по мисс Браун. Меня интересуют родственники мужского пола. Если она привлекла к ограблению бывшего мужа, то не удивлюсь ещё кому-нибудь с фамилией Браун или Кларк.

Всё это время Мэттью пристально вглядывался в четыре изображения, снятых камерами под разными ракурсами, не вынимая пальцев из волос.

В воздухе повисло ощутимое напряжение. Всем хотелось увидеть, что произошло в ювелирном; возможно, удастся рассмотреть лица преступников.

– Так... вот она появилась. – Голос федерального агента раздался в полной тишине, образовавшейся в фургоне, нарушаемой лишь легким шорохом работающих мониторов. – За полчаса до открытия, – поглядел на время записи он. – Смотрим внимательно. Грейс должна подать подельникам какой-либо знак. Брюс, мне нужно будет сделать ещё один звонок...

Вуд вдруг замолчал, жадно вглядываясь в экран. В магазин входили под руку молодая красивая женщина и высокая девушка. Чёрно-белое изображение не позволяло определить цвет глаз и волос, но Мэтту и не нужно было этого, чтобы понять, кто перед ним. Одна из камер чётко выхватила лицо девочки.

Грей присвистнул:

– Чёрт побери! Мэттью, да она как две капли воды похожа на тебя! Бывают же такие совпадения! Не понял, а кто эта женщина?.. Это же Кэтлин Паркер! А я-то думаю, почему мне так знакомо имя заложницы... – Он с удивлением уставился на друга. – Я что-то пропустил? Вы разве встречались?

– Давай обойдёмся без лишних вопросов, – нервно дёрнулся тот. – Я, как и ты, вижу дочь впервые, а о том, что она у меня есть, узнал сегодня утром. Не бойся, это не мешает мне выполнить задание на отлично. Даже наоборот, я порву там всех, но заложники выйдут живыми!

Брюс протянул:

– В этом-то я не сомневаюсь! За дочь я бы сам всех порвал. – Он изумлённо качал головой: – Ну, ты даёшь! Без пяти минут муж моей бывшей жены, отец дочери девушки, за которой я пытался когда-то ухаживать... Не делай удивлённых глаз. Уже тогда было понятно, что из этого гадкого утёнка с тонкой шеей и длинными ногами получится редкая красавица. Мир тесен...

– Ты не представляешь, насколько! – обернулась Бетти к

коллегам. – У Грейс есть сводный брат по отцу – Александр Браун. Тридцать один год, отсидел пять лет за ограбления банка. Три года назад освобождён досрочно за примерное поведение, – читала Хаппер характеристику бандита. – Умный, обладает фотографической памятью и даром убеждения. В тюрьме пользовался безграничным авторитетом, был лидером группировки «Белое братство», сотрудничал с тюремным начальством. Думаю, он мозг операции.

Она посмотрела на начальника.

– Мэттью, мы знаем голос Брауна.

– Да. Остаётся только один человек. Было бы неплохо вычислить и его... Есть фотографии Алекса не в тюремной рубашке? – Вуд стоял за спиной Беттани.

– Есть. Какой красавчик этот брюнет... – протянула единственная в его команде девушка. – Наверное, любимец женщин. Не удивлюсь, если не только Грейс работает с ними.

Мэтт хмыкнул.

– Да ладно, не ревнуй. Ты всё равно на первом месте в моём сердце, – шутя прижалась спиной Бетти к руководителю операции и давнему другу.

– Гляди, он меняет женщин как перчатки, но всегда возвращается к Лесси, – рассмеялся Брюс Грей.

– Не в этот раз, – сморщился Мэттью и вернулся к видео с камер наблюдения. – Всё, теперь о главном, А вот и знак: Грейс кому-то звонит. Сейчас появятся наши герои.

Все смотрели на экран. В магазин ввалились трое мужчин

в масках Санта-Клауса, с колпаками на головах. Самый мелкий из троих закрыл двери на замок, закреплённый на железном проводе, который он намотал на дверные ручки. Охранник бросился к весёлой троице, на ходу расстёгивая кобуру, но тут же был свален на пол ударом по голове. Грабители вытащили из-под курток автоматы. Всех женщин уложили на пол лицом вниз.

Вуд видел, что Кэтлин держала руку в кармане; очевидно, в это время она нажимала кнопку вызова на телефоне.

– Ты посмотри, что он делает!

Тот же грабитель, что закрыл двери, достал пистолет и – выстрел за выстрелом – вывел из строя все камеры наблюдения. На экранах теперь мельтешил снег.

– Кто-нибудь из свидетелей говорил о серии выстрелов в магазине? – Мэтт посмотрел на агентов.

– Нет, стреляли только один раз, когда ранили охранника.

– Значит, пистолет пневматический. Хорошо... Спасибо и за то, что смогли просмотреть. Беттани, нарыла ещё что-нибудь? – подошёл он к девушке.

– Да, кажется, я нашла третьего. Возможно, это наш стрелок. Погляди сюда, интересная фотография.

На снимке в обнимку стояли три друга в охотничьей экипировке: Александр Браун, Стэнли Кларк и невысокий блондин, целившийся из винтовки в объектив.

– Это точно наш стрелок. Думаю, профи, – щёлкнул пальцем по лицу охотника Мэттью. – Посмотри в его глаза. Это

взгляд убийцы. Такой легко выстрелит в человека. Найди его имя.

– Уже нашла. Макс Уорд. Тридцать один год, бывший военный. Уволен два года назад за неуставные отношения. Голубой что ли? Они все учились в одной школе. Вот откуда знают друг друга – друзья детства.

– Хоть зелёный, главное, знаем теперь, от кого ждать пули. – Он поднял вверх большой палец. – Бетти, ты как всегда на высоте! Что мы без тебя делали бы?

Девушка вздёрнула брови и пожала плечами.

Вуд продолжил:

– Вот что мы имеем: три грабителя, все в отличной физической форме. Один из троих – потенциальный убийца. С ним нужно быть особенно осторожным. Второй силён, эмоционально неуравновешен и тоже опасен. И, наконец, третий – мозг операции, умён и хитёр. Этого грубой силой не возьмёшь, тут нужен другой подход... Посмотрим, кто из нас обладает большим даром убеждения. – Он провёл ладонью по нахмуренному лицу. – Грейс... Ну, здесь, наверное, неприятностей не будет. Не думаю, что она решится на какие-то действия. Хотя... Нет, её можно не опасаться.

Мэтт потёр руки: ему не терпелось сразиться с противником. Жизнь его женщин сейчас полностью зависела от него. Нужно было торопиться.

– Сколько времени у нас осталось? Полчаса? Делаем повторный звонок. Бетти, включай запись и приготовь для ме-

ня жучок. Прикрепи его на ботинок. Говорить буду громко – расслышите всё.

Он уже набирал номер. После второго гудка трубку сняли.

– Это опять Мэттью Вуд. Нам удалось договориться насчёт самолёта, деньги с автобусом на подходе, но я лично должен осмотреть заложников, прежде чем вам позволят покинуть помещение магазина. Вся ответственность за их жизнь с этого момента ложится на меня. Я должен быть уверен, что все живы и среди них нет раненых.

Он повысил голос, придавая значимости следующим словам:

– И ещё: охранник должен получить медицинскую помощь. Нам не позволят рисковать его жизнью, отправляя в аэропорт в таком состоянии. Думаю, никому не нужны неприятности, мы мечтаем как можно скорее очутиться дома. Завтра Рождество, всех нас ждут семьи. Надеюсь на ваше благоразумие.

– Что-то слишком быстро вы согласились на наши условия. Даже не знаю, стоит ли вам верить. – Голос главы налётчиков не был столь бодрым; он не разделял деланого энтузиазма агента.

– Ваше дело, верить или не верить. Я действую по инструкции и выполняю приказы. У хозяина магазина высокие покровители, только поэтому ФБР участвует в этой операции. Мистер Прайс дорожит своей репутацией, именно он оплачивает ваши условия. Я всего лишь посредник. Так вы

позволите осмотреть заложников?

На той стороне провода на некоторое время установилась тишина. Алекс Браун раздумывал, стоит ли ему принимать условия. Послышался шёпот, несколько мужчин спорили вполголоса, но трубка, по-видимому, была зажата рукой. ничего невозможно было расслышать.

Беттани за время ожидания закрепила прослушивающее устройство на ботинке шефа и поправила брючину.

Наконец был дан ответ:

– Мы позволим зайти внутрь. Два человека со сцепленными за головой руками. Предупреждаем: мы возьмём на прицел покупателей. Если что-то пойдёт не так, расстреляем не раздумывая. У вас пять минут на сборы. Время пошло.

Мэтт бросил трубку и стремительно направился к выходу, раздавая приказы:

– Бетти, что с жучком? Работает? – (Хаппер привычным жестом показала сложенные в круг пальцы.) – Брюс, готовность пять минут, входите в помещение после моего знака. Подгоните скорые для эвакуации заложников. Снайперам работать только в случае крайней необходимости, если что-то пойдёт не так. Очистите площадь – перед дверьми никаких лишних движений.

Он вышел из фургона, жадно втягивая свежий воздух в лёгкие. Похолодало. С неба сыпалась снежная крупа вперемешку с редкими снежинками, обещая, если не распогодится к утру, укутать землю белым покрывалом.

Возле машины стоял высокий рыжеволосый мужчина, одетый явно не по погоде. Он кутался в тонкий серый плащ, подняв на всю высоту воротник, пытаясь защититься от хлёстких ударов ветра; изо рта шёл пар.

Фэбээровец мельком взглянул в его лицо и тут же остановился.

«Вот и псевдомуж – причина моего десятилетнего незнания о дочери. Развелось этих рыжих...»

– Вы Джон?

Мужчина сделал движение головой.

– Следуйте за мной. У меня к вам будет несколько просьб. Позвоните Сэму, скажите, что его дочь и внучка скоро будут освобождены. Сообщите матери Кэтлин, что Мэттью Вуд не позволит погибнуть её и своей дочери. Встретимся примерно через час. – Он указал рукой на ряд железных заборов: – Покиньте территорию и ждите нас за ограждением.

Мэтт поискал глазами лейтенанта Моргана; тот стоял недалеко от спецмашины, из которой выпрыгивали бойцы штурмовой группы SWAT.

– У вас всё готово? Не мешаем друг другу, работаем после моего сигнала.

Офицер кивнул и коротко бросил:

– Всё готово. Знаю. Удачи!

Агент развернулся и направился к машине скорой помощи, подъехавшей на расстояние трёх метров от дверей магазина. Из неё выходил Чайтон Ридж, одетый в форму мед-

брата; в руках он держал железный чемоданчик.

Стоя спиной к двери, Мэттью перекинулся со стажёром несколькими словами:

– Я беру на себя самого здорового, двое остальных на тебе. Оба в отличной физической форме. Невысокий блондин – хороший стрелок. Не позволяй ему воспользоваться оружием. Сигналом будут мои слова «всем лечь на пол». Я надеюсь на тебя, парень, не дай им ранить или убить заложников.

– Не дам.

– Это я и хотел услышать. Удачи. Да поможет нам Бог!

Глава 5.1

Мэттью развернулся и поднял руки за голову. Заскрежетал металл, дверь отворилась.

– Я без оружия, со мной медбрат. – Вуд обернулся на стажёра: – Парень, назови своё имя.

– Чайтон Ридж. Я должен осмотреть и перевязать раненого. Пожалуйста, не стреляйте в меня.

Открывший двери здоровяк рассмеялся. Вблизи он выглядел просто огромным: не менее двух метров ростом и далеко за сто килограммов весом. Мэтт понял, что одолеть эту махину, не применяя оружия, будет непросто.

– Не дрейфь, сосунок, мы не убиваем детей. Чемоданчик на пол, руки за голову. Я должен вас обыскать.

Бандит закрыл дверь на металлический провод и защёлкнул замок. Всё это время он не сводил глаз с вошедших. За

вторыми дверями в их сторону были направлены автоматы двух других преступников.

Стэнли толкнул агента в грудь:

– На колени, руки за голову. Сука, дёрнешься – пристрелю!

Мэттью опустился на ледяной пол, ощупывая взглядом массивную фигуру налётчика, пытаюсь рассмотреть, чем тот ещё вооружён. Пистолетной кобуры или выпирающей из-под одежды рукояти видно не было, ножа – тоже.

Здоровяк тщательно обыскал их. Заметив, что у Чайтона под рубашкой надет жилет, он насторожился.

– Эй, мелкий, зачем тебе бронежилет?

– Мне велели его надеть. Я не хотел сюда идти. Пообещали, если что – он защитит. – Индеец изобразил на лице неподдельный испуг.

– Я же сказал: мы не убиваем просто так. Ты, часом, не из ФБР? – Стэн сверлил паренька тяжёлым взглядом.

– Нет, я из окружной больницы. Нас прислали на случай стрельбы для оказания медицинской помощи раненым. – Ридж чуть ли не заикался от страха, умело играя свою роль. В не по размеру большой одежде медбрата он казался щуплым мальчишкой. – Вы же не станете в меня стрелять?

Грабитель начал раздражаться. Толкнув стажёра в спину, он недовольно проворчал:

– Сказал же, «нет». Не хватало ещё, чтобы ты штаны обмочил. Иди за мной и смотри не делай глупостей.

Амбал отворил вторые двери.

Чайтон и Мэтт оказались в просторном, сверкающем блеском стекла и зеркал помещении торгового зала. На покрытом белыми плитками полу вдоль витрин сидели три женщины и девушка-подросток; их испуганные лица немногим отличались цветом от мрамора.

Сердце Вуда предательски сжалось и пропустило удар. «Спокойно... Один, два...»

На щеках измученных заложниц проступали дорожки слёз, следов побоев заметно не было. Казавшиеся огромными на бледном лице глаза Кэтлин в упор смотрели на агента ФБР. Он знал, что определит её состояние по первому взгляду. Сейчас в карих омутах читались радость и надежда.

Мэттью постарался абстрагироваться, не думать о том, что пришлось выслушать женщинам, какие угрозы сыпались в их адрес. Он досчитал до десяти про себя и перевёл взор на Грейс.

Наводчица расположилась в нескольких метрах от двери, недалеко от неё сидели Лилибет, Кэт и две продавщицы. Красивая блондинка держала голову раненого охранника у себя на коленях. Девушка промокивала вспотевшее лицо Хота бумажной салфеткой и что-то шептала, вероятно, слова ободрения.

Вуд знал, что именно благодаря полученной от девицы информации налётчики, задумавшие ограбление, выбрали этот день и этот магазин, а судьба привела сюда Кэтлин за

несколько часов до его свадьбы с Лесси. Мэтт не мог решить: злиться ему на молодую женщину или благодарить?

Затравленный, растерянный взгляд блондинки говорил, что вся эта ситуация никак не укладывается в её представлении об ограблении магазина. То, как она ухаживала за раненым, указывало на доброе сердце девушки. Наверняка она не ожидала, что дружки станут избивать заложников и применять оружие.

«Наивная! Считала, вооружённая троица зайдёт в магазин, скажет, „Это ограбление“, откроет рюкзаки – и управляющий вместе с охранником набьют те доверху деньгами и бриллиантами... Легковерная дурочка вместо райской жизни получит срок и лучшие годы проведёт в колонии».

Оценка Мэттью была верна: Грейс Браун не представляла, что ограбление превратится в избиение с выстрелами. Она смотрела на бывшего мужа, на его готовность в любую минуту сорваться и пустить в ход оружие. Девушка знала силу его кулаков, а сейчас имела возможность оценить, какой он стрелок. Она согласилась участвовать, дабы обрести свободу, получить средства для того, чтобы сбежать от этой троицы, но судьба в очередной раз повернулась задом. Блондинка всегда принимала не те решения.

Грейс мечтала выйти замуж за мужчину, который сможет защитить её от издевательств и приставаний старшего брата, но громила-Стэнли оказался не тем, за кого она его принимала; он буквально ел с руки Алекса и не хотел слышать ни

о каких домогательствах, называя жену шлюхой, строящей глазки собственному брату. Кларк частенько бил её в пьяных приступах ревности.

А не так давно к этим двум присоединился их давний приятель, Макс Уорд, и жизнь Грейс стала просто невыносимой. Садист-Уорд умел ударить так, чтобы не оставалось следов, хотя боль от побоев была ужасной. Сивому хорьку очень хотелось попробовать тела роскошной блондинки. Красота для Грейс стала не наградой, а карой...

«Неужели Грег обеднел бы от нескольких миллионов?»

Девушка подняла голову и встретилась взглядом с федералом. Она увидела, что агент читает её как открытую книгу. Грейс поняла: никто и никогда не выпустит ни её, ни подельников из магазина, по крайней мере, живыми. Фэбээровец всё знал о ней – значит, и о других. Однако в наивном сердце блондинки теплилась надежда: вдруг она ошиблась, и через час самолёт с полными баками топлива поднимет её в бескрайнее небо, а в дорожной сумке, купленной на распродаже в соседнем супермаркете, приятной тяжестью будут лежать десять миллионов долларов?

Мэтт снова перевёл взгляд на дочь.

Девочка с удивлением смотрела на высокого, красивого мужчину, как будто знала, кто он на самом деле. Кэтлин же сидела буквально с открытым ртом, разглядывая отца своей дочери; меньше всего она ожидала увидеть его в этом месте.

Вуд переместил взгляд в пол и тут же вновь посмотрел на

Кэт, пытаясь дать знак не удивляться и молчать. Он знал, что сейчас на него обращено внимание бандитов, и ему не нужно, чтобы те обнаружили их взаимный интерес. Кэтлин поняла Мэттью и, опустив глаза, спрятала сжатые в кулачки руки в карманы серого просторного пальто.

Он почувствовал, как вспотели ладони. Только сейчас Мэтт осознал, что, возможно, зря решил лично обезоружить противника. Подумал и тут же отогнал эту мысль: он обязательно справится с поставленной задачей, иначе просто не может быть. Вудразглядывал грабителей, пытаясь оценить, на что те способны. В его задачу входило разъединить эту тройцу и попытаться утянуть Кларка в сторону.

Молчать дольше было нельзя (люди в масках начинали нервничать), и фэбээровец заговорил:

– Я Мэттью Вуд. Как мне обращаться к вам?

Высокий кудрявый брюнет ответил за всех:

– К нам не надо никак обращаться. Вы пришли убедиться, что с заложниками всё в порядке. Убедились? Теперь можете идти. – Специальный агент не отреагировал на его слова, и Алекс добавил: – Надеюсь встретить вас возле автобуса с нашими деньгами и оружием.

– Обязательно. Но я не вижу управляющего. Это все заложники? В подсобных помещениях людей нет? – Мэтт обвёл взглядом зал, стараясь не смотреть на Кэт с дочерью, но его тянуло к ним как магнитом.

– Больше никого нет, и не надо делать вид, что вам это

неизвестно. А что касается управляющего, то он немного занят: вспоминает код сейфа. Но если вы хотите увидеть его...

Браун обернулся к невысокому блондину с забранными в хвостик волосами:

– Приведи старика сюда, пусть посмотрит на федерала, – затем опять обратился к Вуду, внимательно глядя на него, сиюсь что-то вспомнить: – Я не мог видеть вас прежде? Уж очень лицо кажется знакомым.

Мэттью отлично знал, отчего его внешность показалась главарю знакомой, и попытался отвлечь преступника: он сделал шаг в сторону Александра, и тот сразу же напрягся и начал следить за рукой агента, вынимающего что-то из кармана пальто.

– Если вы снимете маску, – Мэтт достал упаковку мятной жвачки, отправил одну в рот и жестом предложил брюнету, – может быть, я смогу вам помочь и припомню, где и при каких обстоятельствах мы встречались.

Качнув головой, Алекс отказался от угощения и нагло ухмыльнулся:

– Ну уж нет! Я слишком стеснителен и безобразен. Не хочу, чтобы вы вспоминали меня в ночных кошмарах.

Стэнли захохотал над словами приятеля. Вуд отметил, что из троих этот бугай был самым нервным, готовым в любой момент сорваться.

– Ага, мы все страшны и опасны. Ну что, лекарь, приступай к своим обязанностям. – Амбал подошёл к Чайтону и по-

ставил перед ним чемоданчик. – Давай пошевеливайся, время не ждёт. Нам не терпится поскорее убраться отсюда.

Он тронул за плечо бывшую жену:

– Грейси, детка, опусти голову охранника на пол и отойди в сторону.

Красотка закатила глаза и вздохнула; наверное, она до сих пор удивлялась его тупости. Он только что выдал, что они знакомы.

Мэттью сделал вид, будто не обратил на это внимания. Он посмотрел на дочь; та опустила взгляд. Девушка рассматривала стеклянный шар со вставленной внутрь ёлкой и фигуркой Санта-Клауса, который держала в руках.

Вуд начал двигаться в противоположную от заложников сторону, делая вид, что его привлекла дверь подсобки. Он старался увести бандитов за собой в другую часть зала. Стэн не отставал от него ни на шаг, но Александр остался стоять на прежнем месте.

В это время Уорд ввёл в зал пожилого мужчину, фигурой и осанкой похожего на Грега Прайса. Лицо управляющего пересекали несколько ссадин и покрывали кровоподтёки, руки были связаны за спиной. Блондин толкнул старика – тот тяжело упал, растянувшись рядом с охранником, и закричал от боли.

Мэтт сделал невольное движение в его сторону, но Кларк тут же направил дуло автомата в живот агента.

– Не дёргайся, иначе тому парнишке придётся оказывать

помощь уже двоим.

– Мистер Прайс, с вами всё в порядке? – кинулась к мужчине Грейс.

Управляющий простонал:

– Кажется, я сломал ногу. – Он попытался руками выпрямить вывернутую под неестественным углом ступню, но вскрикнув от пронзившей конечность боли, отказался от этой затеи.

Макс с улыбкой наблюдал за страданиями старика; ему явно было по душе происходящее в этом зале, нравилось властвовать над испуганными и беззащитными людьми.

Вуд продолжал анализировать поведение налётчиков: «Интересно, за что же всё-таки тебя уволили из армии? Ох уж эта круговая порука армейцев! Оставить на свободе садиста, для которого жизнь человека ничего не значит... Подобралась компания: урод на уроде. Скажи мне, кто твой друг...» Мэттью захотелось закурить, что он делал крайне редко. «Надеюсь, Ридж сумеет обезвредить бывшего военного до того, как тот начнёт стрелять»

Глава 5.2

Вуд, конечно, был очень благодарен Чайтону, что тот своей грудью закрыл его дочку от пуль, но ему вовсе не нравилось, какими глазами эти двое смотрели друг на друга. В голове Мэттью возникла неприятная мысль, что он сам пригласил в жизнь Лилибет постороннего парня. Получалось, спас дочь

от одних, чтобы отдать другому.

Мэтт не хотел грубо прерывать их перегляды и отошёл в сторону. Кроме того, у него оставалось ещё одно незаконченное дело.

Он окликнул Беттани, присоединившуюся к Бену:

– Бетти, ты не освободишь меня от жучка? По-моему, всё, что нужно, вы уже услышали. И, кто-нибудь, принесите одежду стажёру!

Хаппер направилась к шефу, одаривая его широкой улыбкой.

– Ну вот, красавчик, не дал мне ещё немного покопаться в твоих тайнах! – Присев, она сняла с ноги Вуда микрофон и кивнула в сторону Кэт: – Помощь нужна? А она действительно красавица! Смотри, чтобы Брюс не увёл из-под носа.

– Сам знаю! – хмыкнул Мэттью. – Пусть только попробует. Интересно, чем ты можешь помочь?

Он улыбнулся, слегка приподняв брови, и проговорил, сделав небольшой упор на третьем слове:

– Прослушка мне пока не нужна, а помощи я собираюсь просить в другом месте, но спасибо за предложение.

Беттани рассмеялась:

– Вот что мне в тебе нравится, так это осторожный оптимизм. Ты постоянно ожидаешь от жизни подвоха, оттого всегда готов к нему.

– Если бы... Не в этот раз...

Выйдя на улицу, Мэтт высматривал за ограждениями

Джона, где тот должен был дожидаться окончания спецоперации. Высокая фигура озябшего человека, подпрыгивающего на холоде, выделялась на фоне одетой тепло толпы любопытных вашингтонцев.

Вуд попросил полицейского пропустить мужчину за борты.

– Я вижу, вы совсем замёрзли. Это не дело. Необходимо срочно согреться, даже, наверное, самым доступным способом: принять чего-нибудь горячительного. Куда вы так вырядились? Здесь не Калифорния.

Джон постучал ногой об ногу.

– Это я уже заметил. Отвык от вашей погоды. Мы прилетели всего на три дня. Не думал, что такое свалится в первые же часы на наши головы. – Мужчина принялся растирать руки, с тревогой вглядываясь в бесстрастное лицо агента. – Не тяните. Что там с девочками? Я видел, как в реанимацию грузили носилки.

Мэттью прервал его:

– Я же обещал, что с ними ничего не случится! Всё хорошо: преступники обезврежены, никто из заложников при этом не пострадал. Скорые увозили раненого охранника и управляющего. Поверьте, если тут кто-то и нуждается в помощи, то это я...

Он пытался подобрать правильные слова.

– Мы с вами не совсем незнакомы, встречались однажды, если, конечно, вы не забыли. Это произошло в одном из тор-

говых центров Финикса накануне Рождества, десять лет тому назад. Кэтлин нас тогда ещё представила друг другу и назвала вас своим мужем.

Джон кивнул. Он хорошо помнил тот день, ведь именно после этой встречи Кэт рассказала ему всю правду об отце-дочери и потребовала дать обещание, что никто и никогда не узнает об этом от него.

– Отлично помню.

– Из-за вас я тогда не сконцентрировал внимание на малышке. Мне заморочил голову цвет ваших волос... – Мэтт немного помолчал. – Так вот, вы должны мне помочь!

Мужчина внимательно слушал спонтанную речь фэбэ-эровца.

– Я попрошу вас сейчас уехать. Мне необходимо поговорить с Кэтлин и дочерью, а ваше присутствие может помешать. Девочки должны поехать со мной. Их всё равно необходимо показать врачу. Вы же не хотите, чтобы остаток вечера, возможно, и ночь они провели в больничной очереди? У моего отца частная клиника, и осмотр не отнимет много времени. Я не сделаю им ничего плохого. Думаю, за меня сможет поручиться Сэм.

Выслушав необычную просьбу Вуда, кандидат в новые родственники улыбнулся.

– Можете больше ничего мне не говорить, ответьте только на один, нет, на два вопроса. – (Мэттью кивнул в знак согласия.) – Вы женаты?..

Агент заговорил сразу же, не дав задать следующий вопрос:

– Не женат и никогда не был. Это долгая история, и то кольцо не было обручальным. Я сразу отвечу и на второй: я ничего не помнил о той ночи и не знал о Лилибет. Поверьте, я никогда не поступил бы так с подружкой младшей сестры. Всему виной выпитый без меры алкоголь. Я не знал о беременности Кэт, хотя это несколько не умаляет моей вины. Не знаю, готов ли был я стать мужем в двадцать лет, но от дочери ни за что не отказался бы.

Мэтт замолчал на несколько секунд, понимая, что оправдания могут показаться ложью мужчине старше его всего на несколько лет, но взявшего на себя ответственность за воспитание чужого ребёнка.

– Я хочу сказать, что очень рад тому, что у меня есть дочь! Вероятно, это мой единственный неосознанный поступок, который дал самый прекрасный результат. И, наверное... я любил Кэтлин, вернее, всегда помнил о ней, а сейчас осознал, как много она для меня значит.

Вуд смотрел в глаза Джона; от того, сможет ли тот ему поверить, зависело очень многое. Мэттью нужен был человек в семье Кэт, который встанет на его сторону.

– Я верю. И давай перейдём на «ты».

Внешне невозмутимый агент с облегчением выдохнул и кивнул в знак согласия, и мужчина продолжил:

– Кэтлин любит одежду красного цвета и фруктовый торт.

Думаю, она до сих пор равнодушна к тебе, раз отказывалась выходить замуж. Лилибет терпеть не может, когда её называют деточкой, и обожает всё зелёное.

Воспоминания о любимых вещах и привычках девушки вызвали улыбку на лице молодого деда. – Она любит смотреть «Формулу-1» и всё, что связано с гоночными автомобилями. Твоя фотография стоит на прикроватной тумбочке в её спальне. Это замечательная девочка, но с весьма упёртым характером. И ещё... она очень любит и, главное, умеет драться. Кэт потеряла счёт вызовам в школу.

– Я точно знаю, от кого у неё эта привычка! – рассмеялся Мэтт. – С этим мы справимся!

Он достал свою визитку и вложил в ладонь отчима Паркер.

– Это мой телефон. Созвонимся завтра. Я, вернее, мы будем ждать вас на ужин.

– Хорошо, я сам объясню всё жене. Мы обязательно будем у вас вечером!

Джон пожал руку Мэттью и направился к изгороди, но тот придержал его за рукав:

– Я хочу сказать вам огромное спасибо за всё! Не представляю, как Кэтлин справилась бы одна. Скажите Рите, что я прошу прощения и... сделаю всё, что в моих силах, чтобы девочки были счастливы!

Мужчина крепко обнял Вуда и похлопал по спине.

– Я уже сказал, что верю тебе. Любимая девочка обрела отца – это ли не счастье для нас с женой? Не бойся, у тебя

всё получится!

Мэтт хотел ответить своим самоуверенным «сам знаю», но вместо этого с его губ сорвалось:

– Очень на это надеюсь.

Он махнул рукой и направился в сторону магазина. Мэттью было необходимо сделать звонок. Он достал сотовый и набрал номер сестры.

– Одри, ты ещё в Вашингтоне? Я знаю, что звонила несколько раз, но не мог ответить: был слишком занят. Лесли сделала отказ? Ты ещё ничего не знаешь? Мы не женимся.

Услышав в трубке радостный вопль, агент улыбнулся.

– Сестрёнка, ты оказалась права: она не та женщина, которая сможет сделать меня счастливым, хотя вовсе не по причинам, о которых ты твердишь столько лет. Знаю, ты в любом случае права. Не перебивай, у меня мало времени.

Сделав паузу, Вудпотер переносицу пальцем.

– Заноза, мне необходима твоя помощь. Можно сказать, вопрос жизни и смерти.

Ничего не услышав после последних слов, он усмехнулся; Одри сложно вывести из себя подобными мелочами.

– Нужно прибрать мою квартиру и приготовить всё для встречи Рождества. Заказать доставку ужина на три персоны и обязательно фруктовый торт, а ещё кучу разных подарков. Хочу угодить красивой женщине тридцати четырёх лет, которая любит одежду в красных тонах, и шестнадцатилетней девушке, увлекающейся гонками и зелёным цветом, – и тут

же без перехода добавил: – Сестрёнка, я женюсь и у меня есть дочь.

Теперь тишина повисла на другой стороне трубки.

– Одри, ты там жива? Подай голос, родная! – Услышав визг, Мэттью засмеялся. – Я собираюсь сегодня сделать предложение.

Лицо агента вытянулось от того, что он услышал на противоположном конце.

– Как это «откажет»? Ты с ума сошла? Она меня любит и у нас есть ребёнок... Что? Кто сказал? – Прошедший курс психологических тренингов агент испытал недоумение и растерянность. – Её отец сказал, вернее, отчим, точнее...

Мэтт скривился, не желая оправдываться.

– Не морочь мне голову! Я говорю «любит» – значит, любит! Ты сомневаешься в моём обаянии?

Одри сказала необходимые братцу в этот момент слова, и он довольно хмыкнул.

– Да, невесту ты прекрасно знаешь. Это Кэт, Кэтлин Паркер, твоя бывшая подруга. Она в одиночку вырастила нашу дочь. Я узнал об этом только сегодня утром. Позвонить не мог: освобождал их из заложников... Конечно, освободил...

Собеседница не прекращая тараторила, сбивая и без того бессвязную речь Мэттью.

– Да, это точно. Мне рассказал Сэм. Ты сама всё поймёшь, когда увидишь её. Никаких анализов ДНК не потребуется. Зовут Лилибет. Тебе нравится имя?

Он немного помолчал, отведя трубку от уха, чтобы не оглохнуть от воплей сестры. Услышав, что громко прокричала прекрасно знающая его привычки Заноза, Вуд рассмеялся.

– А вот бить меня не надо! Твоя племянница, похоже, сама замечательно умеет это делать. Удивляюсь, в кого это у неё? Нужно будет подыскать ей такую подругу, какой была для тебя Паркер, иначе мне придётся жить возле кабинета директора школы.

Он опять рассмеялся.

– Выполни мою просьбу и, пожалуйста, объясни всё родителям и гостям. Одри, надеюсь, сегодня вы дадите нам побыть наедине? Ждём вас для знакомства завтра. Передай отцу, что я привезу дочь с Кэтлин на осмотр в клинику через час. Пусть отдаст нужные распоряжения.

Мэтт поморщился.

– Ты можешь дослушать не перебивая? С ними всё в порядке, просто хочу в этом убедиться. Всё, спасибо заранее и до завтра! Нет, кольцо я куплю сам по дороге в клинику или после найду время. Да, и не надо приезжать раньше часа дня. Надеюсь, буду занят всю ночь. Дай отоспаться! – Услышав ответ, он рассмеялся и отключил телефон.

Новоиспечённый отец счастливо улыбался. Он поднял голову, подставляя лицо под холодные белоснежные хлопья. В Вашингтон, вслед за морозом, пришёл снег, заботливо укутывая не успевшую вымёрзнуть траву, покрывая подсохшую

землю пушистым ковром, создавая рождественскую сказку. Для Мэттью этот день стал настоящим сюрпризом.

– Нет худа без добра. Спасибо тебе! – прошептал он, обратив взор к небу.

Наверное, впервые за много лет специальный агент готов был расплакаться, но не мог позволить себе эту слабость.

В огромном здании, первый этаж которого был занят магазином, его ожидали – по крайней мере, Вуд на это надеялся – почти незнакомая любимая женщина и юная дочь, из уст которой он очень хотел бы услышать слово «папа».

Им предстоял серьёзный разговор, в исходе которого мужчина не сомневался. Они с Кэтлин давно стали взрослыми: им не по восемнадцать и даже не по двадцать с хвостиком лет. Зрелые люди должны принимать взвешенные решения. Жить врозь ещё семнадцать лет он не собирался. Мэтт пропустил рождение дочери, её первый зубик, первое слово и первые шаги...

Да, он пропустил шестнадцать лет жизни девочки, но вот рождение и воспитание внуков не пропустит ни за что! А ещё Вуд очень надеялся, что мечта о трёх малышах всё-таки осуществится, хотя в его сердце всегда найдётся место и четвёртому, и пятому!

Стряхнув капли талого снега с лица, Мэттью решительным шагом направился к разбитой двери ювелирного.

Глава 6.1

Лесси уходила от Вуда в третий раз, и этот станет последним.

Дрожащие руки плохо слушались – небольшой чемодан с самыми необходимыми на первое время вещами никак не хотел закрываться. Она бросила на кожаный кейс свирепый взор, ударила кулаком по мягкой крышке и, почувствовав острое желание закурить, побрела на кухню.

Блондинка окинула взглядом сверкающую чистотой, вычищенную её руками комнату, в которой провела немало счастливых минут, и налила в кружку кофе. Достала из сумки мундштук, вставила в круглое отверстие тонкую сигарету, чиркнула серебряной зажигалкой и, прикурив, глубоко затянулась.

Первый раз Лесси расставалась с Мэттью в девятнадцать. Тогда всё было намного проще, не нужно было паковать чемоданы. Короткое сообщение «Я расторгаю помолвку. Прости» – заменило долгие, сложные разговоры с выяснением отношений, скандалы и прочее, чем сопровождались следующие разрывы.

Мэтт с семьёй обустроивали новый дом в районе Джорджтауна в Вашингтоне, Райт же по-прежнему оставалась в Сквиге. Влюблённые решили, что лучше подождать до августа и тогда уже думать: снять ли квартиру в Кембридже, где ему оставалось доучиться в Гарвардской школе права ещё как минимум три с половиной года, или ей переехать в Вашингтон, если сумеет найти там достойную работу? Окон-

читать сыну, не желающему идти по стопам отца, юридический университет, было идеей Харриса, сам же Вуд-младший тогда ещё не определился с будущей профессией.

Но судьба самым безжалостным образом снова вмешалась в их планы.

Ранним утром четвёртого мая блондинка, как обычно, отправилась на пробежку. Маленький срок не требовал правок привычного распорядка дня: она хорошо переносила беременность. Не было токсикоза, головокружений и других проблем, мучающих будущих мам в первом триместре. Единственное изменение произошло с грудью, слегка увеличившейся в объёме и теперь едва вмещающейся в старых бюстгальтерах.

Завтра с утра Лесси собиралась съездить в Порт-Таунсенд – немного обновить гардероб и прикупить несколько комплектов белья.

В начале следующей недели был запланирован визит к гинекологу – первый после нарушения менструального цикла. Она долго выбирала клинику в Сиэтле и остановилась на частной. Никто из родных или знакомых в Сквиме не должен был узнать, что будущая жена Мэттью Вуда ждёт ребёнка. Об этом пока не знал никто, кроме Кэтлин, даже будущий отец младенца.

Паркер можно было не опасаться: она исчезла из дождливого Сквима буквально через неделю после их разговора...

Мэтт несколько минут назад скрылся в ванной комнате, откуда сейчас доносился звук льющейся воды.

После короткого стука в дверь спальни и слов: «Можно войти?» – её распахнула подруга Одри. Выглядела она неважно: тёмные круги под огромными глазами, вместе с болезненной бледностью лица и искусанными, покрытыми лёгкой коркой губами, делали девушку похожей на привидение.

Кэт тихонько зашла в комнату, подняла голову, чтобы осмотреться, и, столкнувшись с обращённым на неё злобным взглядом невесты Мэттью, вздрогнула. Было очевидно, что она не ожидала увидеть Райт в спальне.

Затравленное, виноватое выражение глаз, совершенно несвойственное для обычно весёлой, жизнерадостной брюнетки, говорило о не одной бессонной ночи, проведённой в размышлениях их обладательницей. Кэтлин похудела, и теперь её длинные ноги казались тонкими палками.

Лесси без всякого стеснения поднялась с измятой, разворошённой постели и, глядя в лицо нежеланной гостьи, натянула на голое тело платье. Её распирало от гнева. Проклятая обидчица снова пытается вмешаться в их жизнь. Да как она посмела после той ночи показаться в спальне Вуда?!

– Ты зачем сюда припёрлась? Решила ещё раз соблазнить моего жениха? Не получится. Сегодня он совершенно трезвый, и тебе ничего не светит. – Девушка подошла к двери ванной, закрывая спиной вход в место, где сейчас находился её любимый.

– Ты знала? – с удивлением и растерянностью смотрела Паркер на красивую блондинку, облачившуюся в бирюзовое платье, выгодно оттеняющее выразительные голубые глаза, враждебно взирающие со свежего румяного лица.

– Конечно! Можешь вешать лапшу на уши Одри и её родителям о своей добродетели, а я-то знаю, что за бледным личиком и взглядом невинной овечки скрывается циничная сука, мечтающая прибрать к рукам красивого и перспективного брата полоумной подружки.

– Я ни о чём не мечтаю, я...

– И правильно делаешь! – оборвала соперницу на полуслове Лесси. – Мечтай не мечтай, а Мэттью был и навсегда останется моим.

Она подняла вверх изящную кисть левой руки, растопырив тонкие длинные пальчики, на одном из которых блестело кольцо из белого золота с небольшим розоватым бриллиантом.

– Вот это видишь? Скоро я стану миссис Вуд. Всего лишь вопрос времени.

Кэтлин тяжело сглотнула, явно борясь с желанием броситься прочь, и пробормотала, потупившись:

– Мне необходимо поговорить с Мэттью.

– Интересно, о чём?

Райт внимательно всмотрелась в осунувшееся лицо неожиданной визитёрши, пытаясь понять, что привело эту прячущую глаза скромницу среди бела дня в спальню её же-

ниха. Наверное, нечто такое, что требовало разговора один на один, без лишних ушей и посторонних свидетелей. Блондинку буквально пронзила догадка; сердце ёкнуло и бешено заколотилось в груди, в глазах потемнело от разрывающей душу боли.

– Не может быть... Ты... ты беременна? – вцепилась она взглядом в теперь уже посеревшее лицо воровки чужой любви.

Кэт с испугом смотрела в холодные, сверкающие ненавистью глаза.

– Да, уже два месяца, – с трудом прошептала Паркер осипшим голосом.

– Ну что ж, хочу тебя обрадовать: я тоже! Мэтт мечтает о нашем первенце. Через пару месяцев, пока живот незаметен, мы поженимся. Он даже придумал, где зарезервировать зал для торжества. Скромная церемония всего на триста приглашённых. – Презрительная улыбка коснулась вытянутых в тонкую линию губ. – Если хочешь, можешь попросить Одри вписать тебя в приглашение: Мэттью ни в чём не сможет отказать любимой сестрёнке.

Лесси отошла от двери и стала наступать на вжавшую в плечи голову брюнетку. Девушку душила злоба. Что эта тварь возомнила о себе?! Как посмела покушаться на того, кто уже несколько лет всецело принадлежит только ей?! Какое право имеет эта девица вторгаться и рушить надежды и мечты на счастливую семейную жизнь с рыжим принцем?!

Она заставила Райт изменить любимому человеку, страдать и мучиться от чувства стыда, ревности, угрызений совести. Врать и изворачиваться утром следующего дня, терпеть боль, прятать слёзы обиды... Отобрала первую ночь любви, но больше ничего своего Лесси этой мерзавке не отдаст!

– Посмотри в зеркало, тощая поганка! Какая беременность?! Ты себя-то еле носишь. Бледная, серая, дохлая мышь. На что ты рассчитывала, затаскивая пьяного до невменяемости Вуда в постель? Что он бросит меня и станет встречаться с тобой?

Кэтлин дёрнулась, как от пощёчины, и выставила руки вперёд, словно пытаясь отгородиться от лжи и агрессии злобной голубоглазой фурии.

– Я никого никуда не затаскивала!

– Да что ты! Тогда откуда же твоя беременность? Может, Святым Духом надуло? Нет, наверное, наша маленькая сучка переспала с несколькими парнями, которые не побрезговали её тощим задом, а теперь притащилась к Мэттью, чтобы повесить на него своего ублюдка! – Блондинка буквально рычала от злости.

– Так вот, можешь делать с этим плодом что хочешь! Таблетки, аборт – выбор немаленький. Мэттью никогда, слышишь, никогда не признает твоего ребёнка, а тем более не женится на тебе. – Райт погладила свой совсем ещё плоский живот. – У него уже есть невеста и есть, вернее, скоро будет малыш от любимой женщины, а не от потаскухи! Между

своим и младенцем Кэтлин Лесси выбирает своего.

Она указала брюнетке на дверь спальни:

– А теперь проваливай. Если тебе так необходимо поговорить с Мэттом, подожди его внизу, в гостиной, правда, появится он там нескоро, – усмехнулась в глаза сопернице и слегка приподняла точёные плечики девушка. – Мы ещё не закончили заниматься любовью, так, небольшой перерыв. Мэттью сильно вспотел, и я отправила его в душ. Но ты его непременно дождись. Может, он тебя пожалеет и попросит отца дать денег на хорошую клинику.

Паркер ещё сильнее побледнела, если можно было стать ещё блее; её губы дрожали. Блондинка желала вцепиться ногтями в это худенькое лицо, но её жених был в ванной больше десяти минут и наверняка уже помылся. Меньше всего ей хотелось, чтобы он увидел в своей комнате Кэтлин.

Но в этот раз Бог встал на сторону Лесси: Кэт развернулась и вышла из спальни, прикрыв за собой дверь, так же тихо, как и вошла. Больше она не появлялась в доме Вудов, а скоро, к величайшему огорчению Одри, исчезла из города, не оставив любимой подруге своих координат.

Райт наконец могла вздохнуть свободно и заняться своими проблемами. Необходимо было всё продумать и решить, как лучше рассказать Мэттью о ребёнке. Делать аборт она не собиралась. Тесты на беременность трижды давали положительный результат, но что-то удерживало её от разговора с будущим отцом.

После обследования в клинике она обязательно сообщит Мэтту о малыше...

Глава 6.2

Лесси вставила в уши наушники, врубила на всю громкость плеер и побежала обычным маршрутом, сопровождаемая вокалом солиста любимой рок-группы.

Продолжая бежать на месте, она остановилась на светофоре, дождалась зелёного света и рванула по пешеходному переходу. Будущая мама не заметила выскочившего на большой скорости из-за угла «мерседеса» Эйдана Мура, не видела испуганные глаза пытающегося справиться с управлением взбесившегося автомобиля парня.

Блондинка почувствовала, как что-то с силой ударило в левый бок, – и состоящая из визга покрышек, невыносимой боли, скрежета металла и хруста костей тьма накрыла её с головой. Последнее, что она увидела и услышала, перед тем как провалиться в чёрный мрак, было бледное лицо Кэтлин, её полные слёз глаза после произнесённых несколько недель назад слов: «Таблетки, аборт – выбор немаленький...»

Райт очнулась в больничной палате. Левая нога, подвешенная к какой-то сложной конструкции, находилась в воздухе. Левая рука отказывалась двигаться, упакованная вместе с ключицей по самую шею в гипс. Девушка попробовала пошевелить правой – и несказанно обрадовалась тому, что смогла увидеть измазанную зелёнкой кисть.

Грудь что-то сдавливало. Лесси смогла нащупать пальцами стягивающую повязку.

– Вот это пробежалась. – Она услышала хриплый шелест вместо своего голоса, а затем радостный женский вопль:

– Доктор Вуд, больная из двадцать второй очнулась!

Блондинка не могла понять, откуда в Сквиме взялся доктор Вуд. Единственный врач, которого она знала под этой фамилией, должен быть сейчас в далёком Вашингтоне, разве что и она оказалась там же. Да где вообще она находится? Что произошло?

Девушка не помнила ничего после выхода на пешеходную дорожку. Сосредоточившись, она напрягла память. Светлые сполохи пробежали под сомкнутыми веками, вытаскивая воспоминания о болезненной темноте, поглотившей разум, и лице Кэт.

Райт простонала, прижав к животу руку:

– Малыш, мой малыш... Что с ним?

– Мы не смогли сохранить беременность. Ты потеряла ребёнка.

Сквозь пульсацию в висках она расслышала знакомый бархатный голос, так похожий на голос Мэттью, и открыла глаза. Возле кровати стоял красивый светловолосый мужчина в белом халате. «Харрис», – подсказала память.

– Только не плачь. Тебе нельзя волноваться: может подняться давление. Мы слишком долго боролись за твою жизнь, чтобы снова тебя потерять.

– Что со мной? Что случилось? Мэтт знает? – Каждое слово отдавалось болью в груди.

– Мэттью будет в Сквиме сегодня вечером. Тебя сбил автомобиль Мура. Он сделал всё, что мог, чтобы уклониться «мерседес», но всё-таки задел тебя по касательной.

– Эйдана? – Потрескавшиеся, распухшие губы с трудом слушались хозяйку.

– Да, у машины отказали тормоза. Невероятно. У «мерседесов» не бывает заводского брака, но, очевидно, кто-то что-то где-то недосмотрел, а отвечать пришлось тебе.

– Что ещё, кроме... – Слёзы лились по покрытому синяками и ссадинами лицу.

– Сломаны три ребра, левая нога в двух местах и ключица с левой рукой. Но всё не так страшно: через шесть месяцев будешь как новенькая, а через три года сможешь снова забеременеть.

– Вы рассказали Мэтту о ребёнке?

– Нет, и тебе не советую этого делать. – Харрис смотрел в недоуменные глаза невесты сына. – Ребёнок не мог быть от Мэттью.

Доктор немного помолчал, пытаясь подобрать слова, которые не обидят девушку.

– Лесси, в нашем роду не было чёрных, а у мальчика явно выраженные негроидные гены.

– Как?.. – смогла прошептать лишь одно слово Райт.

– Тебе виднее, «как». Я заметил, что ты нервничала в по-

следнее время. Не хочу влезать в ваши с Мэттью отношения, знаю, как давно ты его любишь, и если это произошло... значит, на то была серьёзная причина.

Он жестом пресёк попытку блондинки заговорить.

– Ты не должна никому ничего объяснять. Меня, кроме врачебной тайны, держит нежелание сделать сыну больно. Ты очень ему нужна. Пусть нерождённый плод измены станет нашим секретом. Я обещаю, что он никогда ничего не узнает.

– Спасибо...

Девушка закрыла глаза, жажда умереть и оказаться в аду, где, собственно, и находилась последние месяцы жизни. В голове крутилась где-то прочитанная фраза «Бог дал, Бог взял». Наверное, совсем скоро, если всё будет так плохо, она перестанет верить в этого Бога.

Ребёнок Эйдана, умерщвлённый машиной Эйдана – насмешка судьбы. Только смеха нет, даже сквозь слёзы. В груди удушающая горечь, не проходящая боль, холодная пустота и вопрос: как и с кем жить дальше?

Райт в тысячный раз проклинала тот февральский вечер и собственную глупость. «Всё могло быть по-другому, если бы...» – эти слова намертво впечатались в мозг, каждый раз приобретая новое значение. В этот раз «если бы» стоило жизни её ребёнку.

Лесси сжала живот рукой и зарыдала, тихонько, с подвыванием, как плакала не в первый раз. Жизнь с Вудом-млад-

шим постепенно делала её похожей на серого изворотливого хищника...

Вечером того же дня прилетел Мэтт и уже через полчаса после посадки самолёта был в палате любимой. Он обнимал искалеченную невесту, шепча между осторожными поцелуями слова любви, уверяя, что никогда не бросит её и ни на кого не променяет, но Лесси хорошо знала цену его обещаний.

В тот раз она бросила Мэттью сама. Почти через год после выписки из больницы, через десять месяцев после первого, очень настойчивого предложения Эйдана выйти за него замуж.

Душа Райт в тот момент была пуста и черна. Она тяжело выходила из депрессии, боль от потери ребёнка не прошла бесследно. Жажда мести буквально разрывала блондинку изнутри; она желала крови, сломать в ответ чью-то жизнь, сделать так же больно, хотела поделиться мерзкой, сжирающей душу пустотой. Лесси слишком любила Вуда, чтобы наказать своей болью единственного виновного по-настоящему во всём...

Девушка вышла за Брюса Грея, к тому времени разорвавшего помолвку с бесплодной, как выяснилось, Меган.

Свадьба была пышной: триста гостей, лучший зал в одном из великолепнейших отелей Вашингтона – «The Fairmont Washington». Как она говорила Кэтлин. Только вместо рыжика рядом с ослепительно красивой, утопающей в белоснеж-

ных кружевах подвенечного платья белокурой невестой, с замиранием сердца и щемящей тоской в груди произнёсшей безжизненным голосом «да», у алтаря стоял блондин, обещающая: «В радости и горести, в богатстве и бедности...»

Бедность Райт не грозила: причитающаяся после развода сумма была заранее оговорена брачным контрактом. Полученные в качестве отступного после нескольких судов с компанией «Мерседес-Бенц» деньги, увеличенные удачным вложением в бумаги банка отца Брюса, также обеспечивали безбедную жизнь на долгие годы.

Превратив недолгую семейную жизнь в сущий ад, Лесси отомстила одному из участников злополучного вечера, разрушившего хрустальную мечту её детства. Блондинка была уверена, что после такого опыта Грею вряд ли захочется ещё раз связать себя узами Гименея.

Райт решила вернуться к Мэттью, пустившемуся после их разрыва во все тяжкие. Вернее, не во все, а в одну: он будто поставил себе задачу переспать с как можно большим количеством представительниц прекрасного пола. Наверное, пытаясь таким образом излечить ущемлённое самолюбие, доказать себе и окружающим, что любая понравившаяся ему девушка будет счастлива прыгнуть в постель молодого красавчика. Любая, кроме той, что ушла к другому...

И эти представительницы были действительно прекрасны. Лесси пришлось немало потрудиться, дабы вернуть себе рыжего принца. Несмотря на глубокую рану, Вуд продолжал

любить голубоглазую блондинку. Он возвратился к ней после двух месяцев яростного сопротивления.

Но это был уже другой Мэттью: самонадеянный до одури, уверенный, что всё и вся будет у его ног, стоит лишь сильно захотеть. Он определился с профессией. Юриспруденция больше не привлекала не желающего корпеть над бумагами студента – Мэтт решил получить степень бакалавра и поступать в Национальную академию ФБР; наверное, его прельщала возможность в открытую носить оружие и чувствовать себя крутым мэном.

А ещё Вуд начал видеть сон, один и тот же, приводящий её в ужас. Он иногда шептал по ночам имя Кэтлин, испытывая при этом оргазм, неописуемым блаженством экстаза отражающийся на сонном лице. С реальными охотницами за красивым стажёром ФБР она могла бороться, но что было делать с его снами?

С этих пор Райт начала бояться призрачной Кэт, опасаться того, что однажды она появится в жизни Мэттью наяву – и тогда никто и ничто не сможет разлучить того с матерью его ребёнка. А в том, что ребёнок есть, блондинка почему-то не сомневалась; слишком уж любил ту бледную девушку Бог, почти настолько же, насколько ненавидел её саму.

Глава 6.3

Запивая глотками кайф от каждой затяжки, Лесси допила чашку горячего напитка. Сигареты под кофе всегда давали

стоцентный эффект. Так хорошо ей бывало только после массажа Эйдана Мура.

Эйдан...

Она отлично помнила, после какого события решила со-
четаться браком с мужчиной, которому когда-то отдала дев-
ственность...

Мэтт возвращался домой из длительной командировки в
Финикс.

Ещё в аэропорту он попытался сделать Райт предложение,
в первый раз после её бегства под венец с Брюсом. Даже не
само предложение – Вуд попросил Лесси родить ему ребён-
ка.

Необходимые для полноценного восстановления организ-
ма три года прошли, но она по-прежнему принимала про-
тивовозачаточные. Блондинка боялась ещё раз пережить поте-
рю малыша, вновь ощутить ужасающие опустошение и холод
внутри, которые мучили её много лет в ночных кошмарах.

Райт рассмеялась тогда глупой шутке любимого, но вече-
ром ей стало не до смеха...

Мэттью надел на палец Лесси кольцо и попросил стать его
женой. Всё как положено: шампанское, розы, коробочка в ле-
вой руке, склонённое колено у дрожащих девичьих ног, ди-
кий необузданный секс после слов «я согласна», а потом...
потом был рассказ о встреченной им в торговом центре Фи-
никса пропавшей подруги Одри, слова о том, как та похо-

рошела, какая прелестная у Кэтлин дочь и муж-счастливец, владеющий маленьким рыжим сокровищем и женой-красавицей.

Блондинка расслышала неприкрытую зависть в словах Мэтта и поняла, что толкнуло его на помолвку: любимый хотел ребёнка, не догадываясь, что он у него уже есть. И у Райт мог быть, только тогда она жила бы в браке с другим женщиной и, возможно, была бы по-настоящему счастлива.

В ту ночь Лесси не смогла сдержать слёз при вздохе Вуда и произнесённым вслед именем – Кэтлин. Жених проснулся от её рыданий и долго успокаивал, объясняя плач невесты переутомлением и переживанием от насыщенного событиями праздничного вечера.

Это было первое Рождество, от которого девушка не ждала ничего хорошего и не загадала желание. Хотеть в этот раз было нечего, вернее, она не веровала в исполнение своей мечты. Не верила и боялась желать счастливой супружеской жизни, понимая, что может потерять всё в любой момент.

Выхолащивающая душу паника, обусловленная множеством «если», была почти осязаема. Если только Мэттью узнает правду... Если Кэт захочет рассказать... Если Джон бросит свою жену... Если...

Опять короткое слово взрывало по ночам мозг, и невозможно было это терпеть, смиряясь с вновь проснувшимися страхами. Райт мучили приступы ревности – она нередко закатывала истерики после поздних возвращений Мэтта, пола-

гая, что понятия верность, смелость, честность – девиз ФБР – распространялись только на его работу.

Тьма с холодной пустотой внутри вновь надвигались на блондинку, и темнота не была безлика: бледное лицо с искусанными губами...

Вуд долго переживал ту случайную встречу в Финиксе. Лесси ловила завистливый взор жениха, устремлённый на любого рыжего ребёнка. Она стала замечать такие же взгляды, бросаемые в спину стройным брюнеткам. Мэтт думал о подруге сестры, даже не осознавая этого. Призрачная Кэтлин начала приобретать реальные очертания. Нужно было снова бороться, но Райт слишком устала от многолетнего противостояния, устала бояться, прятаться, врать, чувствуя, что ещё немного – и она сорвётся.

Решением проблемы на тот момент представлялся Эйдан. Он часто звонил, словно чувствовал, что с девушкой творится что-то неладное. Иногда она соглашалась на короткие встречи за чашечкой кофе с безнадёжно влюблённым мужчиной, заранее зная, чем закончится свидание: очередным предложением руки и сердца.

Лесси всё чаще задумывалась: может, именно Мур станет той самой панацеей? Возможно, с ним она наконец обретёт спокойную, счастливую жизнь? С Эйданом нет нужды притворяться другим человеком. Ему Райт сможет рассказать о боли, столько лет съедающей душу, о потерянном ребёнке – их совместном ребёнке, мальчике, так и не увидев-

шем свет...

Вторая свадьба была намного пышнее первой. Почти тысяча гостей, совершенно незнакомых блондинке: деловые партнёры и коллеги по бизнесу мужа, друзья его отца. Слишком много, чтобы запомнить их имена, слишком богатые, чтобы не узнавать лица, мелькающие на обложках различных журналов. Сливки общества «сливочного» папы Эйдана.

Это замужество было намного приятнее первого. Лесси не нужно было мстить мужчине, забравшему её девственность: за ним вины в тот вечер не было.

Они много путешествовали. Он старался показать любимой весь мир. Мур готов был подарить ей всё, включая себя, мог осуществить каждый каприз, любую мечту. Но хозяином хрустального замка мечты девушки по-прежнему был рыжий принц, и он звал её назад по ночам...

Лесси не могла понять своей зависимости от Мэттью. Это было похоже на ломку. Ей необходимо было чувствовать рядом присутствие Вуда, слышать его глубокий голос, вдыхать его запах – цитрус со свежестью мокрой кожи. Любимый одеколон Мэтта, подаренный Эйдану, пах на том совершенно по-другому. Блондинка опасалась снова бояться и не могла не хотеть этого...

Второй муж наблюдал, как потихоньку угасает блеск в голубых глазах любимой женщины, ловил на себе её задумчивые растерянные взгляды. Он замечал, как Лесси отдаляется

с каждым днём, и не мог, не хотел мириться с этим. Мура начинало бесить безразличие жены, нежелание родить ребёнка, слёзы по ночам.

Он ощущал незримое присутствие Мэттью даже в постели: сексом блондинка всё чаще занималась с закрытыми глазами. И невозможно прогнать бывшего друга, когда он находится в голове и сердце живущей мечтами Лесси.

Первым о разводе заговорил Эйдан.

Как и в тот вечер, когда девушка рассказала ему о потерянном ребёнке, он долго молчал, не отвечая на вопросы, не замечая присутствия жены в постели. Только под утро Мур разбудил обидевшуюся Лесси поцелуем и высказал то, над чем размышлял всю ночь:

– Нам необходимо разойтись. Я чувствую себя рядом с тобой загнанным в тупик. Невозможно жить в одних отношениях, сохраняя в душе другие. – Он говорил всё это, глядя в глаза любимой женщины.

Блондинка ощущала ту боль, что разрывала сердце безразличного в общем-то ей человека, но помочь ему ничем не могла. Сердце Лесси точно так же кровоточило ежесекундным сжигающим чувством, но совершенно к другому мужчине.

– Ты больна Вудом. Это не любовь и даже не страсть, а что-то другое... Я не знаю, как помочь тебе забыть его. Наверное, чтобы ты смогла отпустить Мэттью, он должен тебя прогнать. Ты до сих пор веришь в то, чего никогда между

вами не было и не будет.

Эйдан долго молчал, вглядываясь в любимое лицо, пытаюсь что-то прочесть в голубых глазах, но не нашёл того, на что надеялся, а потом, словно подводя итог прошлому, сказал намертво врезавшиеся в память слова:

– Я буду ждать тебя. Позвони, но только после того, как вы окончательно порвёте друг с другом, – и я приду за тобой. Мне будет чем занять себя в ожидании: я построю замок. Настоящий, не призрачный, что в твоих мечтах. Каменный, а не хрустальный. Его никто не сможет разбить. Приходи и стань его хозяйкой, когда поймёшь, что у принца чёрные, а не рыжие волосы! Жить в браке с чужой женой я не хочу!

Развод оформили быстро, счёт в банке пополнился очередной кругленькой суммой. Лесси не нужно было работать ради денег – она занималась этим в своё удовольствие.

Во второй раз Вуд долго не шёл на примирение. Его снова окружали красивые женщины, только теперь вместо блондинок Мэтт предпочитал брюнеток. Райт загадала себе, что если он к ней вернётся, она победит Кэтлин и перестанет бояться брака с Мэттью, выйдет за него замуж и нарожает долгожданных рыжиков.

С детьми оказалось всё намного сложнее...

Девушка не принимала больше таблеток и не пользовалась средствами контрацепции. Она мечтала, что в один из дней скажет Вуду: «Я беременна» – и увидит в зелёных глазах безграничное счастье, смешанное с огромной любовью к

матери долгожданного ребёнка, брак с которой никто и никогда не сможет разрушить.

Лесси ругала себя, называя дурой. Почему эта простая истина не пришла в голову раньше? Это же было очевидно: рождение ею детей навсегда отодвинет призрачную Кэт с дочерью. Мэтт будет упиваться семейным счастьем, бежать домой после трудных заданий, с замиранием сердца ожидая, что дверь ему откроют мальчики и девочка с рыжими волосами, с глазами цвета первой весенней зелени...

Блондинка опять построила себе замок и заселила его в этот раз не принцем с принцессой, а королём с королевой в окружении многочисленных отпрысков, но мечтам снова не дано было сбыться: она не беременела. Чего только девушка ни делала, к каким хитростям ни прибегала, всё было напрасно: семя Мэттью отказывалось давать её плоти новую жизнь.

И вот теперь Лесси уходила в последний раз. В сердце будто что-то, так долго привязывающее её к красивому зеленоглазому мужчине, оборвалось. Эйдан был прав: дабы окончательно уйти, необходимо, чтобы прогнали.

Сейчас в блондинке почти не было ненависти к Вуду, наверное, скоро пройдут обида и боль. Райт отпускала его, освобождая себя, и недоумевала: почему столько лет металась в полутьме в погоне за призрачным счастьем с тем, кто однажды предал и сделал так больно? Для чего истязала ду-

шу обидой и ревностью долгие годы? Что держало её? Ни на один из вопросов она не смогла дать ответа.

Не нужно строить из стекла на песке то, что должно прочно стоять на твёрдой земле. «Я построю замок... Приходи и стань его хозяйкой...»

Блондинка дрожащими пальцами надавила на последний вызов, глядя на экран телефона, как на восьмое чудо света. Она поняла сейчас, кого искала столько потерянных лет. Надёжного и верного, того, кто ни разу не предал, не обидел и всегда был рядом.

Голос Мура ответил из динамика:

– Лесси, я уже подъезжаю. Ты готова?

В этот раз она была готова к жизни без давящих на плечи прошлых обид, без непрерывной лжи и переживаний, к тому, что её будут любить днём и ночью, и черноволосый принц не станет шептать по ночам имя другой принцессы.

– Я собралась. Ты поднимешься за вещами или пришлешь шофёра?

– Я заберу их сам. – Расслышав в любимом голосе возбуждённые нотки, он проговорил: – Ты нормально себя чувствуешь?

– Да, со мной всё в порядке... Теперь всё в порядке!

Эйдан позвонил в дверь через несколько минут. Он долго смотрел в глаза Лесси, прежде чем притянуть стройное тело женщины, страстно поцеловать в мягкие губы. Мур разглядел в голубых омутах то, чего ждал много лет, но всё равно

спросил:

– Это окончательно?

– Да. Какой же душой я была. Прости...

– Давно простил.

Она неловко переминалась с ноги на ногу, не в силах сказать о любви, и к чему-то вспомнила прощальный подарок Вуда:

– Мэтт предлагает нам использовать путёвки и встретить Рождество на Гавайях.

Мужчина улыбнулся, чувствуя растерянность любимой, взял за ручки чемодан и несколько сумок и, указав взглядом на дверь, решительно отверг предложение:

– Никаких Гавайев! Мы летим в Европу.

– Зачем?

– Я хочу показать тебе кое-что.

– Что?

– Замок! И я не желаю больше слышать о Мэттью!

Вцепившись в рукав пальто, желая раз и навсегда объясниться, Лесси остановила Эйдана:

– Мне не нужен замок, мне нужен ты!

– Он нужен мне. – Чёрные глаза светились счастьем. – Я хочу стать частью твоей мечты, если уж ты не можешь жить по-другому.

Не оглядываясь, блондинка захлопнула спиной дверь квартиры, в которой провела не одну бессонную ночь, выплакала множество слёз. Она уходила в новую жизнь, в ко-

торуую увозил не сказочный принц на белом коне, а мужчина на красном «майбахе». Но это не помешало Лесси вновь ощутить себя маленькой девочкой из далёкого детства, без злобы и ненависти в душе, мечтающей о замке и счастье. Её черноволосому волшебнику под силу сделать любую сказку реальностью.

Мур тоже хотел детей, и без разницы, какого цвета будут у них глаза. Один раз у него получилось зародить новую жизнь в любимой, почему бы не сделать этого снова?..

Глава 7.1

Стряхнув капли талого снега с лица, Мэттью решительным шагом направился к разбитой двери ювелирного.

Чайтону уже наложили повязки. От госпитализации он отказался – боязнь навсегда потерять из виду рыжую девушку намного превосходила физическую боль и сейчас стоял полностью одетый, опираясь на худенькие плечи самой юной из заложниц и её матери.

Кэтлин ещё не успела подумать, что делать с юношей, не отходящим от дочери ни на шаг. Она с тревогой смотрела в сторону приближающегося к ним агента, понимая, что придётся о многом рассказать вновь ворвавшемуся в её жизнь мужчине из прошлого, догадываясь, что кто-то известил того ещё до начала операции: среди заложников находится его дочь.

Кэт опустила взор на левую руку Вуда. Не увидев на безы-

мянном пальце обручального кольца, она очень удивилась.

Мэттью заметил беглый взгляд и последовавшее за ним недоумение, промелькнувшее на лице Паркер. Он поморщился и потёр место, где обычно присутствовал тяжёлый перстень. Глупость с кольцом и непонятное бахвальство десять лет назад лишили его возможности жить рядом с этой женщиной и воспитывать свою дочь. С некоторых пор Мэтт перестал носить вызывающий неприятные воспоминания предмет, не надел его и сегодня.

Он привычным жестом запустил пальцы в вымокшие под снегом волосы, взъерошивая и без того торчащие во все стороны рыжие пряди. Это всегда немного успокаивало. Вуд нервничал, не зная, с чего начать разговор, как вести себя с вновь обрётённой дочерью и её матерью.

По велению каких-то высших сил сегодня, накануне Рождества, они зашли в магазин и стали заложницами, позволив именно ему провести операцию по освобождению и наконец узнать всю правду. Мэттью совершенно точно знал, что больше их не отпустит, но как подобрать правильные слова, чтобы убедить в своём полном неведении и невинности? Где объясниться?

Мэтт не мог даже обнять посланных ему судьбой женщин, не мог выразить свою радость от встречи, не привлекая ненужного внимания. Полный чужих глаз и ушей магазин – не место для сложного разговора. Вуд прочёл испуг и тревогу в потемневших омутах брюнетки, видел неисчислимые во-

просы, таившиеся в глубине зелёных глаз девочки. Разговор необходим как можно скорее и начинать его предстоит ему.

– Кэтлин, мы снова встречаемся с тобой перед Рождеством.

Ответа не последовало. Она по-прежнему не шла на контакт, что ни на каплю не облегчало трудной миссии переговоров. Очень сложно говорить об ошибках прошлого, ничего о них не зная.

Мужчина немного растерялся. Он решил переключиться на Риджа, дабы дать Кэт ещё немного времени на осмысление происходящего. Не может же она всё время молчать? Шестнадцать лет, полных неизвестности и безмолвия с её стороны. Когда же наконец придёт время говорить?

Мэттью повернулся к стажёру, переводящему изумлённый взгляд с него на спасённую девушку, только сейчас заметившему их поразительное сходство.

– Чайтон, познакомься: моя дочь Лилибет и её мать, Кэтлин Паркер.

Рыжеватые брови девочки поползли вверх.

Вуд занервничал ещё больше, не понимая, каких слов ждёт от него дочь, чем он только что так сильно её удивил. Было очевидно, она поняла, кем переговорщик ей приходится. Шар не просто так выпал из рук: Лилибет спасала его, и он был очень благодарен ей за этот безрассудный поступок. Она осложнила стоящую перед ним задачу, но осознание того, что кто-то пытается спасти тебя ценой собственной жизни,

ни, и этот «кто-то» не просто знакомый, а твоя дочь, грело душу.

Насколько бы трудным ни оказался разговор, Мэттью чувствовал: девочка его знает и любит. Он представить не мог, почему и за что, но был абсолютно в этом уверен.

– Кэтлин, Лилибет, это Чайтон Ридж, будущий агент ФБР. Поблагодарим его за спасение и отпустим. – Вуд с улыбкой обратился к стажёру, давая понять, что помнит сказанное в фургоне: – Он очень спешит: в клубе его ждут друзья и возможное знакомство с любимой девушкой.

Мэтт с ходу попытался избавиться от Чайтона, не нуждаясь в свидетеле, тем более в таком настырном. Он ещё сам не был знаком с дочерью, а тут этот герой-красавчик нарисовался и пытается запудрить её мозги. Совершенно новые чувства постепенно заполняли сердце зрелого холостяка.

Мысленно произнося: «Дочь», Вуд уже не вздрагивал. Ещё немного – и словосочетание «папа Мэттью» навсегда войдёт в его лексикон.

Но парень не собирался сдаваться, прекрасно понимая намерения Мэтта.

– Мы уже познакомились, – было ответом на последние слова агента. – Спасибо за представление дамам. Хочу исправить твою ошибку. – Ридж посмотрел в зелёные глаза девушки. – У меня были некоторые планы на вечер, но теперь они кардинально изменились, и мне незачем спешить. Я на машине и с удовольствием отвезу вас с мамой, куда вам нуж-

но.

– А вот это вряд ли! – Вуд не собирался ни с кем делиться своими женщинами.

Он обхватил оторопевшую Кэт за талию и прижал к себе, взял за руку Лилибет. Мэттью почувствовал, как брюнетка в его объятиях вздрогнула и напряглась, ощутил, насколько заледенела тонкая ладошка девочки, не один час просидевшей на мраморном полу. Холодность Кэтлин он объяснил растерянностью, а вот за здоровье Лилибет реально испугался.

– Сейчас я отвезу вас к отцу в клинику, чтобы осмотрел врач, а затем приглашаю к себе, вернее, к нам домой, где уже приготовлен рождественский ужин. Никакие возражения не принимаются.

Мэтт заглянул в глаза Кэт и, заметив страх, происхождение которого не мог объяснить, добавил: – Нам нужно поговорить. Мне есть что рассказать, да я и сам хочу о многом расспросить. Вы же понимаете, магазин – это не то место, где мы можем спокойно всё обсудить и принять решение.

– А нам есть что обсуждать и принимать? – Кэтлин сделала жест рукой, призывая удивлённого Вуда дать ей высказать мысль до конца. – Мы с дочерью очень благодарны тебе за спасение. Более того, я безмерно признательна Чайтону за то, что он собой прикрыл от пуль Лилибет. Парни, вы молодцы, настоящие профи, но нас ждёт Джон.

Она замолчала на несколько секунд.

– Мне страшно... Прости, Мэттью, но я не готова сейчас к

разговору, вернее, вообще не готова к нему. Всё так внезапно и неожиданно...

Мысли Паркер метались, слова путались. Ею овладело огромное желание поскорее сбежать из этого места, от всех невысказанных вопросов в глазах. Она вдруг почувствовала себя загнанной в угол маленькой девочкой.

Возвращалось позабытое, с трудом побеждённое ощущение незащитности и потери. Нужен был кто-то, кто сможет сейчас её оградить от зеленоглазого мужчины, вновь пытающегося перевернуть всё с ног на голову, любви всей жизни, но появившейся так некстати, кто сможет всё объяснить. Кэтлин очень хотелось очутиться в спасительных объятиях мамы – Риты.

Брюнетка понимала, что в этот раз сбежать не удастся. И это пугало. Страх накатывал ледяной волной, вызывая дрожь подбородка. Он уже полз холодными липкими щупальцами по позвоночнику, грозя погубить и разрушить всё то, что она создавала много лет; сломать кокон почти уютной, устоявшейся жизни.

Кэт практически созрела, чтобы рассказать Лилибет правду, думала когда-нибудь разыскать Мэтта и поведать ему о дочери, готовилась признаться, но не вот так, сразу обоим.

Девушка переводила взволнованный взгляд с отца на мать, понимая: в прошлом между этими двумя произошло что-то, о чём им было трудно и больно говорить даже теперь, спустя много лет. И если они сейчас уедут, разговор так и не

состоится, отношения не будут выяснены. Оставалось взять всё в собственные руки.

Она прервала повисшее на несколько секунд молчание:

– Мама, может, мне кто-нибудь всё-таки объяснит, что тут происходит? Я вижу живого отца, про которого ты говорила, что тот был военным лётчиком и погиб на Аляске, хотя для покойника он прекрасно сохранился. Вижу, как ты пытаешься сейчас улизнуть, но мне тоже нужен этот разговор. Я хочу знать правду как можно скорее.

Агент поднял взгляд вверх и качнул головой.

– Боже мой, как банально – лётчик-испытатель... Кэтлин, ты зачем меня похоронила? – попытался шуткой разрядить обстановку Мэттью, но этого не получилось: всем, в том числе и ему самому, было не до смеха. – Мне ты сказала, что родила малышку от Джона. Теперь я знаю, что он твой отчим. Дочери сообщила, будто я покойник... Ты так ненавидела меня?

Мэтт не знал, что сказать, ведь виновником этой ситуации был он сам, а сейчас пытался свалить всю вину на Кэт, фактически изнасилованную и брошенную им когда-то. Вуд тяжело вздохнул и огляделся. Говорить здесь, среди полицейских и коллег по цеху, Мэттью не хотел и попытался снова вывести девушек наружу: он переместил руку с талии на плечи брюнетки и, легонько сжав, подтолкнул её к выходу.

– Прости меня, Кэтлин, но Джона здесь уже нет. Он уехал в отель. Я попросил его оставить вас со мной.

Паркер обречённо вздохнула: сбежать не удастся. Девять-десять некуда, придётся ехать в больницу. Она надеялась, что осмотр у доктора не займёт много времени и к ночи сможет избавиться от Мэтта.

Остаться наедине с предметом давнего обожания Кэт боялась. Связь с женатым мужчиной ей ни к чему, даже если он биологический отец её ребёнка. Она не хотела скандала с участием Лесси, не желала разборок и выяснений. Только не сегодня, лимит неприятностей, который способна вынести её психика, исчерпан на годы вперёд.

Вуд видел, что Кэтлин снова чем-то загрузилась, и никак не мог понять, что так тревожит и беспокоит её. Неприятности позади, все живы-здоровы, но настроение молодой женщины ухудшалось с каждой минутой. Он обернулся к дочери; та вела себя намного доброжелательней матери.

Мэттью удивился, как запросто она приняла его появление. Девочка обладала стальными нервами и сильным характером – можно не бояться, что она впадёт в истерику или свалится в обморок. Невероятно, насколько дочь была похожа в этом на Одри.

– Лилибет, сейчас мы поедem в клинику твоего деда, Харриса, а по дороге я тебе кое-что расскажу. – Мэтт повёл женщин к машине, у которой, придерживая поднятые края воротника кашемирового пальто, его поджидал Брюс Грей.

Ридж не отставал, не собираясь упускать из виду понравившуюся девушку, несмотря на открытое недовольство её

отца.

Грей ощупывал взглядом ладную фигурку почти не изменившейся Кэт. Мэттью видел это, и в его голове произвольно всплыли слова Бетти: «А она действительно красавица! Смотри, чтобы Брюс не увёл из-под носа». Один раз другу удалось украсть его невесту, больше он этого не допустит.

Вуду не понравилось холодное чувство, возникшее в районе живота, постепенно перемещающееся к груди, – ревность. Это было неожиданно. Он давно перестал ревновать Лесси, понимая, что бесполезно, и никогда не мог предугадать, к кому блондинка удерёт в очередной раз. Мэтт ощутил, как сжимаются в кулаки пальцы. Напряжение сегодняшнего дня слишком давило, ещё немного – и можно сорваться.

Взглянув в лицо начальника, Брюс понял это и слегка скривил губы в усмешке. Больше женщин Мэттью он уводить не собирался, хватило и одного горького опыта.

– Здравствуй, Кэтлин! Тебя легко узнать: ты почти не изменилась. Разве что немного поправилась и похорошела.

Грей не стал испытывать терпение Мэтта и обратился непосредственно к нему:

– Звонили из управления. Нужно срочно составить отчёт об операции. Если хочешь, я сделаю это за тебя. Вижу, сейчас ты слишком занят. – Он совершенно искренне поинтересовался: – Можно ожидать приглашения на свадьбу?

Ответив на приветствие старого знакомого, брюнетка вскинула взор на Вуда:

– Какую «свадьбу»?

– Не обращай внимания. Слишком трудный день. Брюс так шутит.

Мэттью обернулся к Грею и сдвинул брови:

– Спасибо, друг, буду должен. – На слове «должен» он сделал особый акцент. – Поговорим позже. Как освобожусь, наберу тебя. Увидимся завтра.

Мэтт распахнул заднюю дверь «форда» перед Лилибет. Она с разочарованием смотрела на невзрачный салон серого седана. Отец понял, что не впечатлил обожавшую, со слов Джона, гоночные автомобили дочь.

– Знаешь, все эти голливудские байки про агентов, рассекующих на шикарных тачках, – миф. Главное в нашей работе – оставаться незаметным. Так что полезай в машину, другой у меня нет.

Чайтон распахнул противоположную дверь автомобиля и уже устраивался на переднем сиденье. Недовольно посмотрев на него, Вуд досадливо сморщился, но промолчал. Обойдя машину, он открыл дверь для Кэт.

Парень попытался объяснить своё вторжение, констатируя неоспоримый факт:

– Ну не могу же я в таком состоянии сесть за руль. И мне тоже нужен медицинский осмотр. Скорые-то уже разъехали. Не хочется заново вызывать.

Он обернулся к Лилибет:

– Видишь тот чёрный «БМВ» возле полицейской маши-

ны? Он мой. Я не агент, а только стажёр – мне можно и по-выпендриваться! Как-нибудь я тебя прокачу.

Девушка довольно улыбнулась: «БМВ» на фоне «форда» выглядел внушительно.

– Незачем было отказываться от госпитализации, там бы осмотрели, – сильнее необходимого хлопнув дверью, проворчал Мэттью и велел всем пристегнуться.

Немного прогрев двигатель, он вырулил за ограждение. На чётко очерченных скулах новоиспечённого папаши играли желваки.

– Ты знаешь, что ей всего лишь шестнадцать, а её отец неплохо стреляет? – Мэтт выдержал паузу. – Это так, на будущее.

Он даже не взглянул на Риджа, который широко улыбался в тридцать два белоснежных зуба. Настроив зеркало заднего вида, Вуд посмотрел на Кэтлин с дочерью. Первая отрешённо глядела в окно, вторая пыталась подавить улыбку; её явно развлекала пикировка между мужчинами.

– Лилибет, я обещал тебе кое-что рассказать. Наверное, это следует сделать сейчас, до нашего визита к Харрису...

Оторвав взгляд от окна, Кэт перебила Мэттью:

– Ответь мне сначала: про какую свадьбу спрашивал Брюс? Я не вижу на твоём безымянном пальце кольца. Вы с Лесси развелись? Ты снова женишься? – Она пыталась говорить спокойно, но дрожащий голос выдавал волнение. – Мы попадаем на твоё очередное бракосочетание?

– Я никогда не был женат, а вот женюсь ли, узнаем вечером, хотя мне бы очень этого хотелось. – Мэтт попытался поймать в зеркале взгляд брюнетки, но она опустила голову и глубоко вздохнула, как будто выравнивала дыхание после долгого забега.

Глава 7.2

Услышанные слова стали для Паркер полной неожиданностью. Она побледнела, но попыталась справиться с нахлынувшими эмоциями.

– Как «не был женат»? А ребёнок? Вы жили с Лесси гражданским браком?

– Не было никакого ребёнка. Я не говорил, что Лесси не выходила замуж. Это я не был женат, а она побывала там дважды: сначала за Брюсом, потом за Эйданом. – Мужчина давил на газ, не замечая, что «форд» несётся с недозволенной скоростью.

Кэтлин растерянно пробормотала:

– Как же так?.. А твоё кольцо? Ты же сам сказал, что Лесси... – Она закрыла лицо руками и замолчала.

Вуд крутанул руль; визжа покрывками, автомобиль вошёл в поворот. Чайтон с тревогой смотрел на проносящиеся за окнами ярко освещённые дома, но нарушить тяжёлый диалог не решался.

– Ну, не я первым заговорил о семье. Мы оба понимаем, о чём сейчас идёт речь... Да, не солги мы друг другу тогда,

могли быть вместе много лет назад.

Кэт застонала, обхватив похолодевший живот руками. Страх добрался до внутренностей. Боль жгла, не отпуская, постепенно поднимаясь к сердцу.

Мэттью заметил, на каких цифрах стоит стрелка спидометра, и плавно сбросил скорость.

– А вот я ничего не понимаю! Кто такая Лесси, при чём тут Джон и какое-то кольцо? – Лилибет переводила взгляд с матери на отца. Она не могла разгадать шараду из их слов, и никто не собирался помогать ей в этом.

Мэтт взглянул на Риджа, делающего вид, что ему не интересны секреты семьи девушки. Парню было неудобно находиться сейчас в машине, но он ни за что не покинет её, не договорившись о встрече.

– Лилибет, мы поговорим об этом позже, за ужином. Всё, что я сейчас хочу сказать: произошла чудовищная ошибка. Я ничего не знал о том, что где-то растёт моя дочь, и безумно рад, что ты появилась в моей жизни, и больше ни за что тебя не потеряю. Всё остальное объяснит мама. – Вуд снова кинул взгляд на стажёра. – Это не для чужих ушей...

Он немного помолчал, пытаясь подобрать слова, способные разъяснить девочке его долгое отсутствие, но ничего не шло на ум.

– Бывают в жизни ситуации, за которые потом становится очень стыдно. Вины мамы в случившемся нет. Я уверен в этом.

Лилибет, сверлившая затылок отца, тяжело вздохнула.

– Очень на то надеюсь. Жду не дождусь ужина. Вы не представляете, чего стоит мне не впасть в истерику. Папа-покойник и мама ни в чём не виновная. Хорошенькая ситуация, за которую кому-то теперь стыдно. Почему-то я чувствую себя намного взрослее всех вас, и меня это вовсе не радует. – Последние слова девочка произнесла почти шёпотом.

Агент заскрежетал зубами от бессилия. У него впервые не находилось правильных в данных обстоятельствах слов. Мэттью видел смятение в глазах Лилибет и страдания Кэтлин, понимал, что творится сейчас в душе красивой брюнетки, потому что и сам испытывал нечто подобное. Столько лет жить во лжи, врать всем и вся, скрывая правду, но это не та ложь, которой окутала его Райт.

Кэт должно быть намного горше. Лгать дочери в попытке оградить и защитить... Какой же сильной оказалась та худенькая девушка восемнадцати лет! Что пришлось ей выдерживать, на какие идти унижения?

Боль резала сердце, но Мэтт не знал, как утешить Паркер, что делать конкретно сейчас. Он собирался жениться на ней и сделать всё, чтобы искупить свою вину, но достаточно ли этого? А Лилибет? Что происходит в душе шестнадцатилетней девочки? На какой-то миг Вуд даже обрадовался возникшей между ней и Чайтоном симпатии. Может быть, это смягчит отношение Лилибет к блудному отцу?

– Кэтлин, прости за глупую ложь. Не знаю, что на меня в тот день нашло, почему соврал, а не сказал правду, – пытался объяснить он. Автомобиль снова начал набирать скорость.

Брюнетка зарыдала, не в силах сдерживать слёзы. Дочь обняла её за плечи и стала молча гладить по вздрагивающей спине, понимая, что матери нужно выплакаться. Девушка и правда чувствовала себя намного старше Кэт. Если бы ещё ей понять, что же произошло, но настаивать на разьяснениях она не стала: не здесь и не сейчас.

Ридж обернулся назад и, глядя в глаза Лилибет, уверенно проговорил:

– У нас всё будет по-другому. Я никогда тебя не брошу и не предаю. Я всегда буду рядом!

Девушка улыбнулась и без всякого смущения ответила несколько часов назад впервые увиденному парню:

– Я знаю!

Мэттью с силой надавил на тормоз. Машина резко дёрнулась и остановилась у бордюра, оставив на асфальте чёрный след обгоревшей резины. Все по инерции наклонились вперёд, хватаясь руками за сиденья, пытаясь удержать равновесие и не полететь на пол.

Громко икнув от испуга, Кэтлин прекратила рыдать. Лилибет смотрела на разъярённого агента широко распахнутыми глазами, понимая, что этот человек пришёл в её жизнь навсегда, и если она готова признать в нём отца, то отныне придётся считаться с его мнением.

Вуд сложил руки на груди, пряча кулаки под мышки, и повернулся к Чайтону.

– Давай проясним всё прямо сейчас! Какие «мы»? Лилибет шестнадцать лет, тебе – двадцать один. Неужели ты думаешь, что я разрешу ей с тобой встречаться?

Он вытащил одну руку и поднял ладонью вверх, призывая возмущённого Риджа не перебивать.

– Между вами ничего не может быть. Тебе нужна женщина, а не девочка. Я благодарен, что ты отлично справился с заданием и помог мне всех спасти. Отмечу это в отчёте. Спасибо от начальства и премия тебе гарантированы, но ничего более!

Мэттью пристально смотрел в лицо индейца; если бы глаза могли испепелять, от Чайтона осталась бы маленькая горстка золы.

– После осмотра врача мы доведём тебя до дома и распускаемся навсегда! – Последнюю фразу он произнёс чётким ровным голосом судьи, как бы подводя итог и вынося приговор.

Стажёр выслушал отповедь, не опуская взгляда (казалось, его ничуть не испугала резкость слов Вуда), и ответил:

– Ты можешь кричать, выгонять меня, но я не отступлюсь. Я говорил уже сегодня, что родители встретились и влюбились друг в друга в канун Рождества, и, похоже, со мной произошло то же самое. Это сильнее меня. Я чувствую, что не смогу забыть Лилибет. Ты помнил о её матери все эти годы,

почему же не веришь мне?

– Ты не знаешь, что было между мной и Кэт. Я не хочу повторения этого для своей дочери, вернее, не допущу!

Ридж продолжал смотреть в глаза разгневанного папочки, понимая, что, если отступит, потеряет возможность ещё раз открыто увидеться с понравившейся девушкой. Бороться за счастье он готов до конца.

– Между нами всего пять лет разницы. Я не животное, могу ждать столько, сколько потребуется. Не надо всё усугублять. Я найду способ встречаться с ней тайком. Разреши бывать в вашем доме – и мы всегда будем у вас на виду.

Мэтт еле сдерживался. Ноздри тонкого носа раздулись и нервно вздрагивали, зелёные глаза полыхали огнём.

– Да с чего ты взял, что она будет ждать тебя столько лет?

Парень ответил моментально, как будто успел хорошо обдумать этот вопрос:

– Я окружу её такой любовью, заботой и пониманием, что у неё не будет ни единого шанса сбежать. Да она и не захочет этого! Я тот, кто ей нужен. Чувствую это сердцем!

Лилибет решила вмешаться в горячий спор, раздражённая тем, что никто не собирался спрашивать её мнения. Девочка громко кашлянула, привлекая внимание к себе, и обратилась прежде всего к отцу:

– Прекрати кричать на Чайтона. Не знаю, что произошло когда-то между тобой и мамой, но не надо проектировать ваш опыт на нас! Как будет, так и будет! И поинтересуйтесь,

что думаю по этому поводу я!

Они обернулись назад и с идентичным выражением на лицах в унисон спросили:

– А что ты думаешь?

Если бы мужчины видели себя со стороны. Смуглый и светлокожий, зеленоглазый и черноокий, но с одинаковой уверенностью в движениях, решительной складкой между бровей и упрямым вызовом во взгляде, они казались очень похожими.

Лилибет не выдержала и расхохоталась.

– Я думаю, что вы оба – ревнивые собственники и делите то, что ещё вам не принадлежит. Дайте нам с мамой время понять и принять произошедшее сегодня. Разошлись так, что пух и перья летят, прямо бойцовские петухи! Чайтон, ты даже скорее похож на молодого волчонка, напавшего на мудрую пуму. Смотри, встану на сторону папы – и мы вместе тебя поколотим.

Ридж обиженно засопел, а Мэттью рассмеялся. Он примирительно хлопнул индейца по плечу и завёл двигатель.

– Хорошо, поживём – увидим, но Рождество ты с нами отмечать не будешь. Я даже семью сегодня не приглашаю.

Парень покосился на стрелку спидометра, начинающую подниматься вверх.

– Меня последние полчаса жизни мучает вопрос: а гонять на «форде» по улицам Вашингтона так, словно сидишь в спортивной машине, агентам ФБР можно?

– Даже нужно! – ответил Вуд на автомате, не подумав, что рядом сидит сходящая с ума от любви к гоночным автомобилям девушка.

– Интересная информация, – одарила дочь нервно поглядевшего на неё в зеркало заднего обзора отца ослепительной улыбкой.

– Лилибет, заметь, я сейчас с Чайтоном разговаривал.

Но девочка уже не обращала внимания на Мэтта, а смотрела на хмурого стажёра.

– Чайтон, я пошутила. Ты лев скорее, – решила утешить влюблённого она.

Добрые слова попали в благодатную почву. Ридж успокоился, на смуглом лице снова засияла улыбка.

– Значит, завтра ждите меня в гости. – Он не обратил никакого внимания на громкий рык агента. – Лилибет, что ты хочешь в подарок?

Девушка пожала плечами и промолчала; она порадуется любому презенту, если только все слова красивого парня не сказаны под впечатлением сегодняшних событий, и будет с нетерпением ждать завтрашнего дня, чтобы проверить это.

Лилибет очень понравился напарник отца. Если те волнующие тепло и трепет, возникающие в груди под взором чёрных глаз, называют любовью, то она к ней пришла. Любовь с первого взгляда к мужественному спасителю... Да и машина Чайтона ей очень понравилась...

Кэтлин больше не плакала. Борясь с подступившей уста-

лостью, она глядела на счастливую дочь и вспоминала себя в её годы.

В пятнадцать Кэт переехала к отцу в Сквим, чтобы не мешать Рите наслаждаться семейной жизнью с молодым мужем. В пятнадцать же впервые увидела и на всю жизнь полюбила Мэттью. В семнадцать сгорала от ревности и желания оказаться на месте Лесси, но красивый брат лучшей подруги совершенно не обращал внимания на страдающую от безответной любви девушку.

Это было неправильно, но Кэт ничего не могла с собой поделать. Любовь приходит внезапно, не выбирая время, место и возраст, поэтому осуждать дочь, если это случилось с Лилибет, не могла.

А в восемнадцать с ней произошло...

Глава 7.3

Вуд-младший приехал к шести. Он вошёл, держа за руку ненакрашенную Лесси. За год до этого Паркер рассказала о своей влюблённости Одри. Подруга и сама догадывалась, какие чувства испытывает та к её брату, если, приходя в их дом в гости, не сводит с него глаз.

Девушка смущалась любой шутке красивого юноши, каждому случайному взгляду, брошенному на хорошенькую подругу сестры. Не увидел бы этого разве что слепец, поэтому чувства Кэт не были секретом ни для кого в семье Вудов.

А вот сам Мэттью, казалось, не замечал вокруг никого,

кроме Лесси.

Кэтлин, как и Одри, недолюбливала ослепительную блондинку, хотя не любить Райт ей было не за что. Скорее, она завидовала её красоте. Но принимать участие в разных подлостях, задуманных Занозой против будущей невестки, отказывалась; впрочем, та и в одиночку справлялась неплохо.

Новая затея Одри по разлучению брата с любимой девушкой не нравилась Паркер. Ей хотелось, чтобы Мэтт сам вдруг понял: Лесси – не тот человек, что должен идти с ним по жизни, брюнетка намного лучше подходила рыжему зеленоглазому парню.

Подруга где-то вычитала, что в подобных браках рождаются очень красивые дети, а может быть, просто придумала, убеждая себя, что блондинка принесёт Мэттью сплошные несчастья и одарит её страшненькими племянниками: с рыжими ресницами и бледной, конопущатой кожей.

В этот день они решили представить Кэт во всей красе, дабы Мэтт наконец заметил, что рядом с ним живёт и страдает от неразделённой любви очень красивая девушка. Он обязательно должен увидеть, что Райт – бледная тень на её фоне.

Одри сама выбрала из гардероба Кэтлин вечернее платье, подаренное Ритой дочери на восемнадцатилетие, тонкие шёлковые чулки на тон темнее кожи ног и чёрный лаковый клатч. Дополнили всю эту красоту чёрные туфли Бренды на высоком тонком каблуке.

Причёской и макияжем ещё не вполне сформировавшейся брюнетки Одри занималась почти два часа, но оно того стоило: внешний вид преобразившейся подруги окупал на все сто потраченное время.

На возгласы эмоциональной подруги, что теперь она просто конфетка и только идиот не захотел бы её попробовать, Кэт рассмеялась. Разрешать себя «пробовать», а тем более «снимать фантик», она не собиралась – не в восемнадцать лет.

Рита родила её в восемнадцать, и ничем хорошим для неё это не закончилось. Повторять мамину историю не хотелось, но поразить Мэттью – очень. Лишь поэтому Паркер безропотно терпела все издевательства Одри, не позволяющей жертве «эксперимента» смотреть в зеркало до нанесения косметики.

В покрытом амальгамой стекле Кэтлин увидела красивую незнакомку, обладающую длинными стройными ногами, тонкой талией, округлой грудью, изящной линией плеч и тонких рук. Нежная сливочно-бархатная кожа оттеняла цвет больших карих глаз и припухлость сочных губ. Тёмные блестящие волосы ниспадали мягкими волнами поверх ярко-красного атласного платья.

Одри присвистнула:

– Кэт, детка, да ты нереальная красотка! Дураком будет Мэтт, если не заметит сегодня этого. Была бы я парнем, я бы... – Она перечислила то, что сделала бы с подругой, и

щёки последней покрылись ярким румянцем.

Если бы Паркер знала тогда, чем закончится вечер, что останется от всех её благих намерений...

Вуд-младший приехал к шести. Он вошёл, держа за руку ненакрашенную Лесси, облачённую в повседневную одежду, и очень удивился, когда обнаружил в гостиной сестру с подругой, ведь просил её переночевать сегодня у Кэтлин, а не наоборот. На вопрос брата, что они тут делают, Одри ответила, что шерифа неожиданно отправили в служебную командировку, и они побоялись оставаться одни в доме на окраине Сквима.

Вечеринка удалась на славу. Совместили сразу два праздника, шампанское лилось рекой.

Кэт ловила на себе любопытные взгляды парней, неожиданно рассмотревших в гадком утёнке красавицу, и завистливые – их подруг. Взор же Райт был полон ревнивой ненависти. И только Мэттью по-прежнему не обращал на неё никакого внимания.

Брюнетка попробовала шампанское, которое, как пообещал Брюс, моментально поднимет настроение, но чуда не произошло, разве что к не покидающему душу волнению добавились неприятное головокружение и сонливость. Глядеть на глотающих бокал за бокалом гостей не хотелось. Внимание Одри было полностью поглощено Брэндоном, и она почти не разговаривала с подругой.

Праздничный вечер, обещавший стать триумфом над

Лесси, оказался окончательно испорчен.

Кэтлин видела, как блондинка куда-то ушла, и тоже решила покинуть не в меру разошедшихся ребят, теперь уже пивших на спор. Она поднялась в отведённую для неё гостевую комнату, приняла душ и, не желая надевать тесную пижаму, голышом забралась в постель. Кэт попыталась заснуть, но танцующие под доносившуюся из гостиной музыку овцы никак не хотели считаться.

Паркер крутилась в кровати больше часа и почти уснула к тому времени, как дверь комнаты распахнулась, и на пороге появился с трудом стоявший на ногах Мэтт.

– Вот ты где! Спряталась от меня, девочка моя? А я искал, искал и нашёл!

Он закрыл дверь и направился к постели, на ходу стаскивая одежду.

– Ты сегодня затмила всех, впрочем, как всегда! Прости, что не смотрел на тебя весь вечер. Боялся, что не смогу дождаться ночи. Уж очень ты хороша, любовь моя.

Кэтлин слушала слова комплиментов и не могла понять: спит она или нет? Значит, Мэттью всё-таки обратил внимание, как чудесно она сегодня выглядит, заметил и оценил. И что это сейчас было? Признание в любви?

Брюнетка растерянно смотрела на силуэт почти раздетого парня, собирающегося улечься к ней в кровать, не зная, что делать. Вуд тем временем снял трусы и забрался под одеяло. Он притянул Кэт рукой и, прижав к горячему крепкому телу,

зарылся носом в распущенные волосы.

Её накрыла волна непонятного желания. Девушка хотела оттолкнуть Мэтта, но не смогла поднять ставших ватными рук, хотела закричать, но от волнения пропал голос, и, наконец, решила, что происходящее – сон, раз не может ни двигаться, ни говорить.

Мэттью наслаждался её запахом.

– Как вкусно ты пахнешь, как-то по-новому: клубника с яблоком... Люблю яблоки. Ты самый вкусный плод. Не бойся, я не сделаю тебе больно, буду нежен. Подари мне эту ночь. Я так долго мечтал об этом, так сильно хочу тебя. Поверь мне, расслабься, доверься.

Паркер по-прежнему не могла вымолвить ни слова. Она наслаждалась ощущением мягких губ любимого на своей коже, его горячими поцелуями. Жаркое дыхание Вуда смешивалось с её, обдавая запахом дорогого виски. Кэт впервые целовали, и эти поцелуи дарили невероятную смесь наслаждения с возбуждением.

Мэтт обвёл языком контур её губ и слегка прикусил нижнюю. Брюнетка разжала зубы – и он тут же ворвался внутрь, трогая стенки рта, заигрывая с её языком.

Кэтлин почувствовала, как в бедро уперлась напряжённая плоть, подтверждая серьёзность намерений парня. Пронзая тело, горячая волна желания прошла от поясницы вдоль позвоночника и отдалась покалыванием в кончиках сосков.

Вуд оставил её рот и начал, прикусывая, посасывать неж-

ную кожу шеи. Он коснулся зубами мочки уха – и это вызвало волну томления, сконцентрированного внизу, где-то глубоко внутри. Девушка упивалась новыми ощущениями.

Мэттью плавно спускался вниз, покрывая поцелуями каждый кусочек податливого тела. Кэт вздрагивала, трепеща от прерывистого дыхания возлюбленного, обжигающего места, которых только что касался его язык. Он откинул одеяло и провёл рукой по линии её бедра.

– Ты такая красивая. Жаль, что боишься включить свет, но я вижу всё, что хочу. Ты прекрасна!

Парень взял вишенку затвердевшего соска губами и слегка потянул, перед тем как вобрать в рот. Застонав от нахлынувшего удовольствия, Паркер запустила пальцы в его волосы. Ощущая мягкую шелковистость, она сжала их в кулаке и выгнула спину, прижав грудь плотнее к горячему рту, требуя продолжения ласки.

Брюнетка не могла и не хотела сопротивляться. Зачем, если сейчас исполняется её самая заветная мечта? Мэтт слишком нежен и желанен, чтобы взять и оттолкнуть его. Вуд любит её, она нужна ему. И не сбежит, испугавшись дойти до конца.

– Какая ты вкусная, любовь моя. Такая нежная, мягкая.

Рука Мэттью скользила по бедру, понемногу перемещаясь к месту, где всё горело и трепетало. Кэтлин чувствовала, как напрягся низ живота в ожидании прикосновения. Поставившая от удовольствия, он принялся целовать другую грудь.

Паркер тоже не сдерживала хриплых стонов; она не боялась и не стеснялась касаний, о которых мечтала.

– Хорошая моя, маленькая и сладкая, как же я хочу тебя попробовать.

Мэтт дотронулся пальцами до чувственного выпуклого треугольника между ног Кэт.

– Ты такая гладкая.

Девушка мысленно поблагодарила Одри за то, что та заставила пойти вместе с ней на восковую депиляцию перед этим днём. Боль от неприятной процедуры сполна компенсировалась ласковым восторгом слов и рук любимого.

Он оставил грудь и начал целовать живот, всё ниже и ниже, пока не добрался туда, где только что была его рука. Парень дотронулся до внутренней стороны бедра и провёл ладонью от колена до соединения ног.

– Не бойся, малышка, раздвинь ноги.

Кэтлин послушно развела колени в стороны, и Вуд провёл языком по сосредоточению её желания.

– Какая же ты вкусная!

Она громко застонала. Мэтт надавил кончиком языка на крохотный бугорок и слегка прикусил его зубами. Брюнетку накрыли горячие волны блаженства. Если происходящее было сном, то она хотела, чтобы он длился как можно дольше.

– Ты уже готова принять меня. Только не бойся, я буду осторожен.

Мэттью лёг сверху, немного придавив Паркер весом сво-

его тела, осторожно раздвинул нежные складочки и ввёл внутрь сначала один палец, затем второй. Гибкие, длинные – они осторожно скользили, даря при этом невероятное удовольствие.

Кэтлин дотронулась до атласной горячей кожи юноши и провела рукой вдоль покрытой жёсткими волосками груди.

Вуда била дрожь. Он прорычал:

– Не надо, не шевелись. Мне тяжело сдерживаться. Потом, любовь моя.

Она почувствовала, что пальцы у входа в лоно заменил гладкий твёрдый член Мэтта, ощутила, как тот начал осторожно входить внутрь, мягко расширяя нежные стенки, преодолевая упругое сопротивление.

– Дорогая, согни ноги и закинь их мне на поясницу. Только потихоньку, не торопись.

Кэт осторожно выполнила то, о чём просил парень, и теперь она ещё больше раскрылась для него.

Мэттью соединил в ладони тонкие запястья брюнетки и, подняв их вверх, прижал к подушке, затем накрыл распухшие от поцелуев губы горячим ртом и с силой толкнулся бёдрами. Девичий вскрик потонул в его жарком поцелуе. Боль на миг пронзила всё тело и отпустила, оставив ощущение лёгкого дискомфорта.

– Всё, уже всё. Не бойся, больше не будет больно. Ты теперь моя, только моя. Я давно хотел этого! – Вуд слизал языком одинокую слезу, скатившуюся в уголок её губ.

Кэтлин почти не чувствовала боли: желание и страсть намного превосходили то, чего она ожидала от первого сексуального опыта. Паркер не думала, что Мэтт может быть настолько нежным и чувственным, и благодарила Бога, что тот услышал её молитвы и подарил эту ночь именно с тем, кого так давно и безнадёжно любила.

Отпустив руки Кэт, Мэттью снова начал двигаться – медленно и осторожно. Постепенно он усиливал и ускорял движения. Пальцы девушки впились в его широкие обнажённые плечи. Боли не было, накрывала новая волна возбуждения; хотелось трогать, кусать, целовать тело Вуда.

Она положила ладони на ягодицы юноши и слегка сжала пальцами, оцарапав ногтями мягкую кожу. Мэтт застонал, и ей понравилась такая реакция на свои прикосновения. Кэтлин гладила его спину, плечи, чувствуя, как перекачиваются твёрдые, гибкие мышцы.

Он перестал осторожничать и теперь вторгался мощными толчками, задевая что-то, что отдавало безграничным наслаждением, даря новую гамму блаженных ощущений. Она начала двигать бёдрами навстречу. Кэт хотелось быть как можно ближе к любимому, полнее ощутить в себе. Вуд зарычал: ему нравилось то, что она делала.

Её тело начало непроизвольно вздрагивать. Брюнетка боялась накатывающего ощущения невыразимого удовольствия, не верила, что так бывает, знала из рассказов подруг, что в первый раз не испытываешь почти ничего, кроме боли, но

горячее наслаждение поднималось из центра живота, заполняя собой всё тело, и, наконец, накрыло с головой.

Кэтлин билась в конвульсиях экстаза, воочию увидев тот самый взрыв звезд, а по судорогам и стону Мэттью поняла, что и он испытывает то же самое; и это удвоило и без того граничившее с обмороком наслаждение.

Девушка почувствовала, как горячая струя вырвалась из Мэтта, растекаясь внутри живота жарким теплом, и испытала дикий восторг, чувствуя, как сокращаются стеночки, тесно обволакивая его плоть.

Откинув голову вверх, Вуд застонал. Он ещё несколько раз дёрнулся – и обмяк, накрыв её своим телом.

Кэт лежала под ним, сомкнув веки, жадно вдыхая аромат кожи парня. Её переполняло огромное счастье оттого, что смогла не только получить, но и подарить невероятное удовольствие любимому. Хотелось плакать от счастья, ласкать, целовать его.

Она прижалась губами к влажному плечу, слизала солёные капельки пота. Мэттью не ответил на ласку, а с трудом сполз с брюнетки, лёг рядом и притянул её к своему боку.

– Господи, как хорошо... Тебе не больно?

Язык Вуда заплетался. С трудом выговаривая слова, он пробормотал:

– Ты такая страстная... Не ожидал, что всё будет так ярко... – и завладел ртом Кэтлин, но теперь поцелуй был более нежным и медленным. Её снова обдало крепким запахом

ВИСКИ.

Не в силах бороться с усталостью, утроенной действием алкоголя, Мэтт засыпал и уже сквозь сон прошептал:

– Я люблю тебя, так люблю... Спасибо за подарок... Лес-си...

Кэт дёрнулась, как и тогда, словно от пощёчины, и открыла глаза. Сердце пронзила острая боль. Она постаралась восстановить дыхание. Это сон, всего лишь сон.

– Мама, тебе снилось что-то приятное. Ты улыбалась.

Брюнетка протёрла глаза и, осмотревшись, тихонько вздохнула; она по-прежнему сидела в машине Мэттью.

– Сколько времени я спала?

– Недолго. Минут пятнадцать или двадцать.

Паркер увидела в зеркале пронзительный взгляд зелёных глаз.

– Что тебе снилось, Кэтлин?

Всего несколько секунд назад его бархатный голос шептал признания в любви, но она знала, что последует за словами. Каждый раз, вслед за наслаждением, сон приносил пустоту и страдание. Боль от обиды, от осознания собственной наивности, от мерзкого чувства, что тебя использовали, как разовый пакет, и выбросили за ненадобностью.

Кэт боялась приступа боли и безграничной чёрной пустоты, следовавшей за этим. Страх заполнил собой всё тело. Она точно знала его причину: Вуд!

Нужно бежать! Не ждать, когда тебя снова прогонят, причиняя невыносимые страдания. Брюнетка не верила ни одному мужчине и меньше всего – Мэтту.

– Ничего, что смогло бы заинтересовать тебя. Так, конфеты и фантики.

Кэтлин смотрела в окно, вглядываясь в проплывающие мимо улицы, уже покрытые белым снегом, полные спешащих домой радостных людей; многие несли пакеты с подарками, кутаясь в тёплую одежду, придерживая капюшоны или воротники, пытаясь защититься от пронзительного ветра. Она старалась определить, в каком районе города они сейчас находятся.

– Нам ещё долго ехать?

– Нет, уже подъезжаем. Ты сладкоежка? – Мэттью снова бросил пристальный взгляд на Кэт, пытаясь разгадать причину её кошмара. – И всё-таки я хотел бы узнать, что тебе снилось...

– Незачем, – жёстко ответила Паркер и тут же добавила, стремясь смягчить резкость: – Харрис знает о нас с Лилибет?

– Знает: его предупредила Одри. Ты помнишь мою сестру?

Усмехнувшись, Кэтлин оторвала взор от окна.

– Я помню всё! И она – тот человек, по которому я очень скучала. Мне не хватало её все эти годы.

Агент почти не смотрел на дорогу: сейчас его вниманием целиком владела Кэт. Он очень хотел получить ответ на сле-

дующий вопрос:

– Только Одри? А я? Мне было место в твоей памяти?

Брюнетка наконец подняла взгляд на Вуда. Он заметил мелькнувшие в нём страх, боль и недоверие.

– Ты сам сказал: поговорим об этом за ужином. Давай придерживаться твоего расписания.

В конце концов она сумела справиться с эмоциями этого дня, надев на лицо привычную, вылепленную за многие годы маску, и теперь на Мэттью смотрели большие тёмные глаза, полные невысказанного цинизма.

Вуд внутренне содрогнулся; сейчас перед ним сидела совершенно другая Кэтлин. От той девушки, которую он знал прежде, и беззащитной, потерянной женщины, что лицезрел меньше часа назад, не осталось и следа. И неизвестно, чего ожидать от этой новой Кэт.

Он притормозил возле высокого красивого здания, проехал на внутреннюю стоянку, минуя шлагбаум, показал охраннику пропуск и припарковал машину рядом с чёрным «лендрровером».

– Ну что, Лилибет, готова к встрече с дедом?

– Кажется, сегодня я готова к чему угодно. – Девочка вышла из автомобиля, размяла ноги и смело шагнула вслед за отцом, придерживающим под руку маму. – С дедом – так с дедом!

Лилибет почувствовала горячие пальцы Чайтона, коснувшиеся её ладони.

– Не бойся, я рядом!

Если бы кто-то сказал в своё время эти слова Кэтлин...

Глава 8.1

Лилибет с интересом разглядывала просторный вестибюль первого этажа клиники. Много зеркал, живые деревья, покрытые распустившимися цветами, в красиво инкрустированных кадках ярким пятном выделялись на фоне выкрашенных в бежевый цвет стен. Никакого намёка на то, что ты попал в медицинское учреждение. Всё в тёплых тонах, даже небольшой диван обит кожей персикового оттенка.

Мэтт показал немолодому охраннику в чёрном строгом костюме пропуск; тот мягко улыбнулся и указал на хромированные двери:

– Проходите, мистер Вуд, вас и ваших спутников уже ждут.

Просторный лифт доставил всех на шестой этаж.

Лилибет пыталась нарисовать в голове облик Харриса. Она любила делать это, идя на встречу с незнакомыми людьми, посмеиваясь над собой, если объект и воображаемая картинка резко отличались.

Девочка представила деда пожилым, несколько полноватым мужчиной со слегка выпирающим пивным брюшком, седыми висками, опущенными плечами и непременно в очках в роговой оправе. Этаким престарелый эскулап с поплёкшими от возраста зелёными глазами. Определиться с ростом

она не успела.

Вуд-старший, предупреждённый охранником, встречал их у дверей лифта.

Девушка с удивлением смотрела на высокого, спортивно-голубоглазого блондина, совершенно не похожего на отца. Она не поверила бы, что этот красивый мужчина средних лет приходится ей дедушкой, если бы он не обнял маму, целуя в макушку, и не прижал её к себе.

Увидев дорогого сердцу человека из прошлого, Кэтлин улыбнулась. Она сжала его в ответном объятии, обвила рукой за талию и, уткнувшись носом в белую идеально отглаженную сорочку, вдохнула знакомый запах одеколona.

Паркер на минуту почувствовала себя беззаботной девчонкой, какой была семнадцать лет назад. Осталось только дожидаться появления Одри и её насмешливых слов: «Папа, ты не забыл, кто твоя дочь? Отпусти эту подлизу, не то я начну ревновать!» Сердце наполнилось теплом.

Кэтлин огляделась, выискивая подругу детства, но Одри не было. Она ожидала встречи с замиранием, не зная, как объяснить своё исчезновение и долгие годы молчания, выстраивала в голове предполагаемые диалоги. Не обнаружив её рядом с Харрисом, Паркер немного расстроилась.

Как же брюнетке все эти годы не хватало Вудов. Единственной верной подруги Одри, Харриса с его отеческой заботой, Брендю с нежной любовью и вселенским пониманием, заменившей Кэт маму в проведённые в Сквиме годы,

Мэттью... Она чувствовала на себе его взгляд, но не могла обернуться и позволить увидеть в её глазах растерянность, нежность и тоску по прошлому. Хватит на сегодня слабости.

Лилибет легонько подёргала маму за рукав и зашептала на ухо, прервав поток воспоминаний:

– Это наследственное?

Кэтлин не поняла вопроса и пожала плечами.

– Ну, я имею в виду молодость. Я буду так же хорошо выглядеть в его годы? – показала взглядом на деда и заговорщицки подмигнула девушка. – Ты же понимаешь, как это важно для женщины!

Странно было слышать эти слова из уст шестнадцатилетней дочери. Кэт испытала желание посмотреться в зеркало, хотя с утра седых волос и морщин у себя не заметила. Она с трудом удержалась от того, чтобы не рассмеяться, и также шёпотом ответила:

– Конечно, ты же копия папочки, настоящая Вуд.

Девочка улыбнулась, довольная ответом матери. Ей очень нравилась фамилия отца, Лилибет Вуд – звучало неплохо.

Мэттью смотрел на брюнетку, улыбающуюся дочери, и пытался понять, почему она избегает его взгляда. Многие он отдал бы сейчас, чтобы оказаться на месте Харриса, ощутить тепло её рук и увидеть посвящённую только ему улыбку. Мэтт очень ждал вечера и возможности остаться наедине, был уверен, что тогда Паркер откроется. Нужно только подождать.

Вуд потёр переносицу, не замечая, что Чайтон внимательно смотрит на будущего тестя. Как и Мэттью, он пытался понять и проанализировать всё, что видит и слышит; парня буквально распирало от любопытства.

– Кэтлин, я очень рад тебя видеть. Ну, давайте знакомиться...

Доктор выпустил из объятий девушек и сейчас с интересом разглядывал Лилибет.

– Это зеленоглазое чудо и есть моя внучка? – поинтересовался он у всех сразу и, не дожидаясь ответа, продолжил: – Впрочем, можно не спрашивать. Поразительное сходство.

Харрис обернулся к сыну:

– Даже не предполагал, что ты способен дать жизнь такой красавице! – Он перевёл оценивающий взгляд на брюнетку. – Хотя чему удивляться? У Кэтлин не может быть некрасивых детей.

– Как обычно свёл все мои заслуги на нет! – состроив обиженную мину, засопел Мэтт.

Все заулыбались, напряжение последних минут отступило.

– Я не смог удержаться и не встретить вас у лифта. После звонка Одри уже час места себе не нахожу. – Старший Вуд вновь притянул к себе за руку Кэт. – Как же мы все скучали по тебе, девочка! Мне стоило больших трудов отговорить Бренду приехать в клинику, чтобы увидеть тебя и внучку.

– Я тоже очень скучала. – Паркер с трудом сдерживала

желание уткнуться мужчине в грудь и расплакаться.

– Почему же не появилась раньше? Ведь знаешь, мы бы тебя поддержали, – с нежностью глядел Харрис на подругу дочери, без слов понимая и чувствуя её состояние.

– На то были свои причины. Я расскажу всё при случае, только не сейчас. – Кэтлин умоляюще посмотрела на доктора.

– Конечно, милая, когда сможешь. – Он тихонько сжал её ладонь. – Мой дом открыт для тебя в любое время. Ты же знаешь об этом?

Брюнетка молча кивнула в ответ.

Вуд-старший вновь взглянул на Лилибет.

– Можно тебя обнять?

После разрешения он крепко прижал её к себе, вдыхая пока ещё незнакомый запах внучки. Она пахла свежестью и чем-то до боли знакомым. Наверное, Мэттью и Одри, их детским запахом, сохранившимся в памяти.

Харрис не удержался и поцеловал рыжую макушку, а затем осторожно взял худенькое лицо в ладони, всматриваясь в зелень глаз, трогая гладкую кожу щёк девушки большими пальцами.

– Добро пожаловать в нашу семью.

Лилибет показалось, что в глазах деда мелькнули слёзы, да и она сама готова была разрыдаться от переполнявшей сердце щемящей нежности.

– Твоё появление в Вашингтоне – самый дорогой подарок

для всех нас в это Рождество. Завтра ты познакомишься с Брендой и Одри. Они очень ждут этой встречи.

Девочка не могла говорить; с трудом сдерживая слёзы, она кивнула и шмыгнула носом.

Доктор ещё раз прижался к рыжей макушке губами и опустил руки. Харрис поднял взгляд над головой внучки и с удивлением посмотрел на стоящего за её спиной стройного индейца; он только сейчас заметил этого парня.

– Кажется, ваше лицо мне знакомо. Мэттью, ты не представишь мне молодого человека?

– Совсем забыл. Отец, это Чайтон Ридж, стажёр ФБР. Он принимал участие в освобождении заложников, – проговорил Мэтт, подождал, пока мужчины обменяются рукопожатием, и добавил: – Его нужно осмотреть и отпустить домой.

Лилибет задело такое несправедливое отношение отца к парню, и она решила вмешаться, объяснить деду, кем является для неё Ридж:

– Между прочим, он мне жизнь спас, закрыл грудью от пуль. Чайтон герой!

– Ну, так уж и герой, Лилит! Ты преувеличиваешь мои заслуги, – рассмеялся парень.

Лицо младшего Вуда передёрнулось, брови в удивлении поползли вверх.

– Как ты её только что назвал? Лилит? Моя дочь... как демоница?! Чтоб я больше от тебя этой клички не слышал! – Мэттью начал краснеть.

– А мне нравится! Тем более что меня так называют в школе, – с укором посмотрела на отца девочка и перевела взгляд на индейца, вновь встав на защиту влюблённого парня: – Чайтон, как ты угадал?

– Это же на язык ложится: Лилибет – Лилит, – с нежностью, нараспев повторил имя девушки Ридж.

У Мэтта всё кипело внутри, но устраивать скандал в клинике, на глазах своих женщин и отца, он не хотел, хотя и от молчаться не мог.

– Не знаю, у кого и на что там ложится, но мне не нравится такое сокращение. Я вообще не понимаю, откуда взялось имя Лилибет, а теперь ещё и Лилит?

– А ты много чего не мог понять, – с сарказмом посмотрев на Вуда, вступила в спор Кэтлин. – Оно состоит из имён её прабабушек – Лили и Бетти.

Брюнетка улыбнулась краешком губ.

– Теперь оно кажется тебе красивым?

Мэттью не понравился вызывающий взгляд Паркер. Он не понимал, что с ней происходит, хотя точно осознавал: такие внезапные перемены вызваны чем-то очень серьёзным. Страх и непонятное желание защитить себя наверняка пришли из прошлого.

– Я не говорил, что имя некрасивое, просто показалось странным, что прежде никогда его не слышал. – Агент спокойно смотрел в карие глаза, стараясь не выдать волнения. – Моей дочери подошло бы любое...

– Даже Пенелопа? – не дала договорить ему Кэтлин.

«Слишком часто перебивает. Очень волнуется или пытается что-то скрыть, – анализировал Вуд поведение молодой женщины. – Что ещё ты скрываешь от меня, Кэт? Как бы мне хотелось прочесть все тайны, что таятся в твоей голове».

– Даже Пенелопа. Не имя красит человека, но ты придумала для дочери лучшее. Спасибо тебе за него. – Он протянул руку, чтобы дотронуться до брюнетки, но она сделала шаг в сторону, как бы не замечая его движения.

– Красивое имя для красивой девушки, – вмешался в разговор Ридж. Он видел нарастающее напряжение между Кэтлин и Мэттью и попытался оттянуть их внимание на себя.

– Кто бы сомневался! Спасибо, Чайтон, что говоришь прописные истины. – Мэтт разгадал намерения парня и даже был благодарен за это, но оставить его слова без ответа не смог.

Харрис с улыбкой наблюдал за ними. Доктор успел заметить, какими глазами смотрит на его внуку Ридж, а спор между сыном и стажёром показался таким знакомым, как будто бы это он и его тесть пытаются завладеть вниманием Брендды. «Всё в этом мире повторяется».

Вуд-старший решил сделать ничью и выступил в качестве хозяина клиники:

– Хватит спорить. Прошу всех пройти за мной. – После приглашающего жеста рукой Харрис обратился к девушкам: – Девочки, вас ждёт терапевт. А Чайтон, как я понял,

нуждается в консультации хирурга?

За индейца поспешил ответить Мэттью. Если бы он только мог подольше продержат его в клинике. Оставить здесь на сутки – предел мечтаний ревнивого папочки.

– Отец, ты правильно всё понял. – Мэтт на секунду задумался. – Хирург сможет сделать дополнительные снимки? Наверное, и мозг нужно хорошенько осмотреть! Надо бы Риджа ещё и нейрохирургу показать, раз уж он попал в хорошую клинику и обследование проведут бесплатно.

Вуд довольно ухмыльнулся: это шанс избавиться от назойливого парня прямо здесь.

– Хотя я даже готов заплатить за более тщательный анализ. – Он потёр руки.

– Спасибо, Мэттью, не стоит беспокоиться. С головой у меня всё в порядке! – одарил будущего тестя ослепительной улыбкой Чайтон. – Я никогда не травмировал мозг.

Увидев, как Мэтт вновь пытается что-то сказать, стажёр проговорил:

– И в детстве меня головой вниз не роняли. Мой IQ почти сто пятьдесят баллов.

– Почти... Сплошь непризнанные гении... Почти – это не сто пятьдесят, – проворчал под нос Вуд-младший.

Кэтлин улыбнулась, Лилибет хихикнула, но от замечания воздержалась; её, как и деда, забавляла пикировка между отцом и Риджем. «Как дети! И не понять, кто тут самый младший? Уж точно не я!»

Индец остался доволен: цель достигнута, внимание переключено. Ещё бы узнать, что произошло между этими неравнодушными друг к другу людьми в прошлом. Чайтон собирался войти в эту семью, и всё, что касалось их, задевало и его. Когда-нибудь он во всём разберётся, главное, чтобы Лилибет не пострадала.

Глава 8.2

Харрис проводил всех к нужным специалистам. Оставшись вдвоём с Мэттью, он предложил пройти в свой кабинет.

– Нам нужно поговорить. Надеюсь, ты не возражаешь?

– Не возражаю. Только будет ли у нас на это время?

– Не меньше часа. Я позаботился об этом. Расскажи, что сегодня случилось? Где Лесси? Она не отвечает на мои звонки. Почему ты отменил свадьбу? Что вообще сейчас происходит? Почему мы ничего не знали о Лилибет и Кэтлин?

Доктор сел в одно из двух мягких кресел, расположенных рядом с журнальным столиком; Мэтт занял второе.

– Когда ты успел сделать ей ребёнка?

Вуд-младший перебил отца:

– Слишком много вопросов, на которые и сам пока не знаю ответов. У меня не было времени поговорить с ними. Я узнал о существовании дочери несколько часов назад.

– От кого?

Харрис не собирался сдаваться; он во что бы то ни стало вытянет из сына правду, от которой зависит его будущее

отношение к Мэттью. Чересчур часто и слишком на многое старший Вуд закрывал глаза. Пришло время откровенно поговорить. Смотреть спокойно на то, что тот делает со своей жизнью, больше не было сил.

Он надеялся, что после свадьбы Мэтт остепенится, изменится, подумает о рождении детей. Лесси не зря уходила два раза; наверняка были веские причины, и, вероятно, одна из них сейчас находится на приёме у терапевта.

Доктор глядел в напряжённое лицо сына, ожидая ответа.

– Позвонил Сэм и сообщил, что в ювелирном магазине захвачены в заложники Кэтлин и моя дочь! – Мэттью казался сейчас мальчиком, отчитывающимся перед родителем за серьёзный проступок. – Представляешь, дочь! – Его слова переполняла горечь. – Девочка, которую я видел десять лет назад. Кэт сказала мне, что её отец Джон. Сейчас я знаю, что он муж Риты, но тогда поверил.

Агент не мог оставаться на месте: эмоции буквально заклёстывали, требуя хоть какого-то выхода. Он поднялся, сделал несколько шагов и повернулся к Харрису.

– Помнишь, я рассказывал о нашей с Кэт встрече в Финиксе?

– Да.

Старший Вуд заметил, как бьётся жилка на виске сына, как ходят желваки. Он видел, что воспоминания даются ему тяжело.

– Мэттью, я не осуждаю тебя, а пытаюсь понять, что про-

изошло и происходит. Расскажи обо всём подробно. И про Лесси тоже. Сядь и успокойся.

Мэтт вернулся в кресло.

– Лесси... Она лгала мне все эти годы, лишь сегодня при- зналась, что Кэтлин приходила рассказать о беременности. Но Райт соврала, что тоже ждёт ребёнка и о нашей свадьбе! – Он поднял взгляд на отца. – Я столько лет любил лгунью, испортившую жизнь Паркер и моему ребёнку, жил, не дога- дываясь ни о чём. Бездушный слепец, не почувствовавший в рыжей девочке свою кровь!

Харрис горько усмехнулся. Он сейчас пытался понять, ко- гда упустил сына, в какой момент не разглядел начинающую расти в Мэттью червоточинку подлости. Была ли в нём эта подлость? Кого они с Брендой воспитали?

– Объясни, как ты посмел переспать с подругой своей сестры? Ты изнасиловал её? – Не дожидаясь ответа, доктор покачал головой. – Вiniшь во всём Лесси, но получается, что именно ты чудовище!

Мэтт вновь вскочил с кресла и встал напротив отца.

– Подожди обвинять. Ты не знаешь, как всё было на самом деле!

– Так именно этого я и хочу! Прошу тебя всё рассказать, а не бросать обвинения в Лесси. Это, в конце концов, не по- мужски! – Харрис перешёл на громкий шёпот; он не желал, чтобы кто-то случайно услышал его разговор с сыном.

– Не было никакого насилия! – Мэттью смотрел прямо в

глаза отца, и у старшего Вуда не было сомнений в том, что он говорит правду. – Это долгая история.

Харрис с облегчением выдохнул; зря он сомневался в порядочности Мэтта. Они с Брендой готовились к отлёту, когда позвонила Одри и путано рассказала о звонке брата. Новость о том, что у них есть взрослая внучка, матерью которой является Кэтлин, буквально ошеломила.

Уже через несколько минут глава семейства мчался в клинику, чтобы увидеться с сыном, Кэт и их дочерью. Харрис сумел убедить жену, что должен первым переговорить с Мэттом, ведь тот просил отложить их встречу хотя бы до следующего дня.

– Думаю, у нас достаточно времени, и ты успеешь всё рассказать до появления девушек. Я не позволил приехать Бренде, решив, что прежде сам должен разобраться во всём.

– Хорошо, давай попробуем разобраться. Помнишь наш последний год в Сквиме? Вы с мамой улетели на конференцию в Европу, а заодно решили покататься на лыжах в Альпах на День всех влюблённых? Вы оставили нас с Одри одних, разрешили пригласить друзей на праздник.

– Помню. Тебе было девятнадцать – взрослый мальчик, на попечение которого можно было оставить сестру. Бренда растянула при падении ногу, и мы провели в Европе две недели вместо одной. Это произошло тогда?

– Да, но этого не должно было быть! – Младший Вуд сделал несколько шагов по кабинету и вновь вернулся к отцу. –

Я попросил Одри провести тот день и ночь у Кэтлин. Мы с Лесси давно распланировали вечер: у нас были определённые виды на праздник.

– Кажется, я догадываюсь, какие. О том, что вы не занимались сексом, мы с мамой знали.

– Прошу тебя, не перебивай. Мне и так сложно и стыдно говорить об этом.

– Хорошо.

Агент застонал. Почему его родители всегда внимательно слушали всех, кроме него? Почему Одри могла часами говорить без того, чтобы кто-то из них вставил хоть слово, но вот сына...

– Я сделал всё как положено, купил свечи, розы. Но в этот день Лесси ушла к Иден, и мы приехали чуть позднее других. Она даже не успела переодеться.

Мэтт немного помолчал, собираясь с мыслями.

– Одри и Кэтлин ждали нас дома вместе с друзьями. – Он хмыкнул, приподняв уголок рта. – Маленькая пройдоха в очередной раз ослушалась старшего брата, но суть не в этом... Брюс предложил отметить их с Меган помолвку и выставил ящик шампанского.

– Вы выпили весь запас моего спиртного. Ещё и шампанское было? – Доктор с осуждением покачал головой. – Неудивительно, что случился бардак.

Мэттью молча потирал переносицу, не зная, как рассказать отцу, что совершенно не помнит, что было с того мо-

мента, как Грей упал на диван, а он поднялся в спальню.

– Мы с Брюсом поспорили, кто первым опьянеет. – Вуд взглянул в глаза родного человека. – Райт в середине вечера ушла переодеться. Я решил, что прошло достаточно времени, она, должно быть, уже вернулась, и поднялся наверх. Не обнаружив Лесси в своей спальне, я отправился на поиски и забрёл в гостевую комнату. Она ждала меня там... Мы заранее обговорили, что в первый раз это будет без света: Лесси слишком стеснялась. Свет в спальне не горел.

Агент снова надолго замолк.

– Я обещал не перебивать, но если ты будешь рассказывать всё такими темпами, то одного часа для разговора нам не хватит. Ты хочешь объясняться с матерью?

– Я не знаю, что объяснить! Всё было чудесно, вернее, должно было быть...

Харрис прочёл в глазах сына растерянность и понял причину молчания.

– Ты не помнишь, как лишил невинности девушку? – Он не мог в это поверить.

– Представь себе, нет! – Вуд-младший подошёл к окну.

– Какая же ты свинья... – Доктор говорил всё тем же громким шёпотом.

– Хуже! Намного хуже! Думаешь, я сам не понимаю этого? – Мэттью запустил пальцы в волосы. – Я многого не рассказывал тебе, не решался обратиться к специалисту.

– Обратиться за чем?

– Сейчас сам всё поймёшь, – обернулся к отцу агент. – У тебя есть сигареты?

Теперь уже Харрис с растерянностью смотрел на сына. Не верить ему не было причин, но поверить в полный провал памяти очень сложно.

– Я не курю, впрочем, так же как и ты. – Старший Вуд глядел на поникшие плечи давно повзрослевшего ребёнка, смотревшего сквозь стекло в ночь. – Это не поможет... Говорить всё равно придётся.

– Знаю! – Мэтт выпрямил спину. – Хочется как-то расслабиться, но я даже выпить не могу – за рулём...

Он помолчал с минуту. Воспоминания – одно за другим – бомбардировали мозг. Сначала размытые контуры, потом всё начало складываться в какую-то серую картинку, и внезапно вспышка яркого света пронзила Мэттью. Он вспомнил растерянный взгляд Кэтлин. Всё как во сне...

Чёрные с каштановым отливом волосы размётаны по мягкой подушке. Припухшие от поцелуев розовые губы дрожат на побледневшем лице. Карие глаза с удивлением и болью смотрят прямо в душу. В них столько любви, надежды и... разочарования.

– Назвал её Лесси... – буквально почувствовав боль Кэт, задохнулся агент; так остро, так ужасающе пронзительно.

Он опустил голову и пробормотал:

– Испортил жизнь всем и в первую очередь себе...

– Ничего не понимаю. Кого ты назвал Лесси? Где в это

время она сама была? Ты можешь говорить яснее?

– Я перепутал Кэтлин с Райт, и она не оттолкнула меня, а отдалась. И после всего... Это был не сон, это то, что сохранила моя память... – Мэтт застонал. – «Яснее» о чём? О том, что мне было настолько хорошо, что, несмотря на провал в памяти, я вижу нашу с Паркер ночь на протяжении шестнадцати лет? Рассказать о том, что я и предположить не мог, будто в постели со мной находится подруга младшей сестры, что, перед тем как окончательно вырубиться, назвал её Лесли?

Вуд-младший развернулся и взглянул на отца.

– Знаешь, что самое поганое в этой истории? – Он криво усмехнулся. – Я почувствовал чужой запах, не тот, что принадлежал моей девушке, другой. Будь я настойчивее, возможно, смог бы докопаться до истины, но предпочёл не заморачиваться на этом.

Мне было слишком хорошо, настолько, что забыл обо всём! Только податливое тело и страстная любовница в моих объятиях, совсем не такая холодная, как зацикленная на собственных чувствах Райт! – Мэттью снова ухмыльнулся. – Да у нас и в лучшие дни никогда не было такого яркого секса, как с Кэт в тот первый раз! Это ты хотел услышать?

Харрис выдержал гневный взор рассерженного сына.

– Я хотел узнать, почему ты бросил соблазнённую в ту ночь девушку, к которой с такой любовью в нашей семье относились все, кроме, как оказалось, тебя. Тебе же было из-

вестно, что она давно и безнадежно влюблена! Мы все это знали, но молчали и не принимали никаких мер. Как теперь выяснилось, зря! Её надо было оградить от тебя. Впрочем, как можно уберечь того, кто подобно мотыльку готов лететь на обжигающий свет?

Агент внимательно смотрел на отца, пытаясь увидеть хоть толику понимания.

– Ты хоть понял, о чём я сейчас говорил? Я не насиловал Кэтлин! Просто не знал, что не Лесси, а она находилась в тот самый момент со мной в постели! Не осознавал и после ничего не помнил, потому как напился до чёртиков, до провала в памяти! Не знал и не помнил! – повторил он это несколько раз, пытаясь достучаться до Харриса. Казалось, самый близкий и родной человек не желает ему верить, не хочет, вернее, отказывается принимать его объяснения.

Старший Вуд встал, подошёл к сыну и положил руку ему на плечо.

– Успокойся, нервами ничего не исправить, – слегка хлопнул он Мэттью по спине. – Я верю тебе, но утром-то ты должен был всё понять, обязан был объясниться с девушкой...

На этот раз агент перебил отца и почти перешёл на крик: – Проснувшись, я ничего не мог объяснить! Как ты не понимаешь этого?! Утром рядом со мной лежала Райт! – Он говорил сейчас не Харрису, а себе, пытаясь впервые понять и проанализировать произошедшее много лет назад.

Теперь уже брови доктора полезли вверх; он с недоумением поглядел на сына:

– Как это?

– Вот так! Ноги вымазаны в крови, так же как и простыня, синяки под глазами от бессонной ночи, следы от пальцев на бледной коже... Даже сперма, смывать которую она отправилась в душ. Я был с Лесси – девушкой, которую очень любил и обещал назвать своей невестой, что я и сделал после этой ночи.

Мэтт помнил то утро.

Глава 8.3

Он проснулся от легких укусов в плечо; Райт попеременно целовала и покусывала его. Страшно болела голова. Казалось, виски и сидящие в них барабанщики жили самостоятельной жизнью. Ему понадобилось несколько минут, чтобы вспомнить, где он и почему они с Лесси совершенно голые. Сознание постепенно возвращалось в больную голову.

– Как всё прошло? Я не сделал тебе больно? – улыбаясь, спросил Вуд.

Заметив на мгновение промелькнувший в глазах любимой страх, он огорчился:

– Я причинил тебе вред? Всё плохо?

Она лишь покачала головой.

Не понимая, почему ничего не помнит об этой ночи (совершенно ничего, разве что аромат тела), Мэттью втянул

воздух. В ноздри ударил стойкий запах перегара, секса, слабый оттенок духов Лесси и что-то ещё – чужое, сладкое.

Он попытался сосредоточиться, но голову пронзил новый приступ боли. Что-то уплывало от внимания. Почему ему вспомнился запах клубники и зелёных яблок? Откуда? Райт не любила фруктовые нотки и никогда не пользовалась косметикой с такими ароматами.

– Ты сменила шампунь? – Мэтт поднёс к носу прядь белых шелковистых волос и понюхал. Всё те же любимые блондинкой фиалки.

– Нет. Почему ты спрашиваешь об этом? – Взгляд Лесси был несколько настороженным.

– Мне кажется, ты пахла клубникой и яблоками... Я плохо помню, что было ночью. – Вуд снова попытался сосредоточиться, но это ему не удавалось. – Почему мы в гостевой комнате?

– Ты не помнишь, как я пряталась от тебя? Ты оказался слишком нетерпеливым, чтобы вернуться в спальню. Всё было просто чудесно! Мы пили шампанское, заедали фруктами.

Мэттью обвёл глазами комнату, но не нашёл посуды. Райт поняла, что он ищет, и успокоила:

– Я унесла остатки шампанского и клубники на кухню. Ты хочешь выпить?

– Нет, я хочу всё вспомнить.

Лесси с какой-то радостью смотрела в его глаза.

– Ты совсем ничего не помнишь? Даже этого? – она откинула одеяло и повернулась на бок, соблазнительно выпятив голую попку.

Он успел заметить пятна крови на простыне и бедре блондинки, прежде чем она, пошевелив ногой, дотронулась тёплыми пальчиками до его лодыжки. Горячее желание охватило болеющее с похмелья тело. «Голова болит, а член хочет...»

Мэтт прекратил терзать себя воспоминаниями и полностью отдался чувствам. Райт со стонами удовольствия принимала предварительные ласки, но в последний момент нашла силы оттолкнуть любовника.

– Подожди минутку. Мне необходимо принять душ. Сам видишь, нужно смыть кровь. Да и тебе не помешало бы сделать то же самое.

Вуд поглядел на перепачканное тело и, согласившись с Лесси, поплёлся в ванную. Он отстоял под тёплыми струями добрых полчаса в попытке смыть головную боль и избавиться от раздражающего память запаха.

После они занимались любовью – не торопясь, несколько раз подряд. И было странным, что настаивающая до этого на темноте Райт не стеснялась заниматься сексом при дневном свете, позволяла любоваться стройным телом, разрешала ласкать себя любым способом.

Вот только того ощущения полной эйфории, что накрыло ночью, он не почувствовал. Что-то ускользало, оставляя по-

сле себя горчинку недосказанности. И этого ставший любовником дорогой сердцу девушки Мэттью так и не смог себе объяснить.

А потом, после первого ухода блондинки к Брюсу, появился сон. Яркий, красочный, какого Вуд никогда прежде не видел. Лесси объяснила его извращённой фантазией любимого, ведь того, что ему снилось, никогда не было: в ту ночь он лишил невинности её, так при чём тут видения с Кэтлин?

Мэтт сам иногда считал себя грязным извращенцем и пытался загладить вину перед невестой страстным сексом, что с годами становилось всё труднее сделать – слишком хорошо во сне ему было именно с Кэт.

– Я ничего не понимаю...

Харрис присел в кресло за своим столом, а сын снова отвернулся к окну. В комнате на несколько минут повисла напряжённая тишина. Каждый переваривал услышанное.

Первым заговорил старший Вуд:

– Выходит, Лесси присвоила себе эту ночь? Но ты же сам говорил, что она была девственницей.

– Была! До того момента, пока не обнаружила меня голого в гостевой спальне. – Мэттью тяжело вздохнул. – Я сумел в одну ночь испортить жизнь тем, кого так любили в нашей семье, превратил Райт с Паркер во врагов. Знаешь, что сделала тогда сжигаемая ревностью и обидой Лесси?

– Нет. Думаю, ты это расскажешь.

– Отдалась Эйдану в салоне его холодной машины, затем вернулась в комнату и улеглась ко мне под бок. – Агент нервно хохотнул. – Но я не имею права винить её за это и не осуждаю. Виноват во всём я. Она лишь боролась за любовь, посчитав, что можно делать это любыми способами... Не знаю, как поступил бы сам, окажись на её месте.

Доктор больше не перебивал сына. Он пытался понять степень вины каждого из участников этой истории.

– Я не смог простить Лесси другого: что скрыла правду о беременности Кэт и выдумала собственную, тем самым лишив ту любой возможности рассказать о нашем ребёнке.

– Лесси не врала.

Мэтт побледнел от слов отца. Сердце сжалось от пронзившего холода.

– Как «не врала»? Хочешь сказать, Райт носила моего ребёнка? – Он выглядел совершенно растерянным. – Что же она с ним сделала? Аборт?..

Вуд-младший боялся услышать слова правды. Только не это. Неужели он своим поведением толкнул блондинку на крайность?

– Господи, всё ещё хуже, чем я думал! – Мэттью ударил кулаком по пластиковой раме.

– Не твоего, но она не знала, кто отец, и, получается, сказала Кэтлин правду. – У Харриса от всей этой истории голова шла кругом. Столько боли и страданий выпало на долю любимых им девочек. – Ты же помнишь ту аварию? Мы не

смогли сохранить беременность. Плоду было почти три месяца, мальчик...

Ещё бы Мэтт её не помнил. Райт совершенно переменялась после того случая; казалось, сломаны не только кости – сломалась её душа. Она почти год не могла выйти из депрессии, а потом удрала к Брюсу. Теперь он знал причину произошедшего.

– Почему ты решил, что ребёнок не мой? – пристально смотрел агент на старшего Вуда, подозревая, что тот хочет подсластить горькую правду. Он затаил дыхание в ожидании ответа.

– Я объяснил это Лесси. В нашем роду не было чёрных...

Мэттью громко выдохнул. Ему было жаль бывшую невесту, он даже начинал оправдывать многие её поступки, но слова, что погиб не его малыш, принесли некое облегчение.

– Выходит, она не всегда врала. Эйдан... Вот почему Райт ушла к нему. А ты всё знал и молчал? – Теперь уже взгляд Мэтта был полон вопросов. – Ты вообще собирался рассказать мне? Как ты сам узнал обо всём этом?

– Я вернулся в Сквим подписать бумаги и передать дела новому врачу, когда это произошло. Собирался ли я рассказать тебе? Нет. Хотя... если бы ты нашёл девушку, любящую тебя так же сильно, как она... или если бы я знал о Кэтлин. Но я не знал, а Лесси была лучшей кандидаткой на роль твоей жены. Она одна всегда могла понять тебя и простить, а это самое важное в жизни. Влюблённость приходит и уходит,

оставляя после себя нечто другое, не менее ценное, но если нет понимания и уважения, не стоит строить брак на одной любви. Она, как правило, недолговечна...

Агент по-прежнему в упор смотрел на Харриса, постепенно из обвиняемого превращаясь в судью.

– Ты всё решил за меня, разложил по полочкам... А по какому праву?

– По праву отца! Ты сам им недавно стал и теперь знаешь или скоро осознаешь, что это такое. Ради счастья детей родители готовы на многое.

Мэттью нечего было ответить на слова доктора.

– Давай обойдёмся без выяснения отношений. Лучше расскажи, что будет теперь с Лесси, Кэтлин, Лилибет... со всеми вами?

– С Райт я расстался. Не гляди на меня так. Она вернётся к Эйдану; тот любит её по-настоящему и сможет сделать счастливой. Наши отношения в последнее время больше походили на болото. Уютное гнёздышко двух холодных рептилий... Нет любви, давно уже нет, цеплялись друг за друга. Сам не понимаю почему.

Харрис внимательно слушал сына, желая понять, каким тот видит своё будущее.

– С Кэт всё намного сложнее. Хочу на ней жениться, попытаться исправить тот вред, что нанёс когда-то. Я-то хочу, но она совершенно не желает идти на контакт. Не могу понять, что с Паркер не так?

– С ней?! Это с тобой «не так»! Бросил одну невесту и тут же подобрал другую... Уму непостижимо. Ты решил жениться по инерции?

Мэтт с непониманием смотрел на отца.

– По какой «инерции»? Я же объяснил тебе причину, и у нас есть дочь! Мы должны жить семьёй. Она...

– Кэтлин ничего тебе не должна! – снова прервал отпрыска Вуд-старший, возмущённый его подходом к жизни. – Ни единого цента! Должен ты. За все годы, что девочка в одиночку растила твоего ребёнка! По гроб жизни обязан будешь, но жениться... Ты выбрался из одного болота и решил заползти в другое?

Он покачал головой. Мэттью первоклассный специалист, отличный аналитик там, где дело касается сложных заданий и переговоров, но ничего не понимает в своих личных отношениях.

– Ты любишь Кэтлин? Скажи это, признайся сам себе! Не ту девушку, не славную подругу сестры, а состоявшуюся женщину тридцати четырёх лет от роду, со своими привычками и сложностями. Где и с кем она живёт, работает? Что любит, чем увлекается? Что ты знаешь о ней нынешней?

– Кое-что. Паркер любит красный цвет и фруктовый торт. – Агент поглядел в недоуменное лицо отца и добавил: – Мне это Джон, её отчим, рассказал.

– Отлично! Вот это сведения о человеке! С таким непременно под венец! Во всём красном и с тортом в руках... Сын,

когда ты повзрослеешь? Что вообще ты знаешь о женщинах? Не о тех пустышках, что гроздьями вешаются на тебя, а о настоящих? Ты настолько занят работой, самоуверен и эгоистичен, что, похоже, разучился любить.

Харрис с удивлением взирал на Мэтта; тот принимал его слова, не споря, как делал это обычно. – Кстати о привязанностях. Думаешь, Кэтлин до сих пор любит тебя?

– Да! – не раздумывая ни секунды, ответил Мэттью.

– Откуда такая уверенность? Опять Джон сказал? – Старший Вуд внимательно смотрел на него, догадываясь, что и в этот раз попал в самую точку.

Агент покраснел от досады: отец читал его как раскрытую книгу и отчитывал, как мальчишку. Но нечего было возражать. Харрис прав во всём, кроме сомнений в любви Кэт. В том, что Паркер по-прежнему любит его, Мэттью не сомневался; он прочёл это сегодня в первую секунду, в первом взгляде, но спорить не хотел.

– У нас не было времени поговорить.

– Значит, и торопиться не стоит. Ты слишком давишь, поэтому она и не идёт на контакт. Дай ей время всё обдумать, выслушай, расскажи то, что сейчас сказал мне. – Доктор очень хотел, чтобы сын наконец стал счастливым, а в том, что Кэтлин может сделать его таким, был уверен. – Извинись, в конце концов! В страдании женщины всегда виноват мужчина! Ты сам говоришь так, вот и повинись.

– У нас не было времени, – опять оправдывался Вуд-млад-

ший. Но так оно и было. Что он мог сказать и объяснить за час на глазах у многих людей?

– А никто вас и не торопит. Пусть всё идёт своим чередом. Не гони её замуж! – Харрис снова повторил слова о женитьбе. Ему не хотелось, чтобы, услышав отказ, сын отпустил Кэт, а именно так и могло произойти. Слишком гордые оба, горячие. Как бы он хотел ошибаться на этот счёт.

– Я подумаю. Но что с Лилибет? Не позволю второй раз лишиться меня дочери!

В глазах Мэтта читалась такая решимость, что старший Вуд не сомневался в его словах.

– У тебя её кто-то отбирает? Нет! Думаю, Кэтлин прекрасно понимает, что виновата в том, что ты ничего не знал о Лилит.

Мэттью дёрнулся, а Харрис рассмеялся:

– Извини, но Чайтон прав: девочке действительно подходит это имя!

– Вот давай только не будем говорить сейчас о стажёре. Он достаточно попил сегодня моей крови.

– Напрасно ты так. Ридж отличный парень. Тебе хорошо известно это. Он не зря показался мне знакомым: я знаю его отца, Билла. У них хорошая семья. Постарайся принять Чайтона, а не гнать – и Лилибет ответит тебе благодарностью. Перетяни на свою сторону дочь – и это поможет наладить отношения с её матерью, если, конечно, ты хочешь этого.

– Очень хочу! Чем больше думаю, тем яснее понимаю, на-

сколько прочно она засела в моём сердце. Пусть не эта Паркер, а та, из прежней жизни и сна, но они – одно неделимое целое, так ведь? – Мэтт впервые за долгое время открылся отцу и сейчас во многом доверял его мнению.

– Так. Только ты должен принять новую женщину, сложить из половинок и полюбить. Она очень напугана и прячет свой страх за цинизмом. Прочная маска. Наверное, так долго её носила, что та с кожей срослась... А что за сон? Расскажешь?

– Придётся. Нужно было сделать это раньше. Я вижу нашу первую близость во сне. Это очень раздражало Райт. Она утверждала, что я произношу «Кэтлин». Вот так... Назвал когда-то Кэт Лесси, а потом шептал её имя. Возможно, ты смог бы мне помочь и всё объяснить?

– Вероятно. Или всё должно было произойти именно так, чтобы ты понял, кого любил и любишь, что мог построить, но разрушил. Я не вижу виновных в этой истории, только потерпевших. Вы все пострадали, но Лилибет досталось больше остальных. Ей не за что было отвечать, но пришлось...

– Как она тебе?

– Красивая девочка и очень умная. – Харрис видел, как в глазах сына плещется обожание и безмерная гордость. – Бренда будет рада внучке, а уж Одри... Даже представить страшно, как она обрадуется!

Они рассмеялись в голос.

– Своих детей им с Брэнденом Бог не дал, так оторвёт-

ся на твоих по полной! – Вуд-старший даже не заметил, как сказал о внуках во множественном числе, а Мэттью и не собирался его поправлять: он по-прежнему надеялся на положительный ответ Кэтлин и на нескольких отпрысков.

Зазвонивший телефон прервал беседу. Доктор поднял трубку.

– Спасибо, Элизабет. Проводи всех, пожалуйста, в мой кабинет.

Через минуту дверь отворилась, и на пороге появилось трое пациентов.

Мэтт был недоволен возвращением Чайтона в компании улыбающихся девушек; парень отлично ладил с обеими, и это бесило специального агента. Он примет совет отца и постарается сделать Риджа своим сообщником в деле покорения сердца Кэт, но это при условии, что она не захочет идти на контакт, а Лилибет не забудет об индейце на утро.

У Вуда было достаточно времени, чтобы немного поспорить с предметом восторга дочери.

– Чайтон, неужели тебе не прописали стационарный режим? Рухнули мои надежды освободиться от тебя прямо в больнице!

– Представь себе, даже клизму не назначили, – рассмеялся стажёр и развёл руками, как бы сожалея о случившемся.

Девушки прыснули от смеха, а Мэттью, подняв глаза к потолку, обречённо произнёс:

– Очень жаль... Придётся везти тебя домой! – Он был рад,

что хоть таким образом смог немного развеселить Кэт.

Глава 9.1

Харрис проводил гостей до лифта и вернулся в кабинет. Улыбка не сходила с лица главы семейства, ставшего по крайней мере на одного так давно ожидаемого члена больше.

Старший Вуд нараспев произнёс слово, констатирующее вовсе не возраст, а состояние души счастливого взрослого человека, знающего, что его род не прервётся на детях:

– Дедушка...

Он набрал номер Бренды и засмеялся, услышав любимый голос буквально после первого же гудка.

– Не выпускаешь трубку из рук в ожидании новостей? Всё нормально, не переживай. Как я и предполагал, стечение различных обстоятельств. Нет, не нужно, я приеду и сам всё тебе расскажу. Милая, поверь, на то были причины... Нет, свадьбы не будет, Одри ничего не перепутала.

Услышав на том конце гневную тираду жены, Харрис нахмурился.

– Дорогая, поверь, Мэттью не настолько плох, как ты говоришь... Внучка?

Посерьёзневшее лицо доктора расплылось в широкой улыбке.

– Прелестная девочка, лучшей просто не может быть. Мне нужно собираться, милая. Буду дома меньше чем через час, тогда и поговорим. – Он снова нахмурился. – Нет, Бренда,

нет! Во-первых, он за рулём, во-вторых, я уже сказал: дома поговорим. Я выезжаю.

Харрис нажал на кнопку отбоя и убрал плоский телефон в карман тёмно-серого пиджака. Он с сожалением посмотрел на встроенный в стену бар, в этот момент понимая желание сына хоть как-то снять напряжение, выключил свет и вышел из кабинета. Предстоял весьма нелёгкий разговор с женой...

Мэттью попросил женщин не торопиться, дать время прогреть автомобиль и выходить не раньше чем через пять минут.

Состроив смешную гримасу, Лилибет с улыбкой заметила:

– У этого «форда» даже разогрева с пульта нет? Боже, ну и старьё!

Вуд усмехнулся: другого он и не ожидал услышать от любительницы быстрых машин. Мэтт на ходу ответил дочери:

– Всё в нём есть. Это мне нужно время для разогрева, – и вышел, не обращая внимания на удивлённые лица спутников.

Он завёл двигатель, достал из багажника щётку, которую держал там с ноября в ожидании снегопадов, почистил основательно занесённые снегом стёкла и заодно обмахнул «лендровер» отца. Мэттью специально тянул время, пытаясь продумать план дальнейших действий и давая возможность Одри подготовить квартиру к встрече Рождества.

Он достал из кармана и включил телефон. Через несколько секунд послышался монотонный писк, на дисплее высветилось оповещение о двадцати пропущенных звонках и одиннадцати сообщениях.

Черный прямоугольник вибрировал с перерывами в доли секунды. Получив неплохой массаж кисти руки, Вуд усмехнулся. Почти все звонки и сообщения были от сестры. Зная Занозу, он удивился лишь одному: их малому количеству.

Нажав на вызов, Мэтт приложил айфон к покрасневшему на морозе уху.

– Сестрёнка, ты меня искала?

Смеясь, он отодвинул телефон, переждал несколько мгновений и вновь поднёс поближе к голове.

– Спасибо, милая, я тоже тебя люблю! Ну, не злись, не мог я говорить... Угадала, сложный разговор с предками. Нет, мама осталась дома, так что не ты одна ещё не знакома с рыжей прелестью. Никогда не видел настолько густых и блестящих волос, – расплылось в умилении лицо Мэттью. – Платье?.. Выбрала модель... А это не слишком?.. Нет, умница, я даже не подумал об этом. А вот в отель точно не повезу! Что-то не нравится мне настроение Кэтлин. Как бы потом не пришлось её из номера силой вытаскивать.

Вуду не хотелось ещё раз вести переговоры на чужой территории.

– Размер? Она слегка поправилась... Нет, немного худее Лесси, наверное, на пару килограммов, а рост всё тот же – не

выросла. Зато дочь... – Он рассмеялся шутке Одри. – Обязательно откормим! Лилибет? Как Кэт в её возрасте, но выше, на полголовы точно. Высокая девочка, вся в меня. Конечно, горжусь! Подожди, не тараторь...

Агент внимательно выслушал всё, что пыталась сообщить ему неугомонная сестрица на протяжении последнего часа, и, судя по улыбке, остался доволен проделанной ею работой.

– Ты лучший в мире организатор! Я говорил, как сильно тебя люблю?

Он улыбался, но после просьбы Занозы покачал головой.

– Нет, нет и нет, сегодня услышать эти слова вживую ты не сможешь! – Мэтт снова отодвинул айфон. – Одри, я сам ещё с ней не говорил. Подождут все твои претензии до завтра. И помнишь наш уговор? Я жду вас не раньше часа!

Он усмехнулся.

– А вот это не твоё дело! Брэндону огромный привет и самые лучшие пожелания! Подарок за мной! – агент не стал выслушивать упрёки и нажал на отбой, открыл дверь машины и бросил телефон на панель.

Стряхнув с одежды снег, Вуд сел в автомобиль, подъехал к стеклянному входу и несколько раз моргнул фарами. Из дверей вышли его спутники.

Мэттью так и не успел за это время ни о чём толком подумать, но знал одно: сегодня он всё-таки попытается сделать Паркер предложение, а для этого необходимо купить кольцо. Мэтт припомнил, где находится ближайший магазин «Тиф-

фани». Дождавшись, когда все устроятся на местах, он вырулил на дорогу и повернул налево, чем вызвал обеспокоенный взгляд Кэтлин.

– Мы заезжали с другой стороны. – Она с тревогой смотрела в окно.

– Успокойся, милая, я не маньяк-похититель. Мой дом расположен в другой от клиники части города. – Вуд заметил, как напряглась брюнетка при слове «милая».

«А может, отец прав: я слишком тороплю события? – подумал он и тут же возразил сам себе: – Прав или нет, узнаем вечером, но запастись перстнем не помешает». Агент подождал, пока на светофоре загорится разрешающий свет, и ещё раз свернул налево, подсчитав, что меньше чем через пятнадцать минут будет у цели.

Кэтлин поняла, что повела себя как ребёнок, позволив душившимся её страхам вырваться наружу, и попыталась обернуть всё в шутку:

– Мало ли что у тебя на уме! С такими, как ты, всегда нужно быть начеку.

– Нет, слишком уж добрый вид у этого «психопата». Я бы не стала его остерегаться, – тут же среагировала на слова Кэт, но приняла сторону отца Лилибет.

– Вот поэтому девочки и должны обо всём рассказывать мамам! Не верь картинке, за красивым фасадом человека нередко скрываются грязные поступки.

Мэттью посмотрел в зеркало заднего вида и поймал

взгляд Паркер. «Вот так меня ещё никто не называл. Ну и мысли в твоей голове, Кэтлин... Чего ты навывдумывала себе о той ночи? Из-за чего я стал шизиком в твоих глазах?..»

Вуд ещё раз убедился в правоте слов отца: он ничего не знает о новой Кэт, но от этого ему только сильнее захотелось узнать её поближе. Им просто необходим разговор. Мэтт даже стал немного побаиваться, не сделал ли шестнадцать лет назад того, за что заслужил ненависть, лишаящую всякого прощения?

Чайтон тоже глядел в зеркало, и от него не укрылось, кому мать Лилит только что адресовала свои слова.

– Теперь, как я поняла, список тех, кому я могу рассказывать обо всём, что меня беспокоит, сильно расширился? – Девочке не понравилось, что отца называли грязным.

Разглядев в глазах мамы раздражение, она с удивлением посмотрела на неё, а от последующей реакции самого родного человека просто растерялась, не зная, что ответить.

– Конечно, это твоё право, но не думаю, что кто-то из новых родственников поймёт тебя лучше меня. – Голос Кэтлин дрожал от обиды.

Она не ожидала таких слов от дочери, не вот так, всего после часа знакомства с папой и дедом. Кэт не успела обдумать последствия обретения родни, считая, что им было очень хорошо вчетвером в Финиксе. Заметив улыбку Лилибет, предназначенную обернувшемуся назад Риджу, она добавила про себя: «Кажется, и с этим теперь придётся считаться...»

Мэттью видел растерянность дочери и решил в свою очередь поддержать не понимающую разногласий родителей девочку:

– Лилибет, поверь, ты можешь доверять свалившимся на голову родственникам. Я постараюсь стать хорошим отцом. Твоя бабушка – психолог, Харриса ты видела, а уж Одри, – имя сестры невольно вызвало на его лице улыбку, – этот Тайфун, уверен, станет твоей подругой!

Брюнетка промолчала; из всех перечисленных людей она не доверяла лишь одному.

Вуд припарковался возле сверкающего витринами магазина.

– Приглашаю за покупками! – Он с улыбкой смотрел на растерявшихся девушек. – Хочу подарить вам что-нибудь на Рождество. Выходите, отказ не принимается!

Сложив руки на груди, Кэтлин с вызовом в голосе заявила: – На сегодня с меня ювелирных магазинов хватит. Я не принимаю подарков от посторонних, тем более что мне нечего дать в ответ. И к тому же в Рождество их принято класть под ёлку.

Специальный агент одарил бунтовщицу обворожительной улыбкой и, отлично владея собой, ответил:

– Кэт, прошу, не принимай каждое моё слово в штыки! Ваше появление – самый дорогой подарок, других мне не нужно. Пусть это будет презентом за встречу. Не думаешь же ты, что я оставляю без него дочь, которую не видел столько

лет, заметь, не по своей вине.

Мэттью продолжал улыбаться, но Паркер уловила в его голосе обиду, сожаление, просьбу, надежду и даже капельку обвинения. Если бы в этом коктейле была угроза, Кэтлин могла бы отказать, но вот так... Она посмотрела на Лилибет и увидела, каким восторгом горят глаза девочки, которой впервые что-то купит отец, причём украшение от «Тиффани», и не смогла отказать.

– Хорошо. Надеюсь, это не войдёт в привычку. Не нужно сводить на нет усилия моего воспитания. Я против дорогих подарков!

– Приму это к сведению! – благодарно улыбнулся Вуд.

Открыв дверь со стороны Кэт, он помог ей выйти из машины, с недовольством наблюдая за тем, как то же самое делает Чайтон для Лилибет.

Мэтт обратился к дочери:

– Можешь выбирать всё, что захочешь. Я хорошо сэкономил на покупке автомобиля и могу позволить себе отплатить украшения любимым женщинам.

Он краем глаза заметил, что и слово «любимая» из его уст вызвало недовольную ухмылку у брюнетки. «„Милая“ не нравится, „любимая“ тоже. Уж не коллегой ли по воспитанию ребёнка отныне мне тебя называть?»

Агент почувствовал, как в нём просыпается мужской азарт, и решил, что пришло время «включать» обаятельно-го Мэттью. Кэтлин не станет падать к его ногам, и, как ни

странно, ему это нравилось. В жизни Вуда было достаточно «лёгких» женщин, и лишь одна Лесси прежде будила в нём охотника.

Мэтт распахнул дверь магазина перед спутницами и, выдав Риджа, шагнул следом.

В восхищённых глазах Лилибет отражался блеск роскошных витрин. Вошедший за Мэттью стажёр взял девушку за руку и сразу же подвёл к изделиям с бриллиантами. Ревнивый отец хотел, чтобы дочь именно у него просила совета, что выбрать, но оставить Паркер одну он не мог: ему нужно было узнать размер её пальца.

Кэт прошла к другому стеклянному стеллажу. Вуд хмыкнул. Кажется, мать его ребёнка не интересовали дорогие камни. Она ходила между витринами, с безразличным выражением лица разглядывая сверкающие украшения.

Продавщица решила, что прошло достаточно времени для ознакомления, и предложила свои услуги. На вопрос, что бы Кэтлин хотела посмотреть или примерить, та ответила, что сегодня ничего – она выбирает для дочери.

Мэтта такой ответ брюнетки не устраивал, и он шёпотом обратился к ней с просьбой:

– Это будет моим первым подарком Лилибет. Вдруг она последует твоему примеру и тоже откажется? Не лишай меня удовольствия, согласись на любое, даже скромное колечко.

Агент не увидел ни малейшего желания Паркер пойти навстречу и прибегнул к грязному приёму:

– Тем более что отец попросил купить тебе подарок от его имени. Не откажешь же ты Харрису? – Он был уверен, что старший Вуд простит ему эту ложь.

Кэтлин вернулась к первой витрине и попросила показать перстень из белого золота с небольшим сапфиром. Кольцо пришлось впору, и продавщица упаковала его в повязанную серебряистой лентой голубую коробочку.

– У «Тиффани» не бывает недорогих украшений. Приготовься раскошелиться, – прошептала брюнетка. – Хотя о чём я говорю? Ты и сам это прекрасно знаешь: Лесси любит блестящие побрякушки.

Мэттью сдержал довольную улыбку, в тайне радуясь маленькой, хоть и нечестной победе над неприступной злочкой. «В войне все средства хороши!» – решил он, не делая акцент на словах о Райт. Агент достал кредитку, желая расплатиться, но Кэтлин остановила его, сказав, что ещё не всё осмотрела и может передумать. Она предложила оплатить позже на выходе все покупки разом.

– Ну, теперь мы можем помочь дочери выбрать подарок. – Он хотел как можно скорее разделить молодых людей, стоявших парой возле витрины.

Мэтт вклинился между Чайтоном и Лилибет и с одобрением посмотрел на выбранную девочкой подвеску в форме сердечка на тоненькой белой цепочке.

– Красивая штучка. Давай примерим. – Отец взял украшение из рук дочери и застегнул на её длинной шее.

Заметив досадливый взгляд стажёра, Вуд усмехнулся: это была его маленькая месть.

– Мне нравится, а тебе? – улыбалась девушка, рассматривая, как сверкают вкрапленные в подвеску мелкие бриллианты.

Она увидела лежащий в дальнем углу витрины брелок из золота в форме «мустанга» с откидным верхом и потянулась к нему.

Мэттью рассмеялся:

– Поверь мне, такие вещи обожает Одри! Она подарит их тебе, и не одну. – Следующие слова он пробурчал себе под нос: – И не только брелок. Нужно предупредить, чтобы никаких машин до шестнадцати лет.

Лилибет была заинтригована; ей хотелось увидеть легендарную тётушку, о которой она слышала несколько раз за вечер не только от отца, но и от мамы и Харриса.

– Мне не терпится с ней познакомиться! Она придёт на ужин? – смотрела через зеркало на агента девочка.

– Нет, только не сегодня. С Одри нужно общаться на свежую голову и для начала в малых дозах. Завтра она непременно осчастливит нас своим визитом... – Взглянув на Кэт, он договорил: – У твоей тёти много претензий. И не только ко мне.

Брюнетка внутренне сжалась; она, как и много лет назад, боялась трудного разговора с подругой детства, но и ждала его. У неё имелось несколько вопросов, ответы на которые

хотелось узнать именно от Одри. Кэт по-прежнему доверяла её мнению.

Оставив Лилибет на попечение отца, индеец перешёл к другой витрине. Он внимательно рассматривал изящные женские кольца. Это заметил Вуд.

«Зря я привёз сюда Чайтона. Кажется, он намерен надеть кольцо на пальчик девочке... Лишь бы не сегодня, а завтра всё может быть по-другому. Подростки в её возрасте слишком ветрены и могут за ночь сменить одного героя на другого.

Он оглянулся на Кэтлин.

– К счастью, её мама совершенно другая». Мэтт не допускал мысли, что преданностью и привязанностью Лилибет пошла в мать.

– Ну что, дочь, берём эту подвеску? – Ему понравилось, что девочка, в отличие от Кэт, не дёрнулась от ласкового обращения.

– Мэттью, ты очень торопишься? – А вот брюнетку напугала некая публичная собственность в его словах. Ей вообще не нравилось, что появились люди, имеющие на ребёнка равные с ней права.

– Нет. Почему ты так решила?

Заметив яростное нетерпение в глазах Кэтлин, Вуд удивился. Он не раз слышал, что ревнуют дочерей к мужчинам отца, и даже успел убедиться в этом на собственном опыте, но вот матери... Мэтт качнул головой и подумал, что теперь

Паркер придётся со многим мириться, и чем раньше она это поймёт, тем лучше.

– Тогда мы ещё что-нибудь посмотрим, разумеется, если ты не возражаешь! – мило улыбнулась ревнивая мамочка и, не дожидаясь ответа, отвернулась.

Лилибет с изумлением смотрела на родителей; они общались полунамёками, недоговаривая многого вслух, но при этом отлично понимали друг друга.

– Конечно нет.

Глава 9.2

Если бы Кэт знала, насколько агент рад подобной задержке. Одри ещё не всё устроила, и расстраивать сестру ему не хотелось. «Что за платья она выбрала моим девочкам?» Мэттью не терпелось увидеть Кэтлин без наглухо застёгнутого пальто, которое она ни разу при нём не сняла.

«Интересно, как изменилась её фигура? – Он представил юную девушку из сна – и дрожь желаний пробежала по телу. – Вот только этого мне не хватало! Кэт, если бы ты знала, какую власть имеешь над моей плотью... Надеюсь, скоро узнаешь... очень на это надеюсь!»

Она затылком почувствовала тяжёлый взгляд Вуда и обернулась; в карих глазах читался немой вопрос. Он покачал головой и отвёл взор, затем подошёл к индейцу.

– Чайтон, извини, но на презент для тебя я не рассчитывал, – одарил парня широкой улыбкой Мэтт.

– Не беспокойся, обручальное кольцо я выберу сам, – улыбнулся Ридж в ответ во всю белизну своих зубов.

Мэттью буквально поперхнулся от такой дерзкой шутки и несколько секунд приходил в себя, пытаясь глубоко дышать, подавляя рвущийся наружу гнев. Брюнетка, видя состояние Вуда, решила его поддержать. Не хватало ещё дочери, едва обрета, лишиться отца, а судя по вздувшимся на его шее жилам и прерывистому дыханию, до инфаркта не так уж далеко.

Она вплотную приблизилась и тихонько прошептала:

– Расслабься. Лилибет не пустая глупышка, её камнями не купишь. – Кэтлин внимательно рассматривала выставленные в витрине изделия, не давая Мэттью возможности заглянуть в свои глаза.

Слова будущей невесты несколько не успокоили Мэтта. Он начал гадать: не кроется ли в них глубокий смысл, не говорила ли она сейчас о себе?

Вуд проследил за восхищённым взглядом Кэт; она любовалась большим грушевидной формы розоватым бриллиантом на платиновом ободке. Оценив её вкус, Мэтт увидел ценник рядом с кольцом и чуть не присвистнул. Он никогда не понимал: почему чем проще изделие, тем дороже цена? Хотя размер и чистота камня говорили сами за себя.

Кэтлин взяла дочь за руку и потянула в другую часть зала, позволяя Мэттью закончить разговор с Чайтоном без посторонних ушей.

– Ещё раз скажешь что-то в этом роде – и дорога в мой дом

для тебя будет навсегда закрыта. – Вуд знал, что Лилибет не услышит его слов, и, сумев подавить гнев, решил поставить все точки над «и».

Он стоял рядом с Риджем: красивый, подтянутый, высокий мужчина с мужественным бесстрастным лицом. Взгляд зелёных пронзительных глаз выражал такую решимость, что индеец понял бесполезность спора, если Мэттью примет окончательное решение.

Чайтон осознал, что перегнул палку. Он оценил блестяще проведённую Вудом операцию, видел, с каким уважением к нему относились все члены команды – такое дорого стоит и не один день зарабатывается. В агенте были все те качества, которым хотел бы научиться сам Ридж. Иметь Мэтта во врагах не входило в его планы, тем более что Лилибет была его дочерью.

– Прости. Но ты весь вечер провоцируешь меня, я не сдержался. Больше этого не повторится.

Мэттью усмехнулся:

– А как бы ты чувствовал себя на моём месте, как поступил, если бы к твоей дочери-подростку подкатил бы вот такой староватый для неё кадр? Может, мне разрешить вам встречаться и дать благословение на секс?

– Не горячись! Не будет общей постели, – парень взглянул на Мэтта, – пока Лилибет сама не захочет, конечно. – Чайтон увидел, как сжимаются кулаки рассерженного отца. – Но я могу тебе обещать, что оттяну этот момент, насколько это

будет возможно, и принуждать её никогда ни к чему не стану. Тут я на твоей стороне. Даю слово!

Вуд смотрел в чёрные глаза стажёра и видел, что тот не лукавит. Ридж улыбнулся и произнёс со всей искренностью:

– И я не хотел бы оказаться на твоём месте. Упаси бог меня и мою будущую дочь от подобного!

Мэттью расслабился, понимая, что не верить индейцу нет причин.

– А я благодарен Всевышнему, что у меня теперь есть дочь. Со всем остальным, – многозначительно взглянул он на Чайтона, – я справлюсь. Думаю, Лилибет и не вспомнит о тебе наутро.

Они вместе коротко рассмеялись.

– Даже не надейся. Я сделаю всё, чтобы задержаться в её жизни навсегда. Придётся нам смириться друг с другом и постараться стать друзьями. Я был бы этому очень рад. Дело за тобой!

Ридж протянул руку; Мэтт поколебался несколько секунд, но всё-таки пожал её и пообещал, что если так произойдёт, этот разговор не станет последним.

Через минуту вернулись Лилибет и Кэтлин; они больше ничего не выбрали.

Рассчитавшись за покупки, Вуд повёл всех к выходу. Он усадил спутников в машину и, сославшись на забытое портмоне, возвратился в магазин, где купил кольцо с камнем в пять каратов.

Счёт агента в Банке Америки уменьшился на кругленькую сумму, но родившая и вырастившая его дочь Паркер достойна гораздо большего. И он готов был сделать мать своего ребёнка счастливой, оставалось лишь получить её согласие.

Мэтт вернулся к автомобилю, радуясь, что смог перехитрить брюнетку, но взглянул на счастливое лицо дочери, крутившей кистью руки перед лицом мамы, и остолбенел. На палец девочки был надет перстенёк с гораздо меньшим по размеру камнем. Судя по довольному лицу Чайтона, это было кольцо для помолвки, которое Лилибет приняла.

«Когда только успел купить, гадёныш?! Ну, готовься к серьёзному разговору или чему похлеще!» Надежда на то, что парень никогда не появится в его доме, окончательно рухнула. Мэттью молча уселся в машину.

Девочка спрятала руку в карман, не желая выслушивать отповедь сердитого отца, да и Риджу с Кэт не хотелось этого. Все трое сделали вид, что ничего не случилось. Решив, что слишком для многого сейчас не время и не место, Вуд подыграл им.

Он разберётся со всеми вопросами по очереди, сейчас на повестке дня рождественский ужин и разговор с Кэтлин и дочерью. Стажёра Мэтт оставит на десерт, если всё-таки удача не повернётся к тому назавтра задом.

– Чайтон, где ты живёшь? У нас осталось не так много времени. Можешь показать короткий маршрут?

Парень назвал адрес, и Мэттью с удовольствием вырулил

на нужную трассу. Ему не терпелось остаться наедине со своими женщинами. Праздничный вечер выходил на финишную прямую.

Через некоторое время они уже подъезжали к указанному дому, и Вуд решил навести некоторые справки.

– Ты живёшь с родителями?

– Нет, отдельно. Снимаю небольшую квартиру. Всего две комнаты, но мне пока хватает.

– А как же вечер с родителями? У тебя изменились планы?

– Слегка. Заеду за подарками, вызову такси и вернусь за автомобилем. – Ридж усмехнулся любопытству агента, зная его причину. – Но завтра днём я буду у вас.

Он повернулся к Лилибет:

– Не успеешь соскучиться, как снова увидимся, хотя я очень на это надеюсь.

– На то, что увидимся? – улыбнулась девочка, прекрасно понимая, что имел в виду Чайтон.

– Нет. Что соскучишься...

Мэттью резко затормозил. Не удержавшись, индеец полетел вперёд; сработал ремень безопасности, иначе быть бы ему по-настоящему травмированным. Он ойкнул от выстрелившей в перебинтованные рёбра боли.

Вуд сделал вид, что всё произошло случайно:

– Чуть не проехал. Можешь выходить, целоваться на прощание не будем. – Он не мог дождаться, когда Ридж наконец

покинет машину.

– Конечно, только не с тобой! – рассмеялся Чайтон. – Спасибо, что доставил с ветерком!

– Это всегда пожалуйста! – Ревнивый папочка чуть не поперхнулся от собственных слов и тут же поправил: – Я про ветерок. Если нужно – дуну!

– Кто бы сомневался.

Стажёр повернулся к девушкам.

– Счастливого вам Рождества! Мисс Паркер, я очень рад, что познакомился с вами. Пусть сегодня исполнятся любые ваши желания. Лилибет, я позвоню ближе к ночи с поздравлением. – Он коснулся пальцем носа девочки. – Я уже ску-чаю. До завтра.

Поцеловав ладошку Лилит, парень покинул салон автомобиля. Мэтт тут же надавил на газ. «Форд» рванул, визжа покрышками, стремительно увозя от провожающего машину взглядом Чайтона Риджа нечаянно обретённую любовь.

– Кэтлин, не хочешь пересесть вперёд?

– Нет, мне лучше здесь, рядом с дочерью.

Она устала смотреть в окно, пряча взгляд. Выпрямив спину, брюнетка вскинула голову и встретила в зеркале с зелёными глазами Вуда.

– Куда мы едем теперь? – Она внутренне собралась и начала задавать вопросы, не предназначенные для чужих ушей: – Вы живёте вместе?

– Да, но сейчас её нет. Мы расстались утром. – Мэттью

нервничал: слишком рано Паркер принялась спрашивать. – Квартира большая. Пять комнат с моим кабинетом. Места всем хватит.

– Я не о месте и размерах. Не хотелось бы встретиться с ней сейчас. – Кэт не произносила имени – они с Мэттом прекрасно понимали друг друга. – Мне хватило общения в своё время. Это до сих пор вызывает чересчур болезненные воспоминания...

– Я знаю...

– Что знаешь? Что вообще ты можешь знать? – Во взгляде Кэтлин промелькнула боль, смешанная с презрением.

– Мне этим утром многое рассказала Лесси, – пытался оправдаться Вуд.

– Ты узнал слова, но не то, что они сделали с моей душой! – не дала ему договорить брюнетка. Карие глаза наполнились слезами.

Лилибет решила вмешаться, не позволяя разгореться новому спору между родителями или случиться очередной истерике матери.

– А теперь послушайте меня! Я не знаю, кто такая Лесси, так же как и того, почему мне говорили столько лет, что отец мёртв! Я многого не понимаю, но прошу ещё подождать с разговором. В конце концов, я хочу есть, а не утирать слёзы. Начните уже вести себя как взрослые люди.

Кэт шмыгнула носом и виновато посмотрела в глаза дочери.

– Извини, ты права. Не будем торопиться, сначала ужин. Я и забыла, что ты даже не завтракала. – Она снова не смогла сдержать эмоции и теперь негодовала на себя, не понимая, куда подевалась её хвалёная выдержка. Или пришло время воспоминаниям о причинённых обидах пробить брешь в выстроенной за долгие годы внутренней защите?

Мэттью ударил кулаком по клаксону.

– Какой же я осёл! Вместо того чтобы накормить вас, таскал по врачам и в магазин. – Он обернулся с виноватым видом. – Потерпите до дома или остановиться у кафе?

– Подождём. – Лилибет очень хотелось взглянуть на квартиру отца и узнать, что произошло шестнадцать лет назад.

– Как скажете.

Агент надавил на газ. Автомобиль на пределе допустимой скорости нёсся по опустевшим улицам, оставляя за собой густой шлейф из снега и замерзающих в синевато-белое облако выхлопных газов.

Всю остальную дорогу любовники одной ночи молчали, погружённые каждый в собственные мысли, перебирая в памяти прошлое, обдумывая вопросы, которые хотелось бы задать в первую очередь, и ответы на истязавшее столько лет душу.

Через некоторое время «форд» подъехал к высокому зданию, расположенному в престижном районе Джорджтауна.

Девочка с одобрением посмотрела на отца; оказывается, он не так безнадежен и тоже любит добротные и красивые

вещи. Исключение составляют разве что машины – вот этого ей невозможно понять.

Мэтт открыл начищенные до блеска тяжёлые стеклянные двери, и все трое торопливо вошли в тепло просторного фойе жилого здания.

Из-за полукруглой тёмного дерева стойки консьержа на них с удивлением уставился пожилой афроамериканец. Джош впервые видел женщин, сопровождающих Мэттью. Он приступил к работе днём и был немало изумлён тем, что подруга Вуда, белокурая красавица Лесси, сегодня спустилась под руку с высоким мулатом, несущим большой красный чемодан, и оставила ключ от квартиры.

Джош протянул его Мэтту со словами:

– Мисс Райт просила вам передать и сказала, что обязательно позвонит, как только устроится на новом месте.

Мэттью взял ключ, поблагодарил консьержа, служащего в доме с первого дня заселения, и представил своих спутниц:

– Джош, это моя дочь Лилибет и её мама, мисс Паркер. Они будут жить со мной. – (Кэтлин усмехнулась.) – Пропускай их в любое время.

Вуд заметил ухмылку брюнетки, но не знал, насколько сильно ей хотелось съязвить по поводу быстрого выселения одной женщины и стремительной замены её на другую.

Они поднялись на десятый этаж. Мэтт открыл дверь квартиры и замер, ожидая слов о первом впечатлении.

Лилибет скинула тёплые ботинки и со свойственной под-

ростку непосредственностью прошла внутрь, с нескрываемым любопытством разглядывая просторную квартиру отца.

Мэттью помог Кэт снять пальто и наконец увидел её без верхней одежды. Тёплая бежевая юбка обтягивала округлые бёдра. Кремового цвета кашемировый свитер повторял контуры высокой груди. Вуд провёл взглядом по длинным ногам, мечтая притронуться к ним ладонью.

– Ты всё такая же стройная, ни капельки не изменилась.

– Это трудно принять за комплимент. Ты имеешь в виду нашу последнюю встречу в Финиксе или шестнадцатилетнюю угловатую девочку, которую упорно не хотел замечать когда-то?

– А есть разница?

– Большая. В первом случае ты раздевал меня глазами, а во втором – я была слишком тощей, чтобы выделяться на фоне сногсшибательной Лесси. – Заметив пожирающий взгляд Мэтта, Кэтлин ухмыльнулась. – Вот уж что точно не изменилось, так это твоя беспардонная манера вводить девушек в краску.

– Я вижу, на тебя это больше не действует, – приподняв бровь, улыбнулся он.

– Удивлён, что перестала краснеть? Были хорошие учителя. Один из них ты.

Она расстегнула сапоги и стянула их, с удовольствием ощутив под ногами мягкий ворс коврика. Мэттью расслышал стоны удовольствия, просочившиеся сквозь плотно сжа-

тые губы брюнетки.

– Ты сейчас мурчишь, словно сытая кошка. Как мало порой нам нужно для счастья. – Он хотел бы, чтобы она «помурчала» для него, но совсем в другом месте.

– Устали ступни. А вот что могло бы доставить истинное удовольствие, так это чашка горячего чая. – Кэтлин обвела языком пересохшие губы.

Агент мог поклясться, что она знала, как действует этот жест на мужчин.

Глава 9.3

– Ты по-прежнему не пьёшь кофе?

Паркер качнула головой, и Мэтт усмехнулся уголками губ. Понизив голос до громкого шёпота, он проговорил:

– Многое в нашей жизни не меняется. Хочешь, помассирую ноги? Я отлично умею это делать.

– Нет, спасибо, как-нибудь в следующий раз. – Кэт почувствовала страх души, накладывающийся на безотчетное желание тела.

– Ловлю на слове. Давай пройдем в гостиную. Я приготовлю чай с бергамотом, а ты посмотришь подарок от Одри. – Мэттью заметил излишнюю бледность Кэтлин и потемневшие круги под глазами. – Если хочешь, прими ванну, пока сервирую стол к ужину.

– Тебе не понадобится моя помощь? – По правде, ей вовсе не хотелось возиться на чужой кухне.

– Думаю, что нет. Сестра обо всём позаботилась, осталось лишь разогреть и подать. Я тоже не завтракал сегодня и готов проглотить что угодно. Как-то не лезут в голову умные слова на голодный желудок, – засмеялся он и протянул руку, приглашая пройти в комнату: – Ну, что мы стоим на пороге? Посмотри, как живёт бывшая звезда бейсбольной команды школы Сквима.

– Ты хотел сказать «ФБР»?

– Звёзд в бюро не дают, и никакие знаки отличия, как видишь, мы не носим, – добродушно рассмеялся Вуд.

Брюнетка остановилась на пороге комнаты и резко обернулась.

– Не станем ходить вокруг да около. Мы оба знаем, для чего ты нас пригласил. – Она немного помолчала. – У меня к тебе просьба: давай не будем втягивать в это девочку. Дождёмся, когда она уснёт. Незачем ей знать неблагопристойные подробности о матери.

– Я не скажу о тебе ничего плохого. – Он осторожно взял Кэт за руку и нежно поцеловал кончики тонких пальцев. – Это ты назвала меня сегодня грязным.

Она резко вырвала руку, проклиная тело за трепетный жар, что вызвало прикосновение Мэтта.

– Прости, это было грубо. – Паркер посмотрела в глаза любви всей жизни. – Я совсем не та, что ты знал когда-то.

– Новая Кэтлин нравится мне не меньше прежней, – снова одарил он её мягкой улыбкой.

– Посмотрим, что скажешь после нашего разговора, – криво усмехнулась и огляделась по сторонам брюнетка. – Что ж, я готова к экскурсии по памятным местам Лесси, – она увидела, как нахмурился, но промолчал Мэттью, – даже к подаркам Одри. Почему-то уверена, что смогу угадать, что она мне приготовила.

– Убеждён, сестрёнка способна тебя удивить.

Он снова взял тёплую руку Кэт.

– А что сейчас было? Маленький приступ ревности? – Вуд водил большим пальцем по внутренней стороне ладони Кэтлин, дотрагиваясь до эрогенных точек. – Напрасно. Между мной и Лесси давно нет тех пламенных чувств, что прежде.

Она попыталась выдернуть кисть из горячей руки агента, но тот сжал пальцы, удерживая.

– Если ещё раз так сделаешь, я развернусь и уеду. – Паркер улыбалась, произнося слова ровным голосом. – Мэттью, ты с годами стал плохо слышать? Я только что сказала: забудь о прежней Кэт. Я другая и не растаю от пары нежных прикосновений.

Она провела пальцами другой руки по узлу синего галстука агента.

– Прибереги этот приём для молоденьких наивных стажёрок, а я давно уже перешла в другую лигу.

Он разжал ладонь, но остался доволен дрожью, пробежавшей по коже брюнетки. Вуд знал: что бы она сейчас ни говорила, её по-прежнему тянет к нему, да и сам он почувствовал

новый прилив желания. «Кэтлин, зачем взрослым людям играть в глупые игры? Ну, раз ты так решила, я поддержу твои намерения до поры. Время есть, до Рождества ещё несколько часов».

Лилибет стояла у панорамного окна гостиной комнаты любуясь видом на город.

Вашингтон переоделся в зимний наряд. Освещённые миллиардом ярких ламп улицы утопали в белом сверкающем великолепии. Весь город казался одной большой заснеженной ёлкой, подсвеченной разноцветными огнями праздничных гирлянд.

– Нравится? – Мэтт встал чуть позади дочери, с удовольствием вдыхая её запах.

– Очень! Жаль, что в Финиксе не бывает настоящей зимы. Это так красиво и как-то особенно празднично. Я теперь знаю, что на Рождество обязательно нужен снег. – Девочка обернулась. – Мне нравится Вашингтон! Я хочу и буду здесь жить.

Агент довольно улыбнулся. Он желал прижать к груди дочь, но понимал, что слишком рано так сильно выразить родительский восторг. Нужно время, чтобы Лилибет привыкла к нему и научилась доверять. Мэттью не заметил, что старшая Паркер побледнела ещё сильнее, воспринимая слова девочки как новый момент предательства.

– Останешься в Вашингтоне? С кем? Твой дом в Финиксе. Ты не забыла, что учебный год ещё не закончился?

– Конечно, помню. Я могу жить с отцом. – Лилибет перевела взгляд на Вуда, надеясь на его поддержку.

– Можешь. Я всё устрою, если мама на это согласится. – Он обернулся к Кэтлин. – Вы обе можете остаться со мной.

– В качестве кого? – гневно посмотрела она на Мэтта. – Мне уже не шестнадцать. Я не хочу бросать то, чего доби-
лась, и начинать всё на новом месте. У меня есть работа, семья, обязательства, друзья, в конце концов!

– В том качестве, в котором захочешь. – Он сжал коробочку с кольцом в кармане пиджака. – Столица – не провинциальный Сквим, при желании здесь легко устроиться. Поговорим об этом позже.

Мэттью видел, что сейчас брюнетка не в состоянии принимать разумных решений.

– Давайте поужинаем сначала. Нас никто не торопит. – Он подошёл к невысокой пушистой ели, установленной ближе к левому углу комнаты. – Одри оставила вам подарки. Предлагаю открыть их сейчас. Там есть то, что пригодится, чтобы сделать вечер по-настоящему праздничным.

– Разве подарки разбирают не утром?

– Совершенно верно, но завтра будут другие. – Вуд взглянул на Кэт. – Ты же знаешь мою сестру. Она всё тщательно продумывает.

– Только не всегда её задумки венчаются успехом. – Тёмные глаза полыхали еле сдерживаемой яростью.

– Ты сейчас о чём? – Мэтт пытался понять, чем вызван

гнев: словами дочери или очередным призраком прошлого?

– Ни о чём. Обсудим это после, – отвела взгляд Паркер.

– Вы опять говорите загадками. Даю всем нам час на сборы, после ужин и, конечно, объяснения. – Лилибет решительно направилась к ёлке. – Родители, у меня уже голова пухнет от ваших недомолвок.

Она взяла самую большую коробку и прочла на прикреплённой к ней открытке:

– «Кэтлин от Одри».

Девочка всунула подарок в руки матери и взяла следующий.

– А вот это мне! «Лилибет от любящей тётушки». – Она обернулась к отцу: – Кто-то обещал, что тётушка станет мне подругой. Сколько ей лет? Судя по надписи, в районе пятидесяти...

Агент рассмеялся:

– Она ровесница мамы. Это обычные штучки Одри, любит ввести всех в заблуждение. Там ещё две коробки, вскрой и их заодно.

Девочка взяла свёртки поменьше, взглянула на записки и поделила их с мамой.

– Ну, чего вы ждёте? Открывайте. – Вуду хотелось увидеть, что за платья купила искушённая в моде сестра. Он надеялся на глубокое декольте для Кэт.

– Прямо здесь и сейчас? – в нерешительности крутила в руках блестящую коробку брюнетка.

– Конечно. Я же сказал: это то, что может пригодиться к ужину. – Мэтт помнил, насколько подруга Занозы не любила сюрпризы, и пытался мягко давить на неё.

– Не думаю, что Одри могла презентовать что-то из еды. – Паркер смотрела на подарок, решая: поддаться соблазну и открыть его или поступить наперекор словам Мэттью и оставить под ёлкой?

– А зачем думать, когда можно это увидеть? – рассмеялся он нерешительности девушек. – Кэтлин, ты же говорила, что сестра не способна тебя удивить, и догадываешься, что она подарила.

– Ты меня пугаешь, а не Одри. – Брюнетка хотела сдержать улыбку, но не смогла. – Нагнал на нас страха.

Она обернулась к дочери:

– На «один-два-три» вскрываем.

Вуд решил сам вести счёт и, состроив угрожающую гримасу, заупокойным голосом проговорил:

– Один, два, три!

Он выждал, пока девушки сорвут банты, обёрточную бумагу и приоткроют коробки, а затем громко выкрикнул:

– Бум!

Кэт взвизгнула, отбросив подарок в сторону, а Лилибет со смехом повалилась на ковёр.

– Мамочка, видела бы ты сейчас своё лицо!

Девочка посмотрела в сторону брошенной упаковки. Крышка отлетела, и на полу раскинулся кусок блестящей

ткани цвета восходящего солнца.

– Вау, вот это цвет! Твой любимый, мам. Прямо общественный вызов! Руку на отсечение даю, это платье.

Лилибет вскочила на ноги и открыла свой подарок.

– Вот это да! И у меня тоже. – Она достала короткий наряд ярко-изумрудного цвета и приложила к груди. – Кажется, я начинаю любить вашу Одри! Интересно, что в другой коробке?

Девушка быстренько разобралась с упаковкой и вытащила на свет божий пару серебристых туфель. Её восторгу не было предела.

– Жаль, что меня не сможет кое-кто увидеть. – Она вышла в коридор в поисках ванной, чтобы немедленно всё примерить.

Мэтт понял, кем был этот «кое-кто», и восхвалил небеса, что удалось избавиться от Чайтона. Он показал дочери приготовленную для неё комнату.

Кэтлин поинтересовалась, где будет ночевать она, и придирчиво осмотрев смежную с комнатой агента спальню, направилась в ванную.

– Надеюсь, ты позволишь мне ненадолго уединиться? – Паркер намекала, что не желает входить, не убедившись, что он покинул спальню.

Мэттью хмыкнул в ответ.

– Мы уже выяснили, что я не маньяк-насильник. Можешь не переживать за свою добродетель,

Он направился к двери, но на пороге чуть задержался.

– Если понадобится помощь, – Мэтт выразительно смотрел на обтянутую свитером грудь Паркер, – зови.

Заметив, как щёки невозмутимой до этого брюнетки всё-таки начали покрываться румянцем, Вуд усмехнулся. Значит, его присутствие вызывает волнение.

– Я разогрею ужин. Через полчаса жду всех к столу. – Он напоследок одарил Кэтлин чувственной улыбкой и, не дожидаясь в ответ очередной колкости, вышел.

Мэттью отправился на кухню, вернее, в огромное помещение, разделённое на две зоны: рабочую – с плитой, ящиками, столами, холодильником, мойкой и всем прочим, и обеденную, отделённую от основной барной стойкой. Большой стол был полностью сервирован на три персоны.

Он заглянул в холодильник. Одри постаралась на славу. Там было всё, вплоть до выложенных на лёд устриц. Мэтт поморщился: он терпеть их не мог, но если сестра так решила...

Следуя инструкции Одри, прикреплённой магнитом к дверце, агент сунул в духовку большой кусок антрекота и овощное рагу, затем выложил в небольшие вазы пару салатов, зажёл свечи, достал накрытое салфеткой шампанское из серебряного ведёрка и заполнил его льдом.

Вуд читал всё по пунктам и удивлялся: зачем нужно столько льда? Он осмотрел содержимое полок и занервничал: для чего вообще такое количество различной еды? Закрыв дверь

электрического монстра, впервые задумался: зачем им с Лесси понадобилась домашняя фабрика холода гигантского размера?

На помощь впадшему в панику Мэтту пришла одетая в махровый халат Лилибет. Дочь поняла, что отец находится в предобморочном состоянии, и, по-деловому осмотревшись, велела тому быстренько переодеться, пока она немного похозяйничает.

Он воспользовался советом девочки, быстро покинув кухню. Готовить Вуд никогда не умел, и, наверное, тридцать пять – не тот возраст, когда следует этому учиться.

Он слышал сквозь дверь в ванную комнату, как Кэт плещется под душем, и почувствовал непреодолимое желание присоединиться. Потребовалась вся выдержка специального агента, дабы не поддаться рвущему плоть искушению. Он сделал несколько дыхательных упражнений и только после этого скинул одежду.

Не решившись зайти в комнату, наполненную ароматом будившего в нём сильнейшее желание тела, Вуд отложил принятие душа на потом, переделся и уже через несколько минут вернулся к дочери. Пообещав, что со всем остальным справится сам, он прогнал Лилибет с кухни; доделал мелкие штрихи и сел во главе стола, дожидаясь появления своих девочек.

Первой пришла дочь.

Мэтт смотрел на высокую, невероятно красивую девуш-

ку – и чувство отцовской гордости переполняло душу. Разве могла такая красавица родиться от Джона? Как он поверил тогда в подобную чушь? Мэттью постарался отогнать ощущение досады на собственную глупость, сожаление и угрызения совести. Прошлого не вернуть, нужно сделать всё, чтобы не испортить настоящее и счастливое будущее своего ребёнка.

Одри угадала с нарядом; большие глаза, подчёркнутые цветом платья, яркими изумрудами горели на прелестном юном лице, затмевая блеск бриллиантов подаренной подвески. Агент ощутил, как увлажнились глаза. Дочь признала его, он чувствовал это сердцем и был несказанно благодарен судьбе за столь щедрый подарок.

Вуд доставал по просьбе девочки из холодильника сок, когда услышал лёгкий стук каблучков и вздох восторга Лилибет. Он обернулся и замер.

В дверях кухни стояла ослепительно красивая женщина. Яркое-алое платье мягко облегало невероятно соблазнительные формы великолепного тела. Высокая грудь вызывающе вздымалась, подчёркнутая глубоким вырезом декольте. Тонкую талию с лёгкостью можно обхватить двумя ладонями. Стройные длинные ноги заканчивались носками чёрных лаковых туфель.

Мэттью поднял взгляд – и сердце рванулось, возвращая в прошлое.

Гладко причёсанные волосы мягко обрамляли нежный

овал лица. Сливочная кожа подчёркивала огромные цвета молочного шоколада глаза. Пухлые губы, слегка увлажнённые розовым блеском, манили, вызывая желание прижаться к трепетному рту.

Агент будто очутился в гостиной старого дома в Сквиме. У него перехватило дыхание от осознания, что именно такие чувства вызвало появление Кэтлин тогда, шестнадцать лет назад, но тот девятнадцатилетний Мэтт тут же отогнал их, посчитав недостойными, порочными по отношению к слишком юной подруге младшей сестры.

И вот теперь они снова накрыли его, но сейчас не нужно прятаться: Паркер не наивный беззащитный ребёнок. Он видел это по изменившемуся выражению карих глаз; не робость, а уверенность женщины сквозила в них.

Кэтлин заметила, насколько Мэттью поражён увиденным. Она специально повторила причёску и макияж. Ей хотелось, чтобы он вспомнил взгляд, который когда-то подарил чувство надежды беззаветно влюблённой девочке.

Брюнетка твёрдой походкой приблизилась к столу и, не дожидаясь поспешившего к ней Вуда, отодвинув стул, заняла место напротив дочери.

Открыв шампанское, Мэтт наполнил фужеры. Он с трудом подавил волнение, прогоняя нахлынувшие воспоминания. Сейчас агент знал точный ответ на вопрос отца, влюблён ли он в Кэт. Если возможно высшее проявление чувств с первого, вернее, не с первого, хотя неважно, с какого, взгля-

да. Мэттью понял сейчас, насколько глубоко любит Паркер, и готов был к борьбе за свою любовь.

Он обвёл взором девушек и, остановившись на Лилибет, решил одним разом ответить на многие мучившие её вопросы:

– Я хочу выпить за то, что шестнадцать лет назад перепутал комнаты и зашёл в спальню твоей мамы. За то, что она настолько была влюблена в идиота, не видящего дальше собственного носа, что не оттолкнула, а подарила самую яркую ночь в моей жизни. За то, что не испугалась в столь юном возрасте фактически без поддержки выносить и родить самую красивую и добрую девочку на свете. За то, что судьба сегодня свела всех нас вместе, и мы сидим за одним столом. Я хочу выпить за вас, мои обворожительные женщины!

Мэтт отвернулся, чтобы скрыть подступившие слёзы, и совершенно напрасно: глаза тех, кому предназначался тост, тоже были наполнены влагой. Но если у Лилибет, как у отца, это были слёзы любви и надежды, то у Кэтлин – сожаления о проведённых без мужского обожания годах. От собственной глупости и нерешительности и от того, что она сейчас не в состоянии принять любовь Вуда, хоть и видит её в его взгляде.

Очень много страхов накопилось за прошедшее время, слишком сухой и циничной стала душа...

– Мама, я не понимаю одного: зачем было говорить, что отец умер?

Кэт смотрела в широко открытые глаза дочери, зная, что отвечать всё же придётся, и не только Лилибет с Мэттью, но и себе. Она была готова к любым вопросам.

Глава 10.1

Кэтлин смотрела на дочь.

Бронзового цвета волосы, как и у отца, с трудом поддающиеся расчёске. Она помнила, сколько лет мечтала запустить в них пальцы, желала ощутить густую шелковистость и выпрямить непослушные прядки. Паркер сделала это той ночью...

Зелёные папины глаза, изучающий взгляд которых в первый же день появления в школе Сквима привёл Кэт в полное замешательство. А после поддержки рухнувшей в руки их хозяину неуклюжей девушки, споткнувшейся на ровном месте, эти глаза одарили таким теплом и обещанием, что любовь не просто пришла, а ворвалась в её сердце. Позже брюнетка поняла, что взгляд Мэттью достался от отца, но в отличие от Харриса он не лечил, а губил женщин.

Даже если бы она захотела забыть и навсегда выкинуть воспоминания о той ночи и единственной любви, напоминающие, живущее рядом, никогда не позволило бы сделать этого. Милая, добрая девочка, так похожая на папу, который ни разу не взял её на руки...

– Почему сказала, что отец погиб? – Кэт видела вопрос не только во взоре дочери, но и Вуда; две пары зелёных глаз

смотрели на неё в желании узнать правду о самой большой лжи в жизни Кэтлин Паркер. – Всё до банального просто: хотела оградить тебя от боли.

Лилибет пристально глядела на мать, левая бровь девушки в недоумении поползла вверх. Брюнетка перевела взгляд на Мэтта и улыбнулась помимо воли: точно так же поднятая в немом вопросе дуга. «Господи, до чего же они похожи...»

Улыбка сошла с лица, потому что в груди что-то тревожно сжалось. Множество раз Кэт представляла, как сидит вот так за семейным столом с двумя любимыми рыжиками. Сколько раз обливалась слезами, вспоминая о дне, когда поняла, чем была та ночь для Вуда, узнала от той, которая не сказала бы никогда, знай правду, кто на самом деле был с Мэттью ночью в постели, чья девственная кровь вымазала простыню.

Он сделал её наказанием для Лесси, взял то, что собиралась подарить будущая невеста. Просто так, мимоходом. Мимо спальни, жизни, дочери...

– А что я должна была сказать? Правду? – Кэтлин на мгновение замолчала, решая: сделать девочке больно или пожалеть? – Отец был женат и растил по крайней мере одного ребёнка к тому времени, когда тебя начал мучить этот вопрос.

Вторая бровь поднялась на уровень первой, причём одновременно у обоих.

– Я же сказал, что никогда не был женат. И у нас с Лесси нет и не было детей!

Паркер посмотрела в глаза мужчины, в которых читалось

искреннее недоумение.

– Сказал когда? Сегодня? – Она усмехнулась. – Ты не помнишь, что говорил в супермаркете при нашей случайной встрече в то далёкое Рождество?

«Как удобно свалить всё на отсутствие памяти», – вслух этого брюнетка не произнесла.

Вуд сморщил и потёр лоб.

– Прости, да... – Он посмотрел на Лилибет. – Видишь ли, мы с мамой встретились десять лет назад и...

Мэтт пытался подобрать нужные слова. В который раз за день проведенному сотни переговоров с преступниками и всегда умевшему найти аргументы, чтобы убедить их сдаться властям, агенту сейчас не хватало словарного запаса, фраз для того, чтобы объяснить взрослому ребёнку, почему папочка оказался вруном. Если бы он мог высказать крутившиеся в голове мысли: «Прости, девочка, но твой отец мудака и подлец», однако этого говорить не стоило...

– Я тогда солгал маме, а она – мне, и мы оба решили, что каждый из нас женат и счастлив в браке. – Мэттью видел недоумение, по-прежнему остававшееся в глазах дочери, и уже сам вынужден был отвечать на заданный Кэт вопрос: – Понимаешь, всё было слишком запутанно у нас в прошлом. Наверное, тебе ещё рано в подробностях рассказывать о произошедшем когда-то.

Недоумение не исчезало, а только росло.

– В двух словах: Кэтлин решила тогда, что не будет мне

нужна, а раз не нужна она, то и тебе не должно быть места в моей жизни. – Он перевёл взгляд на брюнетку. – Я прав?

– Отчасти. Мы сейчас ведём себя как дети, одновременно обвиняем и оправдываем друг друга. – Кэт тяжело вздохнула и попыталась доходчивее объяснить, что толкнуло её тогда на ложь: – Помнишь, насколько сильно ты в детстве завидовала подругам, живущим в полных семьях, как просила меня завести папу? – (Лилибет кивнула.) – Ты готова была узнать тогда, что отец живёт в другой семье и любит других детей, и будет с ними, а не с тобой, всегда?

– Я полюбила бы любого отца, – не раздумывая ответила дочь.

Кэтлин вскинула голову.

– «Любого»? Это ты сейчас говоришь, в шестнадцать лет. Как я могла объяснить пятилетней девочке, что папа никогда не любил маму, послужившую одноразовой игрушкой, а её рождение – случайность? И что совсем другая женщина, любимая, в отличие от матери, живёт сейчас с ним, и именно от неё он хотел иметь детей? – Она обернулась к Вуду: – Скажи, что предприняла бы Лесси, узнав, что у меня растёт твоя дочь?

– А что она могла сделать? – говоря это, он пожал плечами, не понимая серьёзность вопроса.

– Подожди, не так. – Брюнетка глубоко вздохнула. – Что сделала бы Райт, если бы у вас с ней был ребёнок, узнай она, что у меня растёт твоя дочь?

Мэтт не стал отвечать сразу. Он представил, какой была его невеста в то время: нервная, готовая в любую минуту сорваться в истерику, подозрительная и ревнивая, видевшая в каждой женщине соперницу.

– Молчишь? – Паркер не хотела ждать ответа, прекрасно зная, каким он будет. – Да она бы ни перед чем не остановилась, пока не втоптала бы в грязь меня и моего ребёнка!

Лилибет перебила мать:

– Кто-нибудь скажет мне, в конце концов, кем была или есть эта Лесси?

Понимая, что лишь Мэттью сможет дать адекватный ответ на этот вопрос, девочка перевела взгляд на него.

– Моя бывшая невеста.

– Ты должен был на ней жениться?

– Да, много лет назад. Я знал Райт с раннего детства, почти двадцать восемь лет.

– Я спрашиваю, как долго она была твоей невестой?

– Шестнадцать, с перерывами шестнадцать лет. Она дважды выходила замуж.

Лилибет покачала головой и встала.

– С вами не соскучишься.

Она отошла от стола, взяла стул, повернула его спинкой, оседлала и поправила пышное платье. Теперь родители сидели напротив с видом провинившихся школьников на приёме у директора.

– Вот скажите, как мне остаться в своём уме с вами? – Ли-

лит посмотрела на отца и убрала за ухо непокорную прядку, падавшую на глаза. – Я знаю тебя несколько часов и, поверь, ужасно рада, что ты жив, но как мне относиться к тебе, когда слышу подобные истории прошлого? Невеста, которая дважды выходила замуж и всё равно оставалась рядом, и мы с мамой – любящие, но совершенно ненужные...

Она ненадолго замолчала. Вуд заметил, как намокли зелёные глаза. Сердце сжалось. Он не знал, как вынести слёзы взрослого ребёнка.

– Вот только не надо одаривать меня такими взглядами.

Девушка злилась на родителей, на ту ситуацию, которой они позволили случиться. Столько лет мечтать о полноценной семье и узнать, что всё было возможно, если бы ни чья-то молчаливая глупость и разыгравшая не в то время гордость. Она увидела сочувствие в глазах Мэттью, но меньше всего ей сейчас нужна была его жалость.

– Я не заплачу, не дождёшься!

Лилибет перевела взгляд.

– Мама, как ты могла допустить такое? Где была твоя гордость тогда, в восемнадцать лет?

– А вот это не твоё дело! – отозвалась сразу и резко Кэт, но тут же смягчила тон и уже более спокойно добавила: – Вырасти для начала и наберись мудрости, чтобы судить и милловать. Ты хотела знать, почему соврала? Я ответила. Хочешь подробнее? Сейчас расскажу, но обвинять себя больше ни в чём не позволю, – она посмотрела в сторону Мэтта, – нико-

гда и никому!

Он хотел ответить, что не понял, почему последние слова адресованы ему, и открыл было рот, но решил промолчать, давая Кэтлин возможность выговориться.

– У меня была твоя фотография, даже не одна. – Она усмехнулась удивлению агента ФБР. – Я любила просматривать ваши семейные альбомы. Помнишь, на Хэллоуин вы с Брэндоном вырядились лётчиками, жертвами Бермудского треугольника?

Вуд улыбнулся. Сколько гуаши ушло на раскрашивание бинтов, изображающих обмотанные вокруг пояса кишки! Он и друг сами делали костюмы, перепачкав всех и вся, находившихся рядом, забрызгав сестру «кровью».

– Помню.

– Так вот, я выкрала у Одри один из снимков с того вечера. Тебе очень шла форма лётчика, – ухмыльнулась брюнетка, затем перевела взгляд на Лилибет. – Ты нашла коробку с фотографиями, которую я прятала в шкафу, и почему-то сразу же решила, что Мэттью твой папа.

Она замолчала, заново переживая ситуацию из прошлого. В комнате повисла тишина. Вскинув голову, Кэт оторвала взор от пола и по очереди посмотрела на отца с дочерью.

– Что я должна была ответить девочке, с любовью целующей портрет незнакомого мужчины, шестым чувством совершенно точно определившей, кем он приходится ей, и называющей его папой? – В её глазах застыла боль. – Мне оста-

валось придумать красивую историю про неземную любовь и родителей, невзлюбивших девушку сына. Определить воинскую часть, где мог погибнуть лётчик, было несложно.

Паркер снова усмехнулась и покачала головой.

– Вопрос с «не появляющимся» отцом был закрыт, а фотография заняла место на прикроватной тумбочке скучающего по нему ребёнка.

Некоторое время молчали все. Затянувшуюся паузу разорвала Лилибет: она встала, подошла к столу и обняла мать за плечи.

– Прости, мамочка! – Девочка поцеловала готовую разрыдаться Кэтлин в висок. – Ты права. Что бы ни произошло тогда, это не моё дело. Спасибо за всё, что вынесла ради меня. Я люблю тебя!

– Я тоже тебя люблю! – Кэт хлопнула дочь по руке и ласково улыбнулась мокрыми глазами. – И... ты прости меня за ложь. Если бы можно было всё прокрутить назад, поверь, я поступила бы по-другому. Но вернуть, увы, ничего нельзя. Нужно отпустить прошлое и жить настоящим.

Лилибет крепко прижалась к спине матери.

– Я пойду спать, а вы разберитесь с прошлым и давайте думать о будущем. – Она с надеждой посмотрела на Мэтта. – Я хочу и следующее Рождество встретить в кругу семьи, но не так, как сейчас, а вместе с бабушками и дедушками. – Девушка улыбнулась. – И я не против твоей неугомонной сестры – моей тётушки. Не могу дождаться завтрашнего дня,

чтобы со всеми познакомиться.

Она отправилась к двери кухни, но обернулась на пороге, попеременно поглядела на отца с матерью и проговорила с надеждой:

– Спокойной ночи.

– Спокойной ночи! – дружно ответили родители, понимая, что вряд ли для них она таковой станет.

Они долго молчали. Каждый прокручивал в голове прожитое. Пришло время для исповеди и покаяния перед собой, друг перед другом, прошлым.

Первым заговорил Вуд:

– Не знаю, как объяснить то, что произошло тем вечером в твоей спальне. Расскажи мне кто тогда, я не поверил бы и, наверное, нашёл не те причины случившегося, которые знаю сейчас.

– Знаешь или придумал? – прервала агента Паркер, то ли не желая, то ли боясь узнать истинную правду о происшедшем. Она давно надумала себе её, сложила вместе свои ощущения, его последние слова и рассказ Одри. Будет слишком больно услышать, что ошибалась, сломав неправильными выводами жизнь нескольким людям, в том числе себе и дочери.

Мэттью разглядывал пытающуюся казаться гордой и независимой брюнетку, в огромных глазах которой застыла боль.

– Ты на самом деле очень изменилась, однако за всей внешней бравадой я вижу страшющуюся узнать истину де-

вочку, а не взрослою женщину.

Кэт растерялась от его слов.

– Позволь мне хоть раз договорить или Расскажи сама, что произошло тогда. По твоему мнению. Давай начнём говорить друг другу правду. У нас взрослая дочь, – кивнул Мэтт на дверь, – и для её рождения, как и для зачатия, были причины. Я готов выслушать твои аргументы, раз так боишься узнать мои.

Она нервно рассмеялась.

– Моя причина тебе давно известна – любовь! Беззаветно влюблённая девушка провела ночь с тем, о ком грезила не один год.

Вуд взял кисти рук Кэтлин, прижал к губам и попеременно поцеловал тыльную сторону каждой.

– Успокойся. Я готов выслушать всё, что ты себе надумала. Хочу узнать причины, по которым лишила меня дочери. – Он удержал ладони пытающейся высвободиться брюнетки. – Я никогда и ни в чём тебя не обвиню. Расскажи всю правду, какой бы горькой она ни была. Хочу знать, через что пришлось пройти матери моего ребёнка.

Мэттью догадывался, что услышит после следующих слов:

– Можешь не верить, но ты все годы была рядом и давно из влюблённой девушки переросла для меня в любимую женщину.

Паркер выдернула руки из ладоней агента, вскочила со стула и сделала несколько шагов в сторону окна, затем вер-

нулась и, опершись о стол, заговорила, пристально глядя в его глаза:

– Хочешь знать, что было самым обидным?

Он молча кивнул.

– Не слова благодарности Лесси, сказанные после того, как лишил меня девственности, не боль от того, что не погнался за мной, когда я выскочила из комнаты. Даже не то, что не подошёл ни на другой день, ни через, сделав вид, будто ничего не произошло между нами. Больше всего оказалась правда!

– Какая?

– О том, почему ты это сделал!

– И почему, по-твоему?

– Я поняла всё через три дня, после рассказа Одри о том вечере, чем для вас с Лесси он должен был стать... и стал.

Вуд оторопел. Он не верил своим ушам. Сестра была в курсе и промолчала? Одного её слова хватило бы тогда, чтобы всё изменить. Это слишком не похоже на сующую всюду свой нос проныру. Почему же тогда она не кинулась искать Кэт после исчезновения?

– Одри знала правду?

– Она видела свечи, расставленные на полу в форме сердечка, и лепестки роз на постели в твоей спальне.

Мэттью попытался уточнить:

– Ты не ответила. Моя сестра знала правду о той ночи?

– Нет. Ей было известно, что вы планировали заняться

сексом с Райт, после чего ты назвал Лесси невестой.

Вздыхнув с облегчением, он кивнул. Нелегко считать сестру лицемеркой, хватит на их семью и одного обманутого обманщика.

– Всё так, не отрицаю.

– Знаешь, что я почувствовала, когда услышала это?

Глаза брюнетки горели гневом.

– Ты воспользовался мной, чтобы отомстить своей подруге за опоздание, за то, что ушла от тебя в тот вечер! – Она усмехнулась. – Раз кто-то должен был подарить тебе невинность, но отказал в этом, ты взял её в другом месте! Не Лесси, так Кэтлин! Ты же знал о моей влюблённости?

Паркер с таким презрением смотрела на Мэтта, что он не стал оправдываться. Не сейчас, когда ярость застилает её разум. Нужно время.

– Знал! – Сработала привычка переговорищика.

– И воспользовался этим. – Голос Кэт стих. На место гневу пришли безмерная усталость и разочарование, очень хотелось плакать. – А потом вернулась Райт – и ты занялся сексом с ней.

– Надеюсь, Райт ты не называл Кэтлин? – снова ухмыльнулась она.

Вуд не стал ничего отвечать: он выжидал.

– Если бы ты знал, насколько больно было слушать гневную речь Одри, которой вы не дали выспаться. Она проснулась от страстных стонов, доносившихся из гостевой комна-

ты. Ты даже не ушёл в свою спальню...

Мэттью следил за эмоциями говорившей с ним женщины. Уголки губ приподняты – она усмехалась. Однако наполненные болью и презрением глаза плакали. Сердце агента стонало. Он хотел прижать к себе брюнетку и успокоить, рассказать, как было всё на самом деле, но ещё не время. Необходимо дать выход сжигающему её душу гневу.

– Не посчитал нужным? Действительно, зачем марать несколько простыней? Достаточно и одной, вымазанной кровью двух девственниц. Судьба поделила всё поровну, только части оказались неравными. Так я думала через месяц, когда купила тест на беременность, чтобы узнать причину задержки месячных. – Паркер понизила голос и почти прошептала последние слова: – Любовь досталась Лесси, а ребёнок – мне...

Глава 10.2

Кэт смотрела в зелёные глаза, пытаясь определить, что думает и чувствует Мэтт, но то, что увидела, ещё сильнее взбесило и наполнило гневом. Сочувствие? Он сочувствовал! А ещё читались боль и – что раздражало брюнетку больше всего – любовь! Да как он смел?! Как умело врал... Или не врал? Однако от этого сомнения становились ещё горше.

– Знаешь, что ощущает восемнадцатилетняя девушка, обнаружившая, что беременна от лицемера, назначившего день свадьбы с другой?

Вуд по-прежнему хранил молчание.

– Растерянность, невыносимую боль и гнев от того, что не может обвинить и заставить платить его за обман. – Кэтлин всхлипнула. – Я настолько любила тебя, что не могла никому ничего рассказать. Понимала, что тогда тебе придётся отвечать перед сестрой, родителями, законом... Я любила тебя настолько, что твоё счастье ставила превыше всего. Так любила, что не захотела обременять собой и своей беременностью.

– Ты должна была мне всё рассказать!

– Думаешь, я не пыталась этого сделать, не решила, что ты должен узнать? Не для того, чтобы женить на себе, нет! Маленький человечек, растущий во мне, был ни в чём не виноват. Это его глупая мама что-то навывдумывала и приняла желаемое за действительное. Мысль об аборте ни разу не пришла мне в голову. Только не от тебя... Твоего ребёнка я не могла уничтожить. – Паркер снова всхлипнула. – Судьба решила не давать мне Мэттью, но одарила его частичкой. Я полюбила малыша сразу же, как только узнала, что он есть.

Агент ждал, что она расскажет дальше. Он знал версию Райт, но хотелось услышать всё из уст Кэт.

– Я долго не решалась прийти и поговорить с тобой, почти перестала бывать в вашем доме. Слишком больно было от того, что ты ведёшь себя так, словно ничего не произошло: приветливо улыбаешься, спрашиваешь, как дела, как себя чувствую. Кем могла ощущать себя девушка, ставшая

разовым удовольствием? – Она поднялась из-за стола, не желая, чтобы Вуд видел её слёзы. – Подруга младшей сестры, готовая по первому твоему требованию раздвинуть ноги... Грязное, мерзкое чувство брезгливости...

Стараясь взять себя в руки, брюнетка подошла к окну. Меньше всего она хотела, чтобы Мэтт посчитал её не способной контролировать эмоции истеричкой.

– Я зашла в твою комнату, надеясь, что ты там один. Одри рассказывала, что с того дня Лесси стала частенько оставаться на ночь. Вы считали, никто не замечает этого, но разве можно что-то скрыть от проницы Одри? – Кэтлин тарабанила ногтями по стеклу. – Оказалось, что можно... Подруга не знала, что Райт находится в доме. Или это я была ходячим несчастьем: мне редко везло, вернее, никогда не везло...

Обернувшись к мужчине, она непроизвольно обхватила живот руками, как в тот раз, словно защищая ребёнка.

– В спальне находилась твоя невеста, – усмехнулась уголками губ Паркер. – Она очень доходчиво объяснила, где моё место и чем для тебя в ту ночь я была.

– И чем же?

– Не перебивай. Давай каждый по очереди всё расскажет. Ты ведь этого желал?

– Да! Извини. – Менее всего на свете агент хотел сейчас приступа гнева этой женщины.

Кэтлин глубоко вздохнула и произнесла до сих пор рвущие душу на части слова:

– Лесси заявила, что ты любишь её, а я – маленькая шлюшка, обманом затащившая чужого жениха в постель, должна избавиться от ребёнка, так как она, обожаемая невеста Мэттью Вуда, тоже беременна! Счастливый отец ждёт не дожждётся первенца, который родится вскоре после венчания. А свадьба состоится через месяц, день уже назначен.

– И это всё?

– Ты снова перебиваешь! Нет, не всё! – Брюнетка почти прокричала последнюю фразу: – Она предложила дожждаться тебя внизу в гостиной, чтобы ты смог выписать мне чек на аборт!

После этих слов Мэтту стало дурно. Неужели Райт в действительности считала, что он так поступит? Агент представил, что чувствовала в тот момент Кэт, раз даже у него эти слова вызвали подобную реакцию.

– Ты хочешь узнать, как было всё на самом деле, или говоришься до конца?

– А было всё совсем не так? – рассмеялась она. – Только не нужно врать. Я понимаю, что сейчас ты в благородном порыве. Спас внезапно обрётённую дочь и решил на радостях облагодетельствовать её мать.

Паркер посмотрела в зелёные глаза и с вызовом произнесла:

– Не нужно делать счастливым того, кто и так счастлив! У меня есть дочь, любимая работа, уютная квартира, друзья и... тот, кто... Впрочем, это не твоё дело. Я состоялась! Бла-

годаря или вопреки тебе! Мне не нужно ничего менять. Я здесь только ради Лилибет, иначе ни за что не переступила бы порог квартиры, где ты столько лет прожил в любви и согласии с Лесси.

– Не так уж и безоблачно мы жили. – Вуду не понравился полунамёк на то, что у Кэтлин есть мужчина, но не стал заострять на этом внимание. Всему своё время, он найдёт способ избавиться от соперника.

– А вот это меня совершенно не интересует! Ты хотел рассказать, как было на самом деле? Что ж, я готова тебя выслушать. Только... – Помолчав несколько секунд, она проговорила: – Мэттью, мне уже не восемнадцать, и я сумею отличить правду от лжи.

– Очень на это надеюсь, потому что сильно тебя удивлю.

– Меня невозможно поразить, – горько усмехнулась брюнетка. – Я перестала удивляться в восемнадцать лет, два месяца и три дня. В тот день, когда узнала, что воспользовавшийся наивностью юной дурочки парень скоро женится, я начала новую жизнь – без иллюзий и ложных надежд.

– И всё-таки я думаю, что способен сделать это, – попытался улыбнуться Мэтт.

– Что же, изумляй. Я вся внимание! – Опершись спиной о стену, она скрестила длинные ноги и сложила руки на груди. Поза заранее отвергающего чужое мнение.

– Не знаю, с чего начать... – Вуд помассировал виски кончиками пальцев и провёл ладонью по лицу.

Кэт по-своему истолковала эти жесты: знающему, что ответить, человеку не нужно снимать с лица невидимую паутину. Она вошла в раж. Молчаливость Мэттью и отсутствие дочери вводили в некое заблуждение, уверяя в безоговорочности собственной правоты. Из обвиняемой мисс Паркер решила перейти в ранг обвинителя.

– Да уж с чего-нибудь начни, – обворожительно улыбнулась она, пытаясь сохранить вид независимой, довольной жизнью женщины, но агент уже сделал выводы и знал, что сказать в своё оправдание.

– Давай договоримся, что и меня ты не станешь перебивать. Хотя бы пять минут, ладно? – Он послал в ответ полную не просто любви, а обожания улыбку.

Передёрнув плечами, Кэтлин нервно фыркнула, а Вуд продолжил:

– Я любил Лесси так, как любят в первый раз, не замечая в ней абсолютно никаких недостатков, вернее, даже каждый из них превращая в её достоинство.

Мэттью смотрел не отрываясь в карие омуты, подмечая малейшую реакцию на свои слова, но пока взгляд брюнетки ничего не выражал.

– Сказать, будто не видел тогда, что ты симпатичная девушка, не могу.

В глазах Паркер появилась заинтересованность.

– Мои друзья часто подшучивали, говоря, что я выбрал не тот предмет страсти. Холодная красота Лесси не способна

дать тепла, что исходило от хорошенькой подружки младшей сестры. – Заметив изумление во взгляде Кэтлин, он хмыкнул. – Брюс прав: один я не замечал, насколько ты красивая... До поры до времени не замечал. Ты привлекала меня совершенно другими качествами: открытостью души и светлостью какой-то. Милый добрый ребёнок, которого нельзя обидеть. Ничем. Даже скрытым интересом.

Удивление в глазах Кэт росло.

– Наверное, я бессознательно отгонял любые нечистые мысли о девушке, часто ночевавшей в нашем доме.

Мэтт надолго замолчал, пытаясь собраться с мыслями. Кэтлин хотела что-то сказать, но передумала, решив, что и в самом деле не нужно мешать друг другу, иначе разговор затянется надолго.

– Знаешь, – он провёл взглядом по стройной фигуре брюнетки, – Одри ведь не зря сегодня купила тебе это платье.

После этих слов она хмыкнула и ответила:

– Догадываюсь. Именно поэтому и надела, хотя сначала не собиралась вырядиться ради ужина с тобой, даже если это рождественский вечер.

Кэт попыталась вновь натянуть маску безразличия, но слишком поздно: всё, что было нужно, Мэттью увидел.

– Сестрёнка всегда отличалась проницательностью, разве что с оценкой Райт была неправа. Возможно, вы стали бы хорошими подружками, если бы она не приняла её в штыки. – Он помолчал, ожидая возражений, и не ошибся.

– Напрасно ты так думаешь. Причина не в Одри, а в надменности Лесси. Влюблённые слепы. Ты слишком многого не замечал в красивой блондинке.

– Даже после стольких лет разлуки вы всё равно готовы встать на защиту друг друга, – улыбнулся Вуд. – Сегодня этот чертёнок пообещал с меня шкуру спустить, если я попробую снова обидеть тебя.

Слова агента чем-то насторожили Паркер, чему он очень удивился, хоть и не подал вида.

– А ты обижал? Я не про ночь, а до или после неё. – Кэтлин хотела понять, что толкнуло Мэтта в её постель. Любая мелочь могла бы дать подсказку.

– Одри считала, что да. Своим невниманием, тем, что не хочу замечать твою влюблённость, не желаю ответить на неё. – Мэттью увидел мелькнувшую в глазах женщины боль. – Она не могла понять, что меня удерживало возле Райт.

– И что же? Её красота?

Он хотел отмолчаться, но не смог. Лесси вовсе не была тем монстром, каким пыталась её выставить его сестра.

– Она не была холодной, да и надменной – тоже, и очень меня любила. – Вуд произнёс это слишком жёстко, глядя на Кэт. – Напускная стервозность – маска, за которой удобно прятаться. Первая красавица школы не подпустила к себе никого до девятнадцати лет.

Брюнетка вздрогнула и отвела взгляд. Мэтт понял, что

сделал своими словами ей больно, и попытался исправить допущенную ошибку:

– Это вовсе не касается тебя!

Однако Кэтлин больше не смотрела ему в глаза.

– Я лишь потом понял, что в этом был какой-то расчёт. Раз любила, то должна была дарить себя без остатка, а тут имел место торг... Допущу к телу только взамен на обручение. – Он пожал плечами. – Может быть, так и нужно, но сейчас другие времена, никто не проверяет простыню после свадьбы. Тогда я об этом не думал. Меня тешила мысль, что Лесси хочет и станет только моей. Да я сам готов был жениться. Столько лет вместе, привычка имеет большое значение.

Агент выдержал паузу, разглядывая фигурку Кэт в платье, ярким пламенем горевшем на фоне бежевых стен.

– В тот вечер ты затмила всех девушек, и Райт не зря убежала переодеваться. Она прочла восхищение в первом взгляде, брошенном мной на тебя. – Заметив удивление Паркер, он улыбнулся и пояснил: – Я только сейчас понял, почему в гардеробе Лесси было столько красных вещей, хотя в голубом ей намного лучше.

Мэттью прекратил улыбаться и продолжил, с содроганием предвидя, что последует в конце его объяснений:

– Может быть, именно поэтому я и напился в стельку. Неприятно осознавать, что тебя волнует подруга младшей сестры, почти член семьи, любимица Бренды и Харриса. – Он не мигая смотрел в глаза брюнетки, объясняя не только

ей, но и себе причину желания залить алкоголем совесть. – Это же почти как совершить преступление, да ещё и с девушкой юного возраста.

– Ты старше меня всего на год.

– Тогда мне это казалось огромной разницей. – Вуд вздохнул, заполняя ароматом вина, пици и тонких духов лёгкие, и высказал исковеркавшую жизнь Кэтлин причину, лишившую его и дочь права жить вместе: – Я не побежал за тобой и не подошёл на другой день не потому, что использовал в качестве мести Райт. Я не помнил того, что между нами произошло!

Он ожидал неверия или вспышки ярости Кэт после этих слов, но то, что увидел в её глазах, ошеломило: она находилась в полной растерянности.

Узкий подбородок дрожал, как и голос с запинанием проговорившей брюнетки:

– Как «не помнил»? – Она всхлипнула, пытаясь справиться с раздирающей душу обидой. – Господи! Всё ещё унизительнее, чем я думала.

Слёзы ручьём хлынули из глаз молодой женщины. Мэтт растерялся. Он не знал, какие из его слов так её оскорбили. Надеялся объяснить, а сделал только хуже.

– Кэтлин, хочешь верь, хочешь не верь, но это был лучший секс в моей жизни!

– «Лучший»?! Тот, который ты даже не помнил?

Паркер отвернулась к окну. Худенькая спина вздрагивала.

Она попыталась сдержать рыдания, но не смогла. Вуд встал из-за стола, подошёл к ней и обнял за плечи. К его удивлению, Кэт не сопротивлялась.

– Я был настолько пьян, что не запомнил ничего, кроме твоего запаха, но примерно через год ты начала мне сниться. Мы занимались сексом, который каждый раз заканчивался тем, что я называл тебя Лесси и ты включала свет. Я видел дрожащие губы и наполнившую твои глаза боль, перед тем как проснуться.

Брюнетка повела плечами, пытаясь скинуть руки Мэттью, но он лишь сильнее сжал её.

– Но прежде, занимаясь любовью с тобой эфемерной, я испытывал такой силы оргазм, которого не получал в реальности ни с кем и никогда после той ночи. Ты на протяжении шестнадцати лет всегда была со мной, вернее, в моих снах.

Кэтлин развернулась к Мэтту лицом, оставаясь в кольце плотно сжимающих рук. Она хотела видеть его глаза, желала понять, говорит ли агент правду. Но что бы он ни говорил, Кэт по-прежнему не верила в высокие чувства, проснувшись, как утверждал Вуд, ещё шестнадцать лет назад. Если это так, то почему они до сих пор не вместе?.. Нет, это не могло быть правдой, хотя очень хотелось верить, и от желания было до горечи больно... Почему нельзя всё повернуть вспять? Никогда...

– Если был настолько пьян, как смог заниматься сексом? Ведь ты был очень внимательным, ласковым и почти не сде-

дал мне больно.

Мэттью ожидал подобного вопроса и ответил сразу же:

– Я размышлял сегодня над этим. Может быть, провал в памяти – это защита моей совести? Или, наоборот, то, что я смог заняться с тобой сексом в подобном состоянии – заслуга не потаённых желаний, а подсказка интуиции, что именно ты необходима мне в этой жизни?

– Настолько необходима, что ты в ту же ночь лишил девственности Лесси?

Паркер уперлась в грудь агента, пытаясь высвободиться из плена сильных рук. Шок от его слов проходил, самообладание постепенно возвращалось.

– Я не был первым мужчиной Райт. – Мэтт видел, как брюнетка снова пытается натянуть маску безразличия, но с трудом справляется с этим; даже голос дрожал, не подчиняясь её воле.

– Ты говорил, она была девственна до той ночи.

– Да, но первым стал Эйдан.

Жалея, что не может зажать уши, не желая выслушивать нелепые оправдания, Кэтлин закрыла глаза. Меньше всего ей хотелось сейчас говорить о проблемах отношений Вуда с Лесси.

– Меня не интересует ваша очерёдность. Я хочу прекратить этот разговор. – Она повторила попытку высвободиться.

– А я – нет! И ты выслушаешь до конца всё, что я хочу

сказать. – Мэттью не разжимал объятий.

– Может, наручниками меня прикуёшь? – усмехнулась сквозь слёзы Кэт.

– Прикую, если надо будет!

Глава 10.3

Она ни на минуту не сомневалась, что агент сделает это: твёрдость в голосе подтверждала решение довести разговор до логического конца. Он прижал Паркер к груди и надавил подбородком на лоб, вынуждая поднять голову.

– Не веди себя как обиженный ребёнок. Смотри на меня. Попытайся поверить в то, что я говорю.

Кэтлин сдула тонкую прядку, упавшую на глаза, и встретила взглядом с Вудом.

– Мне так же, как и тебе, не доставляет удовольствия ворошить прошлое. Я узнал обо всём только сегодня. Лесси хорошо обыграла произошедшее не с ней, рассеяв возникшие во мне сомнения. Пятна крови на простыне, обнажённая девушка в моих объятиях и дикая, стучащая боль в голове – вот с чем я проснулся утром следующего дня. А потом её уверения, что я помню не запах чужих волос, а клубнику и яблоки – закуску к шампанскому. – Он прикоснулся лицом к локонам пытающейся вырваться брюнетки и потянул носом. – Ты и сейчас так же пахнешь.

Паркер почувствовала, как в живот, прижатый к паху Мэттью, уперлась твердеющая плоть. По напряжённому те-

ду пробежала дрожь, что не осталось незамеченным. В его прищуренных глазах появился хищный блеск котяры, желающего стащить со стола кусок мяса, что представилось Кэт оскорбительным верхом наглости.

– Отпусти меня немедленно.

Она предприняла ещё одну попытку освободиться, ненавидя собственный организм, так реагирующий на зеленоглазого вруна. Что ещё он должен сделать, чтобы вместо чувственного волнения его прикосновения внушали отвращение? Почему её мозг сейчас проигрывает желанию тела? «Только с ним как свеча...»

– Не раньше, чем сделаю это.

Мэтт освободил одну руку и положил на затылок Кэтлин, другой продолжал удерживать за талию. Он наклонился вперёд, вынуждая её откинуть голову, и прижался губами к пухлому рту, так часто сновившемуся во снах.

Кэт двумя руками уперлась в его плечи, пытаясь отпихнуть, но с таким же успехом она могла толкать каменную глыбу. Вуд обвёл языком контуры её рта, слегка пососал пухлую нижнюю губу и попытался раздвинуть плотно сжатые зубы.

– Не сопротивляйся. Мы оба хотим этого. Я чувствую, как ты дрожишь. Прошу тебя... – хриплым голосом прошептал он.

Паркер испытывала невероятное желание поддаться искушению, хоть ненадолго опустить «меч войны», вытащен-

ный ею сегодня из «ножен» прошлого. Она позволила разомкнуть свои губы и разжала зубы под мягким напором языка Мэттью.

Вихрь эмоций накрыл Кэтлин с головой. Воспоминания ночи вернулись во всех красках. Жгучие и мягкие губы, любимый запах, вкус... Невероятно приятные ощущения... Ноги стали ватными. Теперь уже она чувствовала бьющую агента дрожь. Они ласкали друг друга сначала яростно, потом нежно.

– Какая сладкая... Всё как во сне, как тогда...

Посасывая, он втянул её язык в рот и ещё плотнее прижал брюнетку к себе, ощущая каждый мягкий изгиб, каждую выпуклость собственным телом.

Она почувствовала теперь уже полностью восставшую плоть Мэтта, требовательно упирающуюся в её живот. Ноги подкосились, но агент не дал Кэт упасть: он положил руки на круглые ягодицы и приподнял её вверх. Их лица оказались на одном уровне. Она открыла застланные поволокой страсти глаза и встретила с полыхающим зелёным взглядом.

– Вот так-то лучше, – довольно улыбнулся Мэттью. – Зачем спорить о прошлом? Давай жить настоящим.

Он опустил дрожащее тело Кэтлин, накрыл ладонью полную грудь и, зарывшись лицом в шелковистые волосы, хрипло прошептал:

– Я хочу тебя, очень хочу... Столько лет мечтал сделать это...

Лучше бы Вуд этого не говорил.

Перед глазами брюнетки промелькнули несколько моментов из того времени, в которое Мэтт, по его словам, мечтал о её теле. Маленькая Лилибет с разбитой в кровь коленкой; соседский мальчик столкнул её с качелей, не поверив, что папа рыжей девочки – герой. Лилибет-школьница вместе с ней на приёме у директора: дочь разбила нос однокласснику, высказавшемуся о полётах пьяных летчиков. Анкеты девочки, лежащие на столе, в которых на месте сведений об отце зажатой в дрожащих пальцах авторучкой она ставит прочерк...

Гнев, обида и боль стиснули грудь, мгновенно подавив все желания плоти.

Твёрдо встав на ноги, Кэт оттолкнула агента, не готового к подобной реакции, и с размаху ударила по лицу. Голова Вуда дёрнулась. И уже вторая рука разъярённой брюнетки вlepила пощёчину по другой стороне, оставив бороздки от ногтей.

Мэттью схватил Паркер за предплечья и встряхнул, не понимая, что изменилось за несколько секунд.

– Что с тобой? Какая муха укусила?!

Кривая усмешка перекосила припухшие от поцелуев губы.

– Ты о теле моём мечтал? А я о том, чтобы Лилибет не узнала раньше времени, при каких обстоятельствах мама зачала её, что погибший папа на самом деле жив, здоров и рас-

тит детей в счастливой полной семье.

Кэтлин тяжело дышала. Тот самый приступ гнева, которого опасался Мэтт, всё же настиг её. Она выдохнула, согнулась пополам и затем, глубоко втягивая воздух, выпрямилась.

– Разные были у нас с тобой мечты. Ты понимаешь, что значит быть матерью-одиночкой в восемнадцать лет? – задала вопрос брюнетка, не ожидая на него ответа.

Вуд в недоумении потирал расцарапанную щеку.

– Похоже, мы не договорили.

– Думаю, нам вообще говорить не о чем.

Кэт повернулась, направившись в сторону выхода. Перегородив дверь рукой, Мэттью опередил её.

– Ты не выйдешь отсюда, пока не расскажешь всё. Хочу разобраться до конца, в чём ты меня обвиняешь. Узнать, кто помогал растить нашу дочь, чтобы сказать спасибо. А ещё, где и с кем вы живёте в Финиксе. Привычки и увлечения Лилибет. Про любимые ею зелёный цвет и автомобильные гонки знаю.

Понимая, что перечислять можно до бесконечности, он замолчал. На это не хватит одной ночи.

– Мне о многом нужно тебя расспросить. – В глазах Мэтта читалась мольба.

Увидев в ответ на губах Паркер усмешку, он проговорил не терпящим возражения тоном:

– Ждать разговора ещё десять лет я не намерен!

– Ты хочешь знать о дочери? Очень удобно появиться через столько лет и погладить почти взрослую девочку по голове. Купить бриллианты и посчитать, что расплатился за шестнадцатилетнее отсутствие!

– Я отсутствовал не по своей вине! – Агент уперся взглядом в лицо разгневанной фурии и по слогам произнёс: – Ты должна мне эти шестнадцать лет!

– Я ничего не должна ни тебе, ни Лесси, ни Лилибет и никому другому! Никому! – возмущившись до глубины души претензиями Вуда, теперь уже рычала Кэт. А ещё она ревновала дочь, хотя даже себе не хотела признаться в этом.

– Я сполна заплатила свои долги осуждающими мать-одиночку взглядами медсестёр на приёмах у гинеколога и болью тяжёлых родов. Оказалось, в восемнадцать лет мой организм не готов был стать матерью. Бессонными ночами у кровати ребёнка, горечью от вопросов дочери, пытающейся понять, почему у неё нет папы. Работой в ночные смены в попытке заработать достаточно денег, чтобы самой прокормить и одеть малышку, а не быть обузой на шее родителей! – выплёвывала слова в лицо Мэттью брюнетка. – Боль, осуждение, стыд! Нервотрёпки, усталость, бессилие и снова боль! Вот чем я заплатила за счастье иметь ребёнка! А теперь ты пытаешься отобрать её у меня.

– Никто не забирает Лилибет! Я и моя семья всего лишь хотим принимать участие в её воспитании, желаем быть рядом. Она такая же моя дочь, как и твоя! Достаточно было

поговорить со мной – и я разделил бы с тобой все проблемы и бессонные ночи.

– Связаться с тобой? Каким образом? Райт – вечный цербер, охраняющий твой покой!

– Это я уже слышал. Поговорила бы с отцом. Уж он нашёл бы способ избавиться от Лесси на время встречи. Неужели никто не мог тебе этого посоветовать? Хотя ты всегда была слишком самостоятельной, чтобы слушать чужие советы. Не зря тебя полюбила Одри. – Он помолчал несколько секунд и добавил: – И я!

Кэтлин буквально вскинулась от этих слов.

– Ты полюбил?! Да способен ты вообще на это?! Любить не значит соблазнять молоденьких девушек! Бездушный человек, ещё прошлым днём собирающийся жениться на одной, сейчас привёл в дом другую и пытается внушить ей, что любит... – В карих глазах вспыхнула ярость. – Да я уверена, что войди завтра в этот дом другая женщина – и ей ты будешь говорить то же самое! Самовлюблённый до невозможности, напыщенный, самонадеянный индюк!

Она попыталась пнуть Мэтта по лодыжке, надеясь освободить выход. Он с трудом увернулся от удара, но от двери не отошёл; реакция у Вуда была отменная. Он лишь усмехнулся после гневной тирады Кэт, пропустив мимо ушей высказывание о другой женщине, подыскивая слова, способные погасить скандал.

– Да, индюком меня ещё никто не называл...

Искреннее недоумение в глазах и почёсывание рыжеволосой головы человеком, как две капли воды похожим на дочь, обезоруживали.

– Привыкай! – по инерции прошипела Паркер, но злость уже отпускала.

– С удовольствием, если вы с Лилибет будете рядом. Не нужно принижать свои достоинства! Кроме тебя и дочери, мне никто не нужен.

Брюнетка усмехнулась: Мэттью каждый раз умудрялся нарушить высокопарными словами возникающую в её душе оттепель.

– Вот не надо сейчас притворяться белым и пушистым. Весь такой добрый и правильный! Ты не на работе, а я не преступник. Нечего мне лапшу на уши вешать! Я знаю, что скрывается под маской красивого, умного, своего в доску парня!

– Знаешь? Да что ты знаешь обо мне?!

Агент рванул Кэтлин за руку, заставляя смотреть в глаза.

– Что ты можешь знать? Упиваешься сейчас рассказами о страданиях несчастной девочки, матери-одиночки! Не хотела встречаться с Лесси – могла позвонить! Сэм нашёл мой телефон без проблем. Почему этого не сделала ты? – Он хотел услышать ответ, но тщетно. – Говоришь, соблазнитель молоденьких девушек? Я насиловал тебя, принудил заняться со мной сексом?

Ноздри тонкого носа раздувались, глаза метали молнии.

Теперь пришла очередь Паркер бояться гнева Мэтта.

– Да ты всю жизнь мне сломала той ночью. Заставила считать себя извращенцем. Засыпая, я каждый раз боялся и желал одновременно увидеть сон, после которого чувствовал себя получившим огромное удовольствие любителем девственниц! Видишь ли, милая моя, с каждым годом я вырослел, а ты в моих грёзах по-прежнему оставалась юной! – Он пытался поймать взгляд брюнетки и снова дёрнул её за руку, принуждая смотреть себе в лицо. – Заниматься сексом с восемнадцатилетней в тридцать пять – это, знаешь ли, слишком!

Вуд говорил вещи, которые намного проще обсуждать с мужчинами, но не высказать этого не мог. Пусть его проблемы на фоне тех, что приходилось решать Кэт, выглядели смешными, но они очень долго и методично отравляли ему жизнь. И у него не было дочери, ради которой можно было всё терпеть. Он существовал, а не жил день за днём.

– А какovo улажать по утрам рассерженную, недовольную твоими снами женщину, с которой делишь постель? Сравнить тебя с другими, пытаться найти такую же и понимать, что это невозможно! Жить с одной, а желать другую, счастливую в замужестве, воспитывающую детей, и осознавать, что никогда не сможешь сделать её своей, потому что не позволит совесть! – отвечал агент на претензии Кэтлин, обвиняя в ответ. – Утром собирался жениться? Да! Но я не сделал этого в течение шестнадцати лет! Где ты была всё

это время?! Почему позволила Лилибет оплакивать мёртвого отца, зная, что он жив?!

Мэттью больно сжал запястье тонкой руки.

– Да, ты страдала, но купалась в любви дочери, а я был лишён этого! Так что прекрати строить из себя невинную жертву!

Паркер вырвалась и вновь попыталась замахнуться, но Мэтт перехватил занесённую для удара ладонь, резко развернул драчунью и прижал спиной к своей груди.

– Вот такой ты мне нравишься больше. – Он сцепил её кисти в замок своих пальцев. – Стой спокойно, не нужно махать руками, страстная моя. Как я завтра всем объясню, откуда за ночь взялись царапины на лице? Ты можешь оставить их, если тебе так хочется, но в другом месте.

– Не дождёшься!

– А вот это мы ещё посмотрим. – Вуд зажал мочку маленького ушка Кэт зубами и почувствовал дрожь, пробежавшую по её телу. – Не настолько ты меня ненавидишь, как пытаешься показать.

Он скрестил руки брюнетки вокруг её талии, заведя ладонями за спину. Желание вновь пробуждалось в Мэттью. Потребовалось немалое усилие, чтобы его подавить.

– Видит бог, как я тебя хочу, – произнёс он охрипшим голосом и, ощутив напряжение в спине пленницы, добавил: – Не бойся, я не возьму силой. Подожду, пока ты сама об этом попросишь, а ты попросишь.

Мэтт не расслышал, что она пробормотала в ответ.

– Не хочу к твоей ненависти добавлять ещё один повод. Я сделаю всё, чтобы ты вспомнила свои чувства ко мне. Мы будем вместе, что бы ты сейчас ни говорила и ни думала. Я это понял, осталось осознать и тебе. – Он развернул Кэтлин к себе лицом. – А сейчас ты прекратишь драться, а я – приставать к тебе.

Она согласно кивнула.

– Мы спокойно вернёмся за стол, и ты всё-таки объяснишь, почему молчала шестнадцать лет. – Агент потянул вяло сопротивлявшуюся Паркер за руку к столу, усадил на стул и устроился напротив. – Мы не враги, у нас есть дочь. Давай помнить об этом.

– Об этом невозможно забыть, – усмехнулась Кэт, но уже без злости; ей было немного стыдно. – Даже если бы очень захотела, достаточно лишь взглянуть на неё.

Мэттью вынул бутылку шампанского из ведёрка с успешным подтаять льдом, обтёр дно и разлил игристый напиток по фужерам.

– Давай выпьем за Лилибет и за праздник. Рождество всё-таки, время загадывать желания. – На душе Вуда стало немного легче. Впервые высказав то, что мучило долгие годы, он улыбался.

– Хорошо, только не проси сделать это на брудершафт.

– Как ты догадалась? Неужели я так очевиден?

– Я бы сказала, ощутим, – вспомнив прижатую к живо-

ту плоть, не зло проворчала брюнетка и пригубила шампанское. – Я не могла рассказать отцу-шерифу, что беременна от тебя. Ни тогда, ни после. Ты же понимаешь, чем могло это закончиться? Он потребовал бы от тебя жениться на мне, а я не хотела навязывать ни себя, ни ребёнка.

– Я был бы рад такому навязыванию. Даже сидя за решёткой был бы счастлив знать, что у меня растёт дочь.

– Это ты сейчас говоришь. Признанием я могла испортить тебе жизнь.

– А в итоге сломала свою. – В голосе Мэтта звучало сожаление. – Что ты ответила Сэм на вопрос об отце ребёнка?

– Что никогда никому не скажу этого. Он не знал о моей беременности до последнего. Лишь находясь в родильном отделении, я разрешила Рите позвонить отцу. – Она долго смотрела на агента, прежде чем сказать следующее: – Ты прости мне истерику. Что бы я ни говорила, Лилибет – огромное счастье, она – то, от чего я никогда бы не отказалась, то, ради чего стоило и стоит жить.

– Я знаю.

Кэтлин зевнула, прикрыв рот ладошкой. Напряжение дня давало о себе знать. Разговор со скандалом тоже внёс свою лепту, отобрав последние силы. Усталость накатывала мягкой волной, делая ноги и руки ватными.

Мэттью заметил, как слипаются глаза предмета его страсти. Разговор мог подождать и до завтра; им некуда торопиться, рождественские праздники только начинаются.

– Вижу, тебе не до расспросов. Завтра нагрет Одри. Советую хорошенько выспаться перед этим событием. – Он усмехнулся. – Хотя я знаю стопроцентный способ снять напряжение.

– Прибереги его для других. Надеюсь, мне не нужно на ночь класть нож под подушку?

– Не бойся, не трону твою добродетель. – Увидев, как Паркер подняла глаза к потолку, Мэтт рассмеялся и всё же добавил: – Пока не трону.

Она с тоской посмотрела на заставленный посудой стол. На уборку просто не было сил. Вуд заметил этот взгляд.

– Ты в гостях, иди спать. Я сам всё приберу и вымою. Постельное бельё в шкафу.

Кэтлин прошла в отведённую ей комнату, застелила кровать и, немного подумав, на всякий случай подперла ручку двери ванной комнаты стулом. Один из самых трудных за последние десять лет день подошёл к концу. Брюнетка устало вытянулась на постели и улыбнулась, перед тем как загадать желание.

Через минуту она спала, свернувшись, как в детстве, клубочком и положив ладошки под щеку. Кэт вновь увидит сон, преследовавший её уже много лет, но впервые не проснётся в ужасе, с ощущением страха и боли.

Два желания, загаданные этой ночью в квартире Мэттью, полностью совпадали.

Глава 11.1

Муха жужжала навязчиво, противно, проникая методичным скрежетом сквозь мембраны уха в мозг. И не было сил поднять руку, чтобы отогнать назойливое насекомое от лица. Возникший вопрос: «Откуда зимой мухи?» – заставил выйти из состояния тревожного сна.

Мэттью с трудом разлепил веки. Звонили в дверь. Он взглянул на часы – половина восьмого. «Кого могло принести в такую рань?»

Вуд нащупал ногой тапочки, натянул халат на голое тело и отправился в прихожую. Ему не нужно было смотреть в глазок. По нетерпению звонившего можно с лёгкостью догадаться, кто стоит с другой стороны дверного проёма – Одри.

Он открыл замок и широко распахнул дверь.

– Маленькая вредина, я предупреждал тебя, что буду зол с утра?

Мэтт никогда и ни в чём не мог отказать сестре. В голове лишь на секунду возникло желание выставить визжащий комок счастья за порог и упасть назад в мир Морфея. Или попытаться... Он представил соблазнительное тело Кэт в своей постели, потрогал щёку, тяжело вздохнул и раскрыл объятия любимой Занозе.

Одри с писком бросилась Мэттью на шею.

– Я знала, что ты будешь рад! С Рождеством! – Она прижалась губами к покрытой лёгкой щетиной щеке. – Счастья этому дому!

– А где мои новоиспечённые родственники? – оглядевшись вокруг, искренне недоумевала Одри, почему её не встречают те, ради кого она преодолела по гололёду немалое расстояние.

– Нормальные люди в это время выходного утра спят и видят счастливые сны.

– И я тебя люблю, мой ненормальный брат! Так где же все? Одри скинула пальто, бросила его в руки молчаливо стоявшего сзади Брэндона и, не снимая обуви, отправилась напрямиком в спальню агента.

Не проходя внутрь комнаты, она обернулась на пороге. На раскрасневшемся от мороза лице застыло недоумение.

– А где Кэтлин?

Наконец Заноза взглянула в лицо Мэтта. Заметив красноватое пятно и следы царапин на физиономии сердцееда, она сначала нахмурилась, а после звонко расхохоталась.

– Умница подруга! – В зелёных глазах играло веселье. – Что, братец, грандиозные планы на рождественскую ночь рухнули в пропасть под названием гордость?

Одри расстегнула замки сапог, сбросила их прямо в коридоре и прошла к гостевой спальне. Она приложила ухо к деревянной створке. Услышав с той стороны шаги приближающегося человека, миссис Холл потянула ручку на себя, но дверь не поддавалась.

– Кажется, кто-то воспользовался замком. – Заметив недовольное выражение на лице Мэттью, она прыснула. – И

этот кто-то кому-то не доверяет!

Дверь отворилась. На пороге стояла бледная, протирающая сонные глаза Кэт. Чёрные волосы разбросаны по плечам, укрытым персикового цвета шёлковым халатом. Сочные розовые губы растянuty в несмелой улыбке. Кожа одной из щёк слегка помята; на ней видны следы от ладошек. Длинные чёрные ресницы обрамляют большие карие глаза.

У Вуда засосало под ложечкой от пронзившего тело желания. «Господи, почему не мне одному адресована её улыбка?»

– Вау! Ты почти не изменилась, такая же красавица! Нет, даже краше прежнего. Вот уж на кого возраст не наложил никакого отпечатка!

Возглас сестры заставил Мэтта вернуться на землю.

– Ты как всегда преувеличиваешь мои внешние достоинства. – Паркер улыбнулась и несмело протянула руку к Одри. – Здравствуй! Вот уж кто совершенно не изменился, так это ты.

Не обращая внимания на протянутую ладонь, Заноза шагнула навстречу и обняла беглянку.

– Мы же не чужие, чтобы руки друг другу пожимать. – Она отстранилась от Кэтлин и заглянула в грустные глаза. – Здравствуй, подруга. Надеюсь, мне можно тебя так называть?

– Что за глупые вопросы?! Конечно же! Да!

– Ну мало ли что произошло за эти годы. В прощальном

письме, переданным твоим отцом, ты писала, что не хочешь и не можешь больше видеть никого из нашей семьи.

Бровь Мэттью поползла вверх: он впервые слышал о послании, оставленном Кэт перед исчезновением. Агент решил, что нужно будет поподробнее расспросить об этом сестру, но позже. Он уставился на хорошо просматриваемую дверь ванной комнаты.

Одри проследила за его взглядом и прыснула.

– Да что тут у вас происходило?! Прямо баррикады, – она посмотрела на щёку брата, – и боевые ранения!

– Ничего, что касалось бы тебя, – ответил Вуд, затем поглядел на смутившуюся Кэтлин и указал на стул: – Ты меня явно с кем-то путаешь. Или это защита от собственных желаний?

В зелёных глазах Мэттью заплясали бесенята. Он наклонился к кутающейся в халат кареглазке и чмокнул в аккуратный носик.

– С добрым утром, любимая!

– И тебе того же. – Кэт отшатнулась, но тут же сделала шаг в его сторону и, изобразив искреннюю заботу, дотронулась кончиками пальцев до царапин. – Щека не сильно болит? Может, зелёнкой помазать или йодовую сетку сделать?

Мэтт чуть не заурчал от удовольствия, и брюнетка тут же отдернула руку. Размышляя, поддержать пикировку или уйти, он потёр подбородок и посмотрел на искрящиеся смехом глаза сестры. Поняв, что предательница займёт сторону дра-

чуньи, Вуд решил не связываться с превосходящим силой противником.

Он откашлялся и, сославшись на важное дело, которое необходимо срочно обсудить с Брэндоном, оставил женщин одних.

– Извини, на то были причины, – ответила Кэтлин на заданный ранее вопрос и отвернулась, пряча появившиеся в глазах слёзы.

Одри прошла вслед за ней в комнату и плотно закрыла дверь. Она обняла худенькую фигурку Паркер, сотрясаемую беззвучным рыданием, погладила по спине и предложила:

– Ты поплачь. Я никуда не уйду. Можешь выплакаться на плече верной подруги. Я всегда готова вытереть тебе сопли. Ты ведь знаешь это?

– Знаю...

– Почему же тогда удрала? Неужели думала, что я позволила бы брату отказаться от тебя и ребёнка? Если бы ты намекнула тогда, что между вами был секс, я бы...

– Вот поэтому и сбежала, – прервала Занозу на полуслове Кэт. – Не хотела ломать ему жизнь.

– Ты всегда ставишь чужие интересы выше собственных?

– Сейчас намного реже, но что касается Мэттью... – Она слегка отодвинулась от Одри, шмыгнула носом, приняла из её рук платок и громко высморкалась. – Тебе ли объяснять, насколько сильно я любила его?

– Не мне... Но было очень больно узнать, что ты не хо-

чешь иметь дело с нашей семьёй. Обидно от того, что Лесси смогла забрать у меня самое ценное – ту, которую я считала сестрой. – Холл отодвинула протянутую руку с платком. – Оставь себе.

Она рассматривала лицо беглянки. Всё так же красивое, без единого намёка на возраст. По-прежнему гладкая кожа, ни одной морщинки. Только тёмные круги под глазами выдавали степень усталости Кэтлин.

– Тяжело пришлось?

Полный сочувствия голос вызывал желание расплакаться, но Паркер сумела сдержаться. Она молча кивнула, ответив на все невысказанные вопросы подруги разом; им не нужно было их задавать, чтобы получить и так понятные ответы. Много лет назад установившаяся между хулиганкой и самой тихой девочкой школы связь не притупилась. Они прекрасно чувствовали друг друга.

– Когда вы с Мэтгом успели переспать?

– В ночь святого Валентина.

Во взгляде Одри сквозила растерянность. Она лихорадочно вспоминала события того вечера и наконец всё поняла.

– Так вот почему ты сбежала среди ночи, объяснив это требованием отца вернуться домой... Какая же я дура!

Растерянность сменилась злостью.

– Боже мой... А я-то рассказывала тебе об утреннем сексе между Лесси и... – Зелёные глаза наполнились гневом. – Ах он подлец!

Холл вскочила с кровати и кинулась к двери, но Кэт успела поймать её за руку.

– Не нужно, прошу тебя! – умоляла она, с трудом удерживая разъярённую подругу, не отдавая себе отчёта, что вновь защищает того, кого хотела бы ненавидеть. – Он совершенно ничего не помнил!

Одри в недоумении уставилась на Кэтлин.

– Как это «не помнил»? И ты веришь в подобную чушь?!

– Поверила! Он не врёт, я вижу. – Брюнетка не хотела втягивать в свои с Мэттью дела ни Вудов, ни кого бы то ещё. Она сжала руку подруги. – Я уже не девочка. Позволь нам самим между собой разобраться.

Заноза вернулась и села рядом с Кэт.

– Так, по-быстрому объясни мне всё, иначе я за себя не отвечаю! – Гнев и недоумение – опасная смесь для того, кто вызвал её в маленькой, но очень сильной женщине.

– Причина проста: он был слишком пьян!

– Я, конечно, многое знаю о скрытых талантах моего братца, но чтобы пьяному в хлам заделать ребёнка... Он превзошёл самого себя... – Одри качала головой. На смену прежним эмоциям пришло недоверие. – И всё-таки я ничего не понимаю. Мэтт не помнил ночь, но о дочери-то должен был позаботиться.

– Он не знал о Лилибет.

– Как это «не знал»?!

Взгляд Холл заставил Кэтлин опустить голову, но она тут

же выпрямила спину и встретила с подругой глазами.

– Я не поняла, в какие игры вы тогда играли? Один не помнит, вторая не говорит... Ты ничего ему не сказала?

– Не сумела. – Во взоре Паркер стояло отчаяние. – Одри, хоть ты не ругай меня. Я сама себя готова порвать на куски. Не делай мне ещё хуже.

– Хорошо, но попытайся объяснить.

Кэт вздохнула. Ей опять нужно всё разъяснить, но делать нечего: подруга должна знать правду.

– Я думала, что Мэттью наплевать на ту ночь. Взял то, в чём не отказали, и пошёл дальше.

Заноза качала головой. Брат был разным, порой его поведение просто бесило желавшую ему счастья сестру, но под лецом он никогда не был. Она не верила, что Мэтт мог так поступить с Кэтлин, вероятнее, и правда ничего не помнил.

– Я пыталась сообщить ему о беременности, но помешала Райт. Она сказала, что тоже ждёт ребёнка и уже назначен день их свадьбы. – Паркер смотрела в лицо Одри. – Что мне оставалось делать? Объявить всем о том, что беременна от парня, которому совершенно не нужна? Дать повод отцу разобраться с Мэттью по-своему или засудить его за изнасилование? Думаешь, Сэм спустил бы ему всё с рук?

– Не знаю, что нужно было сделать с Мэттом, но ты должна была сказать об этом мне!

– И что изменилось бы? У него проснулась бы ко мне любовь? Да он возненавидел бы меня за то, что я поставила его

в такую ситуацию, что позволила всему этому произойти, за то, что обязан сделать выбор между мной и Лесси. Беременные обе, но любил Мэттью не ту, на которой вынужден будет жениться, дабы не загреметь в тюрьму!

Холл подскочила с места, сделала несколько шагов по комнате и вернулась, сжимая кисти рук в кулаки.

– Как же я ненавижу эту блонду! Вот кого бы с удовольствием задушила собственными руками! Чувствовала всегда, что она станет источником зла для брата!

– Да при чём тут Райт?! Сама я во всём виновата: приняла желаемое за действительное. Никто не заставлял меня ложиться под него.

В комнате повисла тишина. Продолжать столь неприятный разговор Одри не хотелось; у них впереди немало времени – успеют всё обсудить и разложить по полочкам. Однако она не была бы собой, если смогла бы молча переживать услышанные откровения.

– И что теперь? Что будет с вами? Девочке необходим отец. И ещё она очень нужна всем нам. Мне Бог не дал детей, так хорошо, что хоть Мэтт расстарался.

Сестра агента виновато посмотрела на подругу.

– Прости. Ты же знаешь, у меня что на уме, то и на языке, тем более сейчас, когда мозг переполняет счастье, что у меня есть племянница! – Она толкнула Кэтлин в бок. – И не сивая белобрыска, а как сказал отец, настоящая красавица – вся в меня!

Паркер не смогла сдержать смех.

– Если бы ты не имела чёрные как ночь волосы, а унаследовала рыжие от Бренды, тогда да! Харрис тебе польстил. Лилибет – вылитая папочка.

– Да какая разница! Главное, что наша! – махнула рукой Одри.

Она сложила губы сердечком, как делала это в детстве, когда хотела подбить благоразумную длинноножку на какое-нибудь безумное мероприятие, и заканючила:

– Кэт, я должна немедленно увидеть этого рыжика! Ты не представляешь, с каким трудом я пережила ночь! Ты же не хочешь смерти подруги от нетерпения?

– Хорошо, но дай мне хоть ополоснуться под душем и переодеться. Не хочу предстать перед Брэнденом лохматым пугалом в халате.

– Можно подумать, он тебя в нём не видел.

– Это было давно, и мне уже не семнадцать. Если ты не заметила, то не только объём груди прибавился, но и бёдра стали шире.

– Твоя грудь всегда была предметом зависти, и не только у меня. – Заноза хохотнула. – Я смотрю, братец успел заметить перемены. Очень интересно, чем он объяснит маме царапины на лице. За что это ты его приложила?

Смущённо улыбаясь, Кэтлин ответила:

– Не сошлись во мнении о ценностях воспоминаний.

– Да ладно, не красней! Приставал, наверное?

Одри заметила, как сливочный цвет лица Паркер начал меняться на розовый.

– Неудивительно. Какой нормальный мужик не захотел бы потрогать мать своего ребёнка? – Она окинула подругу оценивающим взглядом. – Тем более такую красивую.

Холл кивнула на кусок ярко-алой ткани, торчащей из щели неплотно прикрытого шкафа:

– Платье пригodiлось?

– Да! – Карие глаза наполнились блеском. – Я увидела то, что хотела, и Мэттью тоже. Это как некое удовлетворение для меня. Не была я в ту ночь просто шлюшкой на замену.

Брови ошарашенной Одри взметнулись вверх.

– Это Лесси так сказала?

Кэт кивнула. Заноза стукнула кулаком по изголовью кровати.

– Вот сучка! Ничего, ещё свидимся! – Она погрузилась в мечты о мести ненавистной блондинке, пока Кэтлин отправилась принимать душ.

Глава 11.2

Через двадцать минут обе были готовы к свиданию с гостями.

Нетерпеливо постукивая пяткой, Одри поглядывала на дверь в ожидании, пока Паркер разотрёт каплю духов по нужным местам тела.

– Ты только не обижайся, что я не расспрашиваю, как ту-

го тебе пришлось в эти годы. Это же не последний наш разговор? Мочи нет, как хочется увидеть рыжика, – виновато посмотрев на Кэт, не выдержала и поторопила она и уже с изменившимся выражением во взгляде добавила: – Ты мне должна шестнадцать лет жизни без племяшки!

– Я уже это слышала. От Мэтта.

– Ему ты должна дочь и ещё много чего, а со мной можешь рассчитаться парочкой карапузов, можно и кареглазых. – Холл с нетерпением потеревила Кэт за талию. – Я так хочу нянчиться с малышами.

Кэтлин заметила промелькнувшую во взоре подруги боль.

– Своих нет, так хоть твоих потискаю, – снизив тон, скороговоркой пробормотала Заноза.

Паркер остановилась на пороге и, опустив руку, уже лежавшую на золотистом шаре замка, обернулась.

– Прости, но я не стану ничего обещать...

– Не надо мне сейчас твоих объяснений. Ещё будет время, – не позволила договорить Одри, сама повернула ручку и распахнула дверь.

Выйдя из спальни, она поинтересовалась:

– В какой комнате спит Лилибет?

– Вероятно, уже не спит. Звонком в дверь ты могла мёртвого поднять. Как Мэттью терпит этот звук?

Холл кровожадно ухмыльнулась. От Кэт не скрылось появившееся на лице подруги довольное выражение.

– Так, погоди. Что-то подсказывает мне, что некая ма-

ленькая Заноза приложила руку к «мушиной какофонии».

– Я помогла брату с установкой сигнализации и прочей электроникой. Ну, вернее, не я, а мои работники, но мелодию звонка выбирала лично. Это мой подарок на новоселье! – Одри снова усмехнулась. – Зато срабатывает на все сто! Ни разу в доступе в квартиру не отказали. – Она уже смеялась, не сдерживаясь. – Видела бы ты лицо Райт всякий раз, когда она открывала дверь!

Они подошли к комнате Лилибет, и Кэтлин тихонько постучала. Холл отодвинула подругу в сторону и толкнула дверь. На пороге их ожидала уже полностью одетая девочка.

. Я Одри.

– Это я уже поняла. Мне вчера много про вас говорили.

– Надеюсь, не гадости? – Заноза с упрёком посмотрела на Кэт. – От твоих родителей можно ожидать чего угодно. На самом деле я хорошая.

– Именно это мне и объяснили.

С шутливой укоризной покачав головой, сестра Мэттью обернулась к Кэтлин:

– Всё рассказали заранее! И о чём нам тогда говорить, кроме парней?

Она заметила на шее племянницы золотую подвеску в форме «мустанга».

– Отличная вещица. Кто преподнёс?

Лилибет слегка смутилась и, взглянув в удивлённое лицо мамы, оправдалась:

– Это мне друг подарил. Я и не знала, что Чайтон сунул её в мой карман, а ночью позвонил, поздравил с Рождеством и попросил примерить презент. – Девушка потёрла кулон кончиком пальца. – Мне нравится!

– Представляю, что скажет отец, узнав, от кого подарок, – проворчала Кэт.

Дочь поцеловала её в щёку.

– А что он может сказать? Пусть привыкает, если хочет, чтобы мы жили вместе. – Она заметила недовольство матери, но не сумела объяснить для себя причину и проговорила: – Ты же знаешь, я ненавижу любую форму диктата.

– Вот! Я же говорю: ты вся в меня, а твоя мама не верит! Расскажешь про Чайтона? – вмешалась в спор тётушка.

Лилибет кивнула и скосила глаза на Кэтлин. Поняв, что разговаривать о неизвестном парне с племянницей лучше наедине, Одри потянула девочку за кулон и чмокнула в нос.

– Ты когда-нибудь каталась на «порше»? У меня последняя модель – 911 GT3. Синего цвета.

– Не может быть!

Две пары зелёных глаз заблестели азартом при упоминании об автомобиле.

– Ещё как может. Одевайся! Прокатимся! – Холл достала брелок с ключом из кармана широких брюк.

Лилибет подпрыгнула от восторга.

– Мам, можно?

– Но ты ещё не завтракала.

– Перекусим в какой-нибудь кафешке по дороге. – Заноза заметила в глазах подруги недовольство, но она отлично знала, как притушить его. – Ты же можешь отправиться с нами. Заедем в парочку бутиков, обновим гардероб. В центре открылась выставка спортивных машин – там поглазеем и поговорим о гонках.

Одри перевела взгляд на племянницу.

– Любишь «Формулу-1»? Была когда-нибудь на настоящих гонках?

Девушка отрицательно покачала головой и получила в ответ многообещающую улыбку тётушки.

– Я собираюсь в Монте-Карло. Можешь поехать со мной! Лилибет снова взвизгнула.

Теперь пришла очередь Кэт качать головой, отказываясь от предложенной поездки. Она, конечно, могла стерпеть некие пытки нелюбимым времяпрепровождением, но чтобы вот так, долго и в большом количестве – вряд ли.

Паркер видела, как загорелись глаза дочери. Она знала о слабостях своей девочки, полностью совпадавших с интересами подруги. «Почему Лилибет не увлеклась вязанием или вышиванием?.. – Брюнетка представила её, склонившуюся над пяльцами, и улыбнулась от нелепости возникшего образа. – Ох уж эти гены...»

Одри заскочила на кухню, чтобы поставить мужчин в известность о своём с племянницей исчезновении на пару часов, и, обомлев, замерла на месте.

Мэтт в фартуке, повязанном поверх идеально отглаженных серых брюк, возился у плиты; он готовил омлет. В паре метров от друга Брэндон взбивал тесто для оладий.

– С ума сойти! Мой брат знает, с какой стороны у сковородки ручка! Вот это да! Жаль, не захватила с собой фотоаппарат. Это нужно запечатлеть для потомков! – Она сделала из пальцев рамку и навела на Мэттью. – Вуд и завтрак! Вуд и омлет! Сколько, оказывается, в тебе скрытых талантов!

На шум подтянулись оставленные в спальне Кэт с дочерью. Они со смехом смотрели на покрасневшего Мэтта.

– Ну, Заноза, ты у меня попляшешь! – он погрозил сестре деревянной лопаткой и обернулся к Брэндону: – Чем ты её кормишь? Что-то слишком бодрая она с утра. Прекращай готовить завтраки, пусть занимается этим сама.

– А зачем? Я теперь по утрам буду к вам приходить! – Одри подошла к брату, потянула за передник и с собачьей преданностью заглянула в глаза. – Сегодня я узнала нечто неожиданное: агент ФБР и фартук созданы друг для друга! В нём ты внушаешь полное доверие и даришь душевное тепло.

Мэттью рассмеялся. На сестру невозможно долго злиться.

– Между прочим, мне и оружие хорошо подходит. Выведешь как-нибудь из себя – сделаю вокруг твоей прелестной головки цветочек из прострелов.

Одри схватила пальцами со сковороды кусочек омлета, но тут же бросила назад и заскакала на месте, изо всех сил дуя на обожжённую руку. Облизав пальцы, она взялась за мочку

уха.

– Не-а, ты меня любишь, я знаю, и простишь за то, что мы с Лилибет не попробуем твой чудесный омлет и знаменитые оладьи Брэндона, – виновато посмотрела на мужчин Заноза. – Я не могу отказать ребёнку в просьбе прокатить на «порше» и свозить на выставку. К приходу родителей мы обязательно вернёмся. В отличие от меня они пунктуальны и умеют смотреть на часы.

Одри подошла к мужу и, развернув его на стуле, представила племяннице:

– Знакомься. Моя краса и гордость. Самый лучший, умный и любимый супруг на свете – Брэндон Холл собственной персоной!

Девушка протянула руку красивому голубоглазому блондину, с теплом смотрящему в её глаза.

– Лилибет Паркер. – Она запнулась на секунду и к восторгу новых родственников произнесла: – Возможно, скоро стану Вуд.

Заноза подскочила к племяннице и обняла за талию.

– Не «возможно», а станешь, вернее, ты и так Вуд. Дело за формальностями, которые мы быстро уладим. Так ведь, Кэтлин? – Она обернулась и с удивлением уперлась взглядом в лицо нахмурившейся подруги. – Я что-то не то сказала? Ты разве против?

– Не против, только не нужно никуда спешить. Она пока Паркер, Лилибет Паркер. Давайте помнить об этом.

– Как скажешь, – постаралась замять возникшую неловкость сестра Мэтта. – Ну что, племяшка, как тебе мой муж?

– Я умею и сам разговаривать, правда Одри иногда забывает об этом. – Брэндон поднялся со стула.

Он снял фартук, вытер о него ладони, взял руку девочки и поднёс к губам.

– Рад знакомству, юная леди! Наш дом – твой дом!

Лилибет не смогла сдержать восторга от галантности обаятельного родственника:

– Обалдеть! Наша семья состоит из самых красивых мужчин, которых я встречала в своей жизни!

– Ты просто ещё мало кого видела. – Миссис Холл дёрнулась от шлепка мужа по попе и показала ему язык.

Все рассмеялись, вызванная словами Кэт неловкость исчезла.

– Ладно, мальчики и девочки, мы покидаем вас, но к обеду вернёмся, голодные и с подарками! Брэндон, милый, оставь мне пару оладушек. Всем пока! – Заноза подхватила племянницу под руку, послала воздушный поцелуй мужу и направилась к выходу из квартиры.

Мэттью подождал, пока за девушками закроется дверь, и только потом рассмеялся.

– Тайфун по имени Одри благополучно миновал, жертва одна – моя дочь Лилибет. – Он посмотрел на оставшуюся в столовой брюнетку. – А могло быть намного хуже! Рад, что у вас не во всём совпадают интересы. Ты поможешь серви-

ровать стол?

Кэтлин кивнула в ответ, и Вуд обратился к другу:

– Не представляю, как ты выносишь этот вулкан.

– Одри – мой любимый вулкан, способный не только встряхнуть, но и обогреть всё вокруг. Рядом с ней я по-настоящему счастлив! – Брэндон улыбался, переворачивая на сковороде золотистые кругляши.

Мэтт перевёл взгляд на Кэт, немного поразмышлял и сказал:

– Думаю, я тоже буду счастлив. Уже сейчас с ума схожу от эйфории. – Он потрогал царапины. – Но если кто-то сменит гнев на милость, то, наверное, начну кипятком писать.

– Не хочу, чтобы ты обварился, – усмехнулась Паркер.

Она разлила по стаканам апельсиновый сок, поставила их рядом с чашками с кофе, чаем для себя и позвала к столу:

– Давайте завтракать.

Первое совместно проведённое утро подходило к концу.

Ровно в час дня звонок снова разразился жужжанием. Пунктуальные родители агента появились ни минутой раньше, ни минутой позже.

Бренда держала в руках огромного плюшевого зайца. Поцеловав Кэтлин в лоб, она расплакалась, прижала худенькую фигурку беглянки к себе и стала через её плечо выискивать растерянным взглядом девочку, для которой предназначался подарок.

Сердце Мэтта, каждой клеточкой чувствовавшее состоя-

ние матери, сжалось. Он поспешил её успокоить:

– Мам, они сейчас будут. Поехали прокатиться по городу. Ты же знаешь, как Одри дружит со временем... – Не успел агент договорить, как несколько пронзительных трелей огласили прихожую.

– Мэттью, когда ты сменишь этот звонок? Противно до скрежета зубов, – поморщился Харрис.

– Не могу, пап. Это подарок сестры! – Мэтт открыл дверь. На пороге возникли загруженные множеством цветных пакетов счастливо улыбающиеся девушки в красных колпаках Санта-Клауса на головах.

– А вот и мы! Принесли всем подарки!

Не церемонясь, Одри бросила всё на пол и подошла к родителям за поцелуем. Она видела, что влажные глаза матери устремлены на смущённую Лилибет.

Агент помог дамам раздеться и пригласил всех пройти в гостиную. Бренда задержала внучку за руку.

– Я принесла тебе подарок. Знаю, это может показаться глупым, но я купила зайца давно, больше десяти лет назад в Италии. Он показался мне таким забавным... Я всё ждала внуков и вот дождалась. – Голос Бренды дрожал, перемежаясь со всхлипываниями, по щекам текли слёзы. – Девочка моя, мне так жаль, что не смогла подарить его раньше...

Она окинула взглядом почти взрослого ребёнка, тёплые чувства к которому захлёстывали душу, переполняли с трудом втягивающую воздух грудь.

– И вот теперь ты в два раза выше игрушки...

Лилибет приняла от бабушки подарок, взяла его одной рукой, а второй обняла дарительницу за талию. Она наклонилась, чтобы Бренда смогла её поцеловать.

– Спасибо. Это будет мой любимый заяц.

Плечи затряслись: в этот раз она не смогла сдержать рыданий. Девушка-кремень, с лёгкостью переносившая физическую боль, никогда не ревавшая в драках, сейчас плакала вместе с бабушкой.

Кэт отвернулась, чтобы не видеть разрывающую сердце картину, только сейчас осознав, насколько велика её вина перед всеми Вудами. Без вины виноватая, виновата на все сто...

Брюнетка твёрдо решила, что больше не станет противиться любви дочери к новым родственникам, каких бы мук это ни стоило. Её ревность не шла ни в какое сравнение с потерей Лилибет стольких лет любви отца, бабушки, дедушки, тётки. Она отобрала когда-то эту любовь у ребёнка, и вернуть потерянные годы нельзя. Проклятая гордость...

Глава 12.1

Вуд с глубоким чувством вины наблюдал, как рыдают его мать и дочь в объятиях друг друга.

Как мало нужно, чтобы спровоцировать женские слёзы, как много должно произойти, чтобы вызвать их именно у этих женщин. Они впервые встретились, а значит, каждая

ждала, что когда-то это случится, подспудно готовясь к подобной возможности, хотя до вчерашнего дня даже не подозревали о существовании друг друга. Интуиция? Таинственная связь, что влечёт к себе, казалось бы, совершенно чужих людей. Родовая, кровная связь прошлого с настоящим, которую никто не вправе оборвать.

Мэтт перевёл взгляд на Кэт и понял, что те же мысли сейчас крутятся и в её голове. Что же они наделали когда-то, как могли, как посмели обидеть самых близких, любимых людей?..

Он подошёл к брюнетке. Она, беззащитная в своей растерянности, позволила себя обнять. Мэттью сжал хрупкие предплечья и чуть слышно прошептал на ухо:

– Всё будет хорошо. Не вини себя.

Паркер вскинула голову. В карих глазах стояли слёзы.

– А кого винить?

– Меня.

– Уже пробовала, но от этого не легче. – Она на секунду сомкнула веки, однако тут же открыла, с тоской заглянув в наполненные сочувствием глаза Вуда. – Что мы натворили... Что я наделала...

– Ты ни в чём не виновата, наверное, так же как и все мы. – Он пожал плечами. – Такие вот стечения обстоятельств. Кому-то там наверху, вероятно, захотелось разыграть наши судьбы по-своему.

Агент убрал непокорный локон Кэтлин за ушко.

– Но я не жалею, что всё сложилось именно так. – Почувствовав, как она напряглась, Мэтт пояснил: – Только, пожалуйста, не психуй. Я рад, что сейчас стою рядом именно с тобой, а в прихожей моя мать плачет на груди твоей и моей – нашей дочери.

Он слегка сжал острые плечики женщины и сказал вслух неосторожно громко, что привлекло всеобщее внимание:

– Можешь бить, царапать меня сколько угодно, только не уходи. – Заметив обернувшуюся в их сторону Одри, Мэттью снизил голос до шёпота: – Прошу, останься. Я согласен на любые условия.

Поведя плечом, Кэт скинула тяжёлую руку агента, опустила глаза и ответила также тихо:

– Хорошо. Только давай перенесём разговор на другое время, – она обвела взглядом коридор и большую гостиную, – и в другое место.

– Договорились. В моей спальне через час. – Вуд заметил, как дёрнулось веко любимой брюнетки, и демонстративно потёр щёку. – Не бойся, приставать не стану. Хватило одного раза.

– Ладно, – невольно улыбнулась и кивнула в знак согласия Кэтлин. – Но прежде я хочу со всеми ещё раз поздороваться.

Она решительно направилась к Лилибет, взяла зайца из дрожащих рук девушки, поцеловала её в щёку и подтолкнула в сторону гостевой комнаты.

– Идёмте в гостиную.

Паркер успела шепнуть Бренде на ухо:

– Прости.

Заметив растерянность в глазах жены Харриса, она потянула её за руку за собой.

– У вас ещё будет время поговорить друг с другом, много времени. Я обещаю, что внучка теперь всегда будет рядом с тобой.

Кэт поймала благодарный взгляд дочери.

– Бабушка у тебя прелесть. Ещё не раз убедишься в этом.

Она почувствовала, что Бренда тянет за рукав свитера, и приостановилась.

– Спасибо тебе, девочка.

Сердце бывшей беглянки дрогнуло. Кэтлин понимала, сколько всего вложено в слово «спасибо», и ответила, не сумев справиться с дрожью в голосе:

– Простите меня, если сможете, простите.

Миссис Вуд смахнула слёзы, достала из сумочки бумажную салфетку и, промокнув глаза, постаралась улыбнуться, но вместо этого снова всхлипнула.

– Это ты прости всех нас за невнимание и пустую гордость. Могли догадаться, что ты не просто так сбежала из Сквима, найти и потребовать объяснения, но не сделали ничего... – Она снова попыталась улыбнуться. – Развела тут сырость. Ведь слово дала Харрису, что не стану плакать, да не удержалась.

– Нам всем есть за что просить прощения и простить друг

друга, – вздохнула Кэт. – За эти сутки я сказала и услышала столько раз слова извинений, сколько не говорила и не слышала за все прошлые годы. Прямо день всеобщего покаяния. – Она кивнула: – Лилибет очень похожа на вас с Мэтом.

Бренда ответила совершенно счастливой улыбкой, осветившей такие родные глаза цвета весенней зелени.

– Это я сразу заметила, хотя Одри по телефону утверждала, что девочка как две капли воды похожа на неё.

– Она и мне то же самое сказала.

Паркер рассмеялась, и новоиспечённая бабушка наконец прекратила всхлипывать; она широко улыбнулась и задала вопросы, волновавшие со вчерашнего вечера:

– Как мама? Харрис говорил, они с мужем тоже прилетели в Вашингтон на праздники.

Для Бренды было очень важно знать это. Если сын задумал делать предложение, то присутствие и поддержка со стороны родителей беглянки не помешают. «Ох уж этот Мэттью! Вечно торопится с принятием важных решений».

– Они придут на обед? Я бы очень хотела поближе узнать Риту и твоего отчима, поблагодарить за то, что сделали для вас с Лилибет.

– Нет, не смогут. Мама звонила утром. Джон заболел, не хочет заразить всех нас. Они улетают сегодня в Финикс. – Кэтлин пожалала плечами, оправдывая поведение родственников. – Он решил, что будет болеть дома.

– Очень жаль. Но это ведь не последний их приезд? – В мокрых глазах читались невысказанный вопрос и надежда. – У нас ещё будет возможность познакомиться?

Брюнетка заметила промелькнувший во взгляде страх и поняла, что от её последующих слов зависит многое. Она не имела права лишать надежды бабушку дочери. Кто она такая, в конце концов, чтобы вершить судьбы родных людей?

– Конечно же не последний! Вы обязательно познакомитесь! Тебе понравится моя мама, а Джон... Он просто образец добродетели. – Кэт рассмеялась. – Хорошая нянька для вечно что-то теряющей и ломающей Риты. Надеюсь, вы даже станете подругами. Вас очень многое связывает.

Женщины обняли друг друга за талии и вошли в просторную гостиную, где под ёлкой, сидя на корточках, копошилась Одри; зачитывая вслух имена на открытках и заново вставляя их под банты, она раскладывала свёртки по кучкам.

Брэндон, расположившийся в нескольких шагах от жены, подтрунивал над её забывчивостью:

– Каждый год удивляюсь тебе, миссис Холл. Накупишь всем кучу подарков, а потом путаешься, кому и что дарить! Пора наклеивать стикеры с именами прямо в магазине.

– Я, по-твоему, чем сейчас занимаюсь? – Одри обернулась к мужу и сморщила носик. – Не подначивай, а помогай. Не моя вина, что не смогла вчера их разложить.

Она мотнула головой в сторону брата:

– Вот кто причина неразберихи. Остайся я на ужин – и

всё было бы отлично. Никто ничего не напутал бы.

– Вот только тебя нам и не хватало. – (Заноза энергично закивала.) – Сестричка, так ты могла бы сразу к магазину на операцию по освобождению подъехать.

Увидев восторг, с которым она отреагировала на последние слова, Мэтт рассмеялся:

– Господи, как хорошо, что я не позвонил тебе по пути к ювелирному.

– Не приняв меня в штат, вы в вашем ФБР многое потеряли.

Брэндон решил дать разъяснение Лилибет насчёт претензий жены к Госдепартаменту:

– Твоя тётушка пыталась стать агентом, – он сделал вид, что не замечает отчаянных жестов с просьбой замолчать, – но не прошла психологические тесты.

– Дочери до десяти лет ставили диагноз СДВГ, – добавил Харрис, при этом хитро улыбаясь. – Ничего страшного, конечно, но оружие в руки давать ей не стоит.

– И слава богу! Я с ума схожу с супругой-дизайнером, а уж жить с фэбээровцем не выдержал бы. – Холл с обожанием смотрел в рассерженное лицо Одри. – Твои клиенты со мной согласны.

Женщина сменила гнев на милость и лишь проворчала в ответ:

– Хитрюга, знаешь, какую лесть вовремя сказать.

Лилибет взглянула на мать, желая увидеть её реакцию, и

задала вопрос:

– Очень сложная работа?

Кэтлин обернулась к дочери, но услышав ответ Брэндона, перевела взор на него.

– Да, очень опасная, связанная с огромным риском для...

– заметив недовольный взгляд Мэттью, мужчина осёкся и замолчал.

– Вот только не нужно тут нагонять страх. Работа как работа, не лучше и не хуже других. Знаете, сколько человек ежедневно попадает под колёса нерадивых таксистов?

– Наверное, намного больше, чем под пули неудачливых грабителей? – решила поддержать отца девочка.

– Умница!

– Ну, значит, таксистом я точно не стану, а вот насчёт Академии ФБР стоит подумать.

Общий смех наполнил комнату, но после того как он стих, Лилибет совершенно серьёзно заметила:

– А зря вы сейчас смеялись. Я пока ещё не определилась, кем хочу стать в жизни. Может, над этим вопросом стоит серьёзно поработать.

Улыбка сошла с лица Кэт.

– Даже думать не смей!

– Так думать или не сметь? – хитро прищурилась девушка. – Разве что двух агентов на одну семью многовато будет. Ты же изведёшься вся, переживая за нас.

Мэтт наклонился, притворившись, что поднимает что-то

с ковра. Пряча улыбку, он повернул голову и подмигнул Лилибет, и та улыбнулась в ответ. Паркер сделала вид, что ничего не заметила, про себя отметив: «Спелись, голубчики. Вот тебе и дочка... предательница!» Однако на душе почему-то было светло.

Бренда шагнула в сторону кухни, но вспомнив, кому в этот раз доверена забота об обеде, остановилась и поинтересовалась:

– Как там индейка? Мэттью сказал, вы с Брэндонем нафаршировали её и уже поставили в духовку?

– Не беспокойся, не подгорит! Таймер предупредит о готовности. Салаты мы тоже нарезали. – Кэтлин обвела взглядом присутствующих. – Хотите эгг-ног?

– А подарки? Я зря тут полчаса на карачках ползаю?! – недовольно возразила Одри. Заметив растерянность в глазах подруги, она смягчила тон: – Я с удовольствием выпью его, но сначала откроем коробки, договорились?

Агент подтолкнул Кэт и дочь к ёлке. Бренда с Харрисом подошли ближе всех, и Заноза вручила им несколько блестящих свёртков.

– Это от семьи Холл!

– Может быть, позволишь каждому самому забрать свой подарок? – нарочито громко ворчал Мэтт, пытаясь поднять сестру на ноги.

– Она забыла их подписать, – весело рассмеялся Брэндон. – Не мешай, пока не перепутала всё окончательно.

Одри ткнула мужа в бок локтем и хлопнула брата по колену.

– Это что за мужской шовинизм?! – Она фыркнула, откинув с глаз длинную чёлку, и одарила друзей гневным взглядом. – Отошли оба на полметра – или я за себя не ручаюсь!

На кухне пронзительно запищал таймер. Кэт подхвати-лась и сделала несколько шагов по направлению к двери, Бренда решила пойти следом, но их остановил гневный окрик рассерженной пигалицы:

– Стоять! – (Обе женщины встали как вкопанные.) – Никуда ваша индейка не улетит! Я же сказала, что сначала разберём подарки и прочитаем поздравления!

Одри поднялась на ноги и с осуждением зыркнула на подругу:

– У меня создаётся впечатление, что кто-то не хочет или боится их получить.

Кэтлин опустила взгляд, словно ребёнок, пойманный за воровством запретных сладостей.

– Просто кому-то нечего дать в ответ.

– Только не нужно этого говорить. – Холл подошла к Лилибет и погладила по спине. – Вот твой подарок!

Она обхватила девочку за талию и прижала к себе.

– Жаль, нельзя его завернуть в праздничную упаковку. – Тётушка подняла руку, показывая пальцами немалый рост племяшки. – Я бы до макушки не дотянулась. Сейчас всё исправлю!

Она распотрошила красную обёртку коробки, подписанной «Одри от Брэндона», и с восторгом уставилась на пару туфель на высоких шпильках, делая вид, что немало удивлена.

– Милый... это же те самые, о которых я мечтала почти месяц! И как ты догадался?

– Невозможно не «догадаться», когда ты три раза заводила меня в обувной бутик, всякий раз утверждая, что эта модель создана для ног девушки, управляющей синим «порше»!

В этот раз смеялись все. И уже каждый сам забрал оставленные для него подарки.

На некоторое время воцарилась тишина, нарушаемая лишь шелестом сорванной упаковки, радостными возгласами женщин и довольным хмыканьем мужчин.

Глава 12.2

Звонок домофона, резанувший по ушам противным высоким звуком, заставил всех вздрогнуть. Чертыхнувшись, Мэттью вышел в прихожую. Оставшиеся в комнате родственники в недоумении переглядывались: в гости вроде никого больше не ждали. Все, но только не Лилибет; она вышла в коридор, прислушиваясь к тому, что происходит у входной двери.

– Да, пропустите. Я его встречу. Спасибо, мистер Сноут. С Рождеством вас!

Девочка взвизгнула, вернулась в гостиную и объявила, пытаясь подавить радостную улыбку:

– Это пришёл мой друг.

Она кивнула в ответ на выразительный взгляд Одри:

– Да, это Чайтон! – и пояснила остальным: – Он тоже работает в ФБР, вернее, стажёр. Он меня спас – прикрыл собственной грудью!

Одри схватила счастливую племянницу за руку, не позволяя вернуться в прихожую, и прошептала ей на ухо:

– Первое правило юной леди, желающей удержать принца: не спешить. Ты – главный приз его жизни, он тебя ищет, а не наоборот.

Ридж появился в гостиной следом за хозяином квартиры, держа в руке большого плюшевого мишку, лохматое ухо которого было зажато вместе с букетом белых роз. Лилибет с трудом сдержала смех.

Индеец окинул комнату взглядом, встретился с зелёными глазами девушки и широко улыбнулся. Он заметил медальон, блестящий на груди Лилит поверх спортивной футболки, и остался доволен тем, что подарок понравился.

– С Рождеством всех! – Чайтон отодвинул ногой брошенный на пол комок блестящей бумаги и поднял вверх объёмный пакет. – Я тоже не с пустыми руками пришёл.

Мэтт ждал, когда же дочь похвалится подаренным кольцом, чтобы предъявить претензии слишком торопливому ухажёру.

Ридж вручил медведя Лилибет, цветы – Кэт, извинившись перед остальными дамами, что не знал об их присутствии.

– Не один я решил тебя игрушкой побаловать? – заметив огромного зайца, поинтересовался он и посмотрел на Мэттью. – Подарок отца?

Бренда вышла вперёд.

– Нет, это от меня. – Она обратилась к сыну: – Может быть, ты представишь героя, спасшего мою внучку?

– Мама, прости, совершенно забыл. – Мэтт кивнул на незваного гостя: – Это Чайтон Ридж, наш новый стажёр, перспективный парень. Если так пойдёт, то скоро будет носить звание как у меня, а там и до директора ФБР недалеко, – и представил родственников: – А это моя мама Бренда, сестра Одри и супруг сестры – Брэндон Холл. С остальными ты уже знаком.

Вуд-младший молча наблюдал, как Чайтон целует руки Бренде и Одри, пожимает протянутую ладонь друга, но всё же не удержался и, не скрывая иронии, высказался:

– Брэндон, теперь не один ты у нас будешь слыть джентльменом. Смотри, какая молодёжь подрастает тебе на замену.

Расслышав ворчливые нотки в деликатном замечании отца, девочка прыснула в кулак и приготовилась к пикировке, но индеец не стал язвить, тактично надавив на самое большое место Мэттью:

– Я принёс чизкейк с клюквой, приготовленный по особому рецепту мамой. Она просила поздравить всех с празд-

ником и передать, что наш дом всегда открыт друзьям Алана Брукса и их сыну, – он выразительно поглядел на Лилибет, – как и остальным родственникам моей девушки!

В этот раз Мэтт был задет за живое и не промолчал бы ни за что на свете.

– А у тебя есть девушка? – Он приподнял бровь в ожидании ответа.

Кэтлин посмотрела на дочь; та затаила дыхание. У парня была целая ночь на решение, в каком качестве он захочет прийти в дом специального агента.

– Надеюсь, что да, но об этом чуть позже. – Чайтон достал из пакета большой пластмассовый контейнер и вручил его матери Лилит. – Его нужно убрать в холодильник.

Паркер сделала шаг в сторону кухни, но стажёр удержал её за руку:

– Нет, сначала я всё-таки сделаю заявление.

Мэттью, со вчерашнего вечера ожидающий чего-либо подобного от шустрого индейца, смотрел на его карман, предполагая появление оттуда голубой коробочки, но взглянув на руку дочери, немало удивился: колечко с небольшим бриллиантом уже сверкало на тоненьком пальчике. «И когда только успел?..» Он еле сдержал рычание. Старое как мир чувство просыпалось в груди новоиспечённого отца – инстинкт собственника.

– Я хочу попросить разрешения встречаться с Лилибет.

– В качестве кого? – процедил сквозь сжатые зубы Мэтт.

– Друга, парня. Хочу, чтобы все знали об этом. – Ридж подошёл к девушке и встал рядом. – Мы с Лилит не хотим прятаться, поэтому просим вашего согласия.

– Я не слышу от неё никакого «хотим». И что означает кольцо на её пальце? – указал Вуд на руку девочки.

Не понимая причины столь явной агрессии, она с недоумением взглянула на отца.

– Чайтон озвучил и моё желание. Мы по телефону договорились сказать тебе, чтобы не врать. Это наше общее решение. – Лилибет подняла кисть левой руки вверх. – А кольцо – подарок мамы. Она купила его в том магазине «Тиффани».

Мэттью обернулся в сторону двери, где, вцепившись пальцами в контейнер, замерла брюнетка, ожидая гнева одного мужчины и пока не решив, что делать с тем, кто так настойчиво пытается войти в жизнь дочери.

– Кто-то говорил, что дорогие подарки портят детей. – Он усмехнулся, выбирая из двух зол меньшее. – Ну да ладно, подарок от мамы принять можно. У меня прямо-таки от души отлегло.

Индеец с недоумением переводил взгляд с Лилит на её родителей и наконец понял, в чём дело.

– Кажется, кто-то принял вчера мои слова всерьёз? – Он расхохотался, показывая ослепительно-белые зубы. – Даже я не стал бы делать предложение в первый же день знакомства.

Ридж пристально посмотрел в глаза Мэтта.

– Говорят, подозревает в проступках людей тот, кто сам

способен их совершить. – От него не ускользнула некая досада, мелькнувшая во взгляде агента. – Наверное, кто-то другой, кроме мисс Кэтлин...

Парень осёкся и обратился к прятавшей в смущении глаза маме Лилибет:

– Можно мне вас так называть?

– Конечно, можно. – Она вскинула голову и расправила плечи, готовая к новой схватке с Мэттью из-за решения принять человека, к которому дочь испытывает до боли знакомые чувства. – И давай перейдём на «ты».

– С удовольствием!

– Вот и хорошо! – Кэт с ухмылкой взглянула на растерявшегося Вуда. – Я даю своё разрешение. Это лучше, чем вы будете прятаться. Мой дом в Финиксе открыт для тебя, Чайтон!

– Спасибо! – с благодарностью посмотрела на мать девушка и перевела взор на отца.

Он помолчал несколько секунд, обдумывая, что может произойти в случае отказа, и нехотя проговорил:

– И я разрешаю, но с определёнными условиями.

– С какими угодно, – тут же согласился стажёр.

– Я всё как следует обдумаю и выдвину их позже.

До этого молчаливо наблюдавший за сценой чуть ли не сватовства Харрис решил вмешаться:

– Вот и замечательно, что вам удалось договориться. Не думаю, что друзья Алана могли воспитать плохого сына. – Он

обнял Бренду за плечи и с улыбкой взглянул на Одри. – Что-то я проголодался. Ну что, маленький тиран, можно идти к столу?

– Разумеется! Я ужасно хочу есть. – Прикоснувшись щекой к груди мужа, Заноза положила руку на его талию. – Дорогой, ты сделал мой любимый соус?

Брэндон не больно щёлкнул жену по носу и сильнее прижал к себе.

– Конечно! Обжорка моя, всё как ты любишь!

Он поднял в руке уменьшенную модель «Астон Мартин».

– Спасибо за подарок, дорогая. Ещё одна машинка в твою, – Холл почувствовал щипок ниже талии и рассмеялся, – хорошо, в нашу коллекцию!

Через полчаса все оживлённо беседовали за празднично оформленным столом, поедая традиционные рождественские блюда. Нафаршированная хлебом, черносливом, яблоками и миндалём индейка удалась на славу; запах от неё исходил божественный. А уж фирменный клюквенный соус Брэндона был выше похвал.

Миссис Холл с набитым ртом счастливо улыбалась мужу, поднимая взгляд в потолок с выражением блаженства, и с благодарностью тёрлась щекой о рукав его пиджака.

Мэттью всегда немного раздражала безоглядная любовь друга. Почему одним достаётся всё, а другим?..

Он проворчал:

– Как мало некоторым нужно для счастья! Брэндону до-

статочно носить в кармане вкусный сэндвич – и эта «мелочь» будет верна по самый гроб.

– Завидууй молча. – Блондин чмокнул жену в носик и подлил в её тарелку соуса.

Одри показала брату язык, обмакнула увесистый кусочек сочной идейки в красную желеобразную подливку и положила в рот, причмокнув от удовольствия.

Кэтлин опустила взгляд и прикрыла ладонью рот, с трудом сдерживая смех. Вечное противостояние Вудов. Ещё ребёнком шустрая пигалица могла есть что угодно и в любое время, не набирая при этом ни одного лишнего грамма, а вот Мэтту приходилось ограничивать приёмы пищи с наступлением вечера и делать регулярные пробежки по утрам, дабы не обрести лишних килограммов.

– Дети как всегда в спорах. – Бренда с укоризной смотрела на великовозрастных малышей. – Мэттью, прекрати цепляться к сестре. А ты, Одри, не дразни брата.

– Не переживай, годы нисколько не отразятся на твоей фигуре. Хоть ты давно не играешь в бейсбол, тренировки в спортзале делают своё дело, – решил поддержать сына отец. – Посмотри на меня. Ты будешь таким же подтянутым. Это гены.

– Пап, ты прекрасно выглядишь для своего возраста, – вмешалась Лилибет.

Агент замер: его впервые назвали папой. Он посмотрел на сидящую по другую сторону стола Кэт и улыбнулся, не заост-

ря внимания на словах дочери. Она не отвела глаз, как делала это прежде, а улыбнулась в ответ. Мэтт постучал пальцем по циферблату часов, брюнетка кивнула, подтверждая, что помнит об уговоре.

Их немой разговор не остался незамеченным Одри. Она шепнула на ухо сидящему рядом брату:

– Должно произойти что-то, чего я не знаю? Где и с какой целью встречаетесь?

– Всё-то ты видишь, Заноза. – Мэттью улыбнулся одними уголками губ. – Помнишь, что я вчера говорил?

– Так ты не передумал. – В голосе сестры слышалась тревога. – Зачем спешить?

– А ты не забыла, что мы живём в разных городах? Они в любой момент могут вернуться в Финикс. – Он продолжал улыбаться. И вряд ли кто, глядя на агента, догадался, что его терзают тревожные мысли.

– Где состоится встреча?

– В моей спальне через десять минут.

– Пойду наведу там порядок.

Одри наклонилась к Брэндону, что-то шепнула на ухо и поднялась из-за стола.

– Я отлучусь на минутку. – Она обратилась к Чайтону: – Оставь мне кусок маминого пирога. А то знаю я всех этих сладкоежек, разглагольствующих о диетах и физических формах.

– Обязательно! – рассмеялся парень. – Там много, на всех

хватит.

Мэтт придержал Занозу за руку.

– Ты самая лучшая в мире сестра!

– Знаю, но не забывай говорить это чаще.

«То ссорятся, то признаются друг другу в любви... – Бренда с улыбкой смотрела на заговорщиков. – Когда они повзрослеют?» Но она тут же отбросила эти мысли: пока дети ведут себя подобным образом, они с Харрисом остаются молодыми.

Женщина перевела взгляд на Лилибет, вполголоса переговаривающуюся с зятем. «Бабушка уже вполне взрослой внучки...» Грудь наполнилась теплотой.

Одри зашла в комнату агента, всегда отличающегося опрятностью. Почти идеальная чистота, всё лежало на своих местах. Никаких разбросанных носков и галстуков.

Она поправила покрывало на широкой постели, смахнула пыль с плоской плазмы, висевшей в углублении стены, и подошла к прикроватной тумбочке. Синий в полоску пиджак брошен поверх будильника, что было не похоже на брата.

Одри усмехнулась. Вероятно, ночка выдалась бурной, а утром ещё и она объявилась с ранним визитом. Она подняла пиджак и обнаружила под ним синюю коробочку, стоящую на записке, начерканной нервным почерком на жёлтом стикере: «Оставляю кольцо. Пригодится для следующей невесты. Лесси».

– Вот же сука! – выругалась вслух Заноза.

Любопытство взяло верх. Мозг кричал, что делать так некрасиво, а пальцы откидывали крышку крохотной шкатулки. Большой бриллиант, укреплённый на широкой платиновой полоске, сверкал многочисленными гранями.

– Всё самое лучшее для пошлой стервы...

Она сложила бумажку пополам и просунула внутрь кольца, захлопнула коробочку и опустила в карман пиджака, затем повесила его в шкаф, аккуратно расправив плечи на вешалке.

Одри окинула комнату критическим взглядом, придвинула мягкие кресла поближе друг к другу, поправила тяжёлые складки штор цвета спелого персика, выключила ненужный свет и вышла.

Вернувшаяся за стол обжорка на вопросительный взор подруги лишь пожала плечами и, одарив всех широкой улыбкой, предложила:

– Не пора ли перейти к развлекательной части? – Она потянула мужа за руку. – Мистер Холл, не хотите ли пригласить очаровательную девушку на танец?

– Похоже, это вы меня сейчас приглашаете, миссис, но я согласен! – Брэндон ткнул деверя пальцем: – Мэттью, организуй музыкальное сопровождение. Попробую в очередной раз научить твою сестру-неумеху танцевать вальс. Боже, спаси мои конечности!

Невинно улыбаясь, Одри наступила шпилькой на ногу супруга и язвительно прокомментировала его тяжкий вздох:

– Видно, Бог сегодня не на твоей стороне!

Она обернулась к тем, кто остался сидеть за столом:

– Мама, папа, потряхните стариной! Лилибет, Чайтон, дайте заценить, как вы смотрите рядом. – Заноза бросила взгляд на парня. – Надеюсь, ты выше нашей малышки?

– Конечно! – Девочка попыталась поступить как тётушка и взять инициативу в свои руки, но стажёр её опередил.

– Позвольте пригласить вас, юная леди? – он встал из-за стола и протянул девушке руку. – И не бойтесь, я не допущу, чтобы вы упали. Перед вами победитель телевизионного конкурса «Мир Танца» 2010 года.

– Не дави на меня возрастом, – рассмеялась Лилибет. – Я в то время едва с соской рассталась.

Мэтт, несколько раздражённый самоуверенностью и хвастовством Риджа, поддержал дочь:

– А ты хоть где-то был вторым? – Он вопросительно поднял бровь и встал, намереваясь пригласить Кэтлин.

За парня ответила Одри:

– Я даже знаю, где! – Она звонко рассмеялась, одаривая брата ехидным взглядом. – Жаль, что кто-то не видит себя со стороны. Чайтон в очереди за скромностью следом за тобой стоял!

Глава 12.3

– Разрешите пригласить на танец? – галантно протянул руку Вуд. – Сегодня принято выражать дамам полный вос-

торг. Так вот, для меня вы – украшение вечера. Я хотел бы...

– А в остальные вечера восхищаться нами не нужно? – Она не хотела отвечать резко, но именно так и получилось.

Мэтт поморщился: попытка выглядеть кавалером из прошлого века рассыпалась в прах.

– Мы же решили объявить перемирие?

Он перевернул протянутую ему ладонь и нежно поцеловал внутреннюю сторону, внимательно наблюдая за глазами брюнетки. От Мэттью не скрылась набежавшая на них поволока и лёгкая дрожь, пронёсшаяся по изящной руке.

Он ещё раз прикоснулся к гладкой коже губами и прошептал умоляюще:

– Кактус, скинь колючки. Я и так исцарапан в кровь. – Вуд провёл её рукой по опухшей щеке.

Кэтлин улыбнулась, позволяя обнять себя за талию, и отдалась во власть музыки, отметив, что двигается Мэтт великолепно.

Это был их первый танец. Паркер сомкнула веки. Как же давно она мечтала об этом... Перед глазами возникла худенькая девочка, зажавшаяся в угол полутёмного зала, с завистью следящая за самой красивой парой карнавала, кружащейся в вихре старомодного вальса. Бронзоволосый юноша и сверкающая золотом пышных локонов голубоглазая красавица, не отрывающие взглядов друг от друга.

Кэт вздохнула, покачав головой, прогоняя длившееся не дольше секунды видение. Она открыла глаза и встретила с

напряжённым взором Мэттью. Он будто прочёл то, что брюнетка сейчас чувствовала.

– Отпусти прошлое. Будь со мной здесь и сейчас. Ты нужна мне! – Вуд поднёс тонкие холодные пальчики к губам, поцеловал каждый из них и снова ощутил дрожь Кэтлин. – Ты хоть помнишь, что я говорил вчера?

– Что именно?

– Сновидения. Я видел тебя в них на протяжении шестнадцати лет. Так что всегда помнил о симпатичной, но очень зажатой подруге сестры. Даже помимо собственной воли. Это не пустые слова.

– В ту ночь я была раскрепощённой, поверившей в чудо любви, и поплатилась за это. – Она усмехнулась, тут же переведа разговор: – И сильно ты сопротивлялся снам?

– Лишь поначалу. Последние годы даже желал. Можешь не верить, но достаточно было одного слова, просто позвать – и я не раздумывая рванул бы к тебе.

Кэт попыталась отстраниться, но агент сжал ладонями её талию.

– Не нужно. Давай вести себя как взрослые люди. Не бойся, я не сделаю ничего, чего ты не захочешь. Перед тобой не враг. Сколько можно повторять?

Она смотрела Мэтту в глаза и не видела ни тени сомнения: он говорил совершенно искренне. И так хотелось поверить, но где-то в глубине души восемнадцатилетняя смертельно напуганная девушка кричала: «Нет! Все его слова – ложь!»

Сердце сжалось. Чему верить?

– Я не сделаю тебе больно! Больше никогда! Клянусь!

Замерев посреди вальсирующих, они уже не танцевали.

Кэтлин огляделась. Лилибет светилась от счастья в объятиях партнёра. Ридж не обманывал; его выверенным движениям и пластике позавидовал бы любой. Она перевела взгляд на Одри, купающуюся в полном любви и обожания взоре Брэндона.

Миниатюрная подруга даже на шпильках едва доставала до подбородка широкоплечего мужа. Паркер, взглянув на родителей Мэттью, вздрогнула: Бренда и Харрис не улыбались; кружась, они не спускали глаз с пары сына.

– Господи... – прошептала брюнетка.

Почему ей приходится учитывать чувства всех в этом зале и именно от неё зависит счастье многих людей? Отчего никто не хочет понять, как трудно принять решение, не дают времени всё хорошенько обдумать? Почему считают, что она готова его принять? Почему на неё снова давят?

Кэт напряглась и решительно отстранилась от Вуда.

– Я так поняла, нам просто необходимо поговорить с глазу на глаз?

Расслышав металлические нотки в её голосе, Мэтт несколько растерялся, но решил не переносить разговор на потом.

– Да! – он снова пытался анализировать действия женщины, от согласия которой зависела вся дальнейшая жизнь.

– Я готова. Где?

К Кэтлин возвращалась решительность. Хватит бояться призраков прошлого. Она ужасно устала от этого. Разговор состоится именно сейчас.

– Там же, где предлагал ранее. Я не стану приставать. – Агент удивился циничной ухмылке, поднявшей уголки красивых пухлых губ.

– Если бы ты знал, чего я боюсь... – брюнетка уверенно смотрела в зелёные глаза.

– И чего же?

Снова ухмылка в ответ.

– Расскажу, если посчитаю нужным... потом. Но поверь, меньше всего я опасаюсь сейчас твоих приставаний. – Она взглянула на пятно на его щеке. – Это-то ты, наверное, уже понял?

Мэттью засмеялся, но в его смехе чувствовалось напряжение. Он ломал голову: что могло произойти за какую-то долю минуты, что снова сказал не так? Кэт не переставала удивлять перепадами настроения. Счастливая женщина, тающая в объятиях словно воск, в один миг превращалась в циничную суку. Проклятое прошлое никак не отпускало её? Или...

Вуд вспомнил полунамёк на имеющегося в жизни Кэтлин мужчину и, вероятно, впервые понял, что всё может пойти не так, как он представлял, но отогнал эту мысль. Не для того Бог свёл их в очередной раз, чтобы снова развести. И

всё-таки что-то стояло между ними, не позволяя сблизиться. Или кто-то?

Мэтта обдало холодом, но он мгновенно собрался и, взяв Паркер за руку, вышел в коридор.

Через несколько шагов они остановились на пороге спальни. Агент ощутил сковавшее брюнетку в последний миг напряжение; она нервничала не меньше его. Но отчего? Сосредоточенность влюблённой женщины, согласной сказать «да», или приготовившегося произнести «нет» человека?

Вуд одёрнул себя. Как может Кэтлин знать о том, что он собирается сделать?

«Не веди себя как школьник, пытающийся затащить понравившуюся девушку в постель. – Мэтт усмехнулся. – Кре-тин, ты уже сделал это когда-то. Пришло время сказать то, что обычно говорят до того, как...»

Открыв дверь, он потянул Паркер за руку и щёлкнул выключателем. Мягкий свет залил выдержанную в тёплых тонах просторную комнату.

Кэт провела взглядом по стенам, задержавшись на картине с расплывчатым изображением фигуры голой женщины, шагающей навстречу яркому солнцу.

– Любовное гнездышко Мэттью Вуда. Интересно, как много женщин в нём побывало? – Ей самой стало противно от вырвавшихся из уст слов. – Прости. Не понимаю, почему моей внутренней «суке» именно сейчас так хочется вырваться на свободу.

– Мне придётся познакомиться с новыми Кэтлин, живущими в тебе?

– Их не так много. Я не страдаю шизофренией, если ты об этом, – улыбнулась она.

– Слава богу, а то начинаю бояться, – попытался шутить Мэтт и, с трудом растянув губы, улыбнулся в ответ. – Второй день хочу поговорить о нашем будущем, но вместо этого опять начинаю тупить.

Не дожидаясь приглашения, брюнетка подошла к одному из кресел, опустилась на мягкую подушку, вытянула длинные ноги и огляделась, с интересом рассматривая содержащуюся в идеальном порядке комнату.

Ощущение запаха другой женщины и неловкости мешало продолжить разговор. Это как забрести на запретную территорию. Ещё чуть-чуть – и она причислит себя к вуайеристам. Появилось желание подняться и выйти, но Кэт заставила себя остаться на месте, дав слово, что больше никогда не переступит порог этой спальни.

Мэттью снова почувствовал её состояние.

– Понимаю, тебе неудобно здесь, но это единственное место, где нам никто не будет мешать. Даже Одри никогда без спроса не заходит сюда.

– Неудобно – мягко сказано, но я не на брачную ночь с тобой сюда пришла.

– А она могла состояться?

– Что «состояться»? – На лице Паркер читалось искрен-

нее недоумение. – Ладно, проехали.

Агент вымученно улыбнулся, в очередной раз обозвав себя кретином.

«Почему все мысли крутятся вокруг её тела? Что это? Хронический недотрах? – Он помимо воли провёл взглядом по длинным стройным ногам и ощутил нарастающее в паху напряжение. – Не хватало, чтобы и Кэтлин это заметила!»

Но она рассмотрела жадный блеск в глазах хозяина спальни, плящегося на её ноги.

– Мы сюда пришли поговорить, не так ли? Прошу, только не разочаровывай меня в очередной раз! Я этого не перенесу, – простонала брюнетка и дальше сказала то, что никак не способствовало «не разочарованию» охваченного страстью мужчины: – Что ты там говорил о снах?

Она прикрыла лицо руками.

– Похоже, не один ты сегодня тупишь. Мы сможем когда-нибудь вести себя адекватно в присутствии друг друга?

– Надеюсь, что не скоро, а лучше никогда! – усмехнулся он. – Ты же понимаешь, почему это с нами происходит?

Паркер предпочла отмолчаться.

Мэттью сумел взять себя в руки.

– Я люблю тебя, – он видел недоверие в карих глазах, – может быть, не так, как хотелось бы. Мне уже почти тридцать шесть и, наверное, нет ожидания вечно безоблачного счастья, присущего молодым.

Вуд тяжело вздохнул, пытаясь подобрать нужные слова и

понимая, что не сможет сделать предложение по правилам, даже пожалев, что поторопился с ним. Почему он не прислушался к предостережениям отца и сестры? Страх Кэтлин говорил красноречивее любых слов. Не готова она сегодня ответить. Но не привыкший останавливаться на середине пути Мэтт решил: будь что будет, от своего он всё равно не отступится, даже если сейчас услышит отрицательный ответ.

– Прости, я опять несу бред. – Агент опустился перед креслом на корточки. Брюнетка подтянула ноги, и он обнял её колени. – Люблю с того момента, как увидел в Финиксе, а может, и раньше, но не понимал этого.

Мэттью почувствовал, как Кэт напряглась.

– Не знаю, как объяснить то, что происходило со мной с тех пор! Но именно с того мига я начал мечтать о тебе! Хотел ребёнка, такого, как ты держала на руках. Господи, я не ассоциировал тебя с Мадонной, нет. К тому времени я не раз обладал твоим телом во сне, а мне так хотелось сделать это наяву! – Хриплый голос с трудом исходил из внезапно пересохшего горла.

Вскинув голову, Мэтт столкнулся с измученным взглядом Кэтлин, полным того же душевного надрыва, что рвался из его груди. Исповедь, облечённая в самые искренние слова, сказанные им за последние годы женщине.

– Я начал вести себя как одержимый. Искал твои черты в любой темноволосой девушке. Пытался представить глаза твоей девочки, разглядывал любого рыжего ребёнка. Навер-

ное, я всё-таки почувствовал, что она моя, но не смог понять этого. Как часто мы отказываемся верить внутреннему чувству, сваливая его на комплексы и глупые надежды!

Вуд смотрел на брюнетку, и его взгляд кричал красноречивее любых слов в единственной просьбе: поверь!

И она решила послушать сердце, постепенно отгоняя страх, позволяя принять веру в совместное будущее, надежду на счастье, запрещая девочке Кэтлин отравить его горьким предостережением.

– Почему ты не нашёл меня в Финиксе и не сказал это тогда?

– Не хотел рушить твоё счастье! Ты была замужем, у вас ребёнок. Как я мог лезть в твою семью? Ведь ты когда-то была мне как сестра, подруга сестры. Самый невинный и чистый человек, какого я знал. Только не с тобой, только не тебя... – Агент покачал головой. – Мои слова о чувствах после первого сна о сексе с тобой... Всё так и было... Так сладко и остро... Я не мог представить, что это произошло наяву и я назвал тебя Лесси!

– Мне было так больно...

– Знаю. Если бы я смог всё повернуть вспять, вернуться хотя бы на десять лет назад! Если бы мог забрать твою боль...

Паркер пристально вглядывалась в зелёные глаза. Сердце начинало отгаивать под их теплом, его словами.

Зачем противиться собственным желаниям? А если они

и правда предназначены друг для друга, и сейчас Кэт даётся второй шанс? Жить с любимым человеком и каждый день с восторгом просыпаться в его объятиях, не вымучивая улыбку. Довериться и стать, наконец, счастливой! Почему она решила, что никогда не сможет быть такой?

Вот он, рядом, любовь и боль всей сознательной жизни, отец её ребёнка. Почему должна помнить о данных кому-то обязательствах, отчего вообще считает себя обязанной всем и вся? Это её жизнь, даётся она однажды, другой не будет. Да иди всё к чёрту! Она хочет и станет счастливой!

Брюнетка широко улыбнулась и глубоко вздохнула, как будто тяжёлый давящий камень свалился с груди.

– Мы ещё так молоды и можем начать всё сначала. Считаю меня озабоченным, а впрочем, так оно и есть, но я хочу тебя. И не только в постели. Вчерашний вечер был самым счастливым в моей жизни. Я понял, что именно вот так, вместе с тобой и дочерью, хотел бы прожить до самого конца. – Почувствовав, как оттаивает её взгляд, Мэтт улыбнулся. – Но я надеюсь, что у нас ещё будут дети. Только не смейся. Я хочу держать новорождённых малышей на руках. Наверное, это такое счастье...

В глазах Кэтлин снова мелькнула боль, но в этот раз от осознания того, чего тот горячо любимый ею юноша был лишён. Она вспомнила, с какой осторожной нежностью Джон принял из рук медсестры его новорождённую дочь. Не Мэттью Лилибет подарила первую улыбку... Сердце заныло.

Как бы она хотела вернуть назад тот день, когда пришла рассказать о беременности...

Брюнетка почувствовала, как слёзы покатались из глаз, и агент губами собрал солёные капли.

– Не плачь. Все наши ошибки в прошлом. Давай жить будущим? – Он с надеждой смотрел в карие омуты. – Будет всё, как ты захочешь! Я готов к любым переменам. Хочешь жить в Финиксе – переведусь туда. Только не оставляй меня. Не уходи!

– Мэттью Вуд, вы делаете мне предложение? – улыбнулась сквозь слёзы и красноречиво взглянула на его руки Кэт.

– Какой я осёл! Сейчас сделаю всё по правилам.

Вскочив на ноги, он кинулся к тумбочке и удивился, не обнаружив на ней сброшенного в темноте пиджака. Вспомнив, что полчаса назад Одри прибирала комнату, Мэтт со счастливой глупой улыбкой на довольном лице подошёл к шкафу и обернулся к женщине:

– Одну секунду!

Он достал пиджак, надел его поверх серого пуловера и снова опустился перед креслом, но на этот раз на одно колено.

– Кэтлин Паркер, я хочу просить твоей руки. – Он запустил кисть в карман, нащупал гладкий квадратик и зажал его в кулаке. – Перед Богом клянусь сделать тебя самой счастливой на свете!

Мэттью протянул руку и, только разжав пальцы, заме-

тил, что на ладони лежит совсем не та коробочка: не голубая, а синяя, с купленным в очередной командировке в Бевебли-Хиллз кольцом для Лесси, неизвестно каким образом очутившаяся в кармане.

Он не успел среагировать. Рука Кэт накрыла его ладонь. Брюнетка счастливо улыбалась, вытаскивая сверкающий бриллиант на свет.

– Ух ты, какое красивое! А это записка с признанием в любви? Не знала, что фэбээровцы настолько романтичны. – Смеясь, она развернула листок.

– Нет! – Мэтт выхватил из задрожавших пальцев жёлтый клочок, представляя, что могла написать на прощание Райт, но было слишком поздно.

Кэтлин опустила ставшую невероятно тяжёлой руку; кольцо со звоном ударилось об пол и закатилось под кресло. Она закрыла глаза и прошептала побелевшими губами:

– Боже, как больно...

А спрятанная за завесой недавнего счастья девочка ответила полным сожаления голосом: «Я же тебе говорила...»

Глава 13.1

– Это не то, что ты думаешь!

Закрыв глаза, Кэт приложила пальцы к внезапно онемевшим вискам. Сколько человек может вынести душевной боли в переводе на год, месяц, день, час, минуту, если все страдания за тридцать четыре года её жизни перевести в шесть

лет и два дня?

Шесть лет было особенно тяжело, два предыдущих дня вернули воспоминания о той давней боли, пять последних минут сделали столь же невыносимой. . . И нельзя поддаться, иначе засосёт депрессия, невозможно её показать, иначе сочтут слабой.

Горло сдавил спазм. Паркер с трудом просипела:

– Конечно не то. Тем более что ты не знаешь, о чём я думаю. – Она сделала несколько глубоких вдохов, дождалась, когда сердцебиение успокоится, и открыла глаза. – Я столько раз смеялась над фразой, произносимой в мелодрамах застигнутым на месте измены мужем, что даже не знаю, как на неё реагировать применительно к себе.

Мэттью ожидал чего угодно: взрыва эмоций, ударов по щекам, истерики, но только не равнодушного тона, который, как правило, вызван полным душевным опустошением. И от этого осознание собственной вины становилось намного горше.

Вуд хотел бы прижать к груди надевшую маску холодности Кэтлин, успокоить, но боялся, что, сделав это, всё только усугубит. Как же сложно просчитать и насколько просто обидеть женщину, сотканную из сплошных противоречий, оголённых нервов и комплексов. Автором и виной которых являлся он сам.

Даже сейчас, делая предложение руки и сердца, снова всё испортил. Непроизвольный стон сорвался с его губ.

Кэт вскинула голову и всмотрелась в лицо Мэтта. Он глядел в глаза с таким давящим отчаяньем, что она снова сомкнула веки, не в силах ответить на немую просьбу. Для принятия любого решения требовалось время.

– Принеси воды. Не хочю появиться в таком виде перед дочерью.

– Сейчас, но прежде позволь всё объяснить.

Вуд запустил руку в другой карман, и пальцы тут же нагнулись на гладкий квадрат. Он протянул его брюнетке:

– Вот кольцо, что я вчера купил для тебя. Как в карман попало другое, наверное, сможет ответить Одри. Я сам не видел до этого момента ни его, ни записку.

Холодная упаковка легла в узкую, дрожащую ладонь. Агент сжал пальцы в кулак поверх руки Кэтлин.

– Я не стану просить тебя примерять его сейчас. Понимаю, что опять облажался, но умоляю: посмотри.

– Принеси, пожалуйста, воды, – не открывая глаз, выторговывая хотя бы минуту, чтобы прийти в себя, повторила она просьбу.

Райт снова вмешивалась в их судьбу, ломая любую надежду на безоблачное будущее. Кэт слышала, как открылась и закрылась дверь за Мэттом, его быстрые шаги в сторону кухни. Казалось, все ощущения обострились до предела. Она доверилась чувствам и в очередной раз получила удар. И что теперь делать?

Брюнетка распахнула веки и взглянула на то, что лежало в

руке. Голубая коробка под кольцо от «Тиффани». Не праздничная, с бантиком, а стандартная, такая, в которой тысячи мужчин ежедневно покупают изделия престижной торговой марки. Сотни из них делают это с трепетом, представляя, как наденут прохладный ободок на тонкий пальчик любимой и назовут её своей перед Богом и людьми.

Не случилось... Надежда на счастье снова раскололась о нерушимую глыбу по имени Лесси.

Паркер застонала от пронзившей сознание холодной боли и закрыла лицо ладонями. «Господи, да это же бег по кругу. Всё повторяется, меняются лишь лица...» Вот так же когда-то сидела другая женщина, проклиная за разбитые мечты о счастье её, Кэтлин...

Торопливые шаги замерли напротив двери. На пороге появился Мэттью со стаканом в руке. Волосы взлохмачены; очевидно, за столь короткое время он не раз запустил в них пальцы. Такой знакомый жест... Всё в этом мужчине знакомо до боли, но так же до боли чуждо.

Сердце сжала тоска. За что? Почему это происходит с ними снова? Кто виноват? Сейчас виноватым было выражение лица Мэтта, остановившегося напротив кресла.

Он протянул стакан. Кэт приняла и мелкими глотками выпила почти до дна безвкусную жидкость.

– Тебе легче? Мы можем поговорить?

Участие в зелёных глазах, его словах раздражало. Словно попытка стать сторонним свидетелем, а не соучастником

происходящего.

– О чём? – ответила она резче, чем хотела бы.

– О нас! Не делай этого! – в отчаянном тоне слов ей слышалась не просьба, а угроза. – Не позволяй Райт вмешаться и разрушить то, что предначертано судьбой!

– А что предопределено? – Паркер смотрела в лицо Мэттью открытым взглядом. – Я начинаю понимать, за что нас каждый раз разводит в стороны судьба, которая, как ты говоришь, что-то нам предначертала.

– И за что?

– Ложь! – она простонала от давящего осознания произошедшего много лет назад. – Мы начали со лжи. Украденная ночь, разбитые чужие надежды. Так нельзя!

– И что же нам теперь делать? – пожал Вуд плечами.

– Начать всё сначала.

– То есть как? – удивился он, выстраивая в голове их первые встречи её глазами.

– Как начинают нормальные люди.

Брюнетка встала, положила так и не открытую коробочку на стол и направилась к двери. Агент придержал её за рукав.

– Что ты делаешь? Неужели это всё? Ты выйдешь сейчас из комнаты, оденешься и вот так запросто уйдёшь? – Он старался говорить спокойно, не выказывать никаких эмоций, понимая, что в этот раз принимать решение должна Кэтлин – последнее слово будет за ней.

– Ты хорошо чувствуешь людей, просчитываешь их дей-

ствия. – Её голос дрожал.

– Работа у меня такая.

Вуд крепко сжал руки Кэт. Если бы она только знала, каких усилий ему стоило сохранять спокойствие.

– Ещё раз прошу: не делай этого с нами. Подумай о дочери, о себе, обо мне, в конце концов! Неужели ты полагаешь, что я надел бы на твой палец кольцо Лесси? – Не выпуская ладони брюнетки, он преградил выход. – Спроси у Одри. Она полчаса назад наводила в спальне порядок и, вероятно, положила коробку в мой пиджак.

– Дело не в кольце. – Махнула она головой. – Ты не дал мне договорить. Чувствуешь всех, но не меня.

– Хорошо, пусть так... Тогда в чём?

– В нас. Я уже сказала: мы не с того начали.

Паркер видела недоумение, написанное на лице Мэттью, и не постигала, почему он не хочет замечать очевидного.

– Как ты не понимаешь?! Мы вольно или невольно разрушили счастье Райт! – Она вздохнула: – Пытаемся построить своё на чужом...

– Тут нет ничего не нашего. Я люблю и хочу провести остаток жизни вместе с тобой и дочерью.

– А что ты для этого сделал?

– Не понял. – Чёрные брови взметнулись вверх. – Как «что»? У нас есть дочь, и я...

Кэтлин застонала. Это как игра в немой телефон; они разговаривали друг с другом, но Мэтт совершенно её не слы-

шал. Брюнетка освободила руки из захвата и прижала пальцы к вискам.

– Господи, не повторяй одни и те же фразы в десятый раз! – Она видела в его взгляде искреннее непонимание и почти сорвалась на крик: – Я сейчас о другом! Что ты сделал для того, чтобы мы были вместе, кроме как выпустил сперму в тело восемнадцатилетней влюблённой глупышки?

– Как «что»? Я...

Вуд осёкся. Недоумение на его лице сменила растерянность. Он не знал, что ответить, тем более что Кэт была совершенно права.

– Я спас вас... – Понимая глупость произнесённых слов, Мэттью простонал и замолчал.

– Нас освободила бы и другая команда. – Она пожала плечами. – Не знаю, остались бы мы живыми или нет, но факт остаётся фактом: ты выполнял свою работу.

Кэтлин заметила мрачную тень, промелькнувшую на лице агента после слов «остались бы мы живыми», и как скривился он от осознания, что она говорит абсолютную правду. Мэтт действительно работал, выполнял поставленную задачу и сделал бы это независимо от личностей людей, подвергшихся нападению.

– Я опять сморозил что-то не то, – застонал он. – Понятия не имею, что ответить на твои обвинения, но точно знаю: не хочу, чтобы это закончилось вот так!

Мэттью заглянул в её глаза.

– Прошу, не уходи! – Его взгляд буквально кричал. – Я никогда и никому не говорил этих слов... Остайся со мной.

– Не могу! – Паркер покачала головой. – Не сейчас...

Она надавила на напряжённые пальцы, освобождая руку из отчаянного захвата, прошмыгнула за спину агента и вышла из спальни.

Кэт не помнила, как добралась до следующей двери, как закрыла замок своей комнаты и, рухнув на кровать, дала волю слезам.

Глава 13.2

Брюнетка слышала осторожный стук в дверь, но открыла лишь после угроз Мэтта выбить её. Она с трудом поднялась и, щёлкнув замком, распахнула створку.

Вуд пробежал взглядом по заплаканному лицу, тонким пальцам, нервно теребившим локон волос, хрупкой фигурке. Удостоверившись, что всё нормально, он облегчённо вздохнул.

– Извини. Я думал о худшем.

– Чего ты боялся? Что покончу с собой? – усмехнулась брюнетка. – Я не совершила этого тогда и уж ни за что не сделаю сейчас. У меня есть для чего жить.

Кэтлин тяжело опустилась в кресло. Мэттью присел на угол кровати, находившейся всего в метре от длинных ног, белым пятном выделяющихся на фоне ворсистой обивки сиденья.

– Давай дадим друг другу шанс? Я чувствую, как ты дрожишь при любом моём прикосновении. И то же испытываю сам. Нас тянет друг к другу, и не только на физическом уровне. Как бы ты ни хотела сейчас откреститься от всего происходящего, не получится. Мы не одни. У нас есть дочь, любящие тебя мои родственники, есть...

Не дав договорить, вернее, не в силах больше слушать уговоры и оправдания, Паркер перебила:

– Нет! Дрожит тело, а не душа! – она усмехнулась. – Это совершенно разные вещи. И дело не в нас с тобой, не в этом кольце и даже не в Лесси. – Она вдавила ладони выше груди. – Дело во мне. Мне нужно время.

Кэт откинулась на мягкую спинку кресла, поджав под себя ноги.

– Прошло столько лет. Я уже почти забыла обо всем.

Из гостиной послышался громкий радостный смех Лилибет. Кэтлин тяжело вздохнула и, скинув руки на колени, опустила взгляд.

– Насколько смогла забыть. – Она тяжело вздохнула. – Мне нужно время, чтобы понять, за что я тебя любила. Ощутить ту полноту чувств и трепет, что испытывала прежде от одного твоего взгляда. – Паркер вскинула голову, с отчаянием воззрившись на Мэтта: – Мне просто необходимо всё это вспомнить!

– Так вот он я, здесь, рядом. – Пожал он плечами. – Что ещё нужно? Думаю, мы на верном пути. Давай попробуем

начать всё сначала.

– Вот именно «что»! Его у нас нет и никогда не было!

– Чего нет? – его непонимание было совершенно искренним.

– Этого «всё»! О каком пути ты говоришь?! – короткие фразы горечи.

Брюнетка смотрела на Вуда полными слёз и какого-то непонятного сожаления глазами. Не о том, что случилось всего полчаса назад в его спальне. Не о том, что произошло с ними в далёком прошлом, нет. Было что-то ещё, о чём эта красивая женщина очень переживала. И Мэттью не был уверен, что хотел бы знать о причине её дополнительных волнений.

– Дай мне время. – Она вновь тяжело вздохнула.

Они несколько минут ничего не говорили друг другу, каждый про себя решал, чего ждёт от будущего.

– Дам. – Мэтт взял ладони Паркер в свои руки. – Я готов отдать тебе что угодно, но есть ли уверенность, что что-то изменится?

– Нет! – воскликнула она, ни на секунду не задумываясь.

Заметив недоумение в его глазах, Кэт попыталась объяснить:

– Я не знаю, что будет со мной сегодня вечером, не то что завтра. Но одно знаю точно: я хотела бы всё забыть и отпустить... – Она закончила совершенно другим голосом: – Хотела бы быть рядом с тобой, но...

Брюнетка снова ненадолго замолчала, что-то обдумывая. Высвободив одну кисть из плена тёплых рук агента, она положила её на тыльную сторону его ладони и слегка надавила.

– Не сдавай кольцо. Я не могу принять его сейчас, но... всё может измениться.

Кэтлин смотрела в пронзительные зелёные глаза совершенно открыто, так, как делала это некоторое время назад.

– Ты дашь мне время, а я – шанс начать всё не сначала, а заново. Не желаю возвращаться в ту ночь, а хочу, чтобы всё было совсем по-другому. – Она попыталась улыбнуться. – Мы с тобой ничего не знаем друг о друге, нигде никогда не были вдвоём. Я не представляю, как умеет ухаживать Мэттью Вуд, и совершенно ничего не знаю о новом Мэтте, как, впрочем, и о том парне, из прошлого... Так мало информации, касающейся твоего внутреннего «я», качеств, что знают только близкие...

Они вновь помолчали. В этот раз первым заговорил агент:

– В моих пристрастиях почти ничего не изменилось. Разве что немного в музыке и появились новые любимые фильмы. – Он хмыкнул. – И ещё я голосую за демократов.

– Я тоже, – ухмыльнулась Паркер.

– Вот видишь, как много у нас общего. – Мэттью попытался улыбнуться, но получилась лишь кривая усмешка, указывающая, насколько сильно он нервничает. – Значит, бартер?

Брюнетка молча кивнула.

– Время на шанс? – приподнял левую бровь Вуд.

Она на мгновение закрыла глаза и вновь согласно качнула головой. Но через несколько секунд произнесла совершенно спокойным голосом, отвергающим любые сомнения и уговоры. Тонем, которым судьи выносят окончательный вердикт:

– Да, но сегодня я улетаю в Финикс.

Мэтт вздрогнул. Этих слов он боялся с той минуты, как Кэт покинула магазин, заполненный фэбээровцами. Она вышла с ним под руку, но совершенно отчуждённая мыслями. Уже тогда Вуд почувствовал, что брюнетка не готова к их встрече и при любой возможности постарается сбежать. Но почему-то в это не хотелось верить. Не зря же Бог дал им повторный шанс?

Каким же он оказался придурком, внушившись себе, что всё отлично там, где ничего хорошего нет. Мэттью был счастлив обрести дочь и надежду на жизнь с любимой женщиной, однако не догадался спросить Кэтлин, нужно ли ей это.

Агент пристально всматривался в бледное лицо. Сердце пронзила боль. Господи, да что он опять делает?!

Мэтт опустил голову, сжав ладонями виски, готовый выть от отчаянья, пытаясь найти единственно верное решение. Давить на Паркер нет смысла: всё станет только хуже. Рыдать и рвать волосы – тем более. Он мужчина, в конце концов. Но и бездействовать не в его натуре. Что сделано, то сделано. А теперь нужно собраться и попытаться хоть как-то сгладить ситуацию.

Кэт уезжает, а значит, увозит Лилибет. Именно сейчас,

когда вся семья празднует воссоединение. Когда она радостно смеётся в его доме. Мэттью пообещал дать время и слово своё сдержит, но за дочь поборется. У девочки должно быть право выбора!

Он резко поднялся с постели.

– А что будет с Лилибет?

– Решать ей самой. Я не стану неволить дочь. Поверь, я очень хочу видеть её счастливой. Если она пожелает, то останется. Сейчас каникулы, и это никак не повлияет на учёбу. Я обещала показать Лилибет Вашингтон, но не успела. Если решит остаться, то это сделаешь ты.

Вуд облегчённо вздохнул. Брюнетка снова удивляла его: дерётся, когда он уверен в её полной капитуляции, и не сопротивляется там, где он этого ждёт.

– Хорошо. Но в любом случае я провожу тебя в аэропорт.

– Не возражаю. Ты можешь идти. Мне нужно переодеться и привести себя в порядок. Я выйду через несколько минут.

Мэтт усмехнулся уголками губ.

– Одри знает, для чего я пригласил тебя в спальню. – Он развёл руками: – Извини, но выходить нам придётся вместе, если, конечно, не хочешь смотреть на её истерику и слёзы. Ты же понимаешь, насколько все рады вашему появлению.

Мэттью посмотрел на платье, подобранное сестрой для Кэтлин.

– Прошу, забери все её подарки. Не обижай напрасно, не нужно. Она хочет казаться уверенной и твёрдой, но на самом

деле ранимая и переживает за наши отношения очень остро.

– Знаю, я про всех всё знаю, – проговорила Кэт и уже мысленно добавила: «Кроме себя!»

Она оглядела комнату.

– Ты не одолжишь сумку? Мои вещи в отеле. Необходимо позвонить на ресепшен и сделать кое-какие распоряжения.

– Конечно, сейчас принесу. – Агент открыл дверь, прислушался и, стараясь остаться незамеченным, прошмыгнул в кладовку.

Уже через несколько минут он вернулся, держа в руке объёмный кожаный саквояж.

– Слишком большая.

– Знаю, но найти меньше не смог. – Извинился Метт, уточнив: – Да я сейчас и не в состоянии искать.

Паркер усмехнулась. Похоже, он не знал, где и что лежит в его квартире. Разумеется, всем этим заведовала Лесси.

Кэтлин открыла сумку и заглянула внутрь.

– Ладно, тогда сюда можно уложить и вещи Лилибет.

– Ты сказала, она будет решать сама, остаться или нет. –

Он пытался поймать взгляд карих глаз.

– И не беру слова назад. – Пожала она плечами оставив лазейку. – Но вдруг захочет уехать вместе со мной?

Из гостиной послышались возбуждённые голоса спорящих о чём-то родственников и громкий смех. Вуда передёрнуло. Всё так буднично, никаких слёз, скандалов с выяснением отношений. Но тут же оборвал себя: каких отношений?

Как ни прискорбно в этом сознаваться, Кэт права. Есть только прошлое и сутки настоящего, а будет ли будущее – во многом теперь зависело от него.

Он посмотрел на сосредоточенное лицо брюнетки и подумал, что опять пытается врать себе. Всё зависит именно от неё. И ещё от дочери, но почему-то в поддержке девочки Мэттью не сомневался.

– Не думаю, что она настроена на отъезд.

– А вот это мы сейчас и выясним.

Паркер открыла дверь и громко позвала:

– Лилибет, зайди в мою комнату. – Она чуть помедлила и добавила: – Пожалуйста. Это срочно.

На пороге появилась довольно улыбающаяся девушка. Взглянув на родителей и поняв, что между ними что-то произошло, и это «что-то» может ей не понравиться, она тотчас потускнела.

– Что случилось?

Кэтлин закусила верхнюю губу, продумывая первые слова. Ожидание чего-то страшного отдало в груди девочки неприятным холодом.

– По какому случаю траур? Не молчите! – потребовала она.

– Я собираюсь уехать...

– Мама, мы всего день в Вашингтоне. Ты же обещала как минимум три дня поездки.

Кэт покачала головой, но перебивать дочь не стала.

– Я хотела просить тебя задержаться здесь до конца отпуска. Мамочка, пожалуйста!

– Подожди, выслушай сначала. – Брюнетка посмотрела на Мэтта, предлагая тому самому озвучить новость об отъезде, однако Вуд молчал, и она продолжила: – Я именно сейчас уезжаю, улетаю в Финикс ближайшим рейсом, на который смогу купить билет.

Лилит с недоумением переводила взгляд с отца на мать.

– Не поняла. Как это «именно сейчас»?

Мэттью опустил глаза в пол, но тут же поднял и с виноватым видом взглянул на дочь. Кэтлин расстроено вздохнула и замолчала.

Агенту самому пришлось объяснять девочке причину внезапного отъезда:

– Так получилось. Но мы позвали тебя не для обсуждения своих проблем. Мама хочет тебя спросить... – Он выпустил воздух сквозь сжатые зубы. – Не так! Мы оба хотим спросить: ты полетишь с ней или останешься?

Кэт положила ладонь ему на руку, решив переговорить с Лилибет с глазу на глаз.

– Тебе всё-таки придётся выйти. Пожалуйста, закажи такси.

Глава 13.3

Мэтт с недоумением смотрел в карие глаза. Его удивляла иррациональность брюнетки. Она вообще когда-нибудь ду-

мает о последствиях своих поступков?

– Хочешь поехать в аэропорт, даже не справившись о наличии билетов? А если все рейсы заняты? Ты готова провести ночь на скамейке?

– Не стоит утрировать. Переночую в гостинице. Но не думаю, что билетов не будет. Рождество уже наступило, и только в крайней необходимости кто-то полетит в день праздника.

Девочка стояла совершенно растерянная, с тревогой всматриваясь в лицо матери.

– А у нас что, острая ситуация? Ты чего-то недоговариваешь, пытаешься что-то скрыть? – Лилибет побледнела. – Джон серьёзно болен? Это вовсе не простуда?

Кэтлин прижала её к себе и глазами указала Вуду на дверь.

– Я всё-таки позвоню в аэропорт и узнаю о билетах, если ты не передумала, конечно. – Он дождался кивка брюнетки в ответ и вышел.

Она отпустила дочь. Заглянув в испуганные зелёные глаза, взяла за руку и подвела к креслу. Ноги дрожали, в голове путались мысли, однако объяснить хоть как-то свой отъезд было необходимо. Кэт присела в кресло и потянула девочку, усадив, как в детстве, себе на колени.

– Я не могу здесь оставаться, как и не могу объяснить причину.

– Не хочешь? – Лилит с сочувствием и пониманием смотрела на мать. – Случилось что-то неприятное и непоправимое.

мое?

– Можно и так сказать, – нервно бормотала она, с трудом подбирая слова. – Хотя нет, исправить не воспрещается всё и всегда, и произошедшее между нами с папой – не исключение. Но причина серьёзная, поверь.

– Он тебя обидел?

Кэтлин с трудом сдерживала слёзы, боясь испугать Лилибет рвущейся наружу истерикой. Неужели ей придётся оставить ребёнка в Вашингтоне одного? И это желание найти виновного и защитить мать... Её серьёзная дочь, всегда пытающаяся докопаться до истины.

– Нет, не он. Скорее, это я сейчас всех обижаю отъездом.

– Так не делай этого!

Брюнетка тяжело вздохнула:

– Миленькая моя, я не могу тебе всего объяснить. По крайней мере, сейчас. Мне просто необходимо уехать – или сорвусь. И тогда всё станет намного сложнее.

– Но ты вернёшься? – В глазах девушки читалась мольба.

Преодолевая себя, Кэт улыбнулась.

– Ты так говоришь, будто я бросаю тебя. – Она внимательно смотрела на дочь, и та, не выдержав пристального взгляда матери, опустила глаза. – Я так поняла, ты остаёшься?

Лилит промолчала, но Кэтлин и без слов уже знала ответ на свой вопрос. Сердце щемило от тоски, однако невозможно вечно удерживать дочку возле себя. Как же быстро она выросла...

– Я сама когда-то вот так же с первого взгляда влюбилась, но этой любовью сломала себе жизнь.

Лилибет подняла взгляд – и брюнетка пожалела о произнесённых словах.

– Только не вини себя! Ты – самое лучшее, что было, есть и будет в моей жизни! Я просто хочу уберечь тебя от своих ошибок. Не нужно безоглядно отдаваться чувствам – лишь об этом хочу предупредить!

– Мам, я не маленькая. – Улыбнулась девочка, не раз доказывавшая правдивость этих слов. – Мне уже шестнадцать, и голова на плечах. Не бойся! Чайтон меня не обидит. Я чувствую это вот здесь, – она дотронулась до груди. – Не знаю почему, но я ему верю.

Кэт улыбнулась и сильнее прижала дочь, глубоко вдыхая аромат родного человечка.

– Конечно! Ты не маленькая и не такая глупая, какой была я в твоём возрасте, но на то и нужна мама, чтобы предупредить о возможных последствиях необдуманных поступков. – Она заглянула в глаза Лилибет. – Может быть, всё же поедешь со мной?

– Нет. Раз ты разрешаешь остаться, я ещё немного погощу у отца. Да я и город не видела, кроме выставки и нескольких магазинов, куда заезжали с Одри. – Девушка широко улыбнулась: – Она клёвая!

Кэтлин кивнула:

– Я знаю!

– И отец тоже.

– И это знаю.

– Тогда почему уезжаешь? Это больше похоже на бегство. Мэттью точно не причинил тебе зла?

Лилит всматривалась в лицо матери, пытаясь понять, что стало причиной отъезда. Не скрывает ли она что-то страшное? Что мог сделать такого отец, что она, как и много лет назад, спасается бегством?

– Ты должна рассказать мне правду!

– Нет, я не от Мэтта бегу, а от самой себя. И расскажу, почему, – Кэт дотронулась до носа дочери губами, – когда-нибудь, но не сейчас!

Она с любовью и сожалением смотрела в наполнившиеся слезами глаза ребёнка.

– Ну же, девочка моя, ты всегда была намного сильнее меня. Это не конец света. Всё у нас наладится.

– Я хочу, чтобы ты была счастлива!

– Я тоже этого хочу, но главное для меня – знать, что счастлива ты. – Кэтлин убрала вечно выбивающуюся рыжую прядку за ухо Лилибет. – Скажи, ты рада, что обрела папу и новых родственников?

– Очень!

– Ты простишь меня когда-нибудь за то, что молчала о них все эти годы?

– Уже простила. Я не вправе судить никого из вас.

– Спасибо, зая. Вот и этот мой поступок прошу про-

стить. – Паркер немного помолчала, размышляя, стоит ли говорить дочери всю правду, но так и не осмелилась. – Есть обстоятельства, на разрешение которых понадобится время.

Лилибет хотела ответить: «Знаю я об этих обстоятельствах!» – однако промолчала и согласно кивнула.

– А теперь позови отца и, пожалуйста, никому ничего пока не говори.

– Хорошо. – Девочка прижалась лицом к пахнущей клубникой макушке матери. – Я люблю тебя, ты же знаешь?

Брюнетка уткнулась лицом в тёплый бок дочери.

– Знаю. Прости меня, глупую, за всё. Ты – самое лучшее, что я сотворила на этом свете.

– Ничего не понимаю... – Одри озвучила мысли всех присутствующих в просторной гостиной.

– А я ничего не могу сейчас объяснить.

Кэтлин почувствовала крепкую руку, лёгшую на талию, но не стала отталкивать ладонь, придающую хоть какую-то уверенность. Она обернулась и с благодарностью улыбнулась, пытаясь не разреветься и казаться сильной, однако Мэттью заметил, как предательски дрожит её подбородок, и прошептал:

– Успокойся. Я всегда поддержу любое твоё решение. Я обещал сделать всё, что от меня зависит, чтобы не причинять тебе больше боли, и не сдержал слово.

Горячее дыхание обожгло ухо Паркер – и снова предательская волна дрожи пробежала вдоль позвоночника. Её совсем

не радовала реакция собственного тела.

Вуд опустил руку и осторожно прикоснулся пальцами к узкой холодной ладони беглянки.

– Прости. Но с этого момента я попытаюсь сделать всё, чтобы исправить причинённую боль.

Он нежно улыбнулся женщине, которая уже через несколько минут покинет квартиру, однако навсегда останется в его жизни. Мэтт почему-то был абсолютно в этом уверен. Она не сказала решительного «нет» их будущему, и он сделает всё для того, чтобы оно состоялось.

Агент взял её ладонь, Кэт не стала вырываться. Чувство надёжной силы, исходящее от стоящего рядом широкоплечего мужчины, рождало желание верить, что в этот раз он говорит правду, а значит, и её слова не окажутся ложью.

– Я приняла решение.

Брюнетка тяжело вздохнула, и Вуд сжал её пальцы, призывая к спокойствию. Каждое слово отдавалось болью ожидания в лицах любимых людей.

– Я улетаю сегодня в Финикс, одна. Мне нужно время, чтобы всё обдумать. Я не прощаюсь навсегда и не спасаюсь бегством, как в прошлый раз. Больше этого не произойдёт. Лилибет останется с Мэттью на время каникул.

Кэтлин заметила, как просветлела Бренда, а Харрис с бесстрастным выражением лица сжал ладонь жены, продёрнутую через его согнутый локоть.

Чайтон смотрел в глаза любимой. Она пробыла в спальне

с Кэт добрых полчаса и как бы сейчас ни храбрилась, припухшие от слёз веки и дрожащие губы выдавали царившую в душе сумятицу.

Лилит хотела бы поддержать мать и уехать, но не могла сделать этого. Не желала бросать людей, с такой радостью принявших её в свою семью, не имела права оставить отца, понимая, что тогда шанс на примирение родителей уменьшится вдвое.

Девушка знала об одной очень важной причине, не позволяющей мисс Паркер бросить всё в Финиксе и остаться в Вашингтоне, знала тщательно скрываемую ото всех тайну матери, но ни разу не сказала ей об этом.

– Мэттью отвезёт меня в аэропорт. – Кэтлин уперлась взглядом в лицо подруги. – Хочу пригласить всех в Финикс. Буду рада показать город и познакомить с Ритой и Джоном.

Её слова вызвали лишь слабую улыбку у Одри.

– Вылет в девятнадцать десять. У нас всего час на сборы и прощание.

– Мы проводим тебя.

Брэндон улыбнулся после слов жены: она могла смело говорить от лица обоих. Если когда-нибудь точно так же станет делать Кэт, он будет рад. Друг заслуживает семейного счастья, которого до сих пор был лишён.

– Мы тоже. – Харрис достал из кармана сотовый и вышел из комнаты.

Через несколько минут он вернулся.

– Я заказал лимузин, там все спокойно уместимся.

– Я не пил спиртное и могу сесть за руль, если кому-то не нравится езда со скоростью неповоротливой коровы. Машина внизу, – не остался в стороне Ридж и посмотрел на Лилибет, давая понять, кому в первую очередь адресовано его приглашение. – Я тоже поеду в аэропорт.

Девочка благодарно улыбнулась.

На некоторое время образовалась неловкая тишина. У каждого имелись вопросы, задавать которые сейчас было бы полной бестактностью. Для всех, но не для Одри. Она тряхнула головой, и заколка, сдерживающая копну чёрных волос, сорвалась и отлетела в сторону, просвистев буквально в миллиметре от переносицы Брэндона. Он вздохнул: уж кому, как не ему знать, что от Тайфуна невразумительными объяснениями не отделаться.

Пигалица с обидой в голосе произнесла:

– Что ж, раз никто ничего не желает нам рассказать, то...

Холл притянул жену, не дав договорить, и чмокнул в губы, а затем прошептал на ухо:

– Не нужно! Посмотри, на обоих просто лица нет. – Он поцеловал пульсирующую на виске голубую жилку, погладил рукой по худенькой напряжённой спине. – Оставь обиды, пожалей брата.

– Я только тем и занимаюсь второй день подряд, что всё на потом откладываю, – прошипела в ответ Одри. – Ты же знаешь, я могу взорваться.

Она вскинула голову, заглянув в голубые, светящиеся любовью глаза мужа.

– Сделай это дома, пожалуйста, – уговаривал он. – Я в полном твоём распоряжении. А сейчас возьми себя в руки. – Брэндон потёрся носом о маленький носик любимой Занозы. – Хорошо?

– В тебе пропадает переговорщик. Вам с Мэттом нужно поменяться профессиями, – нехотя согласилась и проворчала напоследок миссис Холл, затем, сменив гнев на милость, улыбнулась и уже совсем другим тоном обратилась к брату: – Можно нам с Кэтлин пошептаться? Или вам тоже нужно поговорить наедине?

Паркер с благодарностью посмотрела на Брэндона; она не расслышала, что сейчас тот сказал своей жене, но настроение подруги явно переменилось. Брюнетка не хотела истерики, а именно это и произошло бы, узнай Одри правду о случившемся в спальне.

– В порядке очереди. – Агент обратился к Кэт: – Уделишь мне несколько секунд?

– Конечно!

Он повернулся к сестре:

– Заноза, только не замучай её разговорами. Нужно успеть собрать вещи.

– Сам не мучь. Я как раз таки в этом и хочу помочь.

Под воцарившуюся в комнате тишину Мэттью с Кэтлин вышли из гостиной.

– Я хотел уточнить: что говорить Одри о твоём отъезде? Не хочу делать её виноватой.

– И я не хочу. Ты читаешь мои мысли.

Он усмехнулся и сунул руки в карманы брюк, борясь с непреодолимым желанием дотронуться до Паркер.

– Я же говорил, что у нас намного больше общего, чем ты думаешь. Из нас получится отличная пара.

Простонав, она прервала очередную попытку Мэтта доказать, что они созданы друг для друга.

– Пожалуйста, прекрати! Если бы не моё истерическое состояние, я, наверное, рассмеялась бы. – Брюнетка подняла на него взгляд и медленно прошептала: – Я ничего не обещаю, ни-че-го! Ни плохого, ни хорошего, ни «да», ни «нет», только подумать и дать шанс!

– Я всё понял.

– Надеюсь на это. А теперь мне и правда нужно собираться.

Кэтлин тяжело вздохнула. События последних дней высосали из неё все жизненные силы. Она устала спорить, оправдываться, объяснять и уже мечтала, оказавшись дома, упасть на кровать в своей уютной спальне и проспать пару суток подряд.

Вуд потянулся к брюнетке, словно собирался поцеловать. Она приготовилась к сопротивлению, но в это время в его кармане завибрировал телефон. Он достал мобильный, взглянул на дисплей, затем отвернулся и, пообещав прислать

Одри, вышел.

Кэт успела расслышать лишь несколько слов, произнесённых им в айфон:

– Здравствуй, Алан. Решил поздравить меня с Рождеством?

В комнату вошла Холл и плотно прикрыла за спиной дверь.

– Ну, что случилось, подруга? Что опять учудил мой братец? Рассказывай.

Кэтлин усмехнулась. Если бы Заноза знала, что и кем оказалось сделанным не так.

– Всё нормально, просто мне нужно время. – Она открыла сумку и начала аккуратно складывать подаренные вещи.

– Он сделал тебе предложение? – Одри взяла беглянку за руку, пытаясь поймать её взгляд.

– Да, но я же говорю: нужно время всё хорошенько обдумать. – Она оторвалась от работы и посмотрела в зелёные глаза. – Мэттью тут ни при чём.

– А бежать вот так, в разгар праздника, обязательно? – сестра агента пыталась сказать это как можно мягче, но не получилось; обидой и болью была пронизана сама интонация вопроса.

– Да! Иначе я этого бы не делала. – Паркер начинала раздражать необходимость всем всё объяснить. Полдня оправдывалась, вторую половину – объясняет...

Глава 13.4

Оказалось, лучше всего её желание как можно скорее покинуть Вашингтон понял именно Мэтт, хотя он единственный знал всю правду. Однако то, что сейчас происходило между ними, касалось их двоих и дочери. Все остальные не имели права влезать в их и без того очень сложные отношения. Но как донести всё это до подруги, не вызвав обиды? Сможет ли она понять без рассказа о той коробочке и записке, лежащей в ней?

– Давай договоримся так: сейчас мы не станем с тобой ничего обсуждать. Представь, что я приехала к вам в гости и привезла с собой дочь, девочку, любить или не любить которую вы имеете точно такое же право, как и мои родственники. Но вот навязывать мне любовь её отца не нужно!

Кэт помолчала, позволяя Одри переварить и принять услышанное.

– Во всём, что касается нас с Мэттью, мы разберёмся сами, хорошо? Я не просила помощи ни у кого из вас семнадцать лет назад, как бы сейчас об этом ни жалела, но и теперь просить её не стану! Я приняла решение, мы всё обговорили, и он поддержал меня. Ничего исправить или поменять ты не сможешь!

Она видела, как насупилась Заноза. В их давней дружбе лидером всегда была воинственная пигалица, однако они выросли, и Одри должна понять, что влиять на неё, как прежде, не удастся. Можно принимать новую Кэтлин или нет, но да-

вить не получится.

Заметив в зелёных глазах слёзы, она смягчила тон:

– Я не хочу терять в твоём лице подругу! Не становись сейчас сестрой любимого прежде мною парня, останься неугомонной, верной Одри, как было раньше, иначе я не смогу тебе полностью доверять.

В глазах Паркер читалась надежда на то, что её смогут понять.

– Забудь на секунду, что Мэттью твой брат, и встань на моё место со всем тем дерьмом, в которое мне пришлось окунуться. Ты бы осталась в его квартире и согласилась через сутки после неожиданной встречи стать его женой? Связать свою жизнь с мужчиной, из-за которого вот так кувырком всё в твоей судьбе? Остаться в квартире, где каждая вещь пропахла Лесси?

Холл долго молчала.

Кэт уложила вещи, поправила макияж и причёску перед зеркалом. Лёгкая припухлость вокруг глаз – всё, что осталось от случившейся днём трагедии. А может быть, не трагедии вовсе, а очищения?

Возможно, теперь она наконец отпустит прошлое, приняв, что во многом из произошедшего есть немалая доля собственной вины. Не только ей сломали жизнь, она сделала то же самое с Райт. Хватит искать виноватых там, где их нет. Обманули не только Кэтлин – она сама стала частью огромного обмана. Прятаться и бояться больше не станет, как и

играть на чужих условиях.

Паркер поправила пояс юбки и обернулась.

– Ты действительно стала совсем другой. – Одри поднялась и обняла уверенную в себе, молодую и красивую женщину. – Я согласна с твоим решением. Сама поступила бы так же. Только не пропадай надолго, ладно? – (Беглянка кивнула.) – Знаешь, мне очень нравится новая Кэт!

– Самой нравится, но, поверь, я стала такой буквально час назад. – Заметив недоумение в зелёном взоре, Паркер улыбнулась: – Не внешне, нет. Что-то произошло вот здесь, – прижала ладони к груди она, – внутри. Как будто я отпустила на волю часть себя. Мне от этого намного легче.

Кэтлин заглянула в глаза Занозы.

– Ты поддержишь меня?

– Конечно! Что ж, есть повод выпить, и нужно выдвигаться, – улыбнулась Одри. – Нам не сидеть за рулём – можем позволить себе напиться.

Приобняв друг друга за талии, женщины вышли из спальни.

Кэт обвела гостиную взглядом. Мэтта в комнате не было. Она услышала его голос, доносящийся из кухни; очевидно, он всё ещё говорил по телефону. Паркер следом за подругой прошла к столу, за которым сидели все, кроме агента. Еда успела остыть, да и веселья не наблюдалось.

– Так, чего скисли-то? Меняем похоронное выражение лиц на праздничное! Никто в этом доме не умер. – Улыбаясь,

Одри смотрела на мужа и родителей. – Кэтлин всё объяснила. У неё срочное, неотложное дело в Финиксе, о котором она со всей этой кутерьмой совершенно забыла!

Брэндон обхватил рукой бёдра жены и попытался усадить её на стул.

– Детка, не кажется ли тебе, что она сама может всё нам рассказать?

Одри крутанулась, пытаясь освободиться из крепкого захвата.

– А нечего тут говорить! Я уже всё сказала. Предлагаю тост на дорожку! Наполните фужеры.

Она обвела взглядом сидящих за столом. Заметив, что в бокале Чайтона апельсиновый сок, пигалица усмехнулась.

– Не хватает драгоценного братца, ну да не беда. Нам не привыкать, что он часто занят, – Холл мотнула головой в сторону кухни. – Тем хуже для него. Так вот, тост. Хочу, чтобы мы ещё не раз и не два собрались все вместе в доме Мэттью. Хочу, чтобы у Кэт все дела разрешились самым лучшим образом.

Она коротко хохотнула и посмотрела на подругу:

– Можешь считать меня эгоисткой, но лучшим для нас!

Паркер улыбнулась. Не вставить этих слов Заноза просто не могла.

– И чтобы она поскорее вернулась в Вашингтон. Работу мы ей подыщем, правда, папа? – (Харрис согласно кивнул.)
– А мы станем ждать и верить, что именно так и будет! –

Одри повернулась в сторону кухни: – Мэтт, где ты там?! Я уже полчаса тост тяну! Присоединяйся скорее!

Агент появился в дверях. Он выглядел расстроенным и растерянно запустил руку в волосы, перед тем как посмотреть на Кэтлин.

– Я не смогу тебя проводить. Может быть, успею к посадке, но сейчас я должен уехать.

– Что-то случилось? Не молчи, всё равно узнаем из новостей. – Миссис Холл оказалась самой нетерпеливой.

Мэттью по-прежнему смотрел на Паркер, наблюдая, как постепенно бледнеет её лицо. И вот так будет каждый раз. Вправе ли он втягивать её и дочь в такую жизнь?

– Об этом уже говорят по всем каналам. Произошло вооружённое нападение на дом посла Чехии.

Бренда попыталась встать из-за стола, чтобы подойти к сыну, но Харрис, положив тяжёлую руку на колени жены, не позволил. Мэтт давным-давно не ребёнок, и пора привыкнуть к тому, кем и где он работает.

Но она всё равно задала нелепый вопрос:

– А при чём тут ты?

В глазах матери стоял страх, и агент был вынужден объяснить:

– Похоже, это люди из группировки, деятельностью которой занимается наш отдел второй месяц. В заложниках семья посла: трое взрослых и двое детей. Мальчик пяти лет и девочка, которой всего два года.

Он с сожалением смотрел на расстроенные лица родственников.

– Мам, не переживай, это моя работа. Видно, Бог решил, что это Рождество я должен провести вот таким образом – спасая людей. Извините, но тост мне придётся пропустить. Нужно собраться.

– Как встретишь Рождество...

– Типун тебе на язык! – махнула рукой на дочь Бренда.

Мэттью развернулся и отправился в свою комнату. Привычными, выработанными за долгие годы жестами он открыл сейф, достал и нацепил наплечную кобуру, вынул пистолет, вытащил и вставил патронник, передёрнул ствол, дослав патрон. Вуд поставил оружие на предохранитель и вложил назад в кобуру.

Решив, что лучше сменит одежду, он скинул любимый синий пиджак, в карманы которого снова убрал коробочки с кольцами, не желая прикасаться к ним, и достал вешалку с тёмно-серым костюмом. Пришлось переодеть и брюки. На всё ушло не более десяти минут.

Мэтт вышел в коридор, где по всеобщему молчаливому согласию его ожидала только Кэтлин.

Виновато пряча взгляд, она попыталась объяснить:

– Я не могу пропустить рейс...

Он не дал ей договорить, а обхватил бледное лицо ладонями и заглянул в бездонные карие глаза. Сердце агента сжалось в тревожном предчувствии. Он провёл большим паль-

цем по гладкой щёчке Паркер, в любви к которой был совершенно уверен.

– Не нужно извинений, я всё понимаю. Хочу услышать лишь одно: наш договор в силе?

Сглотнув подкативший к горлу ком, Кэт коротко ответила:

– Да!

Мэттью собственническим жестом положил руку ей на спину, притянул к себе и впился в мягкие губы. Кэтлин не ожидала подобной атаки и не успела вовремя среагировать. Обмякшее тело обдало жаром, по позвоночнику прошлась ставшая привычной дрожь, ноги подкосились. Раздвинув податливые губы, он коснулся языка брюнетки, втянул его в рот и слегка пососал. Кэт ощутила слабый запах виски, смешанный с ароматом его дыхания, и прильнула к Вуду грудью в ожидании долгого поцелуя, не в силах сопротивляться.

Почувствовав, как желание начало концентрироваться внизу живота, он застонал (почему поцелуй с этой женщиной мгновенно вызывает в теле столь острую реакцию?) и оторвался от губ Кэтлин. Мэтт прижался щекой к нежному лицу, потёрся о висок носом, втянув запах её волос. Аромат яблока с клубникой наполнил ноздри, вызвав совершенно неуместные сейчас воспоминания. Он с трудом заставил себя отстраниться.

Паркер невольно вздохнула и, недовольная собственной податливостью, раздражённо пробормотала:

– Чёрт...

– Только не начинай ворчать. Я всё равно сделал бы это в аэропорту.

Едва удерживаясь на ставших ватными ногах, она ошарашено посмотрела в глаза агента и тут же ринулась в словесный бой:

– Скажешь, что я сама была не против или что мне это понравилось, – и я залеплю тебе пощёчину.

– Зачем мне что-либо говорить? Ты сама всё знаешь. – Заметив, как щёки брюнетки залила краска, Мэттью усмехнулся: – Давай оставим игры в разборки на потом. Сейчас не время.

Он громко позвал:

– Лилибет, дочка!

Девушка тут же появилась в коридоре, как будто дожидалась приглашения за дверью; за её спиной стоял Чайтон.

Вуд достал из кармана пальто ключи, переданные через консьержа Лесси, и вложил дочери в руку.

– Если я не успею в аэропорт, жди меня дома.

Он чмокнул Лилибет в лоб и, заметив тревогу в зелёных глазах, поспешил успокоить:

– Ситуация штатная, всё под контролем. Не переживай за меня. – Эти слова Мэтт адресовал не только девочке, но и дышавшей в спину Кэтлин. – Сейчас подъедут члены нашей команды – и мы быстро во всём разберёмся.

– Моя помощь потребуется? – Ридж шагнул вперёд.

Мэттью улыбнулся и кивнул.

– Не хотел портить праздник, но если ты сам желаешь помочь, буду благодарен. Я немного выпил. Подвезёшь до места? Не хочу ждать Брюса, дорога каждая минута.

– Конечно, не вопрос. Если я нужен, то позвоню Алану. – Индеец протянул руку к вешалке, снял пальто и обернулся к Лилит: – Не волнуйся! Я пригляжу за твоим отцом.

Вуд покачал головой. Вот так и он когда-то рвался в бой, не думая об опасности и последствиях. Эх, молодость...

– Лилибет, дочка, не переживай. Я прослежу за ним. – Он широко улыбнулся, пытаясь успокоить своих женщин. – Вот такой двойной присмотр получается.

Стажёр чмокнул насупившуюся девушку в щёчку и первым шагнул за дверь. Мэтт чуть задержался.

Он одарил любимых девочек уверенной улыбкой и пообещал Кэт:

– Я постараюсь успеть в аэропорт до посадки. Если не получится – позвоню. Но в любом случае в пятницу жди меня в Финиксе. – Не услышав возражений, Мэттью снова улыбнулся и добавил: – Надеюсь, на улицу ночью не прогонишь?

– Не прогоню... – Голос боровшейся с желанием разрешиться брюнетки дрожал.

Агент остался доволен ответом.

– Mam, я позвоню! – крикнул он и вышел из квартиры, по привычке захлопнув дверь кончиком ботинка.

Кэтлин торопливо шагала в направлении стойки регистрации, решив больше не оглядываться назад. Прощание с дочерью, Одри и Брендой было нелёгким. Она промокнула глаза бумажной салфеткой, убирая остатки слёз.

Паркер до последней минуты ждала Мэтта, но ни он, ни Чайтон даже не позвонили. Лилибет старалась не выказывать волнения, но тревожные взгляды, бесконечно бросаемые ею то в глубь зала аэропорта, то на дисплей телефона, говорили сами за себя. Тяжело ожидать любимых, мучаясь неизвестностью...

Поймав себя на мысли о множественном числе этого слова, Кэт усмехнулась.

Через полчаса она сидела у иллюминатора, с надеждой вперив взгляд в очертания залитого светом здания аэропорта Даллес. Кэтлин гипнотизировала стеклянные стены, пытаясь высмотреть сквозь прозрачную преграду близких сердцу людей.

Вуд так и не появился...

Непонятная тоска, обильно приправленная волнением, заполнили душу, отдаваясь тревогой в сердце. Брюнетка впервые надолго расставалась с дочерью. Прилетели вместе на три дня, а улетает одна, оставляя в Вашингтоне не только ребёнка, но и что-то ещё, огромным куском вырванное из кровоточащей души. То, что столько лет не давало стать по-настоящему счастливой, жить полной жизнью, без оглядки на прошлое строить планы на будущее.

Новые возможности? Любовь? Кэт оставляла дорогих ей людей, увозя надежду с собой. Веру во что? Да в ту же любовь! И одна часть разорванного пополам сердца едет сейчас в дом своего отца, а другая...

Мрачные мысли лезли в голову, в животе образовывалась неприятная пустота. Она выпила предложенной стюардессой воды, пристегнулась ремнём безопасности и через некоторое время после взлёта забылась тяжёлым сном.

Спустя три с половиной часа самолёт пошёл на снижение.

Финикс встречал Паркер ночной иллюминацией, а аэропорт Скай-Харбор – прохладой.

Ещё находясь в Вашингтоне, она сделала пару звонков. Джон с Ритой приземлились раньше на шесть часов и ожидали дочь дома.

Кэтлин едва сошла с движущейся дорожки траволатора, как раздался звонок сотового. Она достала плоский, издающий мелодичные звуки прямоугольник из сумочки и приложила к уху. Услышав в трубке мягкий приятный баритон, брюнетка непроизвольно улыбнулась.

– Привет, малыш. Я жду у выдачи багажа. Я очень скучал без тебя...

Чуть помедлив, Кэт ответила:

– Я тоже, Бейн, я тоже.

Нажав на красную кнопку сброса, она тяжело вздохнула.

Глава 14.1

Пип... пип... пип... пип... пип...

Это начинало раздражать, так же как и боль в висках, и сухость во рту, и... Почему он не может пошевелить левой рукой?

Вуд попытался разлепить тяжёлые, словно налитые свинцом, веки. После нескольких попыток ему это удалось. Взгляд упёрся в белый потолок с огромной трещиной в форме разряда молнии. Вот такие же сгустки электричества периодически били по вискам.

Мэтт с трудом повернул голову налево. Монитор. «Так вот что производит этот противный звук».

Биение его собственного сердца, зелёным графиком выстроенное на экране. Капельница, вставленный в вену катетер. Маска ИВЛ на лице. «Господи, да что тут происходит?! Что со мной?»

Яркая вспышка пронзила голову, и картинки заплясали в напичканном анальгетиками мозгу. Всё пошло кувырком с самого начала...

Полиция не дождалась представителя ФБР и бойцов SWAT и стала действовать самостоятельно. И кто-то за это должен ответить. Однако это не возвратит жизнь погибшей в перестрелке горничной, не оживит тех шестерых налётчиков, по крайней мере, двое из которых недавно примкнули к банде; их ещё можно было исправить. Не вернёт...

«Боже! – Виски сдавило новым приступом боли. – Чайтон!»

Мэттью пытался восстановить события по крупицам: «Так, что имели на момент прибытия?»

Заблокированные в доме преступники не стали выдвигать никаких требований, кроме как дать им свободный выход, в противном случае пообещали расстрелять всех заложников. Через десять минут после переговоров с полицией на улицу выбросили мёртвое тело немолодой женщины в одежде горничной, убитой выстрелом в голову.

Кровавый жест, подтверждающий серьёзность угроз. Хладнокровно пристрелить годящуюся в матери женщину могли только полные отморозки, либо бандой руководил промышляющий убийствами рецидивист.

Они со стажёром подъехали как раз в том момент, когда труп грузили в скорую.

Через пару минут один из налётчиков под прикрытием шквального огня, ведущегося из окружённого дома, и ответного, открытого полицией, попытался скрыться через чёрный ход. Возле которого в тот миг и находились они с Риджем. Бандит успел нажать на спусковой крючок...

Вуд помнил пронзительную боль в левой руке, звук глухого удара от упавшего рядом Чайтона, задетого автоматной очередью. Помнил цвет глаз убитого им преступника; жестокий холодный взгляд лежащего на земле человека, возле которого через мгновение рухнул он сам. Острая боль в висках от удара головой обо что-то твёрдое, белая пелена перед глазами и... больше ничего.

Отчего всё пошло не так? Ответ предстояло узнать, так же как и фамилию полицейского, открывшего огонь по особняку – дому посла, зданию, находящемуся в юрисдикции федералов, так и не успевших начать операцию по спасению заложников.

Почему Мэтт сам решил войти в дом, не дождавшись остальной группы? Отчего рядом с ним оказался стажёр Ридж? Потому что они не смогли дозвониться до Алана, потому что... он не сумел, не успел ничего организовать. Часть вины теперь лежит на нём, специальном агенте Вуде, и ему придётся ответить, и будет счастьем, если парень жив и серьёзно не пострадал.

Виски снова пробила боль. Ещё придётся отвечать перед дочерью, а ещё... «Кэтлин».

Мэттью пошевелил пальцами правой руки – они послушно двигались. Он поднял руку, стянул с лица маску и вдохнул пахнувший медикаментами тёплый воздух комнаты.

– Сестра! – огласил палату слабый вскрик, больше похожий на скрип рассохшейся двери.

Мэтт прокашлялся и уже более уверенно позвал:

– Сестра! Эй, кто-нибудь!

Дверь отворилась, и на пороге показалась симпатичная блондинка в белом халате и медицинской шапочке поверх стянутых в узел волос. Она с читающей в голубых глазах тревогой подошла к постели.

– С вами всё в порядке? – Медсестра посмотрела на мо-

нитель и, очевидно, оставшись довольной показателями, широко улыбнулась: – С возвращением!

– Спасибо. – Вуд чуть не добавил: «И вас тоже». Мысли по-прежнему путались, с трудом складываясь в слова. – Я давно тут лежу?

Девушка снова улыбнулась:

– Нет. Всего лишь сутки.

Он попытался привстать, опираясь на локоть, но задел больной рукой за край кровати, вскрикнул от боли и рухнул назад на подушку.

– Вам лучше не шевелиться, пока не сменили повязку.

– Это я уже понял. Что со мной?

– Сейчас придёт врач и всё объяснит. Вас прооперировали. Проникающее пулевое ранение, но кости, на ваше счастье, не задеты. Пулю достали из мягких тканей плеча. – Пытаясь сделать положение пациента более удобным, она поправила подушку. – Жить будете, до свадьбы всё заживёт!

– Да, я везунчик...

Свадьба... Взгляд Мэттью заметался по комнате в поисках телефона. Он должен позвонить Кэт. Лишь бы этого не сделали до него: не нужно пугать и без того обеспокоенную женщину.

Вуд застонал. «Откуда эта пульсирующая боль?» Он поднял руку и прикоснулся кончиками пальцев к шершавой ткани. Бинты, повязка...

– А что с моей головой?

– Ничего страшного, – ответил со стороны двери мягкий баритон, – царапина. Вы ударились о камень. Лёгкое сотрясение, возможно, останется небольшой шрам.

Мужчина средних лет приблизился к постели Мэтта.

– Вы легко отделались.

– А кто не «легко»? – Мысли снова вернулись к стажёру. Почему-то похолодело в груди. – Скажите, что с моим напарником? Чайтон Ридж. Он тоже в вашей больнице?

– Да. У него одно проникающее и два сквозных ранения ног. Его тоже прооперировали.

Мэттью глубоко вздохнул: «Слава богу, жив!»

– А вот волноваться не нужно. – Доктор кивнул на выход и с сожалением произнёс: – К вам посетители...

– Родственники? Так впустите их!

– Не только они. – Он посмотрел в глаза Вуда. – Там люди из ФБР, и они просили сообщить, когда вы сможете говорить. Вам зададут несколько вопросов, – врач опустил взгляд в пол, – и сделать это хотят до того, как вы переговорите с родными.

– Я готов.

Мэтт снова попытался присесть. В этот раз ему помогла медсестра, приподняв кровать, и вложила в здоровую руку раненого пульт управления.

– Тут всего две кнопки. – Она провела по ним пальцем. – Синяя – вверх, красная – вниз.

Он заглянул в голубые глаза, благодарно улыбнулся – и

щёки блондинки начали приобретать цвет кнопки, что могла вернуть постель в положение «вниз». Даже с повязками на голове и плече улыбающийся Мэттью оставался неотразимым.

Агент усмехнулся про себя. А вот женщина, которую он хочет добиться, думает совершенно по-другому, и на неё его улыбки больше не действуют.

Мэтт обернулся к доктору:

– Можно сделать звонок? – Он посмотрел на прикроватную тумбочку. – Или мой телефон остался в вещах?

Врач выдвинул ящик и достал айфон.

– Можно. Доктор Вуд попросил принести его в палату. – Он оглянулся на дверь. – Так я могу пригласить агентов?

– Конечно. Но дайте мне пять минут на личный разговор. – Пациент уже набирал найденный в справочнике номер.

Врач с медсестрой вышли, оставив больного одного.

Ответила Кэтлин не сразу.

– Мэттью? – Встревоженный голос принадлежал запыхавшейся брюнетке.

«Интересно, чем она была занята?»

Ревнивые мысли из головы вытеснили излишне громко протараторенные вопросы Кэт:

– Скажи, что происходит? Лилибет утверждает, что ты до сих пор на задании, но почему так долго?

Уже более ровно, явно приказав себе успокоиться, она

проговорила:

– Хорошо, что Одри осталась в твоей квартире, – и с замиранием добавила: – Что-то случилось?

– Нет, всё в порядке! Задание оказалось сложным, не мог позвонить, а сейчас занимаюсь бумажной работой: готовлю отчёт. Как долетела? Всё хорошо? – Он расслышал вздох облегчения. – Всё остаётся в силе? Ты готова к первому свиданию?

Паркер хмыкнула. Мэтт представил, как она ехидно улыбается, скривив правый уголок рта.

– Я готова, а ты?

– Тогда, конечно, если не трудно, – усмехнулся Вуд, – де-вушка, закажите столик в самом престижном ресторане Феникса.

Вступив в игру, Кэтлин ответила тоже на «вы»:

– В самом-самом? А вам это по карману?

Теперь уже хмыкнул он:

– Думаю, я в состоянии оплатить ужин на двоих.

Кэт замешкалась и ответила лишь спустя несколько секунд:

– Вот и славно. Значит, жду вас в пятницу... сэр. – Она рассмеялась в голос. – О месте и времени узнаете дополнительно!

Повисла неловкая тишина, каждый слушал прерывистое дыхание собеседника.

– Ты скучаешь по мне? – первым нарушил молчание Вуд.

– А ты?

– Некрасиво в который раз отвечать вопросом на вопрос, но я скажу: да, очень!

– Ты ставишь меня в неловкое положение. – Через пару секунд брюнетка произнесла: – Подразумевается, что я должна ответить так же?

– Нет. Хочу знать правду.

– Я волновалась.

– Я этому рад...

Мэттью хотел ещё что-то добавить, но дверь палаты отворилась, и на пороге показался одетый в чёрное человек. Счастливая улыбка мгновенно исчезла с лица раненого пациента. Он поморщился от внезапно вернувшейся боли, однако сумел сдержать стон.

– Я перезвоню позже, – холодным деловым тоном произнёс в трубку Мэтт и, не дожидаясь ответа, нажал на отбой.

Следом за первым фэбээровцем появился второй. Два блондина в одинаковых чёрных костюмах и чёрных же лаковых туфлях, прижатые удавками галстуков воротники накрахмаленных сорочек белым пятном впились в шеи. Не будь цвет глаз различным, Мэттью принял бы их за близнецов. «Господи, как некоторые любят штампы...»

Первым открыл рот кареглазый:

– Агент Вуд, мы из отдела внутреннего расследования. – Он сунул удостоверение в лицо раздраженного прерванным разговором Мэтта. – Специальный агент Йохансон.

Второй, голубоглазый, тоже представился:

– Специальный агент Бронкс. – Федерал показал значок, не тыкая им в нос, и Мэттью был несказанно благодарен за это; он в любом случае не мог различить букв: перед глазами всё расплывалось.

Второй раз в жизни его будет допрашивать внутренняя служба. В первый Вуд отделался выговором, но в этот раз вряд ли обойдётся столь безболезненно. Налицо нарушение устава и наличие неправомочных действий.

Он на мгновение закрыл глаза и подавил вздох. Если бы знать наперёд, к чему приведёт эмоциональный порыв, если бы дело шло не о детях... Дети. Повернись время вспять, ради них Мэтт снова бы ринулся под пули.

Фэбээровцы почти одновременно уселись на стоявшие у стены стулья, закинули ногу на ногу, перед этим одёрнув на коленях брюки, и достали блокноты.

«Просто сиамские близнецы. Никаких эмоций на каменных лицах, отработанные до автоматизма одинаковые жесты. Очевидно, эти двое не один год работают в тесной связке. – Мэттью с трудом подавил ухмылку. – А может, они пара? Хотя на влюблённых голубков не похожи. Только педиков мне сейчас не хватало...»

– Думаю, нет нужды говорить, чем вызван наш визит. – Голубые глаза изображали доверие.

Вуд кивнул, давая понять, что прекрасно знает, для чего эти двое пожаловали в палату коллеги по цеху.

– И всё же мы должны объясниться. – Кареглазый Йохансон любил всё выполнять правильно. – Вы нарушили устав. Не дожидаясь группы, без предварительных переговоров попытались проникнуть в помещение с заложниками, своими действиями поставили под угрозу не только вашу, но и их жизнь.

Специальный агент буравил тяжёлым взглядом зелёные глаза пришедшего несколько минут назад в сознание раненого.

– И жизнь стажёра, неизвестно по какой причине оказавшегося рядом с вами. – Он постучал обратной стороной авторучки по блокноту. – Вот, пожалуй, с этого и начнём.

– Что делал возле дома посла Чайтон Ридж? – задал вопрос Бронкс.

Мэттью прекрасно осознавал, что приплетать сюда сложные семейные отношения не стоит. Не хватало ещё, чтобы допрашивали родственников, но также понимал, что едва индеец придёт в сознание, допросу подвергнут и его. Он решил рассказать всё как есть, но опустить подробности и место встречи.

– Накануне Рождества мы вместе участвовали в операции по освобождению заложников. Я подвёз стажёра до дома после осмотра в клинике. Он кое-что оставил в моей машине и на следующий день вернулся забрать. В это время я и узнал о нападении на посольство и что именно моя группа будет участвовать в данной операции. Ридж во время звонка нахо-

дился рядом и предложил подвезти до места. Я не отказался.

Мэтт вздёрнул бровь.

– Надеюсь, информация о захвате заложников не являлась секретной для агента ФБР?

– Нет, не являлась. Об этом уже через полчаса разнюхали телевизионщики.

Блондины пристально вглядывались в глаза коллеги по службе, пытаясь определить, правдив ли он с ними.

– Почему стажёр вслед за вами попытался проникнуть в особняк?

Вуд усмехнулся.

– Наверное, так же как и я, решил спасти от перекрёстного огня тех, кого налётчики удерживали в доме.

– Вот с этого момента поподробнее. «Перекрёстного огня»?

– Не думаю, что вы не ознакомились с показаниями свидетелей и докладами полицейских.

– Мы задаём вопросы – вы отвечаете!

– Хорошо. К моменту нашего прибытия любые переговоры уже были невозможны. Ситуация вышла из-под контроля. Заложников начали убивать. На шквальный огонь окружённых в доме бандитов полицейские открыли ответную стрельбу. Каждая минута была на счету. Опасаясь за жизнь заложников, я решил проникнуть в дом со стороны сада.

Агенты делали быстрые пометки в блокнотах, внимательно следя за жестами, эмоциями и интонацией допрашивае-

мого.

– Что произошло при приближении к чёрному входу?

– То, что вам хорошо известно. – Мэттью сморщился от нового приступа боли. – Огонь по полицейским оказался отвлекающим манёвром. Из дверей выскочил вооружённый автоматом УЗИ преступник и, не раздумывая ни секунды, полоснул по нам с Чайтоном.

– Ваши действия?

– Начал стрелять на поражение. Успел сделать два выстрела, преступник упал.

Блондины одновременно улыбнулись, но тут же вернули бесстрастное выражение на лица.

– Надо сказать, все выстрелы попали в цель.

– На то и тренируемся, чтобы не выпускать пули напрасно. Стать агентом ФБР – стать во всём лучшим. – Если бы не напряжённость обстановки, Мэтт расхохотался бы над высокопарностью собственных слов.

Даже если дознаватели были того же мнения, на этот раз и тень улыбки не коснулась лиц не выражающих эмоций фэб-ээровцев: честь конторы превыше всего.

– Что было дальше?

– Я тоже упал, ударился головой обо что-то твёрдое и потерял сознание.

– Вы считаете, ваши действия не были провокационными? Не были ли выстрелы преступника ответом на ваш огонь?

– Я отлично помню, кто и когда начал стрелять. Уж поверьте, не позволил бы сделать из себя живую мишень, если бы имел малейшую возможность предотвратить его выстрелы.

– Какими были действия Риджа?

– Он не принимал участия в перестрелке. Чайтон, сражённый первой же очередью бандита, упал раньше меня.

– Вы считаете свои действия правомерными?

– Знаю, что нарушил инструкции, и готов понести наказание, но на тот момент это было единственно правильным решением. Я десять лет работаю в подразделении CID, шесть из них – в спецподразделении по освобождению заложников. Это не первое моё задание. Вина целиком и полностью лежит на преступниках, открывших огонь, и полицейских, ответивших на провокацию. Я знаю степень своей вины, за чужую отвечать не намерен.

– Вам пока никто не предъявляет обвинений. Мы проводим предварительные опросы. – Кареглазый немного помолчал. – И надеемся, что их не последует.

Агенты одновременно поднялись.

– Благодарим за сотрудничество. – Голубоглазый улыбнулся. – К вам там целая очередь из посетителей.

Они уже выходили в дверь, когда Йохансон оглянулся и попрощался улыбаясь:

– Выздоровливайте!

Мэттью было приятно осознавать, что в этот раз он ошиб-

ся. И хотя улыбки проверяющих никак не могли повлиять на выводы комиссии, видеть человеческие эмоции на лицах фэбээровских сухарей было приятно, тем более что сам Мэтт принадлежал к оным.

Не успела захлопнуться дверь за «близнецами», как на пороге появился пятящийся спиной доктор и заседающая на него Одри.

– Я вас попрошу!

– Нет, это мы вас попросим! – Глаза миссис Холл пылали праведным гневом. – Родне привнести радость жизни нельзя, а допрашивать можно?

Врач опустил руки и обратился к входящим в палату родственникам больного:

– Доктор Вуд, вам-то не нужно объяснять важность покоя для раненого пациента? – Он довольствовался кивком коллеги. – Десять минут, ни секундой больше! Нам необходимо провести процедуры.

Молодой эскулап проверил данные монитора, взглянул на глазные яблоки Мэттью. Оставшись довольным результатами беглого осмотра, он направился к выходу.

Врач приостановился на пороге и указал на часы:

– Десять минут!

Одри фыркнула в ответ, но, заметив в дверном проёме Брэндона, тут же расплылась в улыбке. Она всунула в руку шмыгающей носом Лилибет бумажную салфетку, поправила брату подушку. Решив, что приступа нежной вежливости на

сегодня достаточно, Заноза обвела взглядом покрытые слом бинтов голову и руку раненого и задала вопрос:

– А без этого никак?

Она и не рассчитывала на ответ, однако, испытывая тревогу или волнение, не могла бездействовать. Одеяло, укрывающее ноги Мэтта, было тщательно подогнуто под матрас, склянки на прикроватной тумбочке переставлены, прежде чем Одри выпалила слова, от которых, не будь ситуация столь накалённой, все рассмеялись бы:

– Что, нельзя было всех перестрелять, а самому остаться здоровым?

Новое шмыганье носом и лёгкий вздох Бренды говорили о полной женской солидарности. Мужчины молчали, запрятав волнение за дежурными улыбками.

Мэттью – единственный, у кого вырвался смешок – почувствовал острую необходимость оправдаться:

– Я бы с радостью, но налётчик оказался на редкость шустрым. Мы с Риджем не успели его опередить.

Глава 14.2

Шмыганье перешло во всхлипывание. Агент посмотрел на покрасневшие веки дочери – и тепло любви и нежности волной разошлось по груди и остановилось в районе сердца.

– Лилит, иди сюда, – похлопал здоровой рукой по матрасу он и попытался отодвинуться на край кровати, но кольнувшая плечо боль не позволила этого сделать.

Стараясь сдержать стон, Мэтт прошептал сквозь сомкнутые зубы:

– Сядь рядом, не бойся.

Левая бровь Харриса полезла вверх. Брэндон не смог сдержать улыбку, а Бренда следом за внучкой принялась всхлипывать. И только Одри сохраняла спокойствие.

– Вот это да! Видно, хорошо тебя по голове припечатали, раз ты сейчас дочь так назвал. Как ты там говорил?.. Демоница?

Внешний вид раненого не был столь ужасным, как ожидали. Заноза понемногу пришла в себя и была готова острить по любому поводу.

Мэттью промолчал. Не стоило объявлять всем присутствующим, что за какие-то полчаса, пока он находился в сознании, мысль, что стажёр в очередной раз рисковал жизнью, защищая незнакомых людей, несколько изменила мнение о нём. Но этого никто не должен был знать и прежде всего – Чайтон. Тот факт, что с уст сорвалась кличка, данная девочке настойчивым ухажёром, вызвал в Вуде лёгкую досаду, но не задать следующие вопросы он не мог:

– А что с ним? Где сейчас Ридж?

Эти слова послужили луковым соком для глаз Лилибет. Больше не сдерживаясь, девушка разревелась в голос и уткнулась носом в здоровое плечо отца.

Мэтт опешил.

– Надеюсь, ранение не серьёзное?

Его расстроили слёзы девочки, но то, что она сейчас вот так, в открытую, проявила чувства по отношению к нему... Людям, коих не считают родными, не доверяют своих эмоций.

Мэттью судорожно вздохнул и погладил рыжую голову Лилибет. Теплота, всякий раз появляющаяся в груди при взгляде на дочь, столь похожую на него не только внешне, но и жестами, и какими-то ужимками, переросла в обжигающе горячую нежность и трепет. Его сокровище с макушкой медного цвета...

Всё-таки Бог есть на свете, раз через столько лет позволил Вуду испытать подобные чувства! И благодарить по самый гроб за это он должен Кэтлин. Его девочки... Агент обвёл взглядом лица с трудом сдерживающей слёзы матери и пытающейся казаться совершенно спокойной сестры. Его любимые женщины.

Первой, как всегда, взяла себя в руки Одри.

– Так, хватит сырость разводить! Все живы– здоровы, в том числе и Чайтон! Подумаешь, не сможет пару недель ходить на свидания. – Она прикоснулась ладонью к вздрагивающей в беззвучных рыданиях худенькой спине Лилибет. – Шрамы украшают мужчину, костыли и гипс – тоже. Всё к лучшему!

Девочка оторвала голову от плеча отца и с удивлением и гневом воззрилась на тётушку.

– А что ты так сверлишь меня взглядом? – Миссис Холл

улыбнулась и подмигнула уставившимся на неё в недоумении двум парам зелёных глаз. – Есть железобетонный повод остаться в Вашингтоне!

Одри в нетерпении постукивала ногой: неужели никто, кроме неё, ещё не понял, что Кэтлин не захочет ломать психику дочери?

– Нет, вы что, не догоняете?! – Вопрос в глазах присутствующих начинал раздражать прозорливую Занозу.

Харриса возмутил её сверхнародный лексикон:

– Вот только давай обойдёмся без жаргона твоих электриков. Ты не на работе находишься.

– Пап, не ворчи. Не тот случай, – не дала договорить отцу Одри и наконец озвучила собственные мысли: – Не станет Кэт требовать от Лилибет возвращения домой, раз Ридж валяется в больнице, чудом оставшись в живых после автоматной очереди, не разлучит с раненым героем.

Девочка снова всхлипнула, и Холл сунула ей в руку очередную порцию разовых платков.

– Хватит, говорю, сопли разводить! Мы-то с тобой знаем, что от выстрела в ногу не умирают.

– Это смотря как выстрелить. – Лилит поглядела на раненое плечо Мэтта.

Одри не унималась:

– Лилибет, я тебя умоляю! Твой отец и вся наша дружная фэбээровская братия не позволили бы твоему снующему под пулями балбесу истечь кровью.

Её переполняло чувство радости от того, что появилась возможность для племянницы надолго задержаться в Вашингтоне. И, возможно, жить она будет в их с Брэндоном доме. Мэттью и Чайтон живы. Ну и хватит так переживать по поводу ранения. Ещё накаркают причитаниями и слезами беду. Нужно жить дальше.

Пигалица с осуждением уставилась на брата:

– Скажи дочери, что я права! И то, что если ещё раз так сглупишь – придушу тебя собственными руками!

Агент представил, как сестра пытается воплотить свои угрозы в жизнь, и расхохотался, скривив лицо от пульсирующей в висках боли.

– Заноза, пока ты будешь подставлять стул, чтобы выполнить угрозу, я успею смотаться.

Теперь уже улыбались все. Одри в очередной раз сумела снять напряжение в невозможной, казалось бы, для шуток обстановке. Смеясь вместе с родственниками, она произнесла слова, вызвавшие новый приступ веселья:

– Не надейся! Я подкрадусь ночью, пока ты будешь спать глубоким сном. – Подняв руки вверх, растопырив пальцы, словно когти вампира, Холл изобразила, как подбирается.

Смех вкупе с болью вызвал у Мэтта икоту.

– Лилибет, не открывай дверь по ночам этому злобному монстру! – пробормотал он в перерывах между спазмами.

– Лучше впредь будь осторожен и не позволяй Риджу строить из себя героя, – помогая брату отпить воды из ста-

кана, продолжала поучать Одри.

– Невозможно притворяться тем, кем являешься на самом деле. – Если бы день назад кто-то сказал, что он произнесёт эту фразу, Мэттью рассмеялся бы, но факт оставался фактом: за бравадой возвышенных слов и излишне самоуверенными поступками стажёра скрывалось храброе сердце.

Девочка промокнула салфеткой капли воды с подбородка отца.

– Ты изменил мнение о Чайтоне и разрешишь нам спокойно встречаться?

– Даже не надейся! Конечно, стану мешать, хотя и изменил... – Он заговорщически подмигнул. – Только пусть это останется нашей маленькой тайной, ладно?

Дочь довольно улыбнулась и осторожно обняла его за шею. Мэтт готов был поклясться, что почувствовал, как Лилит втянула воздух, обнюхивая его кожу; тёплое дыхание обожгло щеку, заставив сердце биться от прилива отцовской нежности.

Он с трудом расслышал сказанные в ухо слова:

– А ты дай обещание, что посещение больницы по поводу ранений станет последним.

В этот момент в горле осознавшего, насколько сильно лишённая папы девочка мечтала о родном человеке, Мэттью образовался ком и помешал ответить сразу. Он прочистил горло и хрипло проговорил:

– Не могу обещать, но клянусь: сделаю всё, чтобы ты боль-

ше не плакала по моему поводу!

На несколько секунд в комнате воцарилось молчание. Первым его нарушил Харрис:

– Наши десять минут на исходе.

– Пап, не будь таким занудным...

Старший Вуд отвесил лёгкий подзатыльник фривольной в суждениях дочери.

– Я прежде всего врач и знаю, насколько необходим покой недавно перенёсшему операцию человеку. – Он кивнул на тарелку с металлическим кусочком сплюсненной пули, на которую до этого никто не обращал внимания. – Я попросил оставить на память этот сувенир.

Бренда подошла к столику, взглянула на сталь и покачала головой. Несколько граммов холодной смерти. Вылети она из ствола под другим углом – и блестящий комочек мог стоить жизни её мальчику.

– Не хочу, чтобы к этому сувениру добавлялись другие...

Мэтт посмотрел в понимающие, всепрощающие глаза того же цвета, что и у него с дочерью.

– Мам, и тебе клянусь: больше так бездумно под огонь не полезу!

Лилибет придвинулась к ногам отца, давая возможность бабушке присесть рядом, но Брэндон подставил тёще стул.

Устроившись на краешке обитого кожей сиденья, Бренда погладила небритую щеку сына, почувствовав острое желание запустить пальцы в непокорные рыжие вихры любимчи-

ка, как делала это раньше, когда он был ребёнком. Но мальчик давно вырос и сейчас лежал перед ней на больничной койке со спрятанными под плотной повязкой волосами.

– Я тебе верю, иначе просто не смогла бы мириться с твоей профессией. – Она по-доброму улыбнулась, вовсе не желая винить или осудить Мэттью следующими словами: – Каждое твоё задание стоит мне нескольких часов жизни и добавляет седых волос.

– Прости. – Он прижался губами к тёплой руке и, как несколько минут назад сделала Лилит, втянул ноздрями родной запах.

Губы миссис Вуд дрогнули, но ей удалось сдержать слёзы, и в этот раз оправдывая звание сильной женщины.

– Не за что прощать человека, дарящего не часы, а годы жизни другим. – Она наклонилась и осторожно поцеловала сына в лоб, прямо поверх бинтов. – Я очень горжусь тобой!

– И я! – воскликнула Лилибет.

Слова жены подхватил Харрис:

– Мы все гордимся тобой.

И теперь уже с того конца палаты, где стояла Одри, раздался всхлип, но она не была бы собой...

– Вот только не задирай нос. – Заноза шмыгнула и в надежде, что никто не заметил рвущиеся наружу слёзы, произнесла бодрым голосом: – Эх, чёртова приёмная комиссия! Вы должны были бы сейчас говорить это мне!

Она поморщилась.

– Чувствую острый прилив сахара в крови и ещё в одном месте, но не могу смолчать: я тоже горжусь тобой, братец!

Ко всеобщему удовольствию, Мэтт покраснел, что случилось крайне редко, и ответил с явным смущением:

– Спасибо! В жизни не слышал столько добрых слов, высказанных в мой адрес, но кто-нибудь ответит мне наконец: что с Риджем?

Как всегда, когда дело касалось медицинских вопросов, говорил Харрис:

– С ним всё хорошо. Пулю извлекли. Она задела малоберцовую кость. Парню придётся некоторое время поскакать на костылях, но могло быть и хуже. – Он улыбнулся и добавил: – Всё-таки вы оба везунчики, раз отделались лёгким испугом.

– Кстати, об испуге... – Агент обвёл взглядом присутствующих и остановился на дочери. – Не нужно сообщать о моём ранении Кэтлин.

Положив руку Лилибет на колено, он пресёк её попытку поспорить:

– Мы уже созванивались. Я буду в Финиксе в пятницу, кто и что бы мне ни запретил.

Девушка хотела возразить, но осеклась, понимая: то, что она собирается рассказать, необходимо сделать с глазу на глаз.

– Она ждёт меня и даже заказала столик. – Мэттью с мольбой смотрел уже на отца: – Пап, помоги не сорвать наше первое свидание.

Харрис попытался отвести взгляд, но с настойчивым отпрыском такое не проходило.

– Я всё равно сбегу. Давай сделаем всё на законных обстоятельствах? Царапина на лбу и дырка в мякоти плеча – не повод для того, чтобы выглядеть трусом и обманщиком в глазах будущей жены!

Вуд-старший не стал сдерживаться:

– Ты сейчас слышишь самого себя?! – Он покачал головой, раздражённый беспечностью Мэтта. То, о чём просил сын, нельзя было выполнить. – Одри права: ты хорошо ударился! А если откроется рана или начнётся сепсис?

– Да на мне с детства всё заживает как на собаке! – Пациент обратился за поддержкой к Бренде: – Мам, скажи, разве не так?

– Нашёл сравнение! – искренне возмутилась она. – Царапины и шишки с ранением!

Скрипнув зубами от досады, Мэттью глубоко вздохнул.

– Да как вы не понимаете?! Я не могу пропустить свидание! Если Кэтлин узнает о ранении, то прилетит сюда, а я не хочу её жалости! Мне нужно совершенно другое! – Он посмотрел в глаза той, кто лучше всех знала любимую брюнетку: – Я выгляжу безнадёжным трупом?

– Нет! – ответила Лилит.

– Вот пусть и она так считает! Хватит того, что я до смерти перепугал всех вас. Первое ранение за столько лет службы – и вы готовы пылинки сдувать с моих царапин. – Агент

перевёл взгляд на отца. – Я уйду в пятницу утром. Тебе решать, будет это на законных обстоятельствах или нет.

– Не нужно возводить меня в ранг бога.

– Всего лишь в статус друга главного врача клиники.

– Хорошо, я подумаю, что можно сделать. – Харрис подошёл к сыну и, как это совсем недавно сделал доктор, осмотрел глазные яблоки. – Голова кружится? Виски болят?

– Нет!

– Тошнит?

Мэтт мотнул головой в знак отрицания, вызвав у отца произвольную улыбку.

– Прямо совершенно здоровый человек. Для чего только на тебя столько бинтов потратили?

– Чтобы вас напугать.

Харрис посмотрел на родных, ожидая от них осуждения безумного решения Мэттью. Лилибет открыла рот – и он вздохнул с облегчением: хоть внучка с ним согласна. Но то, что сказала девочка, было словами поддержки вовсе не старшего Вуда:

– Если хочешь, я полечу с тобой! – Она положила ладонь поверх руки отца. – Ты принял правильное решение. Нам не нужно от мамы жалости: она и так слишком многих жалеет! А уколы, если понадобится, тебе могут сделать и в больнице Финикса.

Ранним утром тридцать первого декабря специальный

агент Мэтт Вуд стоял в аэропорту Даллес в ожидании приглашения на посадку. Его никто не провожал. Он сам настоял, чтобы поцелуи в щёку и слёзы не вышли за порог просторной квартиры района Джорджтауна.

Синяя куртка, накинутая на стянутое повязкой плечо, была расстегнута.

Двое суток назад Мэттью проснулся без температуры. Организм не гнушающегося ежедневными тренировками мужчины с лёгкостью выздоравливал, сыграв одной командой с душой, сердцем и мозгом хозяина.

Агент не сомневался, что в нужный день и час будет здоров и выполнит задуманное. Свидание с любимой женщиной мог отложить разве что конец света. Сам Мэтт ни в какие безнадежные концы не верил, только в начала, а там, в Фениксе, его ждало начало новых отношений.

Он не удержался и набрал номер дочери.

– У тебя всё в порядке?

– Пап, ты звонишь уже третий раз. Неужели думаешь, что за час, проведённый в больнице с Чайтоном, со мной могло что-нибудь случиться?

«От этого маньяка можно всего ожидать, даже костыль не удержит». Мэттью улыбнулся собственным мыслям, ведь верил слову Риджа и всё равно каждый раз представлял худшее.

– Одри с тобой?

– Нет. Спустилась в кафе за едой. Максимум через час мы

будем дома. Не волнуйся! Скоро посадка?

– Через двадцать минут. Я позже наберу на домашний.

– Пап, через час. Не через двадцать минут!

– Вот и успею... перед взлётом.

– Не будь смешным! Скажи ещё, чтобы я не смотрела мультики допоздна и не ела мороженое после горячего чая.

– А нужно?

– Мне уже шестнадцать! Мистер Вуд, у вас вполне взрослая дочь! – – изображая официальный тон, повысила голос девочка и, рассмеявшись, добавила: – Позвонишь, когда приземлишься в Скай-Харбор. С наступающим!

Представив, что сказал бы Харрису после трёх звонков за час в возрасте Лилибет, Мэтт усмехнулся. У его дочери просто ангельское терпение. Похоже, она и мысли читать умеет...

– Пап, не волнуйся так. Всё будет хорошо. Я в тебя верю, ты помнишь?

– Да. Я в тебя тоже! – Он сам нажал кнопку отбоя.

В горле запершило. Неужели так будет всегда? Стоило лишь представить доверчивый взгляд зелёных глаз любящей его девочки...

Пять дней, проведённые в больнице, с ежедневными посещениями дочери, сильно их сблизили. Лилибет первым делом навещала отца. Просидев не меньше часа у его постели, рассказав последние новости и какое-нибудь воспоминание из детства, она уходила в палату к Риджу. но максимум че-

рез полчаса возвращалась, выполняя ставший ежедневным ритуал: подставляла под поцелуй лоб и обнимала за шею на прощание.

Сегодняшнее утро не было исключением.

Он вспомнил странные слова, произнесённые девочкой на пороге квартиры: «Что бы ни случилось, не опускай руки и знай: я в тебя верю!» Опускать руки было не в характере Вуда, а вот вера ему бы не помешала.

Он поёжился. Купленная сестрой куртка предназначалась для прогулок в городе Кэтлин, а не в холодном Вашингтоне. Или это мандраж? Если так, то...

Мэттью хмыкнул, выпрямил спину и, не обращая внимания на тянущую боль, развернул плечи. Не хватало ещё начать себя жалеть. Так что же ждёт его в жарком Финиксе? От чего там можно опустить руки? Перед глазами встала стройная фигурка Паркер. Представляя вкус её поцелуя, он непроизвольно сжал губы.

Большие глаза цвета шоколада наполнились слезами и болью...

Мэтт почувствовал, как заходили желваки, и стиснул зубы. Больше никто и никогда не сделает ей больно. Никто и никогда. Он проследит за этим!

Красивый женский голос объявил о посадке на рейс Вашингтон-Финикс. Вуд отметил билет у стойки регистрации, проигнорировав кокетливый взгляд стройной блондинки, сдал сумку в багаж и прошёл в терминал посадки. Через че-

тыре часа он увидит женщину, по которой за неделю успел основательно соскучиться. Только она! Все остальные отныне останутся в прошлом.

Глава 15.1

– Я скучал по тебе...

Тёплые мягкие губы целовали ухо. Сильные руки нежно обнимали за талию и осторожно прижимали к крепкому торсу, боясь не рассчитать и сделать больно. Запах чистого тела, сигарет Кэмел и одеколona Хьюго Босс Ин Моушен Грин Эдишен: табак, коньяк, мандарин и мускатный шалфей.

Совсем недавно смеси этих ароматов было достаточно, чтобы внизу живота образовалось томление в ожидании приятного удовлетворения после встречи. Ужин в каком-нибудь недорогом кафе, боулинг или картинг, где он с улыбкой носился по узкой трассе, пытаясь подрезать Кет на поворотах. И неважно, кто приходил первым, поцелуи в нос и губы всегда доставались ей; как трофей за терпение, как аванс на вечер, как извинение за очередную попытку уговорить остаться на ночь.

Милый, красивый мужчина, гаваец с ослепительно белой улыбкой на счастливом лице. Двухметровый детина с внешностью плеябоя, душой влюблённого мальчика, писатель по профессии. Бейн Калама.

Они познакомились четыре года назад на работе Кэтлин, в издательстве, столкнувшись в дверях. Координация в оче-

редной раз подвела брюнетку. Она не смогла удержаться на ногах, уронив себя и толстую папку с распечатками. Финансовая отчётность – работа, взятая на дом.

Гаваец поднимал не только Кэтлин, но и кипу листов, рассыпанных белым ворохом по проходу вестибюля филиала Нью-Йоркского издательства Street & Smith в Финиксе.

А после три месяца настойчивых преследований со стороны красивого мужчины, неизвестно что нашедшего в женщине старше его на семь лет. Первое свидание после сотой просьбы о встрече и очередного стиха, присланного в «Фейсбуке».

Молодой человек с модельной внешностью, россыпью трогательных родинок под левым глазом, которые Кэт обо- жала целовать, оказался на редкость нежным и чувственным. А ещё – отчаянно влюблённым и беззаветно преданным. Он не обращал внимание на кокетливые взгляды девушек ровесниц, отвергая любые притязания богатых матрон.

Поначалу Паркер даже забавляли завистливые взоры сверстниц и презрительные – малолетних оболъстительниц, пока она не поняла, что начинает влюбляться сама. Страх стать зависимой заставил реально посмотреть на их отношения со стороны. Что Кэтлин теряла? Ничего! Что приобрета- тала? Нежность, тепло и возможность выплакаться на креп- ком мужском плече. Если им суждено быть вместе – будут, если нет, то нет.

Но знакомить Бейна с родственниками брюнетка не спе-

шила, совершенно точно угадав, что Лилибет никогда не примет его в качестве замены Вуда. И виной тому вовсе не возраст, а влюблённость девочки в выдуманной мамой образ отца. Папа – герой, и затмить его мог никак не мулат-красавец с добрыми весёлыми глазами, а кто-то ещё более мужественный и обязательно военный.

Выбора между дочерью и любовником не могло быть. Никто и никогда не встанет между ней и Лилибет. Кэт слишком многое отняла у девочки, чрезмерно дорого заплатила за её рождение и любовь, чтобы вот так, из-за мужчины, это разрушить.

– Люблю, люблю, люблю, – как мантру произносил он.

Нежность во взгляде, трепетность губ, приятная волна тепла, но... почему Паркер вспоминала совершенно другие губы? Более жёсткие, требовательные, желающие владеть и доминировать. Почему нет той прежней ответной дрожи, отчего всё стало иначе?

Может быть, давило чувство стыда? Всего несколько часов назад её целовал другой мужчина, и она отвечала на те поцелуи. Необходимо было расслабиться – и всё непременно стало бы как прежде. Не нужна ей чья-то власть над телом, а уж тем более над душой! Хватит! Это было в прошлом, это больно!

– Ты скучала?

Страх в тёмно-карих глазах получить в ответ «нет», и её нежелание давать любой ответ.

Кэтлин встряхнула головой, пытаясь очиститься от ненужных сравнений и мыслей. «Да что это со мной?! Нельзя его обидеть, ни за что. Это слишком жестоко, по-сучьи!»

– Скучала, но меня не было всего лишь два дня.

– Мне это показалось вечностью.

И снова поцелуй, но на этот раз в губы – нежный, вопрошающий, ничего не требующий, почти просящий. Брюнетка отвечала, позволив просунуть язык внутрь рта. Ощущая запах мятной жвачки и кофе, она ловила себя на том, что вкус виски ей нравится намного больше. «Стоп! Да что это?! Так нельзя! Закрываешь глаза и отдаёшься во власть ощущений, довольно приятных, пусть и не столь страстных».

– Поедем ко мне? Прошу... – Вновь поцелуй в ухо.

– Хорошо, но у меня мало времени.

– Как всегда. Когда его было много?

– Ты же знаешь, я связана обязательствами и долгом.

– И то, и другое осталось в Вашингтоне с Лилибет. Давай подарим себе этот день?

Снова мольба в глазах и желание не сделать больно.

– Меня ждут родители.

– Ты взрослая девочка...

Губы целовали требовательно, страстно, долго, и не хватало дыхания и решимости отказать. Невозможность объяснить причину отказа и желание не обидеть...

Спор, борьба с самой собой начинали угнетать Кэт, как и усилия воли, чтобы принимать ненужные ей сейчас проявле-

ния нежности. Не стоило звонить Бейну. Убежать из одних объятий, чтобы тут же очутиться в других...

Она обречённо проговорила:

– Хорошо, там посмотрим...

Зашторенные окна, приглушённый свет ночника, мягкая постель. Мускулистое тело. Жаркие, страстные поцелуи, покрывающие каждый освобождающийся от одежды кусочек тела. Хриплые стоны, шёпот с придыханием в перерывах между поцелуями:

– Люблю, люблю, маленькая моя. Как же я скучал по тебе...

Жёсткие ладони крупных рук требовательно гуляли по телу, снимали с женщины одежду, уже добрались до трусиков. Горячие губы сомкнулись вокруг соска. Сладко, жарко, хотелось забыть обо всём и раствориться в остроте желаний, отдаться, дать, получить взамен, но отчего холодная пустота в животе? Почему ледяные щупальца поднимались вверх, стремясь добраться до мозга, и кто сейчас шептал: «Не смей, не нужно. Ты потом пожалеешь. Пожалей...»?

Кого пожалеть? Себя? Его? Что-то кольнуло в груди, и снова шёпот: «Его! Не нужно с ним так...» Совесть. И в этом «его» не одно лицо: не только Бейн, там ещё и Мэттью. Почему это снова происходило с ней?..

– Я делаю что-то не так?

Выдохнутый вместе с вопросом воздух охлаждал грудь, делая из соска сморщенную горошину.

– Ты сейчас не со мной. Что с тобой сегодня? – Взгляд карих глаз выражал вопрос и страх. – Я почувствовал это в аэропорту. Что-то случилось?

– Случилось!

Всего за мгновение всё встало на свои места. Кэтлин не могла поступить так, как сделали когда-то с ней. Спать с одним, представляя другого – не для неё. Паркер отстранила любовника, пытающегося взглядом проникнуть в душу. Не нужно этого делать, пока не разберётся в себе.

И снова сравнение: насколько просто ей сделать это сейчас и как сложно с Вудом. Никакой дрожи в коленях, ваты в голове. Кэт решительно поднялась с постели. Не стоило приезжать к Бейну, не сегодня. И тут же вопрос: «А когда?» Моментальный ответ: «Теперь никогда!»

Три дня назад, отвечая на сообщение в аэропорту Финикса, она так не думала. Три дня, вместившие в себя память семнадцати лет.

Брюнетка подобрала с пола бюстгальтер, надела, прикрыв возбужденные соски, торчащие на порозовевших под ласками холмиках.

– Я не могу! Мне нужно подумать.

– Прямо сейчас? – удивление в карих глазах.

– Да.

– Есть важная тема?

– Есть! – короткий резкий ответ.

– И это не может подождать до утра? – ещё одна попытка

остаться рядом, привязать к себе хоть ненадолго.

– Нет. Слишком долго откладывала.

– Не понял. Как долго? – полный недоумения взгляд.

– Семнадцать лет! И ты же знаешь, я никогда не остаюсь на ночь!

Щупальца потихоньку возвратились в живот, на место им в мечущийся мозг пришло желание поскорее остаться одной. Оно настолько тягостное, что нет сил дожидаться такси в одних стенах с Бейном. Кэтлин задыхалась. Чужое пространство давило. Ловушка, из которой хочется быстрее сбежать.

– Подожди, я тебя отвезу.

Он до омерзения заботлив.

– Не нужно. Поймаю такси.

– Сейчас, в этом районе? – удивление вместе с желанием защитить.

– Сделаю вызов по телефону.

– И всё-таки я чем-то тебя обидел.

От его стремления угодить, делается тошно.

– Не стоит.

– Что?

– Делать себя виноватым. От этого мне очень больно! – она опустила желание прямо сейчас удавиться.

– Больно тебе? – полная горечи усмешка. – По-моему, пострадавший здесь я.

– Вот и не делай того же со мной...

Поспешное бегство. «Так стыдно...»

Уже на выходе, выкатывая за собой чемодан с поставленной на него сумкой Мэтта, она произнесла:

– Прости! С Новым годом!

– Спасибо, но до него почти неделя... Я позвоню? – надежда и боязнь получить отказ.

– Конечно! Только не сегодня. Я слишком устала.

Красивый мужчина с фигурой атлета в одних лишь боксерах, с недоумением и болью в глазах.

Опустошённый взгляд и в качестве извинения два слова:

– До завтра!

В ответ тишина и незакрытая дверь, и эхо из коридора, отражающее стук чемоданных колёс, и боль, и чувство потери и чего-то другого... Освобождения? Но что будет завтра? Вот этого Кэт пока не знала. Только то, кто будет в пятницу – Вуд!

И снова подсказка «услужливой» памяти: «С кем Новый год встретишь, с тем его и проведёшь». И язвительный ответ самой себе: «Это я слышала в ночь на Рождество. Придумай что-нибудь новое!»

Длительные, непрекращающиеся трели сотового заставляли сердце биться на сто ударов быстрее. Почему всегда так: стоит встать под душ – и обязательно кто-нибудь позвонит? В тысячный раз Паркер дала себе слово брать телефон в ванную комнату. Проклятая пена никак не хотела смываться. Да и чёрт с ней!

Она набросила на голову полотенце и голышом выскочила

из-под душа. Несколько прыжков хватило, чтобы добраться до журнального столика в гостиной. На дисплее высветилось имя, которое Кэтлин ожидала увидеть в течение последних двух суток – Мэттью.

Лилибет упорно уходила от прямого ответа, где сейчас находится отец, следит ли, чтобы она правильно питалась и вовремя ложилась спать. Все эти отговорки о непрекращающемся задании начинали раздражать. Совершенно ничего не было об операции по освобождению семьи посла и по телевидению.

Очевидно, власти постарались замять эту тему. Лишь сухой отчёт в первый день: заложники спасены, преступники уничтожены, среди полицейских имеются раненые. И больше ничего, ни имён, ни фамилий. Но почему-то сердце тревожно сжималось при каждом телефонном звонке в ожидании: «Приезжай. Всё плохо, он ранен». Или того хуже: «Врачи боролись за его жизнь, но спасти не смогли...»

Что удерживало Кэт от того, чтобы позвонить самой и задать вопрос Одри, Бренде, Харрису или Брэндону, на худой конец? Гордость, всё та же гордость не к месту и нежелание навязываться. Она решила взять время на обдумывание – значит, нужно сдержать слово, чтобы не выглядеть тряпкой. И вот звонили от Мэтта. Та доля секунды в ожидании голоса показалась вечностью. И новая мысль: «А если кто-то другой набрал с его номера, чтобы произнести всё те же фразы?»

Брюнетка не умолкая трещала, в страхе оттягивая время перед ответом.

– Нет...

И уже не важны слова. Голос Мэттью – значит, он жив, и стало смешно за выдуманные страшилки.

– Всё нормально...

Почему-то хотелось смеяться, и совершенно не настораживала усталость в бархатном голосе, главное, что всё хорошо. Значит, Лилибет не лгала, и задание действительно длилось столь долго. Готова ли она к свиданию? Конечно! В голове пронеслось «Бейн», и уже не столь уверенный ответ, возникший в мозгу: «Наверное, готова».

Кэтлин поймала себя на том, что невольно кокетничает, и было странно слышать столько радости в собственном голосе.

Заказать столик? Не проблема, зарезервирует. И шпилька о кредитоспособности. Вырвался произвольный смех, и на душе стало намного светлее и спокойнее. Соскучилась ли она? А вот с этим немного сложнее: не тосковала, нет, сходила с ума, уснуть не могла от чувства тревоги. Но зачем Вуду это знать?

Вспоминал ли он? Или это просто дежурная фраза? Скучал... И что сказать в ответ? Правду? А нужно ли? Однако правдивые слова сами сорвались с уст.

Мэтт этому рад? Но почему теплота в голосе мгновенно сменилась на холодный официальный тон с ничего не зна-

чащим обещанием перезвонить, и гудки, набатом бьющие в мозг.

Тяжело вздохнув, Паркер сомкнула веки. Что это было? Проверка? Тянувшее чувство пустоты возникло в груди и желание сделать что-то мерзкое... Какая она всё-таки дура, опять не смогла сыграть! Почему он всегда выводит её на правду? Она для него открытая книга? Появилось лёгкое чувство обиды.

Рука потянулась к отшвырнутому в сердцах телефону и набрала номер любимого ресторана. На вопрос администратора, на сколько человек зарезервировать столик, губы выдали:

– На троих.

Лишь потом появилась мысль: «Для чего я это сделала?» Трубка снова была брошена.

Мягкая ткань обивки, впитывающая влагу, ласкала кожу спины. Кэт вытянула ноги и приказала себе расслабиться, но мысли по-прежнему ворохом крутились в голове. Полотенце сползло, холодная мокрая прядка волос упала на шею, возвратив в действительность.

Тревога прошла. С Мэттью всё хорошо, наконец можно привести мысли в порядок и подумать о будущем, но это потом. Брюнетка вернулась в душевую кабину и встала под тёплые струи. Ещё полчаса будущее может подождать!

Короткий гудок – и Бейн мгновенно принял вызов.

– Кэтлин?

Зачем мы так часто задаём глупые вопросы?

– Я очень переживал. Почему не берёшь трубку? Скажи, что-то случилось с тобой в Вашингтоне?

«Случилась новая старая любовь...» Паркер зажмурилась и произнесла в ответ:

– Да! – Короткая пауза. – И нам нужно об этом поговорить.

– Мне приехать к тебе?

– Нет, давай встретимся на нашем месте.

– Через сколько?

– Тебе хватит часа, чтобы добраться?

– Не вопрос, уже еду!

Вуд почувствовал, как кто-то настойчиво тербит его за плечо, и разомкнул веки.

Взгляд уперся в миловидное лицо девушки. Голубые глаза улыбаются, розовые губы шевелятся, пытаясь донести до него какую-то информацию. Гладкие светлые волосы собраны в хвост. Стюардесса.

– Сэр, пристегнитесь, пожалуйста. Через пять минут мы идём на посадку.

Мэтт защёлкнул замок ремня безопасности и посмотрел в иллюминатор.

Почти пустынный, гористый пейзаж окрестностей солнечного Финикса разительно отличался от зелёного Вашингтона. И как может нравиться жара? По нему, так в дождливом

Сквиме и то жить намного приятней. Он не выносит сухой климат, но если Кэт решит...

Мэттью тяжело вздохнул. Должны быть плюсы во всём. В отделении ФБР Аризоны не знают его мерзкого характера, и тут нет Риджа, хотя последний уже не настолько раздражал. Вспомнив своё отражение в зеркале в купальных шортах, он улыбнулся; девушкам обычно нравятся мускулистые торсы, будет хороший повод для ревности Паркер.

Кэтлин... Сердце наполнилось теплом и нежностью. Максимум через час Вуд сможет её обнять и, если не будет активного сопротивления, даже поцеловать. Губы зачесались, воспоминание о мягкости стройного тела тут же отдалось тяжестью в паху. Он снова вздохнул: началось, и это от одних только мыслей. Что она делала с ним...

Интересно, неуёмное возбуждение пройдёт после первого секса или только усилится? Сам Мэтт голосовал за второе. Любить и быть любимым. Вот оно, счастье, только нужно его построить...

Глава 15.2

– Вам плохо?

Заботливый женский голос вернул агента с небес на землю, вернее, в самолётное кресло.

Он обернулся. Вот она, причина, из-за которой Мэттью заставил себя спать! Почему салоны не делятся на мужской, женский и смешанный? За то, чтобы оказаться сейчас в муж-

ском, Вуд отдал бы многое...

Бесцветные волосы затянуты на затылке в жидкую фи-гушку так, что кроличьи глазки женщины-альбиноса поднялись вверх вместе с кожей. Ещё немного – и скальп начал бы отслаиваться от головы. Маленький ротик сжат в попытке изобразить кокетливую улыбку.

Мэтт удручённо вздохнул: «Господи, зачем меня разбудили так рано?» Общаться полчаса с болтливой «красоткой» было выше его сил.

– Может быть, у вас поднялась температура?

Холодная рука женщины неопределённого возраста легла Мэттью на лоб, и он непроизвольно дёрнулся.

– Вы и во сне вздыхали. Я несколько раз прислушивалась...

Заботливый взгляд глаз в розовых прожилках начинал раздражать.

– Хотите, я просчитаю ваш пульс?

Влажная ладонь спустилась со лба на локоть. Вуд убрал руки в карманы и попытался отодвинуться как можно дальше от тощей фигуры новой поклонницы.

– Не стесняйтесь, мне не сложно. Вы несколько меня не обременяете. – Крючковатые пальцы уже лежали на левом колене агента.

Представив, как она могла хозяйничать с его телом, пока он спал, Мэтт вздрогнул.

– Не нужно. Меня встречает жена. Она медик. Скоро я

окажусь в заботливых руках любимой женщины.

– Так вы женаты?.. – Улыбка сожаления приоткрыла крошечные губы, выпустив на свободу кривые длинные зубы.

Вуд обмер: кажется, с ним разговаривает мумия с кроличьей мордочкой вместо лица. Он ущипнул себя за бок сквозь карман пиджака. Женское лицо вернулось на место.

– А кольца-то нет... – Она прошептала с заговорщицким видом: – Не забудьте надеть до встречи с супругой. Уверена, вы ещё тот любитель пошалить!

Женщина-«кролик» вздохнула от досады и, подмигнув, с придыханием проговорила:

– Жаль, что мы не встретились с вами в Вашингтоне!

Почувствовав лёгкий удар колёс «боинга» о бетонную полосу, Мэттью мысленно перекрестился: «Есть Бог на свете!»

– Наш самолёт приземлился...

Голос стюардессы, возвещающий о посадке, показался пением ангела.

Так быстро, как в этот раз, Мэтт не спускался по трапу никогда. Любопытные взгляды группы молоденьких девушек послужили некой релаксацией. Он глубоко втянул тёплый воздух Финикса, расправил плечи и бодрым шагом направился навстречу судьбе, пожалев, что на левом безымянном пальце не было защитного обручального кольца.

Вуд издалека заметил хрупкую фигурку брюнетки, кутающуюся в плащ кремового цвета. «Мерзлячка». Ему же самому было жарковато. Он расстегнул куртку, с улыбкой на-

правляясь к встречающей.

В груди защемило. Какая же красивая его беззащитная на вид колючка. Прижать бы её сейчас к себе, зарыться носом в пушистые волосы. Мэттью чувствовал запах клубники с яблоком на расстоянии в несколько метров. Родная... Ему показалось, что Кэт слегка похудела. Тёмные круги под большими глазами усиливали это впечатление.

Они немного помолчали, оглядывая друг друга, словно не виделись несколько месяцев, а не неделю.

– Ты похудела.

– Ты тоже.

– Тосковала из-за моего отсутствия? – Приподнятая бровь, улыбка в уголках губ и ожидание в глазах.

– Да! Ночи напролёт...

Если бы Мэтт знал, что за полными сарказма словами скрывается правда.

– Думаешь, легко жить, зная, что где-то там, в чужом городе, осталась дочь?

– Она не в лесу живёт, а в окружении любящих родственников. – Он положил здоровую руку Кэтлин на спину и притянул к себе.

Запах Армани Код обволакивал свежестью цитрусов. Брюнетка с наслаждением втянула его аромат. Агент это заметил, что немало потешило его самолюбие, но не подал вида.

– Целоваться в честь встречи будем? – спросил он и, не

дожидаясь разрешения, впился в пухлые губы.

Кэт почувствовала дрожь, ноги обмякли. «Почему так? – в который раз задала себе этот вопрос она. – Пора бы уже признаться: потому что это Мэттью Вуд – мужчина-мечта, мечта родом из детства».

Кэтлин уперлась руками в широкие плечи, пытаясь его оттолкнуть. Мэтт сразу же разомкнул объятия и отстранился. Она пошатнулась и ухватилась за полы распахнутой куртки, едва не свалившись на мраморный пол.

Агент побледнел. Он глубоко втягивал воздух сквозь стиснутые зубы, изображая губами улыбку. Паркер растерялась. Она точно видела промелькнувшую в зелёных глазах боль.

– Что случилось?

– Ты отталкиваешь впившегося в твои губы в страстном поцелуе мужчину и удивляешься, что он, мягко говоря, недоволен?

– Не заговаривай мне зубы. Тебе больно? – На красивом лице появилась тревога.

– Не представляешь, насколько. – Вуд сжал её руку в ладони и приложил к груди. – Ты в очередной раз разбиваешь мне сердце.

– Твоё сердце в плечах? – Кэт внимательно смотрела в его глаза, пытаясь поймать на вранье.

– Нет, гораздо ниже. Не заставляй меня показывать, где от женских отказов бывает больно. – Он опустил взгляд ниже

пояса и ухмыльнулся.

– Пошляк, идиот! – Кэтлин попыталась вырвать ладонь из крепкого захвата. – Ты когда-нибудь бываешь серьёзным?

– Я уже говорил! – Мэттью поцеловал кончики тонких пальцев и отпустил её руку. – Я тупею только рядом с тобой.

– Не заставляй делать вывод, что моё присутствие может довести тебя до психушки.

– Нет, дорогая, ты с лёгкостью сможешь меня вылечить! – расхохотался в голос он и вдруг стал совершенно серьёзным: – Ты ещё не надумала стать моей личной панацеей?

Паркер простонала, взяла Мэтта под руку и направилась к выходу.

– Мы обо всём договорились ранее. Идём, я отвезу тебя в твой отель.

– Зачем? – Удивился он. – У нас ещё много времени до ночи. Давай прогуляемся по городу.

– Я заказала столик на восемнадцать тридцать.

– Так рано? – Он поднял бровь. – Значит, можно надеяться, что Новый год я встречу в твоей квартире?

– Нет. Мы приглашены в гости к моим родителям.

– А успеем?

– Конечно! Ресторан расположен недалеко от гостиницы.

– Ты поднимешься со мной в номер? – попытка показать насколько соскучился прямо сейчас.

– Нет, подожду в холле.

Невысокое четырёхэтажное здание отеля, расположенно-

го в центре Финикса, не очень впечатлило Вуда. Он хотел предстать в образе рыцаря в сверкающих доспехах, взбирающегося на высокую башню, чтобы спасти любимую из лап свирепого дракона, а тут... белый уютный комплекс гостиницы, розовая черепичная крыша и подъездная дорожка, выложенная розовой же квадратной плиткой.

Доспехи с рыцаря спали автоматически, появились лохматые тапочки и тёплый махровый халат на плечах развалившегося перед телевизором денди в окружении плюшевых мишек, разбросанных по мягкому дивану.

Мэттью ухмыльнулся и в очередной раз предложил себе во всём искать позитив.

К мужчине добавилась прехорошенькая брюнетка, расцеловывающая с любовью и нежностью мужественное обветренное лицо с квадратным волевым подбородком. Эта картинка вызывала совсем другие эмоции. Захотелось взять в руки лассо и почувствовать себя ковбоем.

– Как тебе отель? – Взгляд карих глаз был обращён на Мэтта, но любовь и нежность в нём напрочь отсутствовали.

Вуд встряхнул головой. Почему никто не предупредил, что принимаемые им таблетки, запитые виски, вызывают лёгкие галлюцинации? Он вспомнил, как в самолёте готов был выпить что угодно, лишь бы уснуть и не замечать рядом с собой высушенное «оно» с кокетливым взглядом бесцветных глаз.

– Я предполагал что-то более дорогое. – Мэттью насмеш-

ливо улыбнулся. – Три звёздочки? Не даёшь мне возможности покорить тебя широтой натуры.

Кэт рассмеялась.

– Впервые слышу, что широта определяется размером банковского счёта. – Она положила руку на предложенный агентом локоть. – Ты меня с кем-то путаешь. Девочка Кэтлин никогда не была меркантильной.

– Я не знаю никакой девочки с таким именем. Мы же условились начать всё заново? – (Брюнетка кивнула.) – Я неделю назад познакомился с обворожительной женщиной, Кэтлин Паркер, и у неё есть дочь, поразительно похожая на меня.

Кэт решила подыграть Вуду. Ей нравилось его весёлое настроение без всяких попыток пристать. Именно таким она и хотела видеть первое свидание. Оставалось дожидаться вечера и...

– А что ты скажешь, когда узнаешь, что она твоя дочь?

– Что я уже владею этой информацией. – Он добавил после секундной паузы: – Более того, Лилибет меня любит!

Брюнетка остановилась и заглянула Мэтту в глаза.

– Даже так? Не слишком ли рано делать подобные выводы?

Диалог из шуточного переходил в серьёзный.

– Не рано. И у меня будет к тебе большая просьба.

– Какая? Говори, я внимательно слушаю.

– Не сегодня. Не забывай, что это наше первое свидание.

Никаких разговоров о детях и родителях. На повестке дня

лёгкий флирт, романтический ужин и, может быть... – он прикоснулся губами к кончикам холодных пальчиков злючки, прекрасно осознавая, какие желания эти поцелуи пробуждают в её теле, – мы зайдём чуть дальше. – Уголки рельефных губ приподнялись, обволакивающий взгляд был полон обещаний.

«Ну просто герой-любовник из мыльной оперы», – покачала головой Кэтлин и высвободила ладонь.

– Никаких «дальше». И не нужно на меня давить. – Она нервно хихикнула, пытаясь вернуть разговору былую игривость, но её глаза вовсе не смеялись. – Что ты скажешь, если узнаешь, что у меня есть друг? Гипотетический.

Мэттью на несколько секунд задумался и спросил, ничем не выдавая ревность:

– Надеюсь, у него нет на тебя серьёзных намерений?

– А если есть? – Паркер смотрела в зелёные глаза, ожидая увидеть в них вспышку гнева, но ничего подобного не произошло.

Он пожал плечами и выдал совершенно обыденным голосом:

– Придётся его убить, а труп закопать. – Вуд взял её за локоть. – Я ни с кем не собираюсь делить тебя. Можешь так и передать своему другу, – левая бровь поползла вверх, ухмылка расплылась по самоуверенному лицу, – гипотетическому.

Услышать такое было бы приятно любой женщине, но

только не Кэт, в душе которой, помимо её желания, тут же возник протест.

– Не слишком ли много ты на себя берёшь?

Вопрос прозвучал несколько резковато, но это снова никак не отразилось на поведении Мэтта.

– Ровно столько, сколько смогу унести. – Он обворожительно улыбнулся и добавил: – Я никому не отдам любимую женщину и дочь. Ни в гипотезе, ни тем более в реальности. Я же пообещал завоевать твою любовь заново?

Мэттью резким движением притянул Кэтлин за талию. Она приготовилась сопротивляться долгому, страстному поцелую, которым агент её обычно одаривал, и, внутренне похвалившись, ногам приказала не дрожать, а губам – не вступать в ответные действия.

Почувствовав напряжение в худенькой спине, он усмехнулся, поцеловал недотрогу в кончик носа и отпустил.

– И я это сделаю!

Кэт растерянно смотрела на его губы, снова расплывшиеся в улыбке.

– Что сделаешь?

– Завоюю! – Мэтт взялся двумя пальцами за её круглый подбородок и приподнял вверх.

– Мисс Паркер, вы, кажется, потеряли ход мыслей? – Глаза цвета весенней зелени искрились смехом. – Я обещаю приложить все усилия, чтобы вы не пытались всякий раз оказывать сопротивление при поцелуях, а сами становились их

инициаторами.

– Не дождёшься!

– Мне торопиться некуда. – Заметив, как щёки Кэтлин покрываются ярким румянцем, Вуд рассмеялся и уставился на пухлые губы. – Я прилетел на два дня. Думаю, за это время мы сумеем уладить щекотливый вопрос.

Он подтолкнул её в спину по направлению к двери отеля.

– Так мы долго будем добираться до моего номера, а у нас с вами, – Мэттью взглянул на циферблат швейцарских часов, стрелки которых показывали семнадцать пятнадцать, – через час с небольшим романтический ужин при свечах.

Он взял Кэт за руку и, ускорив шаг, спросил на ходу:

– Надеюсь, свечи будут?

Брюнетка не могла не съязвить:

– Очень романтичный, всю программу которого распланировала приглашённая тобой на свидание женщина.

– Летим завтра со мной в Вашингтон, и организовывать стану я.

– Нет уж.

– Значит, не ворчи. Следующий раз я всё продумаю сам.

Быстро зарегистрировавшись и получив ключ от номера, Мэтт спросил ещё раз:

– Ты точно не хочешь подняться со мной?

– Нет. Я же сказала, что подожду тебя здесь.

– Целый час? – продолжал он давить.

– А что ты там собираешься делать столько времени?

– Приму душ, разберу вещи, оденусь.

Кэтлин демонстративно загибала пальцы на руке. Вуд рас- смеялся:

– Припудрю носик, нанесу лёгкий макияж.

– Можешь не стараться. Кроме меня, рядом никого не бу- дет – покорять некого.

– Разве? – театрално выдохнул он и со смехом добавил: – Значит, процесс покорения уже завершён? Чего мы тогда тут стоим? Теряем время напрасно.

Агент подтолкнул Кэт к дверям лифта.

– Давай перейдём к следующей, более тесной фазе зна- комства.

Предмет домогательства вскинула взгляд в высокий, осве- щённый множеством лампочек потолок.

– Мэттью, тебе сколько лет?

– Почти тридцать шесть!

– А ведёшь себя как озабоченный подросток.

– Станешь, если нет никакой гарантии, что, спустившись через полчаса, – он кивнул на несколько кресел, стоявших вдоль стен рядом со стеклянными столиками, усыпанными рекламными брошюрками, – я обнаружу тебя сидящей в од- ном из них.

– Так вот оно что... Боишься, что снова исчезну?

– Опасаюсь! – Его глаза уже не смеялись. – Странно ожи- дать этого от такой смелой женщины, как ты, правда?

– Не переживай, больше не убегу!

Нажав кнопку вызова, Мэтт обернулся и произнёс с долей грусти:

– Очень на это надеюсь... И моя надежда вовсе не гипотетическая!

Через двадцать восемь минут Мэттью Вуд стоял в фойе гостиницы в полной готовности к первому свиданию с девушкой, с которой на протяжении шестнадцати лет занимался сексом во сне; с женщиной, подарившей ему дочь; с человеком, который мог наполнить его жизнь новым смыслом.

Кэтлин не сбежала, а, как и обещала, дожидалась Мэтта в кресле, вытянув длинные ноги. Рассматривая великолепный образчик мужчины, она затаила дыхание.

Высокий, подтянутый, неприлично красивый, сверкающий зелёню блестящих глаз. С сексуальным шухером волос бронзового цвета. Мужественные широкие скулы тщательно выбриты, скульптурно вылепленные губы растянuty в белозубой улыбке. А уж с каким шиком на нём сидел тёмно-серый костюм...

Брюнетка с трудом протолкнула образовавшийся в горле ком.

– Чтоб мне сдохнуть!..

Раздавшийся из соседнего кресла полушёпот вернул Паркер в действительность.

– И кто-то же с ним спит... – Полная женщина, до этого вальяжно развалившаяся в кресле, выпрямила спину, поджала ноги, выпятив круглые колени, и плотоядно облизнула

тонкие губы. – Где мои семнадцать лет?..

Кэт поднялась с кресла и приблизилась к Мэттью, сопровождаемая завистливыми взглядами находившихся в холле гостиницы дам. С хозяйским видом поправив воротник его тёмно-синей рубашки, узел в цвет костюма серого галстука и стряхнув невидимую пылинку с плеча, она кокетливо улыбнулась и шёпотом произнесла:

– Хватит лыбиться. Просто неприлично после стольких часов перелёта выглядеть так, будто сошёл с обложки модного журнала. – Брюнетка посмотрела на начищенные до блеска чёрные ботинки. – Ты что, заранее заказал одежду в номер? Всё отглажено до стрелочек. Как тебе это удалось?

– Спроси у Одри. Она умеет творить чудеса с одеждой. Не тем дизайном занимается сестрёнка.

Заглянув в распахнутые полы её плаща, Мэтт усмехнулся:

– Мы сегодня одеты в тон.– Он опустил взгляд на длинные и стройные ноги, облачённые в тёмно-серые туфли на высоком каблуке.

– Когда-нибудь я собственными руками удавлю эту мелкую Занозу! – Кэтлин попыталась изобразить на лице злость, но прыснула, не в силах сдерживаться, и рассмеялась. – А я-то думала, для чего ей знать, что будет надето на мне на Новый год?

Она одарила щёголя ответным оценивающим взглядом.

– Нужно признаться, выглядите вы, агент Вуд, сегодня великолепно!

Он заправил локон пушистых тёмных волос, упавший Паркер на глаза, за маленькое ушко и ответил:

– Ты тоже! Впрочем, как всегда!

Мэттью оглянулся на дверь:

– Так, где наш ресторан?

– Тут неподалеку. Дом в тайном саду. Я люблю там бывать.

Кухня отменная и обслуживание на высоте.

Он распахнул перед дамой дверь и прошёл следом.

– Не хочешь разорять меня на ужинах... – Мэтт подмигнул цокающей каблуками по плитке рядом с ним брюнетке. – Правильно делаешь. Между прочим, семейный бюджет всё-таки...

Кэтлин рассмеялась и толкнула спешащего далеко вперёд Вуда в бок. Он успел среагировать, и толчок не отозвался ощутимой болью.

– «Секреты» – самое то, что нам нужно! Я люблю разгадывать тайны!

Уютный, полутёмный зал, вкусная еда, виски, красивая женщина, сидящая напротив, – что ещё нужно для счастья в новогодний вечер? Ничего, если вас не преследует смутное чувство опасности и не всплывают в памяти время от времени слова хостесс: «Мисс Паркер, здравствуйте! Вы всё же решили прийти вдвоём? Прошу, проходите за ваш любимый столик».

Извинение в ответ на покачивание головой Кэт и оценивающий взгляд, брошенный на него работницей ресторана, яв-

но видевшей постоянную посетительницу за любимым столиком с другим мужчиной.

Значит, кто-то всё-таки есть или был... Неприятная тяжесть от чувства ревности в груди перебивала боль в ноющей ране. Чего Вуд ждал? Что молодая красивая женщина до сих пор одна? Было досадно от осознания собственной глупости. Он ведь на самом деле надеялся на это. И слова Джона о том, что никого у неё нет...

Мэтт отодвинул в сторону бокал с виски; ему ещё предстояло знакомство с Ритой. Он усмехнулся, успокаивая себя мыслью: «Если тот, “гипотетический”, до сих пор не представлен родителям, значит, ничего серьёзного нет!»

В памяти всплыли слова дочери: «Что бы ни случилось, не опускай руки и знай: я в тебя верю!»

«Лилибет знала... И что это меняет? Ничего! Кэтлин будет моей, пусть даже ради этого придётся сражаться с целой дюжиной воздыхателей».

– Чему усмехаешься?

Искрящиеся счастьем карие глаза, прикованные исключительно к нему, воодушевили Мэттью. «А она умеет веселиться, и пара бокалов Къянти-Классико способствуют этому. Нужно будет запомнить».

– Так, кое-что вспомнил.

– Расскажешь?

– Не сейчас. Давай развлекаться! – Он поднялся и протянул руку. – Что скажешь, если я приглашу тебя на танец?

Взрыв смеха и кокетливый взгляд в ответ.

– Скажу, что не против...

Улыбку в глазах мгновенно сменили недоумение, страх, раздражение, неловкость.

Агент обернулся. Лавируя между столиками, к ним быстро приближался высокий молодой мужчина.

– Что ты здесь делаешь? – Голос брюнетки дрожал.

– Решил познакомиться. – Приветливая улыбка на смуглом лице, предназначенная для женщины, и испепеляющий взгляд почти чёрных глаз, направленный на соперника. – Ты нас не представишь друг другу?

Паркер вышла из-за стола и решительно встала между мужчинами. В огромных глазах отчаяние и немая просьба «Не нужно!», обращённая к обоим.

– Мэттью, это Бейн...

Вуд усмехнулся, плотно сжал челюсть и протянул руку. «Что ж, просьба любимой – закон для меня!» Но, видит бог, какого труда ему стоит сдержаться...

Глава 16.1

– Мэттью.

– Бейн.

Всего два слова и скрещённые взгляды. Каждый пытался просчитать достоинства и недостатки соперника, очевидные с первого взгляда. И никто не спешил опускать руки. Лёгкое сдавливание ладоней стало сильным, костяшки пальцев

обоих мужчин побелели. Рукопожатие переросло в реслинг, и ни один из них не собирался сдаваться. Улыбки, насильно выданные губами, постепенно переходили в оскалы. Два белозубых красавца. Светлокожий и смуглый, как день и ночь. Оба крепкие, хорошо сложенные, разница лишь в росте и возрасте.

«Моложе меня, вот так-так... – первая мысль о сопернице, промелькнувшая в голове Вуда, но даже ни на секунду не возникло сомнения в своём превосходстве или страха. – Кэтлин полна сюрпризов. Тем интереснее их разгадать!»

«Силён, красив и так похож на дочку, вернее, она на него. Сомнений нет, придётся постараться...» И так же – ни одной мысли о том, чтобы смириться. Только боль в груди, отдающая в голову. Давило воспоминание о счастье, минуту назад светившемся в любимых глазах, пока не заметила его, лавирующего между столиками. Столько лет, проведённых рядом, Калама не собирался выбрасывать на ветер. Слишком любил, чтобы взять и просто уйти. Обидно видеть встревоженный взгляд, устремлённый на другого мужчину.

«Что это? Проснувшиеся старые чувства или внезапно возникшие новые? Почему на меня она смотрит лишь с сожалением? Неужели всего двух дней хватило, чтобы забыть всё, что было между нами?» Он не верил в это! Так быстро ничего не проходит...

Кэт переводила взгляд с Бейна на Мэттью. Она заметила бледность, появившуюся на лице агента, видела, как он от-

вёл чуть назад левое плечо, слегка сморщившись при этом. Паркер пообещала себе обязательно узнать, что с ним не так, но прежде нужно было остановить дурацкое противостояние дорогих для сердца мужчин.

Появление гавайца стало шоковой неожиданностью. Мягкий мальчик проявил жёсткость – и это в некоторой степени было достойно восхищения. Возможно, если бы всё происходило с кем-то из подруг...

В сторону их столика начали оборачиваться любопытные посетители.

– Прекратите. – Кэтлин положила пальцы на сжатый в плотный комок перехлёст из ладоней. Сверкающий гневом взгляд говорил, что она готова на самый отчаянный шаг.

– Не заставляйте вцепиться в ваши руки зубами.

Сомкнутые пальцы мгновенно разжались.

Вуд встряхнул кистью и заработал кулаком, сжимая и разжимая побелевшие пальцы, разгоняя застоявшуюся жидкость по конечностям. Не самое удачное время для спора. Сердце гулко стучало, отдавая барабанной дробью в рёбра, в висках шумело от прилива крови, сдобренной хорошей порцией адреналина.

Мэтт оглядел полутёмный зал ресторана: почти все столики были заняты – и немудрено в такой-то вечер. Слишком много ненужных невольных свидетелей. Он перевёл взгляд на взволнованное лицо Кэт.

– Почему не предупредила, что нас будет трое? – Со-

вершенно спокойный голос с нулевыми эмоциями. Мэттью усмехнулся про себя: профессионализм на лицо, если бы ещё прогнать гнев из мозга.

– Потому что не знала этого. – Паркер пристально смотрела в тёмные глаза молодого друга, пытаясь найти оправдание его поступку. Если бы взгляды могли убивать, Бейн уже несколько минут как валялся бы мёртвым. – Так что ты тут делаешь?

Калама широко улыбнулся, делая вид, что его никак не задела слова любимой музыки.

– Проезжал с друзьями мимо, подумал, что ты можешь быть этим вечером здесь, и не ошибся. Попросил остановиться и подождать пять минут. Решил поздороваться. – Он обезоруживающе улыбнулся. – Я уже ухожу, не стоит из-за меня менять свои планы.

Бейн чмокнул оторопевшую брюнетку в губы.

– С Новым Годом, дорогая! Созвонимся, подарок за мной. – И, пообещав сопернику: – Ещё увидимся, – так же стремительно, как появился, направился к выходу.

Вуд проводил его взглядом и, лишь убедившись, что тот не собирается возвращаться, обернулся к Кэтлин.

– Что это было? Я, конечно, люблю сюрпризы, но не столь экзотические. – Никакого осуждения или гнева в зелёных глазах, только вопрос.

Мэтт прекрасно знал, что любая попытка разбирательств вызовет в душе горячки протест и превратит свидание в ве-

чер разборок. Кто он такой, чтобы предъявлять претензии? Будущий муж? Так это право нужно ещё заслужить. Пока он себя не может назвать даже её парнем, просто отец общей дочери. Причём не узаконенный отец.

Агент сжал зубы, пытаясь сдержать рычание; мысли, бомбардирующие мозг, буквально взрывали голову. Господи, да он практически вообще никто для неё, так, соратник по воспитанию Лилибет, причём стал им чуть больше недели назад.

Кэт растерянно смотрела в сторону двери. На душе было мерзко. Меньше всего брюнетке хотелось сделать кому-нибудь больно. Ну почему с ней всегда так происходит? Либо бьют её, либо это делает она сама. Сколько нужно заплатить за счастье? Оно вообще возможно? Самое время надеть привычную маску.

– Под экзотикой ты подразумевал расовую принадлежность, возраст или действия? – Никакого намёка на извинение или попытки оправдаться. – Что-то мне расхотелось танцевать.

Гордый, независимый взгляд коричневых глаз смерил фигуру агента с некой долей вызова. Мэттью усмехнулся. Отлично умеет держаться в неожиданных ситуациях его любимая женщина, молодец.

– Мне тоже.

Он взял её за обтянутый платьем локоть, почувствовав лёгкую дрожь, и помог сесть за столик, галантно придвинув

стул.

– Может, закажем десерт?

Вуд чувствовал напряжение, идущее от Кэтлин. Ей внезапно сделалось жарко. Она промокнула лицо салфеткой, убирая капельки пота, выступившие над верхней губой.

– Я не хочу больше здесь находиться, к тому же нас ждут родители. Как смотришь на то, чтобы прямо сейчас отправиться к ним? – Широко распахнутые глаза смотрели теперь с мольбой, в них читалась не только просьба уйти из данного места, но и не вспоминать о произошедшем сейчас инциденте.

– Как скажешь. – Он позвал официанта и, рассчитавшись по счёту, повёл Паркер к выходу. – Машину поведу я.

– Ты не знаешь дороги.

– Подскажешь. Пьяная женщина за рулём – угроза для пешеходов. – Прохладный воздух вечернего города действовал отрезвляющим образом. Мэтт втянул его полной грудью.

– Я вовсе не пьяна! А что, мужчины под «шафе» у нас по воздуху передвигаются?

– Со стороны виднее. Мы не летаем, мы концентрируемся на дороге, в отличие от прекрасной половины, а не на том, потекла ли тушь и осталась ли на губах помада.

Кэт остановилась, демонстративно достала из сумочки пудреницу и помаду, повернулась спиной и поправила макияж под насмешки Мэттью.

Так, шутливо препираясь, они добрались до стоянки. За

руль серебристого Вольво всё-таки сел мужчина.

Миновав несколько светофоров, Вуд свернул вправо. Он припарковался в «кармане» высотного здания, сверкающего праздничной иллюминацией, и, откинувшись в кресле, повторил вопрос, заданный в ресторане:

– Кто это был? Имя я уже знаю, как и, что он поставлен в известность о моём приезде. Неожиданностью его существования стало лишь для меня. Осталось выяснить его статус.

Агент внимательно смотрел в начинающее покрываться румянцем лицо брюнетки.

– Это вовсе не допрос, просто для протокола, чтоб не выглядеть идиотом, отвечая на вопрос родителей: знаю ли что-либо о твоём парне? – О разговоре с Джоном он предпочёл умолчать. – Так кем он тебе приходится? Другом или?

Кэтлин тяжело вздохнула, понимая, что отвертеться на этот раз не сможет.

– Я хотела поговорить о нём завтра.

– Считай, что оно наступило. Давай оставим на потом поменьше неприятных разговоров. Мэттью не отводил взгляда, пытаясь по её жестам и мимике выяснить степень правдивости. Сила профессиональной привычки.

– Не все умеют расставаться с человеком, занимающим немалое место в жизни, так же быстро, как ты.

Брюнетка прекрасно понимала, чем сейчас Вуд занимается; не он один умел читать людей, только кое-кому это мало помогало. Если бы за способность вляпываться в неприят-

ности давали медаль, её грудь была бы похожа на генеральскую планку с наградами.

– А ты решила с ним порвать? После долгих... – Агент на мгновение запнулся и продолжил: – Лет, месяцев, дней?

Она махнула рукой, словно отбиваясь от заполнившего салон машины вязкого напряжения.

– Только давай ты не будешь меня тестировать. – Кэт нахмурилась. – Я и без применения психологических штук скажу правду. Четыре года. Бейну двадцать шесть лет. Он писатель, чьи работы печатает наше издательство, в стенах которого и познакомились. – Она распрямила складку плаща, пытаясь занять нервные пальцы. – И не стоит бояться неудобных вопросов. О нём никто, кроме близких друзей, не знает.

– Юный гений? – Заметив недовольство после насмешливых слов, Мэтт поспешил перевести тему разговора: – Лилибет ты тоже с ним не знакомила?

– В первую очередь – Лилибет. И впредь попрошу не говорить о Бейне с издёвкой. Он очень хороший человек и талантливый автор.

Агент улыбнулся: его дочь умеет хранить тайны. В том, что метис хороший, он не сомневался: с плохим злючка не стала бы связываться. Он повернул ключ в замке зажигания и плавно вырулил на шоссе.

«Писатель с внешностью плейбоя, моложе меня на десять лет, обладающий недюжей силой. Хорошенький коктейль

получается, и придётся его выпить до дна...» Вуд непроизвольно заглянул в зеркало и остался доволен увиденным. Седых волос не заметно, да и морщин тоже: с генами ему повезло. Больше тридцати четырёх, ну пусть с половинкой, ему не дашь. Мэттью вдавил педаль газа и крепко сжал руль, вливаясь в поток автомобилей.

– Это всё, что я хотел о нём знать. – Он широко улыбнулся, всё остальное для него добудет Беттани. – Заметь, никаких истерик с моей стороны или скандалов.

– Ещё не хватало. – Меньше всего Паркер хотелось бы сейчас вставать на защиту любого из двух мужчин, однако если понадобится, готова сделать это. Но было бы лучше перенести такой разговор на потом.

Мэтт, повернул к ней голову и, совершенно серьёзно произнёс:

– Кстати, вы неплохо смотрите, хотя он немного высоковат для тебя. – Кэтлин улыбнулась, намереваясь ответить, но агент успел договорить: – Правда, рядом со мной тебе намного лучше.

Запоздавшее:

– Я знаю, – прозвучало уже после второго предложение Мэттью.

Оба рассмеялись. Брюнетка была благодарна Мэтту за понимание. Скандалить в такую ночь никак не хотелось. Она откинулась в кресле и, отогнав мысли о Бейне, вздохнула свободно. Оставалось выяснить один вопрос и сделать па-

рочку предупреждений.

– Как ты относишься к рыбным блюдам?

– Отлично! – Он скосил глаза на Кэт. Неужели она собиралась пригласить его ещё куда-нибудь? – А что?

– Рита решила приготовить кое-что из японской кухни.

Вуд облегчённо выдохнул.

– С удовольствием попробую! – На сегодня любопытных глаз, направленных на них с Кэтлин, ему хватило сполна. Даже в большом городе не так-то просто затеряться, а его выдержка, подтачиваемая ревностью, тоже имела предел.

– Не сильно радуйся, а уж тем более не надейся получить удовольствие: она и американскую-то плохо знает. – Паркер рассмеялась. – Ты продержись пару часов, а там, как обычно, закажем еду на дом.

– Некрасиво отказываться от угощения, тем более что это будет наше первое знакомство с твоей матерью. – Мэттью готов был съесть что угодно, лишь бы не наблюдать раздевающих взглядов молодых мужчин, направленных на выпуклости Кэт. «И кто придумал все эти облегающие платья?»

– Ещё хуже, если оно закончится отравлением и больничной палатой! – Она уже не смеялась.

Агент чуть не ляпнул, что только что покинул стены госпиталя. Плечо по-прежнему ныло, но ни о какой перевязке не могло быть и речи. Нужно было срочно принять обезболивающее, что он и предполагал сделать, как только доберётся до жилища Джона.

Большой двухэтажный дом, окружённый тёмными пятнами деревьев, причудливо выделялся белым старинным фасадом на фоне современных коттеджей соседей.

Мэтт вспомнил подпрыгивающего на холоде высокого человека с правильными, аристократическими чертами лица и буйной рыжей шевелюрой. Если надеть на него фрак и дать трость в руку, тот мог бы вполне сойти за высокочтимого лорда. Вуд остановил машину напротив гаража, несколько не вписывающегося в атмосферу старинного особняка.

– Этот дом создан твоими предками?

Брюнетка рассмеялась: вид уменьшенной копии особняка лорда Даррелла Дуппа, давшего современное название городу, вводил в заблуждение всех друзей и знакомых, хоть раз побывавших в гостях у её родителей.

– Нет, он построен чудаковатым человеком, мистером Твинксом, как тот себя называл. Джон выкупил его на аукционе после смерти достопочтенного аристократа. И это была причуда Риты. Она увидела особняк на страницах журнала «Читательский дайджест» и буквально заболела им. Джон тогда ещё играл и зарабатывал неплохие деньги, он всегда любил потакать её прихотям. Я прожила здесь год до того, как уехать в Сквим.

– Значит, я сейчас увижу святая святых? Детскую спальню мисс Паркер? – усмехнулся Мэтт. – Могу поспорить, что шторы на окнах будут бледно-розового цвета, а обои – бежевыми, в розовые же цветочки.

Брюнетка улыбнулась, когда-то комната с высокими потолками, расположенная на втором этаже недалеко от лестницы, так и выглядела, но не теперь.

– Скажи ещё про покрывало в рюшах и белую ночную вазу у кровати.

Мэттью хохотнул, представив юную Кэтлин, усаживающуюся на горшок.

– Так я угадал? – Левая бровь агента поползла вверх.

– Отчасти, детская была переделана для Лилибет. Она прожила в ней до девяти лет, пока я не встала на ноги и не смогла снять нам отдельное жильё. А твоя дочь терпеть не любит девчачий цвет.

Он припомнил, что ему говорил Джон о пристрастиях девочки.

– Это всё кардинально меняет! Светло-салатового цвета обои, зелёные портьеры и плакаты с гоночными машинами, развешенные по стенам.

Кэт с изумлением смотрела на Вуда, пытаясь понять, кто мог ему рассказать всё в таких подробностях.

– Ты узнал об этом от Лилибет?

– Нет, дорогая моя. – Он вышел из машины и, обойдя, открыл пассажирскую дверь, подав Паркер руку. – Я вычислил всё сам, методом дедукции. Не забывай, кто я по профессии.

Мэтт притянул молодую женщину к себе и, заглянув в искрящиеся смехом глаза, проговорил:

– С таким как я не пропадёшь! Ты в крепких руках, под

надёжной защитой.

Он сделал попытку поцеловать мерцающий блеском в свете фонарей пухлый рот, но Кэтлин успела выставить перед собой руки, упершись ладонями в его широкую грудь.

– Пока спастись нужно только от похотливого юноши-переростка. Не знаешь, кто бы мне в этом помог? – Она огляделась по сторонам.

– На помощь родителей можешь не рассчитывать. – Мэттью отнял её ладони от груди и поцеловал кончики пальцев. – С Джоном общий язык мы нашли ещё в Вашингтоне, а Риту к концу вечера сумею обаять настолько, что сделаю своей верной сообщницей!

– Всё может быть, только не налегай сильно на рыбу, а не то придётся тебе очаровывать медперсонал, кружащийся вокруг твоей постели с уткой в руках!

– Фу, как не романтично! – скривил лицо Вуд.

Брюнетка рассмеялась, воочию представив картину его госпитализации.

– Зато очень правдиво! – Она позвонила в дверь и, услышав легкие шаги Риты, повторно предупредила: – Я не шучу. Чтобы после никаких обид и претензий!

Дверь отворили. На пороге стояла моложавая привлекательная женщина невысокого роста с копной роскошных темно-каштановых волос, распущенных по плечам. Ярко-голубые глаза, пронзительность которых подчёркивало длинное облегающее платье насыщенно бирюзового цвета. Дра-

гоценности, с камнями в цвет платья, сверкали в ушах и на короткой тонкой цепочке, украшающей длинную матово-белую шею.

«Эффектная женщина!» – мелькнуло в голове агента. Рядом с Кэт она выглядела подругой, но никак не матерью или сестрой. Сходство начиналось и заканчивалось в густоте волос, такими же, как у дочери, непослушными прядками норовившими залезть в глаза. Он поднял было руку, собираясь ухватить одну из них за маленькое ушко, но вовремя отдернул.

Человек, в чьи права входило исполнение этой приятной обязанности, стоял за спиной Риты. Тёмно-синий костюм, серая рубашка, синий галстук. Вуд не смог сдержать улыбку. За столом соберутся люди, одетые в одинаковые тона. Но, может быть, так и положено в год голубого водного Тигра? Хотя он не сомневался, что Одри, подобравшая ему одежду, в этот день вырядится в жёлтые, оранжевые или ярко-красные цвета. Сестра всегда найдёт повод и возможность выделиться из толпы. Улыбка непроизвольно расплылась на губах Мэтта.

Замершая в дверях женщина пристально всматривалась в лицо незнакомца, словно пытаясь прочесть и разгадать какие-то тайны. Он не отводил и не прятал взгляд. Удивление в светлых глазах постепенно сменилось на доверие. Ей определённо нравилось то, что она увидела. Рита приветливо улыбнулась и протянула руку.

Гость взял гладкую ладонь и, поцеловав тыльную сторону,

не дожидаясь слов Кэтлин, представился сам:

– Мэттью Вуд.

Он широко улыбнулся.

– Даже не знаю, кем правильнее себя назвать, вернее, знаю.—Мужчина сдержал смех, представив, какой будет реакция Паркер на следующие его слова: – Я отец Лилибет и ваш будущий зять!

Кэт сделала шаг вперёд и в сторону, наступив острым каблуком на вычищенный до блеска ботинок агента, при этом больно ткнув локтем в бок самонадеянного наглеца. Приглушённый стон возвестил колючке, что она достигла желаемого.

– Мэттью любит спешить. – Она обернулась и мило улыбнулась жертве каблука. – Причём во всём! Сегодня наше первое свидание, и неизвестно, состоится ли второе.

Вуд отправил выбившуюся чёрную прядку волос бунтарки за ушко и, одарив её маму широкой белозубой улыбкой, уверенно подтвердил:

– Обязательно состоится. Можете даже не сомневаться в этом. – Он протянул ладонь Джону. – Рад снова встретиться.

Мужчины радушно пожали друг другу руки.

– Не думали, что я так скоро нагряну в ваш дом?

Ответила за мужа Рита:

– Очень рада нашему знакомству. Конечно, было бы лучше, если бы оно состоялось много лет назад, ну да ладно, пути Господни неисповедимы. – Она взяла обоих мужчин под

руки, предоставив дочери самостоятельно снимать плащ, и повела за собой в гостиную.

Мэтт приостановился и, заглянув в глаза женщины, которую с удовольствием уже сейчас называл бы тёщей, ответил:

– Поверьте, если бы всё зависело только от меня или я хотя бы догадывался, что в вашем доме растёт моя дочь, то сделал бы это раньше!

Рита улыбнулась; сеть мелких морщинок лучиками легла вокруг больших глубоких глаз, делая их ещё более обворожительными.

– Нисколько не сомневаюсь. – Она понизила голос до шёпота: – Джон рассказал мне о вашем разговоре в Вашингтоне, – и уже более громко добавила: – Вы располагаете к доверию.

– А вот этого делать не стоит. – Кэтлин опередила родителей и, зайдя в просторную комнату, направилась к стоящему на столе ноутбуку.

– Я лучше тебя разбираюсь в людях. – Рита отпустила руки мужчин и подошла к дочери. – Знаешь, жизненный опыт даёт мне некоторые преимущества.

Она обняла Кэт и чмокнула в щёку.

– Мы только что разговаривали с Лилибет.

– И как она? – первым на слова хозяйки дома отреагировал Мэттью. – Я звонил ей сразу после посадки в «Скай-Харбор», а потом как-то закрутился. Она дома?

– Да, собираются с тётей на званый ужин к вашим роди-

телям. – Рита обвела Вуда оценивающим взглядом. – Вы совсем разные с сестрой, разве что цвет глаз одинаковый. Она очень яркая.

– Ну, мужчинам красота ни к чему, – он рассмеялся. – Пусть я не удался лицом, но зато у меня имеется масса других достоинств.

– Я этого не сказала. Лилибет не обладает внешностью матери, а значит, отец моей внучки не может быть непривлекательным. В кого иначе она такая красавица? Джон был прав: вы очень похожи, просто удивительно, насколько...

Мэтт заглянул через плечо Паркер, настраивающей скайп.

– Я тоже хочу поговорить с дочерью. – Он протянул руку к столу, но злючка оттолкнула её локтем.

– Обязательно, но после меня.

Разгорающийся спор разрешила Рита:

– Только если по телефону, они уже выехали. Мы с Джоном изрядно проголодались, хочу пригласить всех за стол.

Она обворожительно улыбалась. Такой женщине невозможно в чём-то отказать. Мэттью хорошо понимал потокающего любимым прихотям жены Джона. Если бы на него самого так смотрела Кэт...

Он отошёл от стола, переведя взгляд на любимую брюнетку; та сделала круглые глаза и, пользуясь тем, что стоит спиной к матери, покачала головой, призывая Вуда проявлять стойкость.

Антикулинар положила ладонь на рукав серого костюма

агента.

– Надеюсь, дочь предупредила, чтобы вы не налегали на еду в ресторане?

Паркер провела ладонью вдоль шеи и приложила пальцы к виску, изображая пистолет. Мэтт с трудом сдерживал смех. Он услышал лёгкое покашливание за спиной: очевидно, Джон также наблюдал за жестами Кэтлин.

Рита ласково взглянула в лицо соискателя на звание зятя, морщинки собрались вокруг больших глаз лучиками, превращая в голубое солнце. Мэттью помимо воли открыл рот и, улыбнувшись во все тридцать два зуба, выдал:

– С удовольствием! Обожаю рыбу, а уж из ваших рук съем всё что угодно!

Брюнетка изобразила петлю, очевидно, накинутую на шею Вуда и, затянув, дёрнула вверх. Кашель перешёл в смех, а хозяйка дома невозмутимо пригрозила:

– Кэт, если не будешь есть – не стану разговаривать с тобой полгода. – Она всё-таки оглянулась, чтобы пристыдить неблагодарное дитя: – Ты же знаешь, у меня и на спине есть глаза.

Колючка прохрюкала сквозь смех:

– О да... – и, уже не сдерживаясь, залилась в унисон с Джоном.

Мэтт спросил, где можно вымыть руки. Он с невозмутимым видом удалился в гостевую ванную комнату, лишь там прислонившись к двери и посмеявшись с минуту. Вуд умыл-

ся, а после запил с ладони таблетки, посчитав, что для лучшего эффекта лучше выпить сразу две.

Через час все весело смеялись, устроившись за празднично сервированным столом, вспоминая детские проделки любимицы семьи – Лилибет. Мэттью налегал на овощи, щедрой горкой насыпанные в тарелку, и словно губка впитывал рассказы о дочери, интересуясь мельчайшими подробностями. Он не заметил, каким образом рядом с ним оказались роллы и соевый соус. Агент поднял взгляд на Кэт, та вздохнула, пожала плечами, выражая сочувствие, и пододвинула бутылку виски.

Вуд наполнил почти до краёв круглый короткий стакан и выпил залпом, намереваясь создать в желудке обеззараживающее пространство для принятия роллов. Выждав пять минут, он выпил ещё полстакана и решительно взял в руку палочки.

Вторая порция угощения пошла лучше первой. Соус оказался на удивление вкусным. Роллы со свежим тунцом после минутного замачивания в тёмно-коричневой жидкости были вполне съедобными. Зря Паркер так накручивала ситуацию вокруг кулинарных способностей матери, попробовала бы она стряпню Одри...

Через полчаса Мэттью почувствовал лёгкое головокружение и тошноту. Руки стали ватными, в голове появился непонятный шум, голоса доносились словно издалека. Лицо любимой женщины расплзлось в стороны, глаза преврати-

лись в наполненные ужасом плоски.

«А ведь она предупреждала...» – промелькнуло в голове агента, прежде чем он провалился в абсолютную темноту.

Глава 16.2

Мэтт плыл, ориентируясь на самую яркую звезду, из последних сил барахтаясь на гребне волны. Ужасно ныло раненое плечо, и болела голова. И немудрено: почти три часа бороться со стихией. Да где же этот чёртов берег? Выкинуть в открытое море живого человека без всякой надежды на спасение...

На это был способен только последний подонок – и именно таким оказался Бейн. Его наглая ухмылка напоследок и пенные борозды удаляющегося вдаль белоснежного катера до сих пор стояли перед глазами...

Как сообщникам писаки удалось угнать машину «скорой помощи», и почему врач не разрешил Кэтлин сопровождать его? Чем дольше он размышлял, тем больше убеждался, что похищение – не импровизация разгневанного ревнивца, а тщательно спланированная акция...

«С друзьями проезжал мимо...» Значит, те три мордоворота в форме полицейских, вытащивших его носилки из салона, были друзьями любовника Кэт...

Но почему он так внезапно вырубился?

Агент в очередной раз пытался вспомнить любую мелочь прошедшего вечера, чтобы расставив факты по местам, по-

нять, кто помогал гавайцу. «Врагов нужно знать в лицо...—и тут же мысль: —Для чего, если не сможешь отомстить? Я должен выжить, обязательно удержаться на плаву...»

Он даже не обратил внимания на игру столь актуальных слов. Чувство юмора не для смертника. Горло ужасно саднило, хотелось пить. Столько времени без воды... Насмешка судьбы: умереть от жажды посреди тысячи тонн жидкости...

Если бы знать, где он сейчас находился. Ему завязали глаза, прежде чем бросить в кожаное кресло частного самолёта. Вуд пытался вспомнить всё, что знал о параметрах небольших самолётов и географическую карту мира. Сан-Диего! Ближайшая точка, и совпадает время — чуть больше часа...

Его, специалиста по освобождению заложников, выкрали самым наглым образом. Посреди огромного города, из автомобиля, предназначенного для спасения жизней людей.

Так когда же подсыпали снотворное? Как скрупулёзно всё продумано... Он пил в ресторане после ухода Бейна? Вроде бы нет, значит... Страшная догадка пронзила мозг: «Как она могла? Нет, только не Кэт!» Но факты говорили сами за себя...

Бутылка с виски, услужливо пододвинутая поближе. Кто-то ещё пил из неё? «Вспоминай, Мэттью, вспоминай!» А что могли дать воспоминания? Для того чтобы кому-то предъявить обвинения, нужно выжить, а надежд на это с каждой минутой становится всё меньше...

«Ничего не ешь!» И он, как дурак, послушно ел то, что

брюнетка положила ему на тарелку. Значит, либо виски, которые пил только он, либо овощи? А соус? К соусу, кроме него, тоже никто не притрагивался...

Как тонко рассчитано, какой изощрённый мозг... Зачем, для чего? Борьба за дочь? Желание остаться и независимой, и при ребёнке? Но он никого не насиловал... Насилие...

Мэтт застонал. Только сейчас в голове всё прояснилось и встало на места... Месть! За разбитые надежды, сломанную жизнь, растоптанную любовь, за беды...

Недели хватило, чтобы принять решение и всё распланировать. В груди, вместе с холодом, образовалась пустота. Боль, осязаемая, спазмами рвущая сердце. За всё в этой жизни нужно платить, и за любовь в том числе...

«Прости...»

Слишком поздно узнал, слишком поздно понял... Но всё могло бы быть по-другому, если бы не её любовь... к Бейну... Поздно... Он должен смириться и принять возмездие.

«Лилибет, доченька, прости...»

Нет! Он должен сражаться ради девочки, её снова лишают отца! Но как бороться, если ноги и руки налиты свинцом и уже совершенно нет сил. Солёное море, пахнущее гниющими водорослями и рыбой.

Глаза почти ничего не видят, веки наливаются тяжестью, и он с головой погружается в воду. Накатывающий, словно волнами, шум в висках возвращает в детство: отец приложил к его уху ракушку, счастливая, смеющаяся мама, Одри...

«Простите за всё...»

Скоро он сам станет частью природной стихии, кормом для крабов...

«Кэтлин...»

Спасибо мозгу за последнее видение. Всё так же прекрасна: распущенные волосы, ласковый взгляд и снова этот запах рыбы... Кто она? Русалка... сказочное видение... Забота в глазах, ласковый шёпот «Я прощаю тебя...» и нежные руки, касающиеся раны, и столько любви во взгляде.

Яркий свет пронзил мозг, словно молния. Вуд вздохнул, проталкивая воздух в рвущиеся на куски лёгкие, понимая, что через секунду их заполнит мутная жидкость, и...

– Мэттью, проснись! Что с тобой? Тебе приснился кошмар?

Так вот что пыталась Кэт-«русалка» сделать с ним: разбудить, вытащить из кошмара, несколько часов мучившего пьяный мозг. И вовсе она не шептала.

Он наморщился и прохрипел пересохшими губами:

– Не кричи. Дай попить. И почему ты пахнешь рыбой?

Паркер приподняла взлохмаченную голову Мэтта и прижала к стянутым коркой губам край стакана, наполненного шипучей жидкостью. Он осушил его парой глотков и скривил рот от отвращения.

– Фу, что это было? – этот вопрос мужчина, скорее всего, задал себе.

– Аспирин! А рыбой несёт от того, кто переел вчера рол-

лов! – Брюнетка смотрела в недоумевающие глаза. – Треска на волю просится.

Смоченные губы Мэттью расплылись в улыбке. Его переполняло счастье. Сон, всего лишь сон, он жив, почти здоров и никто его не предавал!

– Сейчас ты скажешь «А я тебя предупреждала».

– Но так и есть. Надеюсь, тебя не вывернет на постель? Если что, ванная за той дверью, – показала рукой налево Кэтлин. – И не забудь два раза почистить зубы.

– Меня никогда не тошнит, не бойся. – Агент провёл рукой по подбородку, покрывшемуся за ночь короткой щетиной, и пробурчал, понимая несбыточность возникшего желания: – Почисти, а то вдруг целоваться придётся.

– Да уж, запах от тебя ещё тот, нужно умудриться найти сумасшедшую, которая захочет сейчас с тобой это делать!

Вуд не стал продолжать пикировку, а приподнялся на локте и огляделся. Просторная комната, наполненная светом, люющим из огромных, почти во всю стену окон, выходящих в сад. Он прикрыл глаза.

– Ты не могла бы задвинуть портьеры? Слишком яркий свет!

Агент окинул взглядом выполнившую просьбу Паркер. Шёлковый пеньюар пастельно-голубого цвета, наверняка, одолженный у Риты, едва прикрывал округлые ягодицы. Стройные ноги поражали своей длиной. Тонкая талия, перехваченная поясом, распущенные тёмные волосы ниже плеч.

Волна желания прошла по телу, сконцентрировавшись в органе, отвечающем за выполнение самых приятных функций.

«Интересно, что она делает возле меня, или чья эта кровать?» Мэттью обвёл взглядом скомканные простыни и довольно улыбнулся.

– Чему ты так радуешься? – Кэт отвернулась от окна и с недоумением уставилась на довольного Вуда. Взбурившееся в районе живота одеяло не осталось незамеченным.

– Мы всё-таки сделали это? – Он вопросительно приподнял бровь.

– Что «это»?

– Ну как что? – Мэтт указал взглядом на беспорядок постели. – Занялись сексом?

– С кем? – Паркер тяжело вздохнула, сделав выдох через сжатые губы.

Агент не мог понять причину фырканья брюнетки, если только он не облажался по– полной, что было бы непристительным, но объяснимым в его состояние.

– Со мной, конечно же. Или кто-то ещё лежит в этой комнате?

– Да ты со вчерашнего вечера валяешься словно труп окурившегося во время забега ленивца! – Кэтлин сверкнула раздражённым взглядом. – Уснуть прямо за столом перед родителями приглашённой на свидание девушки! Такого нового года у меня ещё не было.

Мэтт судорожно пытался вспомнить, как добрался до

спальни, но услужливая в кошмарах память отказывалась помочь.

– И как я оказался в постели? – Он попытался натянуть простынь на раненое плечо.

– Мы совместными усилиями притащили тебя в комнату Лилибет.

Сравнение с ленивцем, отличающимся почти нулевым ритмом жизни, как и упрёки в чрезмерном употреблении алкоголя, давило на совесть агента, но больше всего его раздражало беспамятство.

– Надеюсь, ты воспользовалась моей беспомощностью? А иначе что ты делаешь в этой комнате в таком виде?

– Не пошли! Обрадовался. – Скривила она губы. – Я не некрофилка и не занимаюсь сексом в комнате дочери. Ты так громко стонал, что разбудил весь дом.

– Мне снился кошмар. – Он провёл красноречивым взглядом по стройной фигуре любимой брюнетки. – А что нам мешает перейти в твою комнату?

– Так, небольшой пустяк! – Кэт стремительно подошла к постели и рванула одеяло на себя. – Не пытайся заговорить мне зубы. Что с плечом? Давно ты ранен и как долго собирался это скрывать?

Вуд дотронулся до бинтов. Он не хотел, чтобы Паркер вот так узнала о его ране.

– Ну, мы оба собирались сегодня сообщить друг другу о неприятных вещах. Ты мне – о Бейне, я тебе – о ранении.

– Не нужно сравнивать. Бейн жив, здоров и не является для тебя угрозой.

– Мне не бояться твоих к нему чувств? – Мэттью снова приподнял бровь. – Он в прошлом?

– Не уходи от ответов! – Брюнетка со злостью дунула вверх, желая убрать с глаз прядку волос. – Не стоит считать меня полной дурой!

– Я никогда тебя ею не считал. – Он усмехнулся, подумав, что было бы, узнай она, насколько коварно-изошрённой была в его сне всего несколько минут назад. – Финансист не может быть глупым!

– Я не говорила тебе о своей работе. – Встрепенулась Кэтлин

– Это не сложно узнать.

Она прищурилась, сверля Вуда взглядом.

– Я всякий раз забываю, с кем имею дело. Надеюсь, мой дом ещё не напичкан скрытыми камерами или жучками для прослушки?

– Ты хочешь казаться осведомлённой во всех областях? – искренне возмутился он. – Пересмотрела детективов на ночь?

О том, что Мэтт подумывал это сделать, знать ей было не обязательно.

– Ты всё-таки увёл разговор от изначальной темы. – Покачала Кэт головой. – Ну как тебе это каждый раз удаётся?

– Стараюсь! Так что конкретно ты хотела узнать? Что я

видел во сне или почему стонал?

– О втором можешь не говорить, не хочу выслушивать эротические фантазии сексуального маньяка. – Она усмехнулась. – Не знала, что ты при этом рыдаешь.

– Я плакал? – агент притронулся к лицу.

Правую щёку пересекала предательски мокрая бороздка. Ничего удивительного, ведь он совсем недавно прощался с жизнью и дорогими сердцу людьми.

– Наверное, ты отказала мне даже во сне. – Мэттью сделал «щенячьи глазки». – Иногда становлюсь таким чувствительным, что сам за себя волнуюсь...

– Фигляр! Так откуда на плече рана? – Настойчивый, встревоженный взгляд требовал объяснений.

Он снова пытался уйти от ответа. Если Паркер так реагирует на лёгкое ранение, то что будет после свадьбы? Да захочет ли она вообще связывать себя с постоянно рискующим жизнью человеком?

– А с чего ты взяла, что это ранение? Может, мне вырезали фурункул?

– Да, причём фурункулёзом ты заразился от Чайтона! – Кэтлин присела на край кровати. – Побудь хоть недолго серьёзным. Лилибет всё рассказала, и вот что я нашла в кармане твоего пиджака.

На тонкой ладони лежала пластинка обезболивающих таблеток.

– Даже дети знают, что лекарство нельзя смешивать с ал-

коголем. Поэтому ты и вырубился. – Она осторожно прикоснулась к бинтам. – Расскажи правду. Задание оказалось слишком опасным?

Усталый взгляд карих глаз был полон сопереживания. Вуд подумал, что вряд ли она спала этой ночью, и грудь наполнилась теплом. Нежная, чувственная Колючка, им повезло снова встретиться. Бесцельно прожитые годы... Как мог не почувствовать раньше, насколько ему необходима именно она, а не безымянная брюнетка, выискиваемая глазами в безликой толпе... Если бы всё вернуть назад...

– Произошла нештатная ситуация.

– Это я уже знаю.

– Не хочу повторяться, но должен. – Агент накрыл её руку своей. – Я сделаю всё от меня зависящее, чтобы подобного больше не случилось, не так глупо.

– Смерть никогда не бывает умной. – И не понятно было к кому относилась обида в голосе Кэт.

– Я обещаю не умереть! – Он замолчал, не в силах дольше говорить на эту тему.

В горле образовывался ком. Возникло дикое желание сжать хрупкую фигурку в объятьях и не отпускать. Хотелось взвыть от расправившего душу чувства, не нужной ей пока нежности... «Нельзя напугать. Слишком рано, она не готова». И следующие слова, как лучший выход из сложившейся ситуации:

– Разве только от воздержания. – Насмешливый взгляд

мастера по сокрытию чувств и эмоций опущен вниз. – Ты просто обязана пожалеть раненого!

– Мэттью, ты неисправим! – непроизвольная улыбка растянула пухлые губы брюнетки. – Всегда всё сводишь к единственному желанию...

– Что поделать, если рядом с тобой я дурею? – Как же ему нравилась её улыбка. – Хотя желаний как минимум пять!

Кэтлин безнадежно махнула рукой. Взгляд снова наполнился тревогой.

– О чём ты хотел вчера поговорить? О ранении? – Она не сводила с агента глаз.

Он знал, что произойдёт после следующих слов, так же как и прекрасно понимал позицию брюнетки. Даже догадывался, что скажет она, но обсуждать по телефону данный вопрос нельзя. Только вот так, лицом к лицу, они впервые станут спорить о дочери.

– Не только. У меня есть к тебе огромная просьба.

– Какая?

Мэтт вздохнул, готовясь к худшему.

– Только не перебивай, речь пойдёт о Лилибет. Ранение Риджа намного серьёзнее моего. Ты понимаешь, что значит для дочери оставить его в таком состоянии и улететь домой?

Кэт подскочила с постели и нервно заходила по комнате. Вуд внимательно следил за ней взглядом, читая эмоции, быстро меняющиеся на побледневшем лице.

– Ты хочешь сказать, что девочка должна остаться в Ва-

шингтоне? – Она провела ладонью по лицу, словно пытаюсь убрать невидимую паутину. – Об этом не может быть и речи! – Высокий голос дрожал. – Не забывай, сколько ей лет и то, что она ещё школьница!

– Я отлично об этом помню, и тебя прошу вспомнить себя в пятнадцать лет! Не разлучай её с любимым. – Мэттью запнулся, ловя себя на мысли, что говорит банальные фразы, обычно произносимые женщинами.

Паркер качнула головой, наверняка подумав об этом же.

– Так вот ты как заговорил? – Она решительно сложила руки на груди, не собираясь сдавать позиций. Лилибет должна жить рядом с матерью. – А не ты ли кричал совсем недавно, что не допустишь, чтобы дочь встречалась с парнем намного старше себя!

– Ситуация изменилась!

– Да что ты?! И чем же? – И уже её брови в изумлении поднялись вверх. – Чайтон после ранения впал в детство? Или скинул пару лет? Что поменялось?

Агент не отвечал, собираясь с мыслями. Боль в висках и изжога в желудке мало способствовали в этом. Но от того, сможет ли он сейчас убедить Кэтлин, зависело многое, и прежде всего – внутреннее спокойствие дочери. Становиться между родителями она не захочет, а уж заставлять её делать выбор между матерью и любимым человеком просто жестоко.

– Моё отношение к стажёру и не только.

Он замолчал, несколько секунд взглядываясь в наполненные возмущением глаза.

– Не хочу, чтобы ей довелось пережить то же, что и тебе. Боюсь сделать Лилибет больно. Мы и так перед ней виноваты. Давай не будем ломать её душу? Ну, неужели ты думаешь, что она будет счастлива здесь без него? – Мэтт усмехнулся: – Да какое учение, если голова девочки будет постоянно занята мыслями о Ридже и его здоровье?

Брюнетка в свою очередь выдержала недолгую паузу. Она понимала, что Вуд во многом прав, но согласиться сейчас с его просьбой – означало надолго остаться одной. У матери с Джоном своя жизнь, а чем ей тогда заниматься после работы? Сидеть на телефоне в ожидании звонков? Довольствоваться визитами на выходные? Мысль, чтобы занять свободное время Бейном, даже не пришла в голову.

– Сколько Чайтон пролежит в больнице? – Кэт торговалась сама с собой, пытаясь отстоять хоть что-то и понимая полную бесполезность подобного занятия.

– Минимум месяц, но и потом... давай не станем их разлучать? Ты же видела его? Неужели ты думаешь, что индеец отступит? – Мэттью это понял, принял как неизбежное в дни, что наблюдал за дочерью. Осталось принять и Паркер.

Последняя попытка Кэтлин избежать разлуки с самым любимым человечком на свете вовсе не показалась ему глупой:

– Пусть переводится в Финикс!

Агент усмехнулся: он думал об этом в самолёте и готов к переменам.

– Мне тоже?

– Что «тоже»? – удивилась она.

А вот это немного обижало Мэтта. Брюнетка даже не рассматривала вариант объединения в одну семью. И всё же он уточнил, не скрывая надежды в голосе:

– Перевестись?

– Не путай нас с ними! – ответила она не терпящим возражения тоном, рубанув рукой воздух.

Вот так. Никаких надежд. Вуд ухмыльнулся, его не так просто выбить из колеи или сломить. Он готов ожидать, сколько потребуется, и делать это настойчиво!

– Но...

– Никаких «но»! – Паркер не дала договорить. – Мы с тобой уже обсуждали это.

– Из-за Бейна? – эти слова вырвались сами собой, и агент тут же о них пожалел, но было поздно.

Кэт мгновенно поникла. Ей всегда плохо удавалась роль стервы.

– И из-за него в том числе! Не дави! Ну, зачем ты делаешь это снова со мной? – Коричневые глаза увлажнились. – Всё так сразу навалилось: Лилибет, ты, он... Я не могу выбросить его как ненужную вещь, одним днём, одним словом. Ты не знаешь Бейна! Не понимаешь, на что он способен. Он очень хороший человек. Чуткий, добрый, верный...

Взгляд карих глаз выражал страдание.

– Думаешь, так просто обижать любимых?

– Но со мной ты делаешь это! – И снова слова, сорвавшиеся помимо воли, но слышать, что любят кого-то помимо тебя, невыносимо. – Говоришь о нём, перечисляя достоинства преданного домашнего животного.

– Собачки? – пухлые губы дрожали, хотя голос был полон гнева. – Да что ты знаешь о преданности? – коричневые глаза намокли. – Тебе тридцать пять и ты сам виноват в том, что случилось. С Бейном всё по-другому!

Одинокая слезинка скатилась на подбородок, ненадолго зависла и, упав на шёлк пеньюара, оставила мокрый развод.

– Ты не представляешь, насколько плохо мне в эти дни. Я его предала, пусть и невольно, как когда-то ты сделал с Лесси. Только ты был в стельку пьян, а я – на трезвую голову!

– Теперь ты занялась сравнениями. Между нами до сих пор не было секса.

– И что это меняет?

Кэтлин не знала, как объяснить мужчине, что для женщин предательство – прежде всего то, что происходит в сердце, а изменять можно и душой. Она, вскинув голову, взглянула в зелёные глаза.

– Одно могу обещать совершенно точно: я не лягу с тобой в постель, пока не приму решение, с кем остаться. Я не смогу иначе. – И снова слезинка, но на этот раз брюнетка смахнула её рукой.

Мэттью приказал себе прекратить эгоистичные претензии. Он не для этого приехал. И что меняет для него наличие Бейна? Ничего! И для Лилибет ничего, и нужно надеяться, что для Кэт тоже.

Лишь на мгновение представить, что было бы, не встретиться они в Вашингтоне? Рутину, которую вряд ли кто смог бы наполнить счастьем. Свадьба с Лесси, как уход в повседневное никуда... Теперь жизнь без любви к Кэтлин, к дочери будет означать пустоту, и он ни за что не допустит этого.

– Я приму любое твоё решение, как бы больно мне ни было. Ты достойна лучшего. – Вуд тяжело вздохнул, совершенно точно зная, что говорит сейчас правду, как и то, что брюнетка останется всё-таки с ним. – Так что мы решим с Лилибет? Последнее слово за тобой!

– Дай время подумать.

– Ночью я улетаю, – на минутку в Мэтте загорелась надежда, – но если хочешь, поменяю билет на утренний рейс.

– Нет, не нужно. Зачем оплачивать лишний день в гостинице? Я сейчас не шутила. Наберись терпения, слов на ветер я не бросаю.

– Я это понял. – Он решил перевести разговор. – Чем сегодня займёмся?

– Прежде всего тобой. Для начала сменим повязку на плече, к часу нас ждут в больнице. Я уже обо всем договорилась.

Агент смотрел в осунувшееся лицо Паркер: чёрные разводы под тёмными глазами. Вот тебе и первая встреча на её

территории. Что она получила от свидания? Ухажёра, напившегося до беспамятства, бессонную ночь под его стоны и выяснение отношений на завтрак. «Повеселил, нечего сказать. Ещё одна подобная встреча – и Бейн покажется ей ангелом».

– Ты сегодня спала?

– Это не важно, отосплюсь позже. – Кэт направилась к двери, приостановившись на пороге. – Прошу, впредь ничего не скрывай от меня, договорились?

«Но жить с ангелами невыносимо скучно!»

Мэттью подскочил с постели, одетый лишь в чёрные боксеры. Вытянувшись в полный рост, он поднял согнутую в локте руку вверх, приложив другую вместо Библии к сердцу.

– Клянусь отныне говорить правду и только правду. – Агент направился к Кэтлин. – Не торопитесь удирать, девушка, я хотел бы то же самое услышать от вас.

– Клянусь! – Колючка рассмеялась. – Ну, из всего ты умудишься устроить балаган. – Она покачала головой. И, вырвав кончик пояса пеньюара из рук прижавшего её к косяку агента, быстренько выскочила за дверь.

Через полчаса все опять собрались за столом, со смехом вспоминая прошедший вечер. Вуду было стыдно выслушивать от будущей тёщи подробности своего падения, но от плана «обаять» он не отказался. Агент на шутки отвечал шутками, на улыбки – улыбкой, стараясь быть совершенно искренним. И своего добился: услышал на прощание от Риты то, чего так желал.

– Очень рада была познакомиться! Двери нашего дома для тебя навсегда открыты. – И уже шёпотом и на ухо: – Сделай её счастливой.

– Обязательно сделаю.

Глава 17.1

– Я сяду за руль! – Мэттью направился к «Вольво», обыскивая на ходу карманы в поисках ключа, ведь вчера закрыл машину он сам.

– Ничего подобного. Ты совсем недавно умирал от похмелья. Зачем нам мертвяки за рулём? – Паркер достала ключи из сумочки и нажала на замок. Машина поприветствовала их светом фар и звуковым сигналом.

– Я в полном порядке. Это было пару часов назад. – Агент упрямо шагал к двери водителя.

– Это просто твоё желание всё контролировать! Но привикай, что и у женщин есть право голоса. – Кэтлин, не отставая, шла следом, выговаривая в спину. – И я именно из тех – голосистых!

Вуд остановился и обернулся к яркой феминистке:

– Ты сейчас высказала то, что у тебя на уме? – Он довольно ухмыльнулся.

– В каком смысле? – Взгляд карих глаз был полон недоумения.

– Дорогая, ты только что согласилась жить вместе со мной и сделала это с некоторой сексуальной подоплёкой! –

Мэттью открыл для Кэт дверь со стороны водительского сидения и, обойдя автомобиль, с усмешкой уселся на пассажирское место. – Я согласен!

Паркер ошарашено смотрела на Вуда, не понимая, из чего тот сделал свои выводы. Она покачала головой и повернула ключ в замке зажигания. Машина тихонько заурчала; бронетка не стала её прогревать, а сразу же вырулила на дорогу, бросив в сторону:

– Это жутко раздражает!

Мэтт искренне удивился:

– Что именно?

– Твои вечные попытки анализировать мои слова и действия. – Кэтлин вдавила педаль газа и, превышая допустимую скорость, вылетела на трассу.

– Прости, сила привычки, но я прав? – Он вцепился в ручку двери.

– Нет! Я ничего подобного не говорила и даже не думала.

– Когда же тебе это надоест? – Вуд молча наблюдал, с каким трудом девушка дотягивается до руля и педалей. В ярости его Колючка была способна на многое.

– Опять загадки? – недовольно фыркнула она.

– Надоест сопротивляться очевидному!

Агент наклонился над Кэт, перегораживая ей обзор, потянул за широкую полосу ремня безопасности, защёлкнул его в замке и категорично заявил:

– Припаркуйся немедленно, настрой под себя кресло и

зеркала, – и, уже сменив тон, добавил: – Я тебя люблю, ты ко мне не равнодушна, в Вашингтоне нас ожидает дочь. Мы могли бы всё уладить прямо сегодня!

– Мэттью, прекрати! Я не маленькая девочка!

Паркер буквально рычала от раздражения, но при первой возможности остановила автомобиль, пододвинула сиденье и, настроив зеркала, продолжила разговор:

– И каким образом?

– Самым простым: летишь сегодня со мной, и мы начинаем новую жизнь! – Он рассмеялся, добавив то, о чём думал все пятнадцать минут гонки: – Ты только что рисковала нашими жизнями! – Вуд по-хозяйски поправил перекрученную ленту ремня. – Дорогая, я поражаюсь, насколько мы подходим друг другу. Я тебе просто необходим, а уж ты мне – тем более!

– Как-то до этого я прекрасно без тебя обходилась! – Брюнетка снова вырулила на проезжую часть, но теперь всё сделала по правилам. – Это рядом с тобой я становлюсь неуправляемой.

Мэтт наблюдал за плавными движениями несколько успокоившейся женщины.

– Сам очень удивляюсь этому факту! – Он довольно ухмыльнулся. – Это страсть, милая моя. Уверен, рядом с Бейном ты подобного не испытываешь.

Кет слушала указания навигатора, выбирая дорогу без пробок.

– Через полчаса кое-кому, страстному без меры, обрабатывают руку, и что будем делать дальше?

– Ты не хочешь пригласить меня к себе домой?

Мэтт второй день пытался попасть в квартиру Колючки, надеясь, что в родных стенах та станет стоворчивее.

– Зачем это? – продолжала она отнекиваться.

– Ничего лишнего. Очень хотел бы посмотреть, как вы с дочерью живёте, и, может быть, выпить чаю с лимоном.

– И всё? – Кэтлин недоверчиво покосилась в его сторону.

– Я же сказал «ничего лишнего». Можешь не беспокоиться! – улыбнулся агент. – Разве что ты сама чего-то захочешь. Имей в виду, я ни в чём не смогу тебе отказать!

« Вот этого я и боюсь! » – Подумала она про себя.

Вуд улыбался. Ему снилось прощание в аэропорту.

Несколько часов оставшегося до отлёта времени они провели в бесконечных спорах.

Кэт ужасно нервничала и вела себя как девица с крайне тяжёлой хронической формой ПМС. Видит Бог, каких трудов и стараний Мэттью стоило сохранять спокойствие и оставаться внимательным, нежным и сверхмеры заботливым...

Разве он виноват в том, что знакомый Паркер договорился о встрече с женщиной-врачом, которая оказалась способной мгновенно оценить сексуальную привлекательность Мэтта, всего-то разок одарившего её фирменной улыбкой?

Агент хохотнул во сне, чем немало удивил соседку-ста-

рушку.

Наблюдать за ревностью «безразличной» к нему брюнетки было даже забавно. Это очень тешило его уменьшившееся за последнюю неделю до размеров куриного яйца мужское эго.

Вуду несколько раз хотелось то придушить Кэтлин, чтобы хоть ненадолго очутиться в полной тишине без ворчания и беспричинной ревности, то повалить на ровную поверхность и овладеть – жёстко и без всяких предварительных ласк. Показать кто, в конце концов, в их доме будет «сверху». В том, что такой дом будет, он не сомневался...

Паркер нервничала весь день, обдумывая варианты решения. Она не могла не понимать, что единственно правильным будет оставить Лилибет в Вашингтоне, по крайней мере, до следующих каникул. И это решение стоило ей многих нервов.

Кэт пошла по самому простому пути: сбрасывала негативные эмоции на Мэттью. И он терпеливо сносил все нападки, даже не пытаясь возражать, а тем более спорить.

– Знаешь, какие я сделала выводы?

Агент хмыкнул и вопросительно приподнял бровь.

– Ты готов залезть под юбку любой смазливой дамочки. Ну, и как тебе доверять? Да меня начинает морозить от мысли, что мы будем делить одну постель! – Она смерила презрительным взглядом ухмыляющегося Вуда. – Уж если выходить замуж, то за человека совершенно иного склада. Бейн не обращает внимания ни на кого, когда я рядом...

Мэтт покачал головой. Это было бы больно, если было бы правдой. Паркер говорила и говорила, а он, давая ей возможность высказаться, уже не различал слов, уставившись на полные губы со следами почти съеденного блеска.

«Интересно, если не отвечать и не перебивать, сколько часов подряд может сама с собой разговаривать ревнивая женщина на грани нервного срыва?»

Но сорвался Мэттью сам. По дороге в аэропорт, после очередного упрёка Кэтлин в использовании её слабостей в качестве рычага, заставляющего принять решение в его пользу. Добило заявление, что она совершенно не чувствует его и не видит в качестве мужа.

Агент потребовал свернуть к заправке, мотивируя возникшим желанием посетить туалет.

Он дождался, когда ворчунья припаркуется сбоку от небольшого серого здания. Вуд одной рукой вытащил ключ из замка зажигания, второй нажал на рычаг, откидывающий кресло водителя, предварительно заблокировав двери. Он навалился всем телом на «принуждаемый» к нежелательным отношениям «предмет», проделав всё очень быстро, не дав ей времени даже пикнуть, и накрыл пухлые губы ртом.

Мэтт обхватил тонкие запястья и поднял над головой ёрзающей под ним Кэт, раздвинул коленом длинные ноги и, устроившись между бёдер, запустил руку под юбку. Он прошёлся ладонью вверх по ноге, поглаживая сквозь чулки, и остановился на тёплой голой коже поверх ажурных резинок.

Неторопливо просунул ладонь под попу, ощупал нежную шёлковистость бедра и простонал в рот, почувствовав, как восставшая плоть упёрлась в пространство между ног.

Язык Мэттью властно проник в рот брюнетки, поглаживая нёбо и язык, приглашая вступить в пляску страсти. Кэтлин, преодолевая яростное сопротивление, вытолкала наглого гостя изо рта и, изловчившись, укусила за нижнюю губу. Вуд простонал скорее от неожиданности, чем от боли.

Он приподнял голову, заглядывая в глаза кусачки.

– Я уже говорил, насколько ты страстная?

Она кивнула в ответ, совершенно не понимая, зачем делает это. Мэттью расплылся в довольной улыбке. Он ожидал скорее плевка, чем безмолвного согласия.

– А насколько ты обворожительна в своём сопротивлении?

Кэт растерянно смотрела на капли крови, покрывшие место укуса. Агент притронулся к ранке кончиком языка и хищно улыбнулся:

– Дорогая, попробуй её. Это прямо как обряд вечной любви, я готов скрепить его собственной кровью.

Он снова накрыл её рот. Но на этот раз сделал это с нежностью, осторожно посасывая пухлые губы, прося разрешения открыться. И она разрешила...

Теперь уже тела обоих извивались, желая как можно плотнее приникнуть друг к другу.

Брюнетка отвечала на поцелуи с жаром, страстно. Она за-

дыхалась от нехватки воздуха, жадно втягивая его в перерывах и снова отдаваясь во власть ненасытных жестких губ, ощущая распалённым телом каждое прикосновение настойчивых рук.

Мэтт почувствовал, что через мгновение не сможет себя контролировать. Кровь бешено пульсировала по венам, омывая возбуждённые органы, заставляя сердце биться в невыносимом ритме. Тянувшая боль желания была настолько сильной, что если бы сейчас ему предложили назвать её цвет, используя радугу, ответ был бы однозначным – фиолетовый! Наверное, именно такого колера и был сейчас его детородный орган. В висках шумело, во рту пересохло, руки дрожали от напряжения.

Мысль о том, чтобы овладеть Кэтлин в любом месте, была привлекательной, но делать этого с ней не стоило – не здесь и не сейчас. Мэттью хмыкнул, подумав, что говорит это себе не в первый раз. Он приподнялся, ругая себя по-чёрному за очередной срыв. Упёрся коленями в мягкое сиденье, чтобы как можно меньше давить на худенькую брюнетку, и отпустил её руки.

Звонкая пощёчина тут же оглушила агента. Левое ухо горело огнём, и услышать гневную отповедь Паркер он смог лишь правым.

– Какая же ты всё-таки сволочь! Бейн никогда бы так не поступил! – Она тяжело дышала, с шумом втягивая воздух, пытаясь выровнять сердцебиение.

«Грязный» поступок Мэтта в очередной раз доказал, насколько властным и чувственным он может быть, и насколько нравится Кэт ощущать его прикосновения. Ну почему предательская плоть совершенно отказывается слушать разум? Такой силы страсть совершенно не вписывалась в её планы на будущее, впрочем, как и сам Вуд.

«Господи, ну почему всё так сложно? Может, прекратить противиться желаниям и сказать „да“? – Какая-то часть Кэтлин возликовала, услышав эти слова, но другая, пока доминирующая, тут же надавила на совесть и чувство долга: – А как быть с Бейном? Прекрати врать... Вот так просто сдать-ся и показать, что он имеет надо мной полную власть? Да ни за что!»

Следующий удар пришёлся в челюсть. Косточки сложенных в кулак пальцев врезались в твёрдый подбородок. Брюнетка вскрикнула от боли и затрясла кистью руки, пытаясь охладить ноющие костяшки. Аген потряс головой и подвигал челюстью.

– Ничего себе! Молодец, можешь собой гордиться, хороший удар.

Колючка пыталась высвободить ногу, но Мэттью совершенно точно знал, куда и чем она ударит в третий раз. Он придавил колени брыкающейся Кэт и, удерживая её на месте, сполз на своё сидение. Сравнения с Бейном начинали его бесить.

– Не нужно делать из меня инвалида, дорогая. – Вуд за-

стонал, задев локтем пах, и через силу улыбнулся: – Поверь, мне сейчас и так очень больно. После столь долгого воздержания ещё и оказаться жестоко избитым.

Он нажал на кнопку – кресло брюнетки вернулось в прежнее положение.

– Возвращаясь к Каламе... Вот поэтому ты сейчас здесь со мной, а не с ним. – Агент взглянул на задранную юбку. – И вовсе я тебе не противен, и ты очень даже хорошо меня чувствуешь!

– Сволочь! – Кэтлин натянула изрядно помятую ткань на коленки.

– Ты повторяешься. – Усмехнулся Мэтт

– Я могу сказать это тысячу раз, но что толку?

– Совершенно никакого. – Он потёр порозовевшее от удара место. – Я тебя люблю, ты меня тоже или скоро полюбишь, и мы всё равно поженимся и будем счастливы.

Мэттью потянулся к растрепавшимся волосам новоиспечённой боксёрши, намереваясь заправить прядь за ухо, но она откинула его руку:

– Не прикасайся ко мне сейчас.

– Хорошо, подожду, пока остынешь.

– Не щупай больше меня!

– А вот это ты зря, мне очень нравится тебя трогать. – Вуд вставил и повернул ключ зажигания. – Терпи, дорогая.

Он подмигнул белобрысому юноше-продавцу, с любопытством выглядывавшему из стеклянных дверей магазинчика,

и абсолютно деловым тоном добавил:

– Сама поведёшь? Или нам поменяться местами?

Кэт вывернула руль и плавно выехала на автостраду, продолжая ворчать:

– Не дождусь, когда от тебя избавлюсь!

– Станцуеть ламбаду, когда самолёт взлетит в воздух? – усмехнулся Вуд, приподняв бровь.

– Хуже! Заплачу от счастья! – выплюнула она, злясь, что часть этих слов была правдой.

Мэтт рассмеялся:

– Надеюсь, когда-нибудь ты станешь так поступать при нашей встрече.

– Скажи, что мешает мне после твоего совершенно хамского поступка запретить Лилибет оставаться в Вашингтоне?

Он ответил, не моргнув глазом, понимая, что Паркер уже приняла решение:

– Твоя любовь к дочери.

– Молодой человек. Сэр... Мужчина... – кто-то настойчиво тряс за плечо и бубнил в ухо.

Мэттью неохотно открыл глаза. «На самом интересном месте...»

Морщинистое лицо с доброй обезоруживающей улыбкой. Карие глаза подслеповато сощурены, совершенно седые волосы красиво уложены в незамысловатую причёску. Очень

приятная пожилая леди располагала к себе.

«Наверное, так будет выглядеть Кэтлин в восемьдесят». В сердце кольнуло, и приятное тепло разлилось в груди. Он будет рад встретиться с любимой брюнеткой почтенный возраст.

– Скоро посадка, пристегнитесь. – Старушка снова улыбнулась, и Вуд не смог не ответить на улыбку.

– Вам снился сон, наполненный радостью. Вы, должно быть обласканный жизнью человек.

– Это так очевидно?

– Я за столько лет научилась распознавать счастливых людей. Вы весь светитесь. Она вам очень подходит!

– Кто?

– Та молодая леди, что провожала вас в Финиксе. Я обратила внимание на вас ещё в зале аэропорта. Вы очень красивая пара. Эта девушка принесёт вам любовь и удачу.

– Думаете?

– Просто уверена в этом. Вы созданы друг для друга.

– Жаль, что она вас не слышит, – вздохнул Мэтт дотронувшись до подбородка, в который совсем недавно его «удача» впечатала кулак.

– Всё образуется. Я желаю вам счастья!

Солнечный луч, пробившийся в иллюминатор, на секунду осветил доброе лицо. Мэттью показалось, что женщина на миг помолодела: морщинки разгладились, бело-розовая прозрачная кожа светилась, словно тонкий фарфор. Он даже успел рассмотреть трогательные веснушки по обе сторо-

ны от вздёрнутого носика. Седые волосы блеснули серебром. Дивная добрая волшебница из детской сказки.

Агент широко улыбнулся:

– А я вам верю! Феи всегда говорят правду.

– Простите, что? – Старушка подумала, что ей почудилось слово «фея».

– Спасибо, и вам радости.

– Я лечу в Вашингтон к внукам в гости, и я очень счастлива! – Пожилая женщина рассмеялась тонким чистым контральто.

Мэтт усмехнулся своим мыслям, но от них сделалось только светлее. «И всё-таки она волшебница!»

Он достал из кармана пиджака айфон и, набрав «Я тебя люблю», отправил сообщение. Вуд несколько минут сидел, уставившись на чёрный экран, представляя лицо Кэтлин, читающей короткое сообщение, размышляя, захочет ли она послать несколько слов в ответ.

Ответа не последовало. Агент разочарованно вздохнул, убирая чёрный прямоугольник в титановом корпусе в карман. Очевидно, слова феи ещё не достигли ушей адресата.

Он застегнул две из трёх пуговиц серого пиджака, пригладил волосы и защёлкнул ремень безопасности. Маленький мечтательный мальчик Мэттью отправился в архив памяти. Агент Вуд был готов к встрече с очевидностью. В аэропорту «Даллес» его должны встречать любимая сестра и единственная дочь. Он не добавил привычного «пока»: молчание

Кэт его расстроило.

Мэтт попросил риэлтора позволить осмотреть дом самостоятельно. И сейчас тот сидел в тесном «Форде» напротив двухэтажного белого коттеджа. В ожидании вердикта мужчины с дочерью, невероятно похожих друг на друга не только внешне, но и повадками. Он успел убедиться в этом за день.

Агент по недвижимости порылся в объёмном кармане чёрного пальто, достал шоколадный батончик и вгрызся в него зубами. День был долгим и утомительным. Он мечтал поскорее оказаться в уютной спальне просторного коттеджа перед экраном огромной плазмы, рядом с тёплым боком любимой болонки. «Надеюсь, Маргарет не забыла её выгулять...»

– Папа, мне здесь не нравится. – Лилибет смотрела из окна просторной комнаты на заснеженный сад. – Как-то мрачновато.

Мэттью рассмеялся недовольной мине, скорченной девочкой:

– Может быть, потому, что уже темно, и ты устала? Всё-таки просмотреть три дома за один день – это слишком.

– Хорошо, что они в одном районе. – Лилит взяла отца за руку и потащила к выходу. Шаги громким эхом отдавались в высоких потолках.

– Я есть хочу, давай отложим всё до завтра!

– Завтра мы идём смотреть школу.

– Хорошо, на следующие выходные. К чему такая спешка?

Мне нравится твоя квартира. Там такой обалденный вид на город!

– Но она не нравится маме. – Вуд задержался в дверях. – Мы же с тобой уже обсуждали это.

Девочка нахмурилась, перебираться из квартиры в дом не хотелось. Они с Одри успели побывать в школе рядом с нынешним жилищем отца. Директор – хороший знакомый Харриса и наверняка не станет доставать родителей по малейшему поводу. А недостатка в поводах не будет...

Она тяжело вздохнула:

– Ладно, готова посмотреть ещё что-нибудь, – и сделала шаг вперёд, но Мэтт придержал её рукой.

– Подожди, давай поговорим начистоту. – Он развернул дочь к себе лицом и заглянул в глаза: – Что тебя беспокоит?

– Честно? – наморщила она нос, теребя нервными пальцами край короткого пуховика.

Мэтт улыбнулся, подбадривая:

– Только честно!

– Школа!

Бровь агента поползла вверх:

– Не понял. Причём тут дом и школа?

– Как «причём»? – опустила взгляд Лилибет, пробормотав: – Мне же нужно где-то учиться?

– Конечно, – кивнул он, – и школа всего в нескольких минутах езды отсюда.

– Ты меня не так понял. – Замялась девочка. – Для меня

имеет значение, какая школа.

Вуд усмехнулся. Кажется, он начинал догадываться, что особенно привлекало дочь в его холостяцкой квартире.

– Одри водила тебя в школу, где директором служит мистер Беденг, друг отца?

– Да!

Мэттью уже хотелось смеяться. Он вспомнил предостережения мужа Риты, задавая очередной вопрос:

– Ты не хочешь, чтобы мы с мамой стали частыми гостями директора?

– Да!

– Раньше по вызовам в школу ходил Джон?

– Откуда ты знаешь?– искренне удивилась Лилибет.

– Не забывай, где работает твой отец,– понизив голос, таинственно прошептал агент. – Для ФБР нет никаких тайн. Запомни это на будущее!

Мэтт рассмеялся, заметив, как сошлись на переносице нахмуренные брови девочки.

– Он сам рассказал. Но вот то, что я тебе сейчас скажу, пусть станет нашей маленькой тайной. – Вуд снова понизил голос до шёпота: – Ходить в школу буду я, так что можешь давать всем отпор.

Губы Лилибет расплзлись в улыбке, и «суровый» папа тут же проговорил:

– В пределах разумного, конечно. – Он чуть помолчал и добавил строгим голосом: – Потому что наказывать буду то-

же я!

Девушка открыла входную дверь, вдохнув полной грудью свежий морозный воздух, и рассмеялась:

– И каким образом? Ремнём бить станешь?

– Напрасно смеёшься! Есть наказания пострашнее. – Мэттью придержал её за рукав и, добившись внимания, ответил совершенно серьёзным голосом: – Прежде всего, карманными деньгами и запретом на свидания!

– Только Чайтону не говори, ладно? – немного сникла и уже не шутя попросила отца Лилит.

– Договорились!

Он взглянул на выползшего из машины пухлого риэлтора и громко спросил:

– Так что скажешь насчёт дома?

Девочка обернулась и, придирчиво осмотрев высокое строение, ответила:

– Давай вернёмся сюда ещё раз? – (Мэтт кивнул, соглашаясь.) – Этот мне понравился больше всего, но хочу услышать, что скажет Одри.

– Мнение моей сестры для тебя так важно?

– Конечно пап! Ну а кто, кроме неё, будет заниматься дизайном?

– Только послушай меня, не доверяй Занозе выбирать музыку для звонка. – Дочь улыбнулась, но агенту было не до смеха. – И не соглашайся, если она начнёт настаивать на сюрпризах. – Он представил, как мерзко трезвонит в новом доме

старый звонок, и вздрогнул. – Я это вполне серьёзно говорю. Потом будет невозможным выкинуть подарок!

– Я всё поняла!

Лилибет заметила, как агент по недвижимости стряхнул с пальто налипшие крошки, но в уголках пухлых губ остались следы шоколада. В животе девочки предательски заурчало.

Мэттью обнял дочь за плечи и улыбнулся:

– Ты говорила правду о желании поесть.

– Этот проклятый живот вечно меня выдаёт.

– Это тебе досталось от мамы, вы две обжорки.

Лилибет попыталась сбросить его руку, изображая из себя обиженного ребёнка, Вуд рассмеялся и чмокнул девочку в макушку.

– Зато я всегда буду знать, не забыли ли вы поесть за день. – Он немного отстранился, провёл оценивающим взглядом по дочери и добавил: – Нужно вас откормить немного, сейчас быть настолько худой – не модно!

Лилибет прекрасно помнила рассказ Бренды о вечной борьбе отца за стройную фигуру. Она хлопнула Мэтта ладонью по животу.

– Зато нам не грозят вечные пробежки по утрам.

– А что в этом плохого? – Мэттью втянул живот и задышал грудью.

Девочка отвечала сквозь смех, сознавая ещё в одной схожести с матерью:

– Я лучше лишний час посплю!

Они сели в машину и подвезли риэлтора до дома, пообещав хорошенько всё взвесив дать ответ на следующий день. Вуд развернул автомобиль и направился в сторону Джорджтауна, но, вспомнив, что ничего сегодня не готовил, предложил Лилит:

– Есть несколько вариантов ужина. «А» – я могу наскоро приготовить какую-нибудь заморозку; «В» – можем поужинать в каком-нибудь кафе и «С» – напроситься на ужин к Брендону или Бренде. – Он скосил глаза на дочь: – Решать тебе.

– Я выбираю вариант «D».

– Это какой?

Лилибет усмехнулась:

– Твоя дочь не Одри и умеет готовить сама!

Мэтт надул щёки и покачал головой, проговорив без насмешки:

– Не дочь, а находка!

– Начинай гордиться! – объяснив своё рвение: – Просто мне нужно чем-то заняться. Если, конечно, ты не против?

– Не против. – Кивнул он, добавив: – Даже если ты закинешь в духовку заморозку.

– Как нам с мамой с тобой повезло! – улыбалась девочка, довольная сговорчивостью хоть одного из родителей.

– Если бы только и она это поняла. – Агент нахмурил лоб.

Лилибет постучала ладонью по его колену.

– Пап, она это знает, просто дай ей время. Она не из тех,

кто сразу бросается на шею.

– Дал, но она не отвечала на мои звонки, а в субботу нам лететь в Финикс. – Он посмотрел на дочь: – Если, конечно, ты не передумала. Я и сам сумел бы всё уладить.

– Нет, мы полетим вместе! – ответ был категоричным.

Лилит смотрела на отца. Она пыталась понять, что с ним происходит? После возвращения из Финикса тот ходил хмурым. Отец моментально натягивал дежурную улыбку, как только ловил на себе её взгляды.

– Пап, а теперь давай ты начистоту. Что-то случилось?

– Ничего страшного. – И снова та самая улыбка.

– Вы поссорились с мамой? – продолжала допытываться дочь.

Сердце Мэтта пропустило удар, но на лице не дрогнул ни один мускул. Кэтлин всё же ответила на сообщение с признанием в любви, но почти через сутки: «Что ты надеешься получить в ответ?»

Вуд долго смотрел на экран. Это вторая пощёчина от любимой брюнетки, но теперь она была по сердцу – и это намного больше. И действительно, на что он надеялся? Да на что угодно, но не, что она опять спрячется в ракушку.

От того, что ты понимаешь, что грубость любимого человека – всего лишь защитная реакция, боль не становится меньше. Кэт защищается, но как сквозь эту защиту пробиться? И сколько на это потребуется времени?

Агент не стал отвечать. И второе послание – ещё через

сутки – выглядело как извинение: «Я приняла решение. Лилибет пока останется с тобой в Вашингтоне».

Ей было намного проще написать эти несколько слов, чем произнести вслух. Впервые Кэтлин расставалась на столь долгий срок с дочерью. Мэтт всё это понимал и принял молчаливое извинение, но попытки дозвониться оставил, решив, что сделать это она должна сама.

И вот теперь «пока» висит как Дамоклов меч. Что будет, если Кэт передумает, увидев Лилибет рядом с собой в Финиксе? А если материнская любовь возобладает над благоразумием? Что будет тогда с девочкой? О себе он думал в последнюю очередь. Но знать о сомнениях отца дочери ни к чему. Всё будет, как будет.

– Не только. Меня отстранили на месяц от оперативной работы. До окончания следствия буду заниматься бумагами.

– Чайтона тоже?

– Риджу проще – он на лечении. Хотя взыскание может схлопотать.

– Не переживай, всё наладится!

– Даже не сомневаюсь в этом! – Мэттью знал, что всё утрясётся, что его прямой вины нет, но... перед глазами до сих пор всплывали фотографии с места преступления. Бойня, мясорубка – можно назвать произошедшее как угодно, и его вина в том присутствовала. Не успел...

Глава 17.2

– Нам нужно поговорить.

– Я тоже так думаю.

– Встретимся на нашем месте?

– Хорошо. Когда? Если хочешь, я заеду за тобой.

– Не нужно, – короткая пауза, – я сегодня обедаю с родителями.

– Не хочешь меня с ними познакомить?

– Бейн, мы говорили с тобой об этом несколько раз. Нет, не могу!

– Во сколько освободишься?

– Часам к пяти буду свободна.

– Буду ждать тебя в шесть.

Гаваец нажал трубку сброса и, заглушив мотор старенького «шевроле», закурил. Всё-таки позвонила. Он думал, что тот резкий разговор в издательстве будет последним. Пусть через день, но дала знать о себе.

Бейн открыл бардачок, достал бархатную коробочку, несколько минут подержал её в руке и снова убрал на место. Он делал это, наверное, в сотый раз. Помолвочное кольцо, купленное для женщины, не желавшей обручения. Три года он ждал подходящего случая, всякий раз откладывая предложение на «потом». Сотни намёков, тысяча наводящих вопросов, но каждый раз страх услышать отказ и возможный после него разрыв отношений удерживали от последнего шага.

Калама горько усмехнулся и, притушив сигарету, тут же

закурил вторую. Ведь знал, что должно что-то случиться. Интуиция его никогда не обманывала, не изменила и в этот раз.

Будь кляты эти сбывающиеся предчувствия. Будь проклят страх, сомнения и всё прочее, что мешало настоять на встрече с родителями, с дочерью. Чего он боялся? Не своего, а её страха! И в итоге нашёлся кто-то достаточно смелый, чтобы, переступив через всё, ворваться в жизнь его женщины.

К дьяволу советчиков в виде друзей, настаивающих, что нельзя торопиться, ведь он так молод, нужно подождать, чтобы точно знать, что она та единственная...

Взрослел не только он, но и Кэтлин. Наверное, именно это толкнуло её в объятия другого мужчины. А в том, что объятия были, сомневаться не приходилось. Иначе откуда холодная сдержанность после нескольких дней разлуки и желание сбежать не только из постели, но и из квартиры? И опять его нерешительность и страх позволили ей сделать это: не настоял, не удержал.

Они слишком похожи во многом, да, пожалуй, во всём. Любят одни фильмы, читают одних авторов, одинаковое предпочтение в еде, цветах одежды, во всём... и в нерешительности тоже. Они нужны друг другу.

Бейн подталкивал её строить карьеру. Она вдохновляла его, заставляла писать, читала наброски, настаивала на встречах с издателями. Кэт была для него всем – музой, другом, любовницей, сестрой, матерью, но прежде всего – лю-

бимой женщиной. Его первая настоящая привязанность. Он обожал в ней всё: внешность, запах, душу, неуклюжесть, каждый пальчик, каждую родинку. И теперь нашёл тот, кто готов всё это отнять. Решительно, нагло всплыв из далёкого прошлого и заявив права на её будущее.

Гаваец помнил, как смеялись друзья, узнавшие, что «плейбойчик» встречается с женщиной намного старше его по возрасту. Как недоумевали, что ради встреч с ней Калама отказывался от походов в клуб и попоек в окружении доступных подружек. И их изумлённые, восхищённые взгляды, когда впервые случайно её увидели.

Кэтлин выглядела намного младше своих лет и не казалась старше крепко сложенного рослого парня. Худенькая, изящная, с огромными карими глазами и пухлым ртом. Роскошные волосы, сливочного цвета нежная кожа, лёгкий румянец и никакого загара, что так редко для жаркого Финикса.

Она источала невинность, смешанную с чувством достоинства. Очень странный контраст, всё на грани – и именно это в ней привлекало. Хотелось прикрыть собой, защитить, и в то же время он знал, что может искать у неё защиты.

Бейн не мог всего им объяснить. Друзья видели полную грудь, красивую попу, большие глаза, длинные ноги, а он – тайну и незаурядный ум. Красивая внешность, несомненно, притягивает, провоцирует, но именно внутренняя наполненность удерживает, а пустота отталкивает. Кэт не была пу-

стышкой.

Он не мог представить брюнетку в возрасте своих сверстниц, оттягивающейся под бьющую по мозгам музыку в прокуренном клубе. Ему казалось, что серьёзной, умной, начитанной она была всегда. А ещё за её спиной Калама видел то, в чём никогда, никому, ни за что не признался бы: заботливый образ матери, так рано ушедшей в иной мир.

И сейчас он точно знал, что Кэтлин – та единственная, рядом с которой хотел прожить свою жизнь. Впрочем, он знал это со дня первой встречи и совершенно не понимал, чего ждал, зачем тянул с предложением все эти годы?..

– Может быть, всё-таки позвонишь и предупредишь, что мы вылетаем? – в который раз настаивал Мэтт.

– Пап, ну и каким тогда это будет сюрпризом? – отмахивалась дочь.

Вуд не любил неожиданностей, зная по личному опыту, насколько они бывают волнительными, а порой – неприятными.

В спор вмешалась Одри:

– Если хотите сделать сюрприз... – Она закатила глаза. – Обожаю неожиданные подарки! Не звоните! Только в дверь! Представляю её глаза, – прыснула Заноза. – Я только вчера её успокаивала, что Лилибет вовремя кормим и спать укладываем. Рассказала, что выбрали дом и школу!

– Вот коттедж я хотел сделать сюрпризом! – недовольно

покачал головой Мэттью.—Лилибет ничего ей не говорила.

Он пытался ворчанием скрыть своё раздражение. Кэт звонила всем, кроме него. Харрис, Бренда, Одри, даже Брендон разговаривали с ней каждый день, дочь— чуть ли не каждый час. Но с ним Кэтлин упорно не хотела общаться, передавая через Лилибет кучу ценных указаний и пожеланий.

— Упс! — Пигалица повисла на руке мужа, с виноватым видом поглядывая на брата. — Я не знала, что ты держишь в тайне покупку семейного гнёздышка.

Брендон натянул вязаную шапочку на любопытный нос любимой.

— Конечно, если бы это делала ты, то знал бы не только Вашингтон, но и все его пригороды.

— Я ничего не держу в тайне! — Одри вернула шапку на место. — Потому что человек я открытый, не то что некоторые агенты там всякие.

Холл чмокнул жёнушку в нос.

— Потому что у тебя в одном месте ничего не удержится!

— Ладно, можете издеваться, ваше время! — Она хмыкнула, легонько похлопав ладонью по виску: — Но если бы вы знали, сколько тактически выверенных разработок вышло из этого вот мозга!

Через несколько часов отец с дочерью стояли возле красиво отделанного высотного дома. Лилит настойчиво давила на кнопку домофона, решив, что маму можно и перепугать насмерть, если, не предупредив о себе, зайти в кварти-

ру. Никто не отвечал.

– Странно в это время. . . . – Она вспомнила разговор с Ритой трёхдневной давности и стукнула себя по лбу: – Как я могла забыть! Мама сегодня обедает с бабушкой и дедушкой!

– Надеюсь, у тебя есть ключи? – скрывая раздражение поинтересовался Мэтт.

– Конечно! – Девочка порылась в карманах и потянула за лямку на плече.

Он помог дочери снять со спины рюкзак.

– Вот поэтому я и не люблю сюрпризы!

Полчаса спустя Вуд стоял у окна четырёхкомнатной квартиры, вглядываясь в огни вечернего Финикса. Раздумывая, в какой части города находится сейчас Кэт.

Он запретил Лилибет звонить матери после того, как Джон ответил, что та уехала на какую-то встречу больше часа назад, мотивируя свой запрет нежеланием нарушать заранее запланированное свидание.

Девочка ушла в свою комнату, пообещав накормить отца через пятнадцать минут, но совершенно забыла про своё заверение. Из спальни Лилибет доносился смех; наверное, уткнулась в компьютер, обзванивая по скайпу подруг.

Мэттью общаться ни с кем не хотелось. Он ждал появления брюнетки, не замечая, что долгое время стоит на одном месте, засунув руки в карманы и переступая с носков на пятки.

Паркер в сотый раз повторила монолог, приготовленный для Бейна, уговаривая себя быть решительной, отбросив в сторону любую жалость. Когда-то нужно начинать думать о себе. Так больше продолжаться не может – от этого закипает мозг, а залитые слезами подушки скоро можно выкидывать. Кэтлин забыла, когда в последний раз высыпалась. Сердце как открытая кровавая рана, в котором она с методичностью маньяка-садиста находила новые места для разрезов. Совесть, гордость, жалость, снова совесть...

Брюнетка никак не могла сказать Каламе о разрыве. Последний их разговор в её кабинете был мерзкой разборкой за внезапное появление в ресторане, не более. Он ушёл, наверное, не в силах выслушивать упрёки истерички, не желая опускаться до её уровня, сказав, что будет ждать, когда она успокоится и позвонит.

Кэт не могла говорить с Мэттом. Что сказать, чем порадовать? Тем, что так и не решила ни одну из своих проблем? Даже заботу о дочери переложила на его плечи...

Говорят, что гордость – это состояние радости за достигнутые результаты. Её гордость имела совершенно другое происхождение, и никаких достижений в последнее время не было, как и результатов. Но тем не менее именно это чувство мешало набрать номер Вуда и попросить помощи... Чем он мог помочь? Разве что выслушать? Да хотя бы и это, выплакаться на чьём-то плече у неё возможности не было. Матери нельзя рассказывать о Бейне – выслушивать ещё один упрёк,

что стремится повторить её жизнь, не учась на ошибках, не хочется. Рита не права: она – не слепой подражатель...

Рассказать всё, что случилось за последнее время Мелани, единственной близкой подруге, тоже нельзя. Слишком часто та слышала, как она ненавидит разрушившего её жизнь Мэттью. Подруга считала, Калама – человек, что сможет сделать счастливой любую женщину.

Кэтлин представляла, каким удивлением, негодованием, сожалением наполнятся круглые глаза Мелани. Поменять её идеал мужчины на «проклятого» Вуда...

На работе тоже полный завал: годовой финансовый отчёт. И не могла она сейчас никак подвести тех, с кем столько лет трудилась бок о бок...

Брюнетка ответила на приветствие Томаса Батнера, «тайного» воздыхателя – чьи плотоядные взгляды с вожделием в глазах давно не являлись для неё тайной. Она прошла к любимому столику в углу небольшого кафе. Кэт села спиной к жеманному поклоннику, не желая постоянно прятать взгляд.

Как всегда в это время уютное заведение ещё оставалось полупустым, но всего через час его забьют до отказа поэты, писатели и жаждущие признания критики.

Паркер заказала чашку кофе с пирожным. Ей вдруг захотелось быстрых углеводов... Как будто кусок бисквита с кремом мог подсластить горечь расставания.

Милый мальчик, рядом с которым было так хорошо по-

следние четыре года, и могло бы быть всё по-другому, не испугайся Кэтлин однажды своей влюблённости. Не начинай сравнивать чувства к нему с тем, что когда-то испытывала к Мэтту...

Называть себя в сотый раз «дрянью», «свиньёй неблагодарной», «тварью» и прочими ругательствами бесполезно – не помогало. Брюнетка могла бесконечное количество раз прокручивать в голове картинку с их жаркими поцелуями, страстными соитиями – ничего не шло в сравнение с желанием, охватывающим всякий раз при одном прикосновении агента.

Та пощёчина в машине была последней точкой. Она била его лицо, ненавидя себя. Подставляя вождение тела под удар совести...

Желание сопротивления – очень важная черта характера. Она не позволяет другим поработить тебя психологически. Она может помочь идти только своим путём. Но сопротивляться себе бесполезно. Идти дальше Паркер предстоит вместе с Мэттью, потому что, помимо прочего, эту фамилию скоро станет носить её дочь. Брюнетка усмехнулась мыслям. Да и чего греха таить, Кэтлин Вуд – звучит неплохо. Когда-то за это словосочетание она готова была отдать половину жизни. Сейчас эту возможность предлагают без всяких условий, так почему она «должна» отказаться?

Паркер посмотрела на часы: половина шестого. Обед закончился несколько раньше, да и её нервозность не способ-

ствовала нормальной беседе. Встретаться в таком состоянии – наводить на родителей тревогу; никто не стал возражать, что она покинет родительский дом раньше обычного.

Кэт почувствовала появление Бейна. По тишине, внезапно образовавшейся в кафе на несколько секунд, лёгкому женскому шёпоту постоялиц с воздыханиями за соседним столиком. Ох уж эти молодые и талантливые, совсем скоро у одной из них появится шанс...

Она обернулась, сама на миг задержав дыхание. Паркер привыкла к его экзотической красоте, но вот сейчас готова была присвистнуть от восторга. Калама был безупречен.

В тёмно-синем, совершенно новом костюме с идеально отутюженными стрелками брюк, светло-голубой рубашке, с двумя расстегнутыми верхними пуговицам, и в чёрных, начищенных до блеска туфлях. Высокий, стройный, широкоплечий. Длинные тёмные волосы зачесаны назад, тёмно-карие влажные глаза сверкают на смуглом лице. Чувственные губы – не рельефные, чётко очерченные, как у Мэтта, а немного припухлые – приоткрыты в белозубой улыбке, в руках огромный букет красных роз.

Брюнетка горько вздохнула: всё бесполезно, даже сейчас она сравнивает его с Вудом. Сердце сжалось и начало отбивать чечётку. «Ну почему? Зачем? Отчего?» Через несколько минут улыбка на излучающем счастье лице погаснет, потому что женщина, которую он так любит...

Ей захотелось исчезнуть, испариться, чтобы не видеть, как

опустятся сильные руки, задрожат уголки губ и счастливый блеск в глазах уступит место раздирающей душу боли. Бейн, как и она, никогда не умел прятать эмоции.

– Прости, я опоздал? – Легкий поцелуй в губы, от которого Кэтлин не смогла уклониться.

– Нет, это я слишком рано пришла. – Она промокнула губы салфеткой и отодвинула тарелку, чтобы освободить место для букета, поинтересовавшись: – Закажешь что-нибудь?

– Нет, не сейчас, сначала... – Калама полез в карман.

И Кэт внезапно поняла, к чему весь этот парадный вид, цветы, и что он сейчас достанет. Она хотела закричать: «Нет!» – но в горле сделалось совершенно сухо, и даже слюна не могла протолкнуться сквозь режущую колючей болью глотку.

Паркер схватила похолодевшими пальцами чашку и в несколько глотков выпила обжигающе горячий кофе. Но говорить «не надо» было поздно: Бейн на глазах у всех встал на колени и, открыв коробочку, положил на широкую ладонь. На синем бархате сверкал бриллиант, вставленный в золотой обод.

Шум в зале снова затих, многие начали оглядываться на угловой столик, не понимая, что делает стоящий ко всем спиной на коленях молодой человек. Многие улыбались, догадываясь, что там сейчас может происходить, но только не та, кому предназначалось кольцо.

– Бейн, прошу, встань.

– Не раньше, чем сделаю то, что давно намеревался. – Он прочистил горло, прежде чем произнести следующие несколько слов: – Кэтлин Паркер, то, что я тебя люблю, ты знаешь давно...

Брюнетка скользнула на колени рядом, делая вид, что что-то уронила, и они вдвоём пытаются это найти. Она накрыла его ладонь рукою.

– Не нужно, прошу тебя!

Гаваец смотрел с недоумением и растерянностью.

Паркер сделалось плохо, желудок прорезала резкая боль. Она вскрикнула, прижав руки к животу, и с трудом поднялась. Бейн подскочил с колен и, бросив коробку в карман, склонился над брюнеткой:

– Что с тобой? Ты совершенно бледная.

Кэт вцепилась в рукав его пиджака дрожащими пальцами. Белый лоб мгновенно покрыла испарина.

– Мне дурно, выведи на воздух.

Он помог брюнетке подняться, вывел из кафе и усадил в свою машину. Калама не стал слушать её возражения, пообещав пригнать её «вольво» к дому утром.

Они промолчали всю дорогу. Кэтлин не знала, чем объяснить своё поведение и как сказать, что между ними всё кончено? «Только не сегодня, не сейчас. Наверное, лучше обратиться с духом и сделать это завтра... И эта не отпускающая ноющая боль...»

А на него в очередной раз накатила волна страха – боязнь

услышать отказ.

Он смотрел на мелькающие окна домов; на спешащих по своим делам прохожих; на весёлые лица водителей, притормаживающих вместе с ним на запрещающий цвет светофора; на мигающий в зеркалах свет фар идущих на обгон автомобилей...

Бейн смотрел на что и на кого угодно, только не на Кэт, опасаясь, что не вынесет, если её глаза будут полны жалости и сожаления...

Они встретились взглядами и заговорили лишь после того, как «шевроле» притормозило у подъезда дома Паркер.

– Я провожу тебя до квартиры. – Он отстегнул ремень безопасности.

– Не нужно. – Она щёлкнула карабином своего, освобождаясь от малой препоны к свободе, и открыла дверь.

Калама вышел следом.

Неловкую паузу нарушили слова, прозвучавшие как возглас отчаяния:

– Прости меня!

– За что? – её удивлению и боли от осознания собственной сволочности не было предела.

– Не знаю за что, но чувствую, что должен это сказать, а значит, есть и повод.

– Глупый...

Паркер до ломоты в пальцах захотелось притронуться к красивому растерянному лицу. Но делать этого было нельзя.

Никакой надежды...

Гаваец стоял напротив окон, неловко переминаясь с ноги на ногу, сжимая в руках треклятые розы, и сердце снова наполнила щемящая боль и мысли, бомбардирующие мозг всю неделю: как он переживёт расставание? Что станет с ним? За что она его так?

– Это ты меня прости.

Кэтлин положила ладони на лацканы расстёгнутого пиджака и, прислонившись к широкой груди, услышала гулкие удары большого любящего сердца. Она с трудом сдержала слёзы, поцеловав его на прощание в гладко выбритую щёку.

Бейн сжал её в объятиях так крепко, насколько позволяли впивающиеся в ладони шипы роз, и, зарывшись носом в шелковистые волосы, вдохнул всегда пьянящий его аромат. Он почувствовал, как моментально заныло в паху. Калама склонил голову. Он откинул густые тёмные локоны брюнетки в сторону, провёл языком по тонкой нежной коже длинной шеи, и, не удержавшись, прижался горячими губами к пульсирующей венке.

Паркер ощутила его желание животом и поспешила отстраниться:

– Прости, но мне очень плохо, мечтаю добраться до постели.

– До завтра? – Мягкий голос был полон надежды, которую она не могла оправдать.

– Я позвоню. – Кэт поспешила нырнуть в распахнутую им

дверь парадной.

Мэттью наблюдал за сценой прощания, до боли сжав в кулаки побелевшие пальцы. Если бы можно было пустить их в ход...

Сердце бешено колотилось, разгоняя по венам вместе с кровью молекулы ярости.

Ревность... Она давила на мозг, требуя удовлетворения. Его любимую целуют, трогают – и она совершенно не сопротивляется. Кровь прилила к голове, отстукивая по вискам, словно на барабане древний воинственный ритм.

Спуститься вниз и раз и навсегда показать наглецу, кому теперь принадлежит эта женщина? Избить в кровь, почувствовать, как крошатся под ударами кулаков зубы соперника, как ломаются его рёбра. Животное желание разорвать, повергнуть, уничтожить врага пеленой застилало разум.

Вуд судорожно вздохнул и начал считать, понимая немыслимость низменного позыва. Он открыл рот, делая глубокие вдохи, пытаясь вернуть сердце в привычный ритм.

И лишь спустя пару минут смог анализировать пришедшие ранее в голову мысли. Кэтлин целует Бейна сама, принимает его ласки и объятия как должное. Так, может быть, именно он сам в треугольнике лишний, и этим вызвано её долгое молчание? Агент вспомнил, как каждый раз брюнетка сопротивлялась его поцелуям, а он, самонадеянный болван, принимал проявления её похоти за ответную страсть... Уж кому, как не ему, знать, что порой ты не властен над те-

лом.

Мэттью почувствовал скрежет собственных зубов. Или это его рёбра получили удар и рвётся на части его похолодевшее сердце?

Вуд удерживал себя на месте, запрещая сделать совершенно смешной детский поступок: уйти, громко хлопнув дверью. Поступить так он не имеет права. В треугольнике есть прямой угол, который всегда будет удерживать его в данной геометрической фигуре – Лилибет. Но можно сделать проще: позволить Кэт стать счастливой с другим, прекратить ломать её, навязывая свои желания. И он сделает это, как бы ни было больно. Он слишком многое отнял у неё когда-то, и вот теперь пришла пора заплатить.

Мэтт горько усмехнулся. Даже феи порой ошибаются...

Он услышал сначала тихие шаги вошедшей в комнату дочери, а затем звук упавшего на пол стекла. Девочка увидела сцену прощания, за которой пристально наблюдал отец.

– Пап, я принесла тебе чай...

Вуд не мог обернуться, не хотел, чтобы Лилибет сейчас увидела его лицо, но задал вопрос, о котором мгновенно пожалел:

– Ты предупреждала о нём?

– Да... Но мама не знает...

Глава 18.1

Кэтлин лежала с закрытыми глазами, прислушиваясь к

происходящему вокруг.

Сквозь приоткрытое на ночь окно доносились звуки шуршащих по мокрому асфальту колёс, несущихся на высокой скорости автомобилей. Значит, прошёл дождь.

Кто-то настойчиво тарабанил кулаком в дверь на нижнем этаже. Наверное, мистер Стоун в очередной раз засиделся в клубе или у одной из подружек – и теперь миссис Стоун отказывается его впустить...

Хлопанье дверей соседних квартир. Плач капризничавшего ребёнка. Быстрый стук каблучков сбегавшей вниз девушки. Мужские шаги на лестничной площадке – тяжёлые, шаркающие, совсем не такие, как у Мэттью...

Значит, наступило утро. Мир, заполненный звуками...

Она открыла глаза.

Серая комната с бесцветной мебелью. Тёмное пятно кошки, спящей на ковровом покрытии. Серые шторы. Почти полное отсутствие красок. Зияющая чернотой пасть, проглядывающая в пространстве неплотно прикрытой дверцы шкафа. Чёрное, серое – мир без ярких красок, как долгие годы её распитой по часам жизни.

Усмехнулась, потеряв виски. Что за глупости лезут в голову этим утром? У неё есть Лилибет, был Бейн... Но мысли о серости настойчиво возвращались. Наверное, так будет выглядеть апокалипсическое будущее земли. Ядерная зима... Полное отсутствие солнца.

Почему-то внезапно, до покалывания в кончиках пальцев,

захотелось прикоснуться к тёплой коже мужчины, спящего в соседней комнате. Что дало бы его присутствие рядом? Свет? Нет... Но его тепло могло бы стать ему заменой. Тело – как кусочек знойного солнца за облаками, пусть не светит, но греет...

До сих пор она обходилась без этого! Но тут же другая мысль: «Может, пришло время кардинально что-то менять?»

Каково каждый день просыпаться, чувствуя рядом чужое живое тепло? Наверное, и мир звуков изменится. Чьё-то ровное дыхание, размеренный стук сердца... И снова мысль: «Не чьего-то, а Вуда...» Интересно, как выглядит он по утрам? С закрытыми глазами, с пульсирующей на виске жилкой, с вибрацией мускулистой волосатой груди под её тёплыми ладонями. Покалывание усилилось, как и желание прикоснуться, увидеть, услышать...

Ну, хватит глупых размышлений! Кэтлин решительно поднялась с почти не замятой постели и, подойдя к окну, рывком раздвинула тяжёлые шторы. Яркий солнечный свет проник в комнату, мгновенно вернув в спальню цвета. Мир серой безликости прогнан одним быстрым движением. И опять ненужная мысль: «А если так же раскрыть своё сердце? Наполнить выверенную до мелочей пресную жизнь новыми красками?»

Паркер осторожно вышла в коридор, не желая будить спящих. Она на цыпочках прошла на кухню; согрела воду в элек-

трическом чайнике и залила кипятком пирамидку фруктового чая. Дымящаяся ароматным паром кружка в руках.

Кэт потянула носом.

Запах... Им заполнено пространство квартиры. Ароматом шампуня Мэтта, лосьона после бритья, чистой сорочки, дорогого костюма, начищенных до блеска ботинок, кашемирового пальто. Цитрус, свежесть и что-то, что сводит с ума всякий раз, стоит лишь оказаться рядом на расстоянии вытянутой руки. Так пахнет детская влюблённость? Быть может, и не была та влюблённость детской? Был только он раз и навсегда?

Всё возвращалось на круги своя.

Звук – Мэттью. Свет – Мэттью. Запах – Мэттью...

Она глотнула обжигающий нёбо напиток и погрузилась в воспоминания о вчерашнем вечере.

Так что вчера было? Кэтлин опять не смогла сказать Бейну о разрыве; только не тогда, когда тот пытался сделать ей предложение. Она не просто откажет ему со словами: «Куда торопиться? Давай подождём. Ещё не время», – нет, то, что должна сделать, намного больше. Вычеркнет несколько лет из жизни влюблённого, хорошего парня, юноши с чистым открытым сердцем, верящего в любовь раз и навсегда. Она поступает намного хуже Мэттью и, наверное, где-то даже подлее, как бы ни горько осознавать это.

Сколько раз Кэт проклинала Вуда? Она попыталась

вспомнить, при каких обстоятельствах и когда. Не часто, для счёта хватит пальцев одной руки. Подонком, разрушившим жизнь, называла не раз, а теперь собирается сказать Бейну, что уходит от него к тому самому «подонку». Конечно, попытается всё объяснить, уговорит простить и остаться друзьями. Если бы от принятия неизбежного Каламе стало хоть чуточку легче...

Она не решилась вчера ни объяснить, ни сказать, ни попросить, надеясь, что в следующий раз сделает это.

То, что ждало за дверью квартиры, повергло Кэтлин в шок. Лилибет и Мэтт с невозмутимым видом смотрели телевизор. Она очень надеялась, что эти двое не наблюдали за сценой прощания. А если смотрели? Мокрое пятно у окна гостиной наводило на мысли о слежке, но держались дочь с отцом очень непринуждённо, правда, с долей некой холодности. Хотя причин тому могло быть множество. Две недели разлуки с Лилибет, семь дней – с Мэттью; мало ли что могло произойти в Вашингтоне.

Паркер стукнула кулаком по колену. Опять ложь! Но в этот раз она пыталась лгать себе. Видели! По крайней мере, Вуд. Как смогла это понять? Да очень просто. Сухой поцелуй в щёчку, дежурная фраза с вопросом «как дела», натянутая улыбка и холод, смешанный с разочарованием, болью и ещё кучей эмоций. Всего на миг он позволил им промелькнуть во взгляде улыбающегося лица, но именно в этот момент Кэт-

лин почувствовала правду. Ни одной попытки остаться наедине, не говоря уже об обычных приставаниях. Словно совершенно другой человек улетел неделю назад из Финикса.

Она продолжала тешиться мыслью, что это последствия её собственного молчания или грубого ответа на очередное признание в любви. Но уже через пару часов поняла, что тут что-то другое. Мэтт не злился, не пытался выяснять отношения. Ничего! Ровный голос, холодность и полная пустота во взгляде зелёных глаз. Будто в одно мгновение она стала чужой, совершенно не интересной, не нужной. Женщиной, с которой его не могло ничего связывать в будущем, только прошлое и дочь – и это было обидно.

Горько усмехнулась. Столько дней играла в независимую женщину, не нуждающуюся в любви, но теперь, получив полную свободу, не желает с этим мириться. Мэтт смотрел так, словно между ними всё стало ясно, они пришли к обоюдому выгодному решению. Ничего личного, только Лилибет и забота о её воспитании, оставалось лишь вызвать адвоката и подписать договор...

Кэтлин зажмурилась и глубоко вздохнула. Она была бы согласна на подобный вариант две недели назад, десять дней, но не сейчас! Не покидало чувство дежавю, режущие душу слова агента: «Это не то, что ты думаешь!»

И что теперь делать ей? Повторить? Всё тот же смысл, но совершенно разные условия. Паркер нашла лишь отзвук

прошлой любви и записку. Мэтт видел намного больше: поцелуи, объятия, нежное прощание влюблённых, счастливую женщину с букетом в руках... Разве можно разглядеть в свете фонарей на расстоянии в несколько метров слёзы в глазах, горечь от потери, сожаление и нежелание делать больно? Она оказалась хорошей актрисой, зря всегда сомневалась в этой способности.

Оставался вопрос: что делать теперь? Чем ответить на холод? Попытаться растопить лёд и сыграть вновь влюблённую женщину? А, впрочем, не нужно играть правду... Любит ли она настолько, чтобы ради этого наступить на горло собственной гордости?

Кэт глотнула чай и отставила кружку в сторону: не захотела пить чуть тёплый напиток. Она вновь задала себе последний вопрос, но не смогла дать ответ. Не хотелось опять оказаться безнадёжно влюблённой дурочкой. Много лет назад уже была бегающей по пятам, подглядывающей за любимым парнем девочкой. Становиться такой ещё раз желания не было. И время не то, и слишком большое между ними расстояние – отделяют не только тысячи километров, но и годы. Не та сейчас она, да и он не тот. Оба полны самолюбия и достоинства. Нужно ли проходить всё во второй раз? Вот и третий вопрос. Ни на один из них дать ответ пока не готова.

Паркер вылила остатки зелёного чая в раковину, сполоснула кружку и всё так же – на цыпочках – вернулась в комнату. Что предпринять? Бежать от вопросов нет смысла, де-

лать вид, будто не знает, что им известно о свидании с Бейном, не станет!

Кэтлин приняла душ, надела уютную домашнюю одежду и отправилась на кухню готовить завтрак. Погода за окном была солидарна с её мечущейся душой. Небо вновь затянуло облаками. Усилившийся ветер порывами нервно бил по стеклу.

На запах яичницы с беконом и свежесваренного кофе на кухню приплёлся Вуд, принявший недавно душ. К ароматам приготовленной пищи добавился букет дорогого парфюма.

Кэт смотрела на мокрые спутанные волосы, словно потемневший от времени бронзовый шлем, облегающий крупную голову на крепкой шее. Всё тот же, волевой подбородок. Словно вылепленные умелым скульптором, рельефные губы. Правильной формы нос. Широкие скулы, густые симметричные брови, прижатые уши. От острого желания притронуться пальцами к его лицу и осознания невозможности сделать это прямо сейчас, засосало под ложечкой.

Паркер несколько секунд настраивалась, чтобы решиться заглянуть в зелёные глаза, и наконец сделала это. Всё тот же пыливый, изучающий взгляд, но что-то стало другим, и в этом повинна она. Сердце на миг сжалось, пропуская удар. Исчезла порой доводящая до бешенства самоуверенность Мэттью, частенько щедро приправленная завышенной самооценкой. Кэт прикрыла глаза, пытаясь выровнять серд-

цебиение. Наверное, таким же был её собственный взгляд в день после разговора с Лесси.

Меньше всего на свете она хотела сделать Мэтту настолько больно. Не тот бумеранг, о котором когда-то мечтала...

Кэтлин разомкнула веки. Всё изменилось за доли секунды. Перед ней стоял тот же мужчина, но намного холодней. Ни боли, ни потерянности, царящих во взгляде. Она готова была крикнуть: «Браво!» В отличие от неё, Мэттью всегда умело справлялся с эмоциями.

– Ты рано встала?

Вопрос-утверждение прозвучал слишком громко в тишине просторного помещения.

– Скорее, не ложились совсем, – Паркер отвела взгляд, неловко теребя пальцами край льняного полотенца.

– Что-то не так? Мы своим появлением нарушили твои планы?

Опять вопрос, но уже другим тоном. Прощупывание обстановки.

Она вскинула голову. Деланное безразличие на лице Вуда могло бы ввести в заблуждение кого угодно, но только не её. Она чувствовала, что Мэтт очень хотел получить правдивый ответ.

– Нет! Никаких планов на сегодня не было, – Кэтлин ответила слишком быстро, словно оправдываясь, сама презирая себя за это.

Мэтт внимательно изучал бледное от недосыпа лицо. От его взгляда не укрылись тёмные круги под веками. Как бы хотел он знать, о чём размышляла Кэт бессонной ночью, а главное, к каким пришла выводам?

– Наше появление стало сюрпризом?

Она усмехнулась, догадываясь о направлении мыслей Вуда. Заправила непослушную прядь волос за ухо, бросила полотенце на стол и ответила, стараясь говорить как можно спокойней.

– Не скрою, я не люблю сюрпризы.

Он задумчиво протянул:

– Я тоже.

– Тогда почему?

Теперь пришла его очередь ухмыляться. Они с полуслова понимали друг друга, словно прожившие долгие годы бок о бок супруги. Как много он отдал бы, чтобы так и было на самом деле. Вуд пожал плечами:

– Лилибет и Одри уговорили. Я хотел отправить сообщение.

– Зря ты не сделал этого.

Полная сожаления фраза. Будто Паркер сама без предупреждения вторглась в чужую жизнь.

Мэттью невесело улыбнулся. Что он должен ответить? Сказать тому, кто там наверху отвечает за жизнь на земле, спасибо или послать проклятие?

– Теперь и сам понимаю, что зря.

Они оба промолчали о том, что произошло перед дверьми подъезда, но говорили именно о событиях прошлого вечера.

– Я не буду оправдываться в том, чего не было!

– Случилось что-то, о чём я должен знать?

Вуд пытался убедить себя в собственной искренности. И это прекрасно понимала Кэтлин. Говорит то, что должен сказать любой порядочный мужчина. Но она знала, что к этому типу не относится Мэтт, и неизвестно ещё, хочет ли, чтобы он к нему относился. Может быть после когда-то, но только не сейчас. От его деланного безразличия и эдакого всепрощения становилось тошно.

– Мэттью, давай начистоту! – она выпрямила спину и вскинула голову. – Не нужно изображать непонимание во взгляде. Мне давно не пятнадцать, не веди себя со мной словно с ребёнком!

– Я делаю что-то не так? – Он снова ослабился, но тут же подавил улыбку, понимая, насколько неискренне сейчас выглядит.

Кэтлин искала глазами, чем занять себя, Полотенце опять оказалось в её руках. Бедная ткань трещала между длинными пальцами.

– Нет, по твоему мнению, это я не так поступаю!

– Я не сказал ни слова.

– Вот это и напрягает! – Натянутые как струны нервы гудели, отдавая эхом боли в виски. – Лучше бы выплеснул всё,

но ты предпочёл отмолчаться!

Мэтту не хотелось говорить сейчас, когда не принял окончательного решения. Не желал скатиться до грубости, а это может случиться. Он сделал пару шагов, прислонился к столешнице и вздрогнул. Кончик тяжёлого ножа упёрся в спину, словно подчёркивая остроту происходящей беседы.

– А что я должен сказать? Ты хочешь знать правду?

– Очень хочу! – она кивнула на дверь. – И лучше сделать это, пока мы вдвоём.

Он пожал плечами, соглашаясь, пожалуй, с последним. Не должно быть свидетелей при таком разговоре, а его, очевидно, не избежать.

– Хорошо, давай, – нарочито тяжело вздохнул. – Спрашивай, я отвечу.

– Я думала, задать вопросы хочешь ты, но если так, то... – Встрепенулась Паркер, вглядываясь в бесстрастное лицо, и проговорила совершенно не то, что он ожидал: – Отлично вас обучают.

– Ты это о чём? – в удивлении вздёрнул бровь.

– О твоей работе, – невесело усмехнулась она. – Не верится, будто то, что увидел вчера, оставило тебя равнодушным.

– И что же я видел?

Действующая на нервы игра продолжалась, но эти слова стали последним пределом терпения.

Кэтлин в сердцах швырнула белоснежное полотенце в раковину, накрыв им как простынёй не убранную в посудомойку чашку из-под омлета. Очень символичное получилось зрелище: чистота снаружи, а под ней грязь. Говорить спокойно не получалось, она повысила голос:

– Хватит врать! Ты начинаешь меня раздражать!

– Меньше всего я хотел бы доставлять тебе неудобства в твоём же доме, – Вуд отвечал по-прежнему тихо.

Кэт оперлась кулаками о край стола, сдерживая желание запустить в невозмутимое лицо чем-то тяжёлым:

– Ну, просто ангел... – выговаривала она, сверкая наполненными гневом глазами. – Сама доброта и невинность. Совершенно не тот человек, что неделю назад чуть не изнасиловал меня в машине! – выдержка разлеталась на осколки. – Ни где-нибудь, а у всех на виду, прямо перед заправкой, – она жалела, что не может громко прокричать эти слова, а лучше вlepить пощёчину.

Теперь взорвался Мэттью:

– Вот только не нужно сейчас обвинений в насилии! – Он надменно усмехнулся. – Насколько я помню, тебе подо мной было очень комфортно. И ты с большим удовольствием отвечала на поцелуи, а стоны вовсе не были криками боли! – Длинные пальцы сжались в кулаки до побелевших костяшек. – Я, конечно, понимаю, что, наверное, не настолько нежен, как Бе... – он осёкся. Гнев – не лучший помощник в переговорах, а то, что делала сейчас Кэтлин, было именно

желанием вывести его на всплеск агрессии. И это ей удалось.

Они продолжали шипеть друг на друга.

– Вот я и нашла пробел в твоём натаскивании. Ну, что же ты замолчал? – подначивала она. – Говори, продолжай!

– Мне больше нечего сказать, – Вуд разжал кулаки и несколько раз вздохнул, прогоняя сквозь лёгкие воздух. – Извини, вспылел!

– Ну уж, нет! И вовсе ты не сорвался, а начал проговаривать то, что мучает, – она усмехалась с не меньшим превосходством, чем он минутой назад. – И слава богу, а то начала ощущать себя полной лохушкой и ничтожеством, чьи поступки совершенно безразличны.

– Ты никогда не была мне безразлична! – тут же возразил он.

Их голоса становились всё более громкими, жесты, сопровождавшие речь резкими.

– Да ладно! – Кэтлин скривила губы. – Не нужно врать, как и о том, что ты не видел вчера моего прощания с Бейном!

– Этого я не говорил, – он с невозмутимым видом сложил на груди руки, пытаясь держать себя в рамках приличия. словно заранее абстрагируясь от приписываемых ему эмоций.

– А что же ты делал на протяжении вчерашнего вечера? Все эти взгляды в сторону, расспросы ни о чём, тупые шутки не в тему! И сегодня, несколько минут назад.

– Ты не спрашивала – я не отвечал, – невозмутимо при-

знался он. – Раньше мой юмор тебя забавлял, – помолчал несколько секунд, обдумывая, стоит ли продолжать этот разговор, но решил идти до конца и, вскинув голову, встретился с брюнеткой взглядом: – Зачем выяснять то, что меня не касается?

Лицо Кэт начало потихоньку краснеть. В душе всё клокотало от злости. Ему всё равно? Что может быть страшнее?

– Даже так?! А как же признания в любви и слова о желании провести со мной остаток жизни? – пыталась она пробиться сквозь щит напускного безразличия. – Ты врал?

– Нет!

Она прищурила глаза: слова Мэтта совершенно расходились с поступками. Паркер не намеревалась с этим мириться и собиралась выбить из гордеца правду.

– Тогда почему тебе стало вдруг наплевать на то, что меня кто-то обнимает, целует, дарит букеты?

Он вздохнул, прикрыв на недолго глаза и покачав головой, ответил с холодом в голосе.

– Это твоя личная жизнь!

– Да, это моя, – кипятилась она, пряча ладони за спину, – и я не выношу, когда кто-то вот так без предупреждения вторгается в неё! Терпеть не могу, когда за мной следят и навязывают своё мнение!

Вуд простонал, нелепо крутиться возле одного и того же.

Обвинения Кэтлин были очень несправедливы. Не хватало ещё ему сорваться и позволить втянуть себя в разгорающийся скандал. Можно обойтись без криков и взаимных упрёков, хотя его даже немного восхищало умение любимой женщины защищаться с помощью нападения. Только ради чего весь этот спектакль?

– Я уже сказал, что прилететь без предупреждения – была не моя идея.

– Бедненький мальчик, попавший под влияние жёстких женщин! – А вот это было ударом ниже пояса.

Мэтт грубо схватил Кэт за руку и притянул вплотную к себе, вперив пристальный, вовсе не холодный взгляд в коричневые глаза. Она попробовала вырваться, но он не позволил сделать этого.

– Я уже давно не маленький, и на меня сложно влиять, но ты сейчас говоришь о моей сестре и нашей дочери! – Прорычал он.

– И? – вздёрнула она бровь. – Это что-то меняет?

– Многое!

Вуд плотно сжал зубы. Аромат её кожи, волос вопреки происходящему моментально вызвал желание.

– Но не для меня! – почти кричала Кэт пытаясь донести собственный взгляд на произошедшее. – Ты явился без приглашения! Увидел то, что я не хотела тебе показывать, и понял всё по-другому, не так, как было на самом деле!

Глаза его полыхали огнём.

– Вот только не нужно сейчас банальных фраз про то, что это не то! Не нужно оправданий и прочего. Тебе не кажется, что мы это всё недавно проходили? И в прошлый раз ты в мои доводы отказалась поверить!

Паркер взвилась, отвечая с не менее яростным взглядом:

– Я уже говорила, что не собираюсь оправдываться! Мне не за что!

– Вот и славно! И действительно – зачем? – он сощурил веки, пытаясь скрыть боль и гнев. – Но, по крайней мере, теперь я понял, почему ты ответила «нет»!

– Я не была категоричной, а лишь просила подождать. Ты не так всё понял!

Мэттью застонал. Они опять возвращались к фразе, набившей оскомину...

– Прекрати! – рыкнул он. – Самое поганое – узнать, что вёл себя как болван! Навязывался со своей любовью человеку, которому она не нужна! У которого уже давно есть всё это!

– Я повторяю...

Вуд перебил Кэтлин, спеша высказать всё, о чём размышлял прошедшим вечером и ночью, до пробуждения дочери; незачем Лилибет слышать их разборки.

– Я повёл себя как Лесси, – он горько усмехнулся сравнению. – Нет, намного глупее. Я за секунды выстроил воздушный замок, поселив в нём то, чего нет, не будет, а возможно,

и не было!

Если бы кто-то раньше сказал Мэтту, что он способен нести эту чушь, то получил бы кулаком в челюсть. Сейчас агент ФБР говорил то, над чем прежде смеялся.

– Возомнил себя сказочным принцем на белом коне! Рванул строить замок.

Кэтлин пыталась вырвать руку, но он только крепче сжал пальцы вокруг тонкого запястья.

– Тебе нужно было сказать несколько слов, правдивых фраз, что есть любовь к другому мужчине, есть Бейн! Но ты предпочла играть в тайны! – Мэттью развернулся, прижал Кэт спиной к столу и, запустив пальцы в неуспевшие высохнуть длинные волосы, откинул её голову назад, испепеляя взглядом, обдавая дыханием. – Ты хотела увидеть мою ярость и услышать правду?

Паркер проглотила образовавшийся в горле ком. Не совсем такую реакцию она надеялась получить, только не полный презрения взгляд. С изумлением ощущая сексуальный отклик тела на подобную грубость.

– Я много лет провёл рядом с женщиной, наполнившей мою жизнь сплошным обманом... – Он покачал головой: – Больше этого не допущу, как бы ни было больно! Ты лгала с самого начала. Даже не так... – Мэтт сглотнул. – Согласен, что виноват во всём сам. Ты просто не сказала правду! Это способ отомстить? Заставить поверить в то, что между нами всё возможно, что снова полюбишь? – Он смотрел в корич-

невые глаза, пытаюсь найти там ответы на мучившие вопросы. – Для этого тебе нужно было время? Подольше промучить, посильнее влюбить?

– Ещё раз говорю, всё не так! – Отчеканила Кэт по слогам.

– А как? Не стоит лгать, прошу! Не нужно! У нас есть дочь, и нам поневоле придётся встречаться и терпеть друг друга, как бы ты ни не желала этого! Зачем всё осложнять? Что не так? – Вуд помимо воли смотрел на пухлые губы, вкус которых отлично помнил. – Думаешь, я не заметил нежности, с которой ты отвечала на его поцелуи? – рычал он, борясь с холодящей сердце ревностью, стараясь не выказать разъедающее душу чувство. – Не видел, как искрятся его глаза? Сколько в них надежды на будущее? Мне не нужно света, чтобы знать это! Вчера я ощущал всё сердцем! И могу отличить безнадёжно влюблённый взгляд от уверенного в ответных чувствах мужчины!

– Всё не так... – Бормотала она, понимая, что вряд ли Мэтт способен сейчас принять искренность слов.

– Я устал слушать одно и то же, прекрати! – Он тяжело вздохнул. – Самое смешное, что тогда, в ресторане, я решил, что гаваец – человек прошлого. Не принял его во внимание, считая, что теперь для тебя всё по-другому и он не соперник...

Вуд замолчал, обдумывая, стоит ли произносить следующее, но, заметив, что Кэтлин хочет заговорить, поспешил опередить:

– Можешь быть уверена, месть удалась! Ты ранила глубоко в сердце! – Он пожал плечами. – Кто я такой, чтобы на что-то претендовать?

Карие глаза наполнились слезами. Речь Мэтта настолько потрясла, что она не могла говорить, а только качала головой. Может быть, в его заключениях есть доля правды? Подсознательно тянула с ответом, мучила, желая получить некую компенсацию за нанесённую в юности обиду? Кэтлин непроизвольно всхлипнула, но сумела подавить в зародыше глущее желание разреветься.

Взгляд Мэттью несколько смягчился. Но жалость не устраивала обоих.

– Я очень многое понял за несколько минут, что наблюдал за вами из окна. – Почти шёпотом проговорил он.

– Не так! – её губы дрожали.

Он прикрыл пухлый рот рукой, не позволив говорить дольше.

– Я хочу всё сказать, и разговор на эту тему станет последним. Я очень перед тобой виноват! Ты обожала меня – я это знаю, – даже десять лет назад. Но, очевидно, любым чувствам есть предел – и срок твоих ко мне истёк. Ты встретила хорошего парня и заново полюбила, – он покачал головой, переместив руку, но не разжал ладонь после попытки Кэт вцепиться в неё зубами.

– И в том нет ничьей вины. Ты ни перед кем не виновата! –

выносил он приговор, отпуская любимую на свободу. – Не нужно прятать Бейна от Лилибет: она давно о нём знает. Познакомь его с Ритой. Уверен, поэт ей понравится, если только дашь ему шанс. Откройся на этот раз. Ни к чему хорошему твои прятки со мной не привели, не делай этого с ним!

Вуд отпустил Кэтлин. Она стояла, судорожно глотая воздух и широко распахнув и без того большие глаза. То, что сейчас произошло, было похоже на кошмарный сон. Кэтлин ожидала чего угодно – вспышки ревности, гнева, криков разборки, но не вот такого отказа от неё.

И снова Мэттью по-своему истолковал потрясение Паркер.

– Не нужно на меня так смотреть, сказал уже, я не враг! Спасибо за дочь, за радость сестры и родителей. Даже за глупые надежды и тот рухнувший замок. Я почувствовал, что значит не просто хотеть, а по-настоящему любить женщину. Но, увы, насильно мил не будешь! – как заведённый раз за разом повторял он неправильно сделанные выводы, не желая принимать возражений. – Был дураком, преследуя тебя. Могу сказать в оправдание: я искренне хотел сделать тебя счастливой! И даже сейчас, – он растянул рельефные губы в улыбке, нелепо выглядевшей на удручённом лице. – Надеюсь, с Бейном получишь то, чего хочешь и можешь рассчитывать на меня в любое время.

Кэт не могла говорить. Она лишь покачивала головой из

стороны в сторону, в знак несогласия с несправедливо холодным к ней Вудом. Хотелось расплакаться от обиды. Кэтлин прокашлялась, прежде чем снова вымолвить всё те же слова:
– Я не хочу...

– Доброе утро!

Бодрое приветствие прозвучало как гром среди ясного неба, заставив вздрогнуть увлечённых разборками взрослых. Мгновенно сделав наэлектризованный воздух кухни благодатным озоном.

Лилибет в серой пижаме в розовые сердечки появилась на пороге комнаты. Она позёвывала, протирая кулачками заспанные глаза.

– Как вкусно пахнет! – потягивая носом довольно хлопнула в ладошки засоня, очень похожая сейчас на тётушку Одри. – Мам, можно я сначала поем, а потом приму душ? – канючила она.

Раздавшиеся вслед за словами громкие звуки урчания подтверждали степень голода подростка. Она только теперь разглядела разгоряченные лица родителей и поняла, что, наверное, помешала их разговору.

– Я не вовремя? – с сожалением поинтересовалась Лилибет, явно не желавшая быть прогнанной. – Мне лучше уйти?

Мэтт отодвинул стул с высокой спинкой от небольшого прямоугольного стола и присел на самый краешек, любуясь личным рыжим «солнцем». Сердце наполнилось счастливым

теплом.

– Что ты, милая! Как раз вовремя, мы уже всё обговорили... – Он с улыбкой взглянул на притихшую Кэтлин: – Ты собираешься нас кормить? – И как ни в чём не бывало, предложил: – Нужна моя помощь?

Она с трудом заставила себя улыбнуться в ответ.

– Нет, всё готово. Осталось разложить по тарелкам и налить кофе, – Кэт перевела взгляд на дочь: – Лилибет, разольёшь по стаканам сок? Я убрала его, чтоб остыл.

Девочка с готовностью бросилась к объёмному холодильнику, пытаясь разрядить обстановку весёлой болтовней.

– Конечно! Я вообще собиралась встать первой и накормить вас блинами, но разве можно проснуться раньше тебя? – обернулась она к матери, затем уже у отца поинтересовалась, хотя точно знала, что тот ответит: – Пап, ты же не любишь сок по утрам? – (Мэтт согласно кивнул.) – Тебе только чёрный кофе!

– И не забудь про три ложки сахара! – Уточнил он.

– А мама меня всегда называла сладкоежкой! – Посмотрела она мать и подмигнула, указав глазами на отца, делая вид, что не замечает бледности на родном лице. – Теперь я знаю, от кого у меня любовь ко всему сладкому!

– В любых плохих привычках можешь ссылаться на меня, – добродушно рассмеялся Мэттью. – Только не забудь меня о них предупредить!

– Замётано! – Лилибет улыбнулась в ответ. – А ты не взду-

май потом отказаться от своих слов! Займись составлением списка сразу после завтрака.

– После завтрака в душ!– Вуд изобразил строгого родителя, роль которого обычно разыгрывала Кэт. – Не забыла, сколько сегодня нам предстоит дел?

– Нет! Но нам во многом поможет мама.

Девочка поставила на стол два высоких стакана, почти до краёв наполненных ярко-жёлтым соком. К запахам свежеприготовленной пищи добавились нотки спелого апельсина. Она подошла к кипящей кофеварке, прикоснулась к румяным кусочкам белого хлеба, торчащим из тостера, но, вспомнив о чём-то, повернулась к Кэтлин:

– Мам, ты сегодня свободна?

– Конечно, – постепенно приходила в себя Паркер. Бледное прежде лицо обрело обычный сливочный цвет. Щёки окрасил розоватый румянец.

– Значит, делим всё на троих? – утвердительный тон вопроса отбрасывал любое возражение.

В огромных зелёных глазах Лилибет читался немой вопрос, причину которого теперь хорошо понимала брюнетка, прикрывающая ладонью красные следы на запястье.

– А ты сомневалась? Неужели для меня может быть что-то важнее дочери? – Она заметила, как Лилибет облегчённо вздохнула. – Так было и будет всегда,– уверила единственного ребёнка Кэт, в очередной раз дав зарок любой ценой вы-

полнить обещание, – что бы ты там себе ни навывдумывала!

Девочка обвела довольным взглядом улыбающихся родителей. Если бы она знала, какого напряжения стоили каждому из них мимика, изображающая полного счастья радушие.

Глава 18.2

– Я сяду за руль! – Мэттью решительно выхватил брелок с ключом из холодной ладошки Паркер. – Выходной день, – пояснил он, – и к тому же я дольше спал!

Кэт попыталась поспорить:

– Выходные, чтобы ты знал, наступают каждую неделю, а если ты и спал дольше, то только вчера! – Она заметила, как мужчина метнул в её сторону недовольный взгляд, и просто-напросто, оценив, как тот мог истолковать подобное признание. – Жутко болел живот, уснула под утро!

Вуд снова нацепил маску безразличия и, не открыв, как обычно, перед женщинами дверь, плюхнулся на сиденье водителя и начал подстраивать под себя кресло.

– А никто и не спрашивал, в чём причина бессонницы, – пробурчал он под нос лишь спустя некоторое время:

Лилибет старалась не влезать в непрекращающиеся с утра споры и подковырки родителей. При всём их желании делать хорошую мину при плохой игре, им это плохо удавалось. Кажалось, поднеси спичку поближе – и они взорвутся. А может быть, им нужен эмоциональный взрыв? Она решила, что как только представится возможность, оставить их наедине:

пусть разбираются! И эти странные взгляды мамы в её сторону...

Вот и сейчас они спорили из-за пустяка, хотя с отцом за рулём Лилит чувствовала себя намного спокойнее.

Они направлялись в парк Энканто, где должны были встретиться с Ритой и Джоном. Небольшой выход в свет всей семьёй. Так сказать, три поколения женщин и двое мужчин сопровождения. Возможность для бабушки с дедушкой перед долгой разлукой пообщаться с любимой девочкой, при этом не лишая Кэтлин радости подольше побыть рядом с дочерью.

На перекрёстке Вест-Ван-Бурен стрит, седьмой Северной авеню и Гранд авеню их подрезал чёрный «БМВ».

Мэттью чертыхнулся, едва успев вывернуть в сторону руль. Наглухо затонированный автомобиль с рёвом пронёсся мимо, но через несколько минут затормозил, и «Вольво» Паркер едва не влетело ему в «зад».

– Чёрт, что происходит?! – резко надавил на тормоз.

Лилибет взвизгнула от испуга, побледневшая Кэт молчала, не желая добавлять свои крики к дочкиным.

Покрышки завизжали, размазывая горелый след по асфальту, и теперь уже шедшему за ними «Шевроле» пришлось тормозить, чтобы избежать столкновения.

Мэтт объехал джип, замерший на заполненной автомобилями дороге. Он попытался разглядеть водителя, но из-за за-

темнения сделать это было невозможно.

Через несколько минут автомобиль вновь обогнал их. Ко-му-то там в «БМВ», очевидно, хотелось поиграть в аварию, но Вуду не нравилась эта игра. Он перекрыл проезд прижав-шемуся к бордюру внедорожнику и, приказав женщинам ни при каких обстоятельствах не покидать машину, вышел.

Агент ФБР отправился на знакомство с лихачом-води-телем. Ему пришлось несколько раз постучать в стекло, прежде чем дверь распахнулась и на него уставился молодой длинноволосый парень лет двадцати пяти в солнцезащитных очках.

На секунду Мэтту показалось, что на месте водителя си-дит Бейн, но, взглядевшись в наглое, самодовольное лицо, по-нял, что сходство заканчивается на смуглой коже и длинных волосах – наверное, сейчас в моде ходить лохматыми. Тон-кие губы незнакомца сжаты в презрительной улыбке.

Мэттью ухмыльнулся: самовлюблённый мачо, прячущий взгляд за чёрным стеклом.

– Не слишком ли тебе темно?

– А в чём дело? – толстые губы расплылись в наглой усмешке. – Какие-то претензии?

– Может быть, снимешь очки?

– Зачем? Мне они не мешают.

Вуд протянул руку и, взявшись за пластмассовую пере-мычку, стащил защиту, скрывающую глаза водителя. На него

установился оторопевший бессмысленный взгляд коричневых глаз со зрачками размером не больше ушка иглы. Мэтт покачал головой. Доза, совсем недавно принятая наркоманом, должна была быть запредельной.

– Парень, ты не боишься садиться в таком состоянии за руль?

– Нет. А в чём проблема, чувак? – Нарушитель пытался сфокусировать взгляд на фэбээровце, и ему это удалось. – Тебя что-то не устраивает?

– Ты! Одна сплошная проблема!

Мороз пробежал вдоль позвоночника Мэттью; это счастье, что «БМВ» не врезался в их «Вольво». Жизни любимых девочек несколько минут назад могли оборваться. Мысль, что все они находились на волосок от смерти, ударила в мозг. Он прорычал:

– А устраивать нужно тебя, надолго и как можно быстрее.

Мэтт заглянул в машину и резким движением вытащил ключ из стартера.

Опешивший от наглости наркоман схватил вместо руки незнакомца воздух, громко выругался и выбрался из автомобиля. Он был намного выше и сейчас нависал над ним большой разгневанной глыбой.

– В чём дело?! Ты что борзеешь?! – Верзила толкнул Мэттью в грудь. – Пошёл на хер!

Вуд покачнулся, но остался стоять на месте. Второй раз

он вот так лицом к лицу стоит в Финиксе рядом с длинно-волосым смуглым мужчиной. Мысли упрямо возвращались к Бейну...

Желваки на лице Мэтта заходили ходуном, желание поработать кулаками и дать выход ярости, скопившейся за последние сутки, очень прельщало. Он сжал пальцы, но медленно выпрямил, отсчитывая про себя привычное число «десять».

«Смотреть в глаза, разговаривать спокойно или в тональности объекта», – вызубренная наизусть инструкция всплыла в памяти. Вуд усмехнулся, хорошо же он будет выглядеть в глазах своих девочек, если опустится до тона и слов этого субъекта. Пульсирующая на виске венка выступила синей вьющейся змейкой.

Мэттью растянул губы в улыбке и очень вежливо ответил: – Я передам ключи твоим родителям. Думаю, – он окинул взглядом дорогой кожаный салон в бежевых тонах, – вряд ли ты сам заработал на такую крутую тачку.

Наркоман ослабился, откинул края расстёгнутой кожаной куртки и поиграл обтянутыми именной футболкой накаченными в тренажёрке, но пустыми бицепсами.

– Ошибаешься, сам купил на свои кровные! – прохрюкал он.

Из салона раздался смех, и кто-то хорошо поставленным голосом громко продекларировал:

– И крови той пролито немало...

Пассажир переднего сиденья с такой же причёской, как у водителя, с растянутым в наглой ухмылке ртом, кивнул заглянувшему в салон Мэтту. Вуд не сомневался, что в словах о крови есть доля правды.

Улыбчивый небрежно развалился в кресле и выплюнул через раскрытую дверь жвачку; она мягкой массой приземлилась у ботинка агента ФБР. Мэттью втянул воздух, пытаясь сдержать гнев.

– Слышь, чувак, не нарывайся на неприятности. Ты знаешь, с кем ты говоришь?

Вуд усмехнулся. Если бы этот постановщик театральных монологов знал, какого труда ему стоило удержаться от желания создать те самые неприятности, меньшей из которых был бы разбитый в кровь нос.

– С обдолбанными в хлам наркоманами, гоняющими по городу на запредельной скорости и представляющими угрозу для общества, – в голове промелькнуло: «Может быть, они и есть те друзья, что подвозили Бейна до ресторана?»

Патлатый снова протянул руки, но на этот раз для того, чтобы вцепиться в лацканы пиджака Мэтт.

– Это ты что ли общество?!

Он сплюнул, попав мутной густой жидкостью на отчищенный до блеска ботинок Мэттью. Агент снова глубоко втянул воздух. «Необходимо установить контакт...» Он усмехнулся, хотелось контакта и очень «тесного».

Из урчащей работающим двигателем машины опять слышался гогот – теперь смеялись оба пассажира.

– Именно я! И не только член общества, но и тот, кто стоит на защите закона. – Вуд понял, что последние слова были лишними.

– Ты что, коп? – громко заржал наркоман. – Так ты моему папаше служишь, а не обществу!

Мэттью резким движением ударил рёбрами ладоней по рукам верзилы; тот выпустил пиджак и от неожиданности, сделав шаг назад, не удержался на ногах и плюхнулся назад в кресло.

Дружный рёв раздался из машины, и теперь все трое обдолбышей выбрались из салона. Мэтт окинул их оценивающим взглядом. Один из них невысокий, но очень плотного сложения крепыш, явно в хорошей форме. Второй – худой с искривлённым носом, лощёный до тошноты и внешне похожий на гомика.

Патлатый продолжал напирать на Вуда:

– Ты что, не понял?! У тебя проблемы со слухом или зрением? – он обернулся взглядом ища своих пассажиров, хотнул и с вызовом объявил:– Так мы тебе вмиг поправим и то, и другое!

Фэбээровец предпринял очередную попытку договориться:

– Предлагаю всем вам сесть в машину и дождаться приез-

да полиции. Не вынуждайте меня применять силу.

Двое друзей обходили автомобиль, чтобы оказаться ближе к водителю на случай драки.

– Это мы тебе рожу начистим! – Дружный хохот перекрыл шум шуршащих по подсохшему асфальту колёс автомобилей, не останавливаясь, проносящихся мимо.

В руке оскалившегося крепыша блеснул кастет.

– Мэттью, оставь их! Нам нужно ехать! – громкий женский крик резанул по натянутым как струна нервам Вуда.

Он оглянулся. Кэтлин нарушила приказ и вышла из «Вольво», испуганно осматриваясь по сторонам в поисках поддержки.

– Я сказал тебе: не покидай машину! – Мэтт рыкнул от злости. Что за женщина?! Она хоть когда-нибудь слушает других? – Вернись назад и изнутри заблокируй замки!

Но было поздно: лощёный в несколько прыжков оказался перед Паркер, перекрыв собой дверь.

– Ба, да у нас тут комплект – три по цене одного! Какие тёлки! Чур, мне рыженькую! – заглянул в салон и, радостно присвистнув, прогнусавил он, затем рванул на себя заднюю дверь и потянулся к Лилибет: – Детка, иди сюда!

Кэт закричала, вцепившись руками в чёрную куртку похотливого наркомана; тот, не оглядываясь, ударил локтем, попав в грудь женщины. Она охнула и кулём осела на дорогу.

Всё произошло за несколько секунд. Водитель «БМВ»

с размаху заехал отвернувшись на мгновение Мэтту кулаком в бровь. Кожа лопнула, кровь из рассеченной брови тонкой струйкой потекла в глаз. Агент не почувствовал боли – его с головой накрыла ярость.

Он зарычал, в миг позабыв обо всех инструкциях и правилах. На его глазах ударили Кэтлин и угрожали дочери. Не имело значения, что сейчас сделают с ним, за своих женщин он мог порвать любого. Мэттью двинул патлатого в челюсть с такой силой, что содрал кожу на косточках кулака. Верзила пошатнулся, с недоумением глядя в залитое кровью лицо Вуда, не понимая, что только что произошло и почему подкашиваются ноги.

Свёрнутая на бок челюсть громко хрустнула, острые зубы разрезали мякоть щеки и сомкнулись на языке. Кровь брызнула из перекошенного рта, окрашивая кулак Мэтта в красный цвет. Наркоман, пускал кровавые пузыри и мог только сипеть:

– Сука...

Второй отморозок попытался ударить Вуда кастетом в нос, но тот успел отклониться, и рука плотного наркомана попала в бок федерала. Острая боль пронзила грудь. Холодный металл упёрся в рёбра. Мужчина услышал треск собственных костей. Он, не раздумывая, ответным ударом впечатал кулак в кадык. Здоровяк захрипел, пошатнулся и, закатив глаза, рухнул рядом с машиной, ударившись при падении головой о высокое колесо. С нападавшими было покон-

чено в несколько секунд.

Вуд обернулся к «Вольво».

У распахнутой задней двери, за бордюром газона, катались два человека. Кэт успела подняться. Она стояла, согнувшись, и молотила шпилькой скинутой туфли упавшего парня.

Клубок из тел выпрямился. Взлохмаченная, раскрасневшаяся Лилибет оседлала опрокинутого на спину лощёного. Она намертво вцепилась руками в волосы обидчика и била его головой о мокрую землю.

К маме с дочкой присоединилась наблюдавшая за происходящим пожилая женщина в длинном сером плаще. Она принялась колошматить зонтом по прикрытой разорванной штаниной волосатой ноге наркомана, вопя при этом истошным голосом, выкрикивая нецензурную брань.

Мэтт усмехнулся. С третьим налётчиком его девочки справились сами. Он обернулся к длинноволосому, похожему на Бейна. Верзилу накрыл болевой шок, он защищал лицо ладонями. Перепачканные тёмные волосы намокли, спутанными прядями свисая на грудь.

Агент почувствовал запах крови. Яростное желание драться, рвать и метать не отпускало; если бы перед джипом сейчас действительно стоял гаваец... Пусть он решил отпустить Кэтлин, но если бы на прощание можно было проучить того счастливчика...

Мэттью скрипнул зубами. Он дорого отдал бы сейчас за возможность оказаться в спортзале рядом с грушей.

Резким ударом кулака снизу Вуд врезал наркоману под дых, злорадно прошипев:

– Рост не имеет в драке значения! – и уронил обмякшее тело противника назад, в открытый настежь проём машины.

Длинноволосый поскуливал от боли, мечтая о приезде полиции. Подонок смотрел вслед умеющему постоять за себя незнакомцу, не понимая, почему тот несколько раз назвал его чужим дурацким именем?

Мэтт, преодолевая сильную боль в рёбрах, подтащил второго за ноги и, приподняв, забросил лицом вниз на заднее сиденье.

– Полежите тут, пока я вам третьего дружка притащу, – сообщил он, захлопнув двери автомобиля, и направился к «Вольво», смахивая с глаза сгустки крови.

Вуд с трудом стащил дочь с поверженного противника. Глаза девочки горели, ноздри раздулись. Она сумела извернуться и, дотянувшись до наркомана ногой, пнула в живот напоследок:

– Будешь знать, как хотеть малолеток, сморчок гундосый! Он приподнял тощее тело за воротник и потащил к «БМВ». Женщины отправились следом. Они не сводили полыхающих яростью глаз с перемазанной грязью «добычи». Мэттью ухмылялся: нет ничего страшнее дам в гневе.

Наконец Кэт подняла взгляд на Вуда и ужаснувшись увиденным громко вскрикнула:

– Ты весь в крови! – и, достав дрожащей рукой платок, кинулась к нему, пытаясь дотянуться до рассеченной брови. – Нужно её остановить!

Мэтт придержал Кэтлин вытянутой рукой.

– Ничего страшного, не мешай! Закину его в машину и займусь раной.

– Папа, брось его, я подержу. Приложи платок... – В голосе Лилибет послышались слёзы: – Папа!

Он обернулся к дочери:

– Вот только рыданий ваших не хватало! – Вуд перехватил воротник куртки негодяя другой рукой, отменяя любые возражения. – Закончу – и делайте со мной, что хотите.

Он заметил, как задрожал острый подбородок девочки, сердце сжалось от нежности.

– Лилит, не вздумай! Привыкай, что живёшь рядом с федералом. Мне поддержка твоя нужна, а не слёзы... – Вуд, покачивая головой, попросил: – Лучше помогите и откройте дверь.

Он приостановился и подтянул наркомана повыше.

– Говнюк хоть идохлый на вид, но тяжёлый.

Кэтлин кинулась открывать. Она так и не надела туфлю и подпрыгивала на одной ноге, изредка касаясь голой ступнёй холодного асфальта. Капрон был порван, множество стрелок расплзлось по чулку до колена.

Паркер проследила за взглядом Мэттью и только теперь заметила, как выглядят её ноги. Краска стыда моментально залила и без того раскрасневшееся лицо. Он невольно улыбнулся: кое-что не в силах изменить ни годы, ни обстоятельства.

Рёв сирен огласил воздух. Сразу несколько патрульных машин с визгом притормозили рядом с борцами с бесчинством на дороге. Из бело-синих «Фордов» повыскакивали припоздавшие стражи порядка. Полицейские прямиком направились к Мэтту, на ходу расстёгивая кобуры. Они даже не взглянули на припаркованный в неположенном месте джип. Вуд шагнул навстречу защитникам правопорядка.

Последовал приказ:

– Ноги на ширину плеч! Руки за голову!

– Я агент ФБР, вот моё удостоверение, – попробовал объясниться Мэттью, потянувшись к внутреннему карману пиджака.

Пистолеты взметнулись в воздух.

– Руки за голову! Или мы вынуждены будем открыть огонь!

Пожилой офицер, не опуская оружия, приблизился к Мэттью.

– Сынок, не создавай себе и нам проблемы!

Вуд вернул руки на место. Полицейский потребовал повернуться спиной, надавил на затылок, вынуждая пригнуть-

ся. Он упёрся лбом в холодный металл «БМВ».

– Вот так-то лучше, – приговаривал страж порядка, – а теперь опусти руки за спину.

Агент молча выполнил приказ, понимая бесполезность сопротивления, и почувствовал, как на запястьях защёлкиваются наручники. Офицер обыскал его на предмет оружия. Мэтт усмехнулся. Табельный пистолет остался в Вашингтоне, и сейчас он этому был рад.

– Вы забыли зачитать мои права, – Вуд пытался выяснить свой статус на данный момент.

Полицейский развернул его лицом к себе.

– Вас пока никто не арестовывает, – он опустил взгляд на убранные за спину руки Мэттью, – это вынужденная мера предосторожности.

Вуд понимал, что страж порядка выполняет отданный сверху приказ, и не протестовал. Незачем накалять и без того взрывоопасную обстановку. Он видел три пары различного цвета глаз, с испугом наблюдающих за происходящим.

Наконец женщины пришли в себя и загалдели:

– Что вы делаете?! – Лилибет в грязной, с оторванными пуговицами одежде, чего не могли не заметить полицейские, шагнула к отцу, но была остановлена его взглядом с покачиванием головы.

– Он тут ни при чём! – возмущённо кричала Паркер в одежде в не менее неприглядном виде, чем у дочери.

– Отпустите его! – потребовала Лилит, оставаясь на месте.

– Он защищался, я всё видела! – Возмутилась пожилая женщина, сделав несколько шагов вперёд и настаивая, чтоб у неё взяли показания.

Но с ней никто не собирался разговаривать. Мэтта грубо толкнули в направлении одной из машин.

– В участке разберёмся! – Сразу всем пообещал офицер.

– В чём дело? – На ходу поинтересовался агент, начиная понимать, что творится что-то неладное. – Почему не задерживаете остальных? – обернулся он к полицейскому.

Тот отвёл в сторону взгляд и тихо прошептал:

– Не повезло тебе, парень...